В. П. ГРАЧЕВ

СЕРБСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В X–XIV ВВ.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

В. П. ГРАЧЕВ

СЕРБСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В X–XIV ВВ.

(КРИТИКА ТЕОРИИ «ЖУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1972

В монографии автор прослеживает основные этапы разработки теории «жупной организации» применительно к истории всех южных и западных славян и детально анализирует материал источников об экономической и административной структуре сербских областей в X—XIV вв.

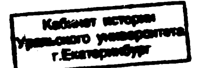
На основании изученного материала автор установил, что до сих пор господствующая в историографии схема политической организации южных и западных славян не соответствует показаниям источников, а базируется на основе философской концепции Гегеля. Объяснявшиеся с позиций этой теории образования государств у славянских народов рассматривались как результат внешних влияний. Книга рассчитана на широкий круг специалистов по истории, экономике, этнографии, истории государства и права, исторической географии, философии и лингвистике.

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР

Ю. В. БРОМЛЕЙ

1-6-3
65-72

ВВЕДЕНИЕ

В славяноведческой литературе послевоенных лет неоднократно отмечалось, что проблема политической организации у славянских народов в период средневековья до настоящего времени остается слабо изученной. В последние годы ее обсуждение было вынесено на международные форумы историков-славистов, где не раз указывалось и на тот факт, что недостаточная разработка ряда вопросов этой проблемы с позиций исторического материализма способствует сохранению некоторых ошибочных положений, высказанных исследователями XIX—начала XX в., которые пользовались не столько фактами источников, сколько общетеоретическими представлениями [1].

Советская историческая наука вскрыла и показала ошибочную сущность и несостоятельность теоретических основ немарксистской историографии, занимавшейся разработкой аналогичных вопросов истории восточных славян [2]. Однако при изучении истории южных и западных славян эта сторона вопроса выпала из поля зрения современных историков-славистов, и некоторые устаревшие положения без должного их пересмотра продолжают повторяться в работах некоторых современных историков.

[1] В частности, польский историк Ю. Бардах, указывая пути дальнейшего исследования проблемы, призывает ученых отказаться от «балласта романтических теорий» и прочно встать на позиции «научно обоснованной теории общественно-экономического развития». (*J. Bardach.* Historia praw słowiańskich. Przedmiot i metody badawcze. «Kwartalnik historyczny», LXX, 2. Warszawa, 1963).

[2] *В. В. Мавродин.* Советская историография древнерусского государства. «Вопросы истории», 1967, № 12, стр. 53—72.

К числу таких устаревших положений следует отнести и теорию «жупной организации» у южных и западных славян, которая органически связывается с проблемой генезиса и развития государственности у этих народов.

Начиная с середины XIX в. и вплоть до 40-х годов XX в. (а в отдельных случаях и до настоящего времени) в славяноведческой литературе почти безраздельно господствовала (правда, в нескольких вариантах) следующая схема политической организации славянских народов в период средневековья. После переселения южных и западных славян на занимаемые ими в настоящее время территории они первоначально жили племенами. Каждое племя, состоявшее из нескольких родов, занимало территорию, которая называлась жупой. Управителем такой единицы был племенной старейшина — жупан. Жупы были, как правило, изолированы друг от друга, а жупан, которого выбирали из наиболее знатного рода, являлся единственным представителем власти. Такая форма жупной организации, с точки зрения домарксистской историографии, представляла собой первичную форму политического быта, которая, по мнению большинства исследователей, без особых изменений сохранялась почти у всех южных и западных славян приблизительно до конца XIII—XIV в. Она была настолько устойчивой, что продолжала существовать даже после распада кровнородственных союзов, отдельные группы которых расселились по территории данной жупы и даже по территориям соседних жуп. Вследствие этого жупа приобретала территориальный характер. Но эти изменения, согласно господствовавшей точке зрения, ни в коей мере не отразились на формах административного управления жупой. Жупан по-прежнему оставался главой жупы. Созданные на такой основе так называемые примитивные государства представляли собой союз (федерацию) жуп, во главе которого мог быть великий жупан, великий князь, король и даже царь. Причем возникновение примитивных государств у разных славянских народов, как было принято считать с 70-х годов XIX в., происходило в разное время и различными путями. Эти государства, как правило, были очень непрочными. Они могли быстро распадаться и возникать на основе той же жупной организации. При этом жупаны, как управители жуп, лишь номинально подчинялись главе государства и рассматривались как государственные чи-

новники. С распадом такого государства жупаны вновь обретали прежнюю независимость. По определению большинства исследователей конца XIX—начала XX в., возникшие на такой основе политические объединения еще не представляли собой государств в полном смысле этого слова и были организованы по чужеземному образцу.

Первичная форма политического быта, согласно рассматриваемой схеме, ликвидировалась постепенно — она сменялась сверху законодательным путем. Процесс ее ликвидации у славянских народов начинался в разное время и протекал неравномерно, поскольку он зависел от интенсивности внешнеполитических влияний. Под воздействием этих влияний народные массы постепенно начинали убеждаться в превосходстве новых, более развитых государственных форм управления, а центральная власть по мере проникновения идей государственности в широкие массы народа постепенно отменяла старые формы управления, заменяла их новыми государственными учреждениями и вводила новые законы, которые проникали извне вместе с церковной организацией и церковными догматами.

Таким образом, новая государственная система развитого типа, согласно точке зрения славистов конца XIX—начала XX в., не являлась следствием поступательного развития так называемой жупной организации. Более того, она оформлялась вопреки этой организации на базе чуждых укладу славян государственных учреждений и законов, которые могли укорениться лишь после того, когда к их восприятию было подготовлено народное самосознание. Следовательно, согласно этой схеме, жупная организация как форма старого самоуправления, сохранявшаяся почти у всех южных и западных славян на протяжении VII—XIV вв., по мнению большинства исследователей, была вообще лишена всяких потенциальных возможностей органического развития в государственную систему.

Поскольку догосударственная политическая организация славян была лишена возможности развиваться в государственную систему, а сама государственность и ее важнейшие институты проникали в славянскую среду извне, то в зависимости от характера внешних влияний формировался и соответствующий тип государственного строя у разных славянских народов. Например, к западным и некоторым южным славянам (хорватам и словенцам)

государственность якобы пришла от франков или из Германской империи, к сербам — из Византии, у болгар она была внедрена протоболгарами, а к восточным славянам ее занесли норманны. Таким образом, так называемая норманнская теория образования Киевского государства у восточных славян является лишь частью этой общей теории генезиса и развития государственности у всех славян.

В 50-х годах нашего столетия советские историки-русисты опровергли эту устаревшую и реакционную теорию применительно к истории Руси. Подойдя к решению проблемы с позиций исторического материализма, они разработали принципиально новую концепцию генезиса государственности у восточных славян, формирование основных этапов которой было поставлено в зависимость от процесса социально-экономического развития общества и его разделения на классы. Предложенная советскими историками точка зрения сравнительно быстро завоевала признание среди многих зарубежных ученых. Однако в ряде случаев отдельные историки-слависты не всегда последовательно пытались применить ее для объяснения исторических процессов у южных и западных славян. Чаще всего это наблюдается в работах историков государства и права, над которыми в большей степени довлеет груз старых традиционных схем и концепций.

Весьма показательной в этом отношении является точка зрения чехословацкого историка государства и права В. Прохазки[3]. Считая, что эволюция славянского общества представляла собой более сложный и многоступенчатый процесс, автор предлагает конструкцию, внутри которой он пытается увязать между собой основные положения старой схемы с этапами развития раннефеодальной государственности, выделяемыми в концепции советских историков. Как увидим ниже, по такому пути идут не только зарубежные историки, но и отдельные советские историки

[3] *Вл. Прохазка.* Типологический очерк догосударственной политической организации славян. «VI. Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Resumé přednášek, příspěvků a sdělení». Praha, 1968, str. 409.
Vl. Prochazka. Typologický nástin předstátního politického vývoje Slovanů. «Československé přednašky pro VI. Mezinárodní sjezd slavistů». Praha, 1968, str. 469—474.

государства и права[4]. Поэтому, как нам кажется, данная проблема заслуживает более пристального внимания всех историков-славистов.

При определении понятий и институтов, которые встречаются в источниках под терминами «жупа» и «жупан», у историков-славистов до сих пор нет единого, твердо установившегося мнения. Поэтому представители различных направлений и школ пытались характеризовать вопрос о жупной организации в свете более близкой им концепции. Однако концепции старой буржуазной историографии были далеки от исторической действительности и нередко создавались на базе общих и, с точки зрения исторического материализма, неверных представлений о развитии общества и государства и путем явно ошибочной методики исследования.

Общая методологическая ошибка буржуазных историков, руководствовавшихся формально юридическими и лингвистическими методами исследования, в том, что они при решении данных вопросов, как правило, почти не учитывали тех внутренних социально-экономических изменений в структуре славянского общества, которые, бесспорно, имели место в IX—XV вв. Поэтому исследователи даже не допускали мысли, что система социально-экономических отношений и базирующаяся на них система управления могли в течение этого периода коренным образом менять свое внутреннее содержание и формы. Частичные изменения в структуре общества и административного управления признавались ими постольку, поскольку увеличение населения время от времени вызывало его перегруппировку, что приводило к разрушению родо-племенной организации. Проникавшие извне государственные начала и институты постепенно начали вытеснять исконно славянские органы самоуправления якобы только в XIII—XIV вв.

Исходя из этого, большинство исследователей считало, что до тех пор, пока в источниках упоминаются термины «жупа» и «жупан», они в условиях одного государства должны выражать собой не только постоянные понятия и институты, но и сохранять между собой взаимосвязь.

[4] «История государства и права», т. 1. М., 1949, стр. 511; «История феодального государства и права». М., 1959, стр. 207; «История государства и права зарубежных стран», т. 1. М., 1963, стр. 542.

Другими словами, сфера власти жупана не могла выходить за пределы одной жупы, независимо от изменения характера жупанской власти. Эта внешняя этимологическая взаимосвязь терминов оказалась настолько самодовлеющей и само собой разумеющейся, что исследователи до последнего времени почти не пытались поставить ее под сомнение и стремились доказать ее наличие у разных славянских народов в самые различные периоды. Стабильности таких представлений способствовало то, что взаимосвязь в определенных условиях и в отдельные периоды действительно существовала (например, в Хорватии), хотя она и появилась в результате более поздних исторических преобразований. Поэтому перенесение этой предполагаемой взаимосвязи жуп с институтом жупанов в ее первоначальном значении в условия более позднего времени (XIII—XIV вв.) вносило серьезную путаницу и в разработку других проблем. Между тем, если суммировать все сохранившиеся свидетельства о жупах и жупанах у южных и западных славян, то окажется, что они не только не подтверждают схемы их политической организации, разработанной старой домарксистской историографией, но и явно противоречат ей.

Первое свидетельство о жупанах встречается в VIII в. Из грамоты от 777 г. баварского герцога Тоссилы видно, что жупан Фиссо (Joppan Physso) управлял небольшой группой славянского населения, которая жила вблизи монастыря, построенного на территории средневековой Словении [5]. Последующие свидетельства, IX—X вв., встречаются в нескольких источниках: в «Законе судном людем» (гл. 3 и 22) [6], в болгарских надписях IX—X вв.[7],

[5] «Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku», t. I. Ljubljana, 1902, str. 256; *Vl. Prochazka.* Župa a župan. «Slavia Antiqua», t. XV. Warszawa—Poznań, 1968, стр. 18.

[6] «Закон судный людем (краткая редакция)». Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961, стр. 36, 38.

[7] *В. Бешевлиев.* Първобългарски надписи. «Гласник на Софийския Университет», ист.-фил. ф-т, XXXI. София, 1934, стр. 41; *Ив. Венедиков.* Новооткритият в Преслав първо български надпис. «Известия на Българския Археологически институт», т. XV, стр. 147—159. София, 1946; *Iv. Vénédikov.* Trois inscriptions protobulgares. «Разкопки и проучвания», IV. София, 1950; *V. Besevliev.* Die protobulgariscenh Inschriften. Berlin, 1963, S. 287, 291; *Т. Тотев.* Сребърна чаша с надпис от Преслав. «Известия на Българския Археологически институт», т. XXVII, 1964, стр. 515; *V. Besevliev.* Protobulgarische Inschrift auf einer Silberschale. «Byzantion», t. XXXV. Bruxelles, 1965.

в сочинениях К. Багрянородного [8] и у арабских историков.

Эти ранние свидетельства настолько общи и неопределенны, что на их основе почти невозможно составить достаточно ясное представление о состоянии института жупанов в данный период. Сравнительно лучше отражен этот институт в хорватских грамотах IX—XI вв.[9] И тем не менее среди историков до сих пор существуют серьезные разногласия. Начиная с XII в. число свидетельств о жупанах возрастает. Продолжая удерживаться в источниках по истории южных славян (в произведениях византийских историков, в Дуклянской летописи, в грамотах и т. д.), этот термин в XII в. впервые появился в хрониках и грамотах на латинском языке по истории чехов, лужицких сербов и прибалтийских славян. Уже к этому времени термин «жупан» приобрел довольно широкое значение. Например, в документах, относящихся к истории Чехии, данный термин употреблялся в нескольких значениях: им обозначали какую-то группу государственных чиновников, которые отличались от графов, бургграфов и коштелянов, а также определенную категорию землевладельцев-бенефициариев. Как одни, так и другие в данный период не имели ничего общего с управлением жупами [10]. Из грамоты 1281 г., выданной монастырю св. Петра в Лаутербурге, известно, что в районе Халле лужицкие сербы жупанами называли сельских старост. Но в то же время из других грамот видно, что в районах Сале и Халштров жупан стоял во главе 10—15 сел [11]. В ином значении употреблялся термин «suppanii» у балтийских (полабских) славян. Им называли каких-то чиновников, которые вместе с баронами принимали участие в обсуждении различных вопросов на совете у князя. Это единственное упоминание о жупанах у балтийских славян зафиксировано поморской

[8] *C. Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Ed. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 124.

[9] *F. Rački.* Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia. «Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium», t. VII. Zagrabiae, 1877.

[10] *А. Н. Ясинский.* Падение земского строя в Чешском государстве (X—XIII вв.). Юрьев, 1912, стр. 94, 96, 173; *Vl. Prochazka.* Указ. соч., стр. 27, 28, 33.

[11] «Seniores villarum quos lingua sua supanos vocant. . .» «Codex diplomaticus Saxoniae», 1/2. Ed. O. Posse. Leipzig, 1889, S. 309, 445. Подробнее см.: *Vl. Prochazka.* Указ. соч., стр. 41.

грамотой 1189 г.[12] По документам XIII—XIV вв. термин «жупан» прослеживается почти у всех южных и западных славян (сербы, хорваты, словенцы, чехи, лужицкие сербы) и впервые появляется в документах по истории Боснии, Македонии, польских земель. Однако понятия, обозначавшиеся этим термином в XIII—XIV вв., продолжали дифференцироваться в хорватском и сербском государствах [13], а также у словенцев. Если в VIII в. словенцы термином «жупан» называли какого-то чиновника, то в конце XIII—XIV в. он обозначал определенную категорию крестьян [14].

На территории польских земель (Краковская и Мазовецкая) термином «żupci» в XIII—XV вв. называли членов узкого трибунала в местном суде [15].

Исчезновение термина «жупан» из источников относится к разным периодам. Например, из источников, касающихся истории Болгарии, он исчез еще где-то в XI в., а у прибалтийских славян — с конца XII в. Однако наиболее быстро и повсеместно он исчезал в конце XIV—XV в. В конце XV в. термина не стало в сербских и польских источниках, а к XVII в. — в источниках по истории чехов и лужицких сербов. Но в то же время в конце XIV—начале XV в. термин «жупан» появился в валашских источниках [16]. В данной связи заслуживает внимания и тот факт, что в новгородских писцовых книгах начиная с XV в. упоминается село Жупаново [17].

[12] «In generalii conventum et concillo, consensu omnium fere baronum et supanorum suorum universali decreto. . .» (*А. Гильфердинг.* История балтийских славян. Собр. соч., т. 4. СПб., 1874, стр. 120).

[13] Эта сторона вопроса будет рассмотрена ниже.

[14] *L. Hauptmann.* Staroslovenska družba in obred na knežjem kamenu. «Dela Slovenske Akademie Znanosti i Umetnosti» kn. 10. Ljubljana, 1954, стр. 8, 73—74; *М. Кос.* Историја Словенаца. Београд, 1960, стр. 219—220. При этом следует иметь в виду, что по поводу эволюции термина «жупан» в условиях Словении XIII—XIV вв. в литературе до сих пор еще нет единого мнения.

[15] *H. Tymieniecki.* Społeczeństwo słowian lechickich. Lwów, 1928, str. 216—218.

[16] В грамоте валашского господаря Мирчи от 1389—1400 гг. жупану Вылку среди бояр-свидетелей, членов совета, упоминаются жупаны Владислав, Мудричка, Яков и др. («Documente privind istoria Romaniei, veacul XIII, XIV şi XV». B. Ţara Romînească. Bucureşti, 1953, p. 44, 48.

[17] *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 66.

Значительно дольше термин удерживался в источниках по истории хорватов и словенцев. Еще в XX в. словенцы им называли городского голову. Параллельно с термином «жупан» у словенцев и хорватов существовал термин «жупник», что означало «священник».

Сложнее обстоит дело с историей эволюции термина «жупа».

Во-первых, термин «жупа» в источниках появился относительно позднее, чем термин «жупания», которым в хорватской историографии принято называть хронологически более позднюю единицу административно-территориального деления. Во-вторых, термины «жупа» и «жупания» в источниках очень часто выступают как синонимы, обозначающие одно и то же понятие. В-третьих, термин отсутствует в источниках по истории Болгарии и прибалтийских славян. Но поскольку в них упоминаются жупаны, то некоторые исследователи предполагают о существовавшем жупном делении у этих народов, хотя оно и не оставило никакого следа ни в более поздних источниках, ни в народной традиции, ни в топонимике.

Впервые термин «жупания» (ζουπανια) зафиксирован в гл. 30 «De administrando imperio» [18]. В хорватских грамотах X—XI вв., которые дошли до нас в более поздней переработке, термины «жупа» (jupa) и «жупания» (juppania) употребляются как равнозначные для обозначения одних и тех же единиц.

В сербских грамотах термин «жупа» впервые был употреблен в 1220 г. в грамоте Ст. Первовенчанного [19]. У словенцев в конце XIII в. появилась новая разновидность данного термина — «жупница», обозначавшая земельный надел крестьянина [20]. С XIII в. термин «жупа» прослеживается и в источниках, относящихся к истории западных славян: у лужицких сербов в XIII—XIV вв. термином «жупа» (supa) назывались податной и судебный

[18] По мнению ряда исследователей, эта глава написана не К. Багрянородным, а каким-то другим автором и в данное произведение была включена позднее. Но свидетельства этой главы принято считать вполне достоверными. Подробнее см. «Византијски извори», т. II. Београд, 1959, стр. 26—27.

[19] Свидетельства Дуклянской летописи в данном случае не учитываются, потому что указанный источник сохранился в поздних редакциях конца XIV в. и XVII в. Подробнее см. обзор источников.

[20] *L. Hauptmann.* Указ. соч., стр. 7—74; *М. Кос.* Историја Словенаца. Београд, 1960, стр. 219, 220.

округа [21], а в Чехии и Моравии с XIV по XVII в. им обозначалась единица административно-территориального деления, церковный округ и один из видов феодального землевладения [22]. В источниках, относящихся к истории польских земель XIII—XIV вв., термином «suppa» или «zupa», по наблюдениям К. Тыменецкого, называли соляные копи [23]. Исчезновение термина «жупа» из источников не всегда совпадает с исчезновением термина «жупан». Как правило, термин «жупа» более устойчив и удерживается в источниках сравнительно дольше. Термин «жупа» иногда преобразовывался в топоним. Например, район Жерновница (около Дубровника), обозначенный в источниках XVII в. термином «жупа», позднее стал называться Жупа. Для обозначения административной единицы термин «жупания» дольше всего (еще в XIX в.) использовали у хорватов. Наряду с этим, хорваты и словенцы в XIX в. называли этим термином церковный приход [24].

Из данного обзора видно, что до VIII в. источники не сохранили вообще никаких свидетельств о жупах и жупанах, а отрывочные и в высшей степени неопределенные свидетельства источников IX—XI вв. касаются только истории южных славян. Однако даже из этих отрывочных сведений можно понять, что интересующие нас термины уже к данному периоду утратили свой первоначальный смысл и значение. К моменту появления их в источниках истории западных славян (XII в.) значения терминов уже не совпадали со значениями тех же терминов у южных славян и обозначали довольно широкий и разнообразный круг понятий. Однако из источников достаточно ясно видна определенная близость и родство понятий и категорий, обозначаемых терминами, поскольку последние относились к одной и той же сфере — сфере административного управления. Таким образом, отсутствие данных о возникновении и первоначальных формах институтов, крайне слабое отражение процесса их дальнейшей эволюции и,

[21] *Н. Ястребов.* Жупа. «Новый энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон», т. 18, 1913, СПб., стр. 480; *Vl. Prochazka.* Župa a župan, str. 18.

[22] *А. И. Ясинский.* Župa a župan, str. 480.

[23] *K. Tymieniecki.* Przemiany społeczne w związku z powstaniem państwa polskiego. «Początki państwa polskiego», t. II. Poznań, 1962, стр. 48—50.

[24] *Vl. Prochazka.* Župa a župan, str. 26.

наконец, многозначность понятий и в то же время существование определенной взаимосвязи между терминами — все это существенным образом мешало объективному и правильному решению проблемы. Вопрос о жупах и жупанах в определенной мере продолжает оставаться исторической и лингвистической загадкой: этимология этих слов остается невыясненной и вызывает серьезные разногласия среди исследователей.

При выяснении этимологии слов ученые разделились в основном на три группы. Представители наиболее многочисленной группы (Ю. Венелин, П. Й. Шафарик, А. Ф. Гильфердинг, Ф. Миклошич, О. Бальцер, Ст. Новакович, Н. Ястребов, Ф. Тарановский и др.) считали эти термины исконно славянскими и выводили их значение из различных корней санскрита. Некоторые представители этой группы, беря за основу санскритский глагол «guph» (связывать, объединять, соединять), делали вывод, что термин «жупа» должен выражать понятие «связи», «союза». В качестве наглядного примера они обычно называли слово «жуп», которое в словацком языке обозначает связку соломы[25], или слово «gopa» — от санскритского корня «gup» (защищать, охранять) и предполагали, что «жупа» должна обозначать территорию или объект, на который распространяется «защита». В связи с этим в качестве примера приводили греческое слово «γοπη» — «пещера»[26] или «γύπη» — «орлиное гнездо», которые якобы выражали собой понятие защиты[27]. Третью основу они видели в санскритском слове «gop» — «дом», от которого, в свою очередь, происходило слово «жупан», в значении «начальника дома»[28]. В отличие от сторонников санскритского заимствования, другая не менее многочисленная группа исследователей (А. Брюкнер, Л. Нидерле, Ф. Шишич, М. Костренчич и др.) пытались найти этимологию слов «жупа» и «жупан» в тюркских языках[29]. Например, Я. Пейскер выводил их из аварского слова «kopan»[30], а Ф. Шишич

[25] *Ю. Венелин.* Историко-критические изыскания, т. II. М., 1841, стр. 26; *А. Гильфердинг.* Письма об истории сербов и болгар. М., 1855, стр. 18.

[26] *Н. Ястребов.* Указ. соч.

[27] *М. Фасмер.* Указ. соч., стр. 66, 479.

[28] *O. Balzer.* O zadrudze słowiańskiej. «Kwartalnik historyczny», XIII, z. 2. Lwów, 1892, str. 208.

[29] *Vl. Prochazka.* Župa a župan, str. 7—10.

[30] *J. Peisker.* Die älteren Bezihungen der Slaven zu Turkotataren und

и М. Костренчич ставили их в определенную зависимость от слова «bajan», которым, по их мнению, авары называли одного из своих военачальников [31], а некоторые современные филологи (Менгес и др.) выводят из тюркского «*čupan*» — помощник сельского старосты [32]. К. Оштир и М. Младенович предполагали, что корни данных терминов следует искать в иллиро-фракийской языковой группе, в частности от слова «deuppan» [33].

Не находя достаточно убедительных решений в лингвистических конструкциях, исследователи середины XIX в. были вынуждены объяснить возникновение, развитие и роль этих институтов исходя из общих представлений своего времени о путях развития общества и государственности у славян.

Отдельные историки 30-х годов XX в. и особенно послевоенные исследователи в ряде случаев уже ставили под сомнение схему политической организации южных и западных славян, предложенную домарксистской историографией середины XIX—начала XX в. Однако их наблюдения касались частных вопросов и не затрагивали основ теории «жупной организации». Между тем, если внимательнее присмотреться к хронологии появления в источниках интересующих нас терминов, даже не вдаваясь в раскрытие их существа, то нетрудно заметить, что у западных славян термин «жупан» фиксируется только в XII в., а «жупа» — в XIII—XIV вв. Следовательно, разработка теории «жупной организации» для условий VIII—XI вв. могла базироваться лишь на материале источников по истории южных славян. Но, с другой стороны, последние исследования по истории средневековой Хорватии убедительно доказали, что концепция старой хорватской историографии по данному вопросу оторвана от материала источников и поэтому ошибочна. Однако интерпретация источ-

Germanen und ihre socialgeschichtliche Bedeutung. Berlin—Leipzig, 1905, S. 103—104. То же самое делают и авторы «Историје Црне Горе», кн. I. Титоград, 1967, стр. 302.

[31] *F. Šišić*. Pregled povijesti hrvatskog naroda. Zagreb, 1962, str. 80; *M. Kostrenčić*. Nacrt historije hrvatske države i hrvatskog prava. Zagreb, 1956, str. 138; «Enciklopedija Jugoslavije», t. I. Beograd, 1955, str. 328—329.

[32] *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка, т. II. Примечание О. Н. Трубачева. М., 1967, стр. 66.

[33] *M. Mladénovitch*. Le caractère de l'Etat Serbe au Moyen Age. Paris, 1930, p. 65. Подробнее см.: *Vl. Prochazka*. Указ. соч., стр. 14.

ников по истории средневековой Сербии, предложенная историками второй половины XIX в., до сих пор продолжает оставаться в силе. Между тем, система доказательств жупной организации у сербов в период раннего средневековья базировалась на признании схемы политической организации, разработанной Ф. Рачки для Хорватии VII—XI вв., так как источники по истории сербских земель указанного периода практически отсутствуют. Из всех сохранившихся источников наиболее надежные свидетельства о внутренней структуре жуп в Сербском государстве относятся лишь к первой половине XIV в. Определяя жупу как сложный комплекс территориально-географического, этнического, хозяйственного и административного единства, который оформился еще в период поселения славянских племен на Балканском полуострове, историки второй половины XIX—начала XX в. полагали, что жупная система управления в сербских областях сохранялась без особых изменений по крайней мере до XIV в. В пределах данного периода жупы постепенно утрачивали лишь свое первоначальное самоуправление, а утратив его, превращались в территориально-административные единицы, которые были использованы центральной властью для целей государственного управления. Сама же государственность у сербов, по мнению большинства сербских историков указанного периода, оформилась только на рубеже XIII—XIV вв., а ее «основы и частности являлись не чем иным, как простой копией устройства цариградского царства»[34]. До этого времени сербы якобы еще не нуждались в государственной организации. Характеризуя развитие этих процессов у южных славян, Ст. Новакович писал, что «славянские группы Балканского полуострова представляли собой только инертную, несогласованную массу». В этой среде «не могло само по себе начаться какое-либо образование государства. Это дело могло сделать только чуждое влияние, вне славянского мира»[35]. И только принятие христианства «открывало настежь дверь обычаям и законам византийского

[34] *Ст. Новаковић*. Средњевековна Србија и римско право. «Архив за правне и друштвене науке», књ. 1/3. Београд, 1906, стр. 217.
[35] *Ст. Новаковић*. Неколико тежа питања из српске историје. «Годишњица Николе Чупића». књ. 32. Београд, 1913, стр. 2.

происхождения не только в сербский двор, но и в самую захудалую крестьянскую лачугу»[36].

Вышеприведенные примеры показывают, что теория «жупной организации» наиболее отрицательно отразилась на разработке проблемы генезиса и развития государственности у сербов, а сохраняющая в историографии силу интерпретация свидетельств сербских источников по вопросу о жупах и жупанах до последнего времени продолжает оставаться фактической основой, на которой базируется теория «жупной организации», применяющаяся к истории всех южных и западных славян.

Таким образом, анализ сербского материала по данному вопросу с позиций исторического материализма оказался очередной задачей, вставшей на пути дальнейшей разработки проблемы политической организации южных и западных славян в период средневековья.

В данной работе автор поставил перед собой в основном три задачи: а) проследить историю основных этапов разработки теории «жупной организации» в славяноведческой литературе; б) проанализировать весь доступный ему материал источников по данному вопросу, относящийся к истории средневековой Сербии X—XIV вв.; в) сопоставить наиболее важные положения теории «жупной организации», разработанной буржуазной историографией, с результатами своего анализа и по возможности выявить первоисточник до сих пор бытующей схемы политической организации южных и западных славян в X—XIV вв.

[36] *Ст. Новаковић*. Византијски чинови и титуле у српским земљама XI—XV вв. «Глас САН», LXXVIII [47]. Београд, 1908, стр. 80.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА И ИСТОЧНИКИ

1. Высказывания средневековых авторов и историков начала XIX в. о жупах и жупанах

Попытки осмыслить значения терминов «жупа» и «жупан» делались еще средневековыми авторами. Но поскольку они также не располагали достаточно ясными свидетельствами источников, то стремились найти их значения в аналогичных институтах современной им системы административного управления. Например, Мавро Орбини (1601 г.) называл жупанов «полковниками» или «контиями», а Ив. Лучич (1666 г.) жупу средневековых источников связывал с современным ему венгерским комитатом. Исходя из современных ему представлений о политическом строе славян, он считал, что хорватские и сербские «провинции» до появления королевской власти у этих народов назывались жупаниями, а само последнее слово «от жупы происходит, еже народ или народную страну значит» [1]. Намеченная Ив. Лучичем примитивная схема модели политического строя славян со временем постепенно усложнялась и совершенствовалась. Еще в начале XVIII в. П. Витезович-Риттер (1712 г.), руководствуясь данной схемой, попытался восстановить значение термина «жупан», соответственно определив его как «многолюдные страны приставник. . .» [2] Основоположник сербской историографии Йован Раич в конце XVIII в. вслед за Ив. Лучичем также утверждал, что жупа у славян была тем же, что у венгров «ныне комитат, и поэтому жупан будет то же самое, что называют венгры феуиспан или

[1] *Й. Раич.* История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов, т. 2. Вена, 1794, стр. 42, 295.
[2] Там же, стр. 295.

по-латыни комес. . .» Согласно его представлению, «такие чины и достоинства в сербской земле до Немани бывали. . .»[3] Пытаясь привести в соответствие схему Ив. Лучича с данными сербских источников, Й. Раич частично изменил первоначальную схему. С его точки зрения сербские земли включали несколько «провинций», представлявших собой самостоятельные политические организмы, которые, в свою очередь, делились на жупании или жупы. Во главе провинций стояли «архижупаны», а жуп — жупаны. Архижупан, по концепции Й. Раича, должен соответствовать великому князю. Каждый из архижупанов управлял своей частью «особе», а по своему политическому значению их власть была ниже не только византийских императоров, но и дуклянских королей, от которых они были зависимы. Стремясь к полной самостоятельности, рашские архижупаны, по Раичу, все время стремились отобрать у дуклянской династии королевский титул. И только Неманя «присвоил крови сербской этот долгожданный титул»[4].

Как видно из вышеизложенного, у Й. Раича и его предшественников еще не было достаточно четкого представления ни о действительной структуре средневековых жуп, ни о характере жупанской власти. Но тем не менее уже в их работах наметилась довольно определенная тенденция выделять так называемый жупанийский период, который предшествовал королевскому. Таким образом, поступательный процесс развития политического строя у славян они ставили в зависимость от принятия королевского или царского титула. В конце XVIII—начале XIX в. при определении исходного значения интересующих нас терминов ученые нередко пользовались положениями Ив. Лучича, но перспективу эволюции института жупанов применительно к истории западных славян представляли иначе. По наблюдениям одного русского ученого, автора статьи «Славянская старина», опубликованной в 1811 г. во втором номере «Вестника Европы»[5], еще Добнер в ком-

[3] *Й. Раич.* Указ. соч., стр. 295.
[4] Там же, стр. 222, 269.
[5] В частности, неизвестный автор статьи «Славянская старина» писал в 1811 г., что «на кроатском наречии жупа значит собрание людей, следственно под словом «жупан» разуметь должно начальника многолюдства» («Вестник Европы», № 2. СПб., 1811, стр. 134).

ментариях к «Истории. . .» Гаека обращал внимание на тот факт, что у богемцев также были жупаны, «после которых. . . настали судьи или старосты». У поляков же от слова «жупан», утверждал автор, произошло слово пан, которым у них «сперва назывались одни только каштеляны или судьи». Поэтому, делал вывод неизвестный автор, двенадцать старейшин, избиравшихся для управления народом, «суть не что иное как жупаны или старосты», которые позднее стали воеводами [6].

Для славистов начала 30-х годов интересующий нас вопрос также оставался неясным, о чем свидетельствует попытка Ю. И. Венелина ошибочно использовать термины «жупа» и «жупан» для объяснения этимологии названия области Паннония.

Отождествляя понятия, обозначаемые терминами «жупан» и «пан», Ю. Венелин приходит к выводу, что слово «Паннония» произошло от термина «жупания» (Pannones—Supannones) [7]. Выясняя значение терминов «жупания» или «жупа», Ю. Венелин впервые попытался собрать все доступные ему в тот период факты источников и определения этих слов в словарях польского и сербского языков, составленных Б. Линде и В. Караджичем. Собранные им факты показали, что термин «жупа» встречается у многих народов и имеет различные понятия: в Хорватии и Далмации он еще в XI—XII вв., по мнению Ю. Венелина, обозначал селение, владение или повят; у сербов — бесплодное сухое место, расположенное на солнечной стороне; у поляков — сарай для сена; у словаков — сноп сухой соломы [8]. На основании сделанной им подборки Ю. Венелин пришел к выводу, что, несмотря на различные значения термина, его корень «жуп» выражал одно общее понятие ясности, света и тепла. В соответствии с этим под Паннонией Ю. Венелин предлагал понимать юго-западную, или, как он выражался, жупную (т. е. степную и солнечную), часть Словении, население которой, по его мнению, называлось «жупанцами» [9]. Однако данная Ю. Венелиным интерпретация источников является произвольной, а его выводы далеки от исторической действи-

[6] Там же, стр. 134, 135.
[7] *Ю. Венелин.* Историко-критические изыскания т. II. М., 1841, стр. 14—17.
[8] Там же, стр. 27—28.
[9] Там же.

тельности, хотя, кстати сказать, отдельные его положения позднее все же использовали в своих работах А. Гильфердинг и И. Смирнов. В данном случае важно подчеркнуть то, что вопрос о жупах и жупанах в работах Ю. Венелина не являлся предметом специального исследования и был затронут случайно, в связи с объяснением названия Паннония. Этот пример свидетельствует о том, что вопрос о жупах и жупанах для историков 30-х годов XIX в. оставался еще неясным и не связывался ими с общими проблемами развития славянского общества и возникновения государственности.

2. Теория «жупной организации» и методы ее доказательства в работах 30—80-х годов XIX в.

Впервые пытались это сделать в конце 30-х—начале 40-х годов XIX в. чешские историки П. Й. Шафарик и Ф. Палацкий. При этом оба они руководствовались созданной ими методикой исследования, которая прочно и надолго вошла в историографию.

Основу методики составляло отождествление понятий, выступающих под разными терминами. Например, такие термины латинских грамот, как «provincia», «regio», «pagus», «comitat» и другие, переводились термином «жупа», а их значения отождествлялись. Точно такой же прием использовался и при толковании терминов «castellanus», «prefectus», «comes» и других, которые приравнивались к славянскому термину «жупан», а обозначаемые ими институты отождествлялись [10]. Причем считалось вполне закономерным ставить в один ряд материал, относящийся к самым разным хронологическим периодам — с IX до XVII в. На основе таких отождествлений Ф. Палацкий пришел к заключению, что организация чешских жуп ничем не отличалась от структуры южнославянских (особенно сербских) жуп и что все славянские жупы были тождественны германской марке (Markgenossenschaft) [11].

[10] *П. Й. Шафарик.* Славянские древности. Пер. с чешского О. Бодянского, т. II, кн. 2. М., 1847, стр. 89, 96, 101, 208, 355—356; т. II, кн. 3, стр. 271 и др.; *F. Palacky.* Dějiny národa českého v Čechach a v Moravě, t. I. Praha, 1939, str. 157, 495, 511.

[11] *F. Palacky.* Указ. соч., стр. 570—571.

Сначала в своих работах конца 30-х—начала 40-х годов XIX в. Ф. Палацкий предполагал, что жупа с древнейших времен была первоначальной и единственной единицей административного деления, но позднее он изменил свою точку зрения. Он считал, что чехи и моравапе уже в процессе поселения на новых местах создавали государства племенного типа, которые имели двойную систему деления: большие провинции, совпадающие с территорией архидьяконств, и жупы, территория которых совпадала с дьяконствами [12]. По мнению Ф. Палацкого, жупы не имели определенных границ. Вначале они совпадали с территорией «дедин» — поселений отдельных родов. А позднее жупы разрастались и превращались в территориальные единицы, потерявшие связи с племенной организацией. В соответствии с этой предпосылкой он считал, что окончательное число жуп зависело от числа городов, поскольку жупа не могла существовать без города, а город без жупы [13]. Жупой управлял зависимый от центральной власти жупан, которого Ф. Палацкий видит под терминами «comes», «prefectus», «castellanus» и т. д. Комментируя статьи «Законника» Ст. Душана, Ф. Палацкий пришел к убеждению, что территория жупы представляла собой коллективную собственность жившего на ней населения. Поэтому земля жупы не могла отчуждаться в наследственную частную собственность (баштину), а передавалась лишь в условное держание (vysluha) [14]. Высказанные Ф. Палацким положения поддержали и начали развивать дальше чешские историки 60—80-х годов XIX в., и прежде всего — Г. Иречек.

Более развернутую и несколько иную реконструкцию «первичной формы политического быта» у южных и западных славян с позиций славянофильства сделал русский славяновед А. Ф. Гильфердинг. Свои представления о месте и роли жуп и института жупанов в общественной организации славян он изложил в середине 50-х годов XIX в. в нескольких работах [15]. Следуя примеру П. Шафарика и Ф. Палацкого, А. Ф. Гильфердинг также отождествлял

[12] Там же, стр. 498—499. Более подробная характеристика данной стороны вопроса сделана А. Н. Ясинским в кн.: «Падение земского строя в чешском государстве». Юрьев, 1912, стр. 180 и др.
[13] *F. Palacky*. Указ. соч., стр. 157.
[14] Там же, стр. 570—571.
[15] *А. Гильфердинг*. Письма об истории сербов и болгар. «Московские ведомости», № 79, 1854—1855 (первая часть работы); «Русская

указанные термины латинских грамот с терминами «жупа» и «жупания» [16]. Но в отличие от них он полагал, что каждое племя (в данном случае у прибалтийских славян) «подразделялось на волости (provinciae, pagi, terrae), то есть жупы: так без сомнения называли их балтийские славяне, подобно полякам, чехам, моравянам, словакам, хорватам, сербам и др.» [17]. Таким образом, А. Ф. Гильфердинг систему жупного деления ставил в прямую зависимость от племенной организации. При этом интересно отметить, что, делая подобного рода отождествления, А. Гильфердинг отчетливо сознавал, что в источниках по истории прибалтийских славян термин «жупа» вообще не встречается. Но, по его глубокому убеждению, деление на жупы у прибалтийских славян «несомненно утверждается производным жупан, которое сохранила нам одна Поморская грамота (около 1189 г.)» [18]. Из этого следует, что вся система организации жуп и института жупанов у прибалтийских славян была воссоздана А. Гильфердингом на основании единственного, к тому же очень неопределенного факта.

Более обстоятельное знакомство с методикой доказательства А. Гильфердинга не оставляет никакого сомнения в том, что предложенная им схема организации жуп и института жупанов является произвольной и надуманной конструкцией, которая построена не столько на анализе материала источников, сколько на основе общих представлений и ошибочных отождествлений. Несмотря на это, предложенная А. Гильфердингом схема организации жуп и института жупанов была признана почти всеми слави-

беседа», 1859 (вторая часть работы); после переработки данный труд полностью вошел в т. I «Собрания сочинений» А. Гильфердинга. (СПб., 1868); *А. Гильфердинг.* История балтийских славян. СПб., 1855. Собр. соч., т. V.СПб., 1874. В данной связи обращает на себя внимание неверное утверждение В. Прохазки, который считает польского историка В. Богуславского первым создателем «жупной концепции», предложенной им в 70—80 годах XIX в. По мнению В. Прохазки, из числа неславянских авторов теоретиками «жупной организации» у полабских славян, лужицких сербов и южных славян были немецкие ученые Ф. Рахфал и Х. Ф. Шмидт, публиковавшие свои работы по данному вопросу в конце XIX—начале XX в. (*Vl. Prochazka.* Typologický nástin předstátniho politického vyvoje Slovanů. «Československe přednašky pro VI. Merinárodni sjerd slavistů». Phaha, 1968, str. 2—3).

[16] *А. Гильфердинг.* Собр. соч., т. 4. СПб., 1874, стр. 119—120.

[17] Там же, стр. 101.

[18] Там же.

стами того периода и стала руководством для последующих разработок. По мнению А. Гильфердинга, в процессе переселения народов сербы и хорваты, в отличие от других славянских народов, двигались «стройною дружиною», а остальные славяне — «нестройными общинами». «С устройством дружины сопряжена была, необходимо, правильная власть», поэтому сербы и хорваты «тотчас же устроились государствами» [19]. Эти первоначальные политические образования, строго говоря, еще не были настоящими государствами, а имели характер государств так называемого дружинного типа, которые в «смягченном и малом виде» напоминали организацию средневековых государств Западной Европы. Из других славянских народов только чехи «наиболее приближались внутренним устройством к хорватам и сербам». Отдельные земли у сербов и хорватов состояли из волостей или жуп. Жупы были очень дробными, но каждая из них сохраняла свою внутреннюю самостоятельность и имела своего «природного правителя» — жупана. «Эти волости составляли союз (федерацию), и государь был общим главою союза: он носил титул великого жупана» [20]. У других славянских народов в начальный период не сложилось такой федерации. Каждый народ представлял собой одно племя, во главе которого стоял князь. Племя, в свою очередь, делилось на жупы. Жупы между собой связывались «не идеею внутреннего единства, а признанием общей княжеской власти». Органически связанная с племенным бытом такая организация жуп «требовала непременно обоих начал этого быта»: а) князя в его старом значении, который связывал племя в единое целое, но еще не нес с собой идею государственного единства; б) общин, которые распоряжались самостоятельно «местными делами земли». Если власть князя брала верх над властью общин, то уничтожалась самостоятельность жуп. Если же «превозмогала община», то с упадком княжеской власти рушилась связь между жупами, и каждая жупа становилась «отдельным политическим телом», превращаясь в независимое племя [21].

Следовательно, племя в понятии А. Гильфердинга являлось какой-то непостоянной и часто изменявшейся

[19] *А. Гильфердинг.* Письма об истории сербов и болгар. М., 1855, стр. 17.
[20] *А. Гильфердинг.* Собр. соч., т. I. СПб., 1868, стр. 19.
[21] *А. Гильфердинг.* Собр. соч., т. 4. СПб., 1874, стр. 108.

величиной: в одном случае оно представляло собой весь народ, а в другом — отдельную жупу, которая время от времени превращалась в самостоятельное «политическое целое». Во всяком случае, жупа при любых условиях оставалась неизменной основой всей организации, а жупан — наиболее устойчивой и постоянной фигурой административного управления, так как князь, по мнению А. Гильфердинга, не имел «в собственном смысле правительственной власти», поскольку каждая жупа управлялась особо, а дела всей земли, т. е. «совокупности жуп», решались на общем совете, где князь мог лишь предлагать свои решения, которые принимались только после общего согласия жупанов [22]. Жупан, согласно схеме А. Гильфердинга, являлся посредником между князем и населением жупы. С одной стороны, он был представителем населения жупы перед князем, а с другой — представителем княжеской власти в своей жупе. Однако без совета с жупаном князь не мог принимать решения, касавшегося данной жупы. По принятии же князем решения жупан был обязан объявить его народу и добиться выполнения. Таким образом, значение жупанов, по собственному признанию А. Гильфердинга, было «велико, но крайне неопределенно» [23]. Однако эта гибкая и подвижная схема идеального союза местного управления с центральной властью ни в коей мере не согласовывалась с материалом источников и явно противоречила им.

Развивая предложенную Ф. Палацким идею, чешские историки 60—80-х годов XIX в. несколько иначе представляли процесс формирования жуп. Например, Г. Иречек считал, что в начальный период основной ячейкой у всех южных и западных славян был род. Территория рода называлась дединой. Позднее роды, объединяясь в союзы, составляли племя. Территория племени называлась жупой. Чешская историография жупу раннего периода (до X в.) характеризует очень неопределенно. Ее границы могли совпадать с границами одного села, где жил род, позднее — с границами племени. Начиная с X в. жители родовых «дедин» стали расселяться по другим местам и родоплеменная организация была нарушена. В этот период, по всей вероятности, и стали формироваться новые тер-

[22] *А. Гильфердинг.* Собр. соч., т. 4, стр. 121.
[23] Там же, стр. 122.

риториальные области—жупы, которые уже не имели ничего общего с племенной формой организации [24].

Русский историк права Ф. Ф. Зигель в 1888 г. отмечал по этому поводу: 1) чешские ученые считали, что уже с древнейших времен Чехия представляла известное политическое единство, хотя и состоявшее из различных племен; 2) что в жупной организации нет следов самоуправления.

В отличие от них Ф. Ф. Зигель писал: «Чехия древнейших времен не представляла никакого политического единства». Поскольку отдельные племена были независимы друг от друга, то они не могли представлять собой народа в смысле известной народности. «Жупная организация в этот период еще не могла быть полностью оторвана от племенной организации, — продолжал Зигель. — Она была необходимым «посредствующим звеном» между полною самостоятельностью племен и между их слитием политическим в одно государство, объединенным в один чешский народ. . .» [25]

По мнению Ф. Ф. Зигеля, Чехия «жупного периода была некоторого рода федерацией под верховенством князя чешского племени».

Жупан играл двойную роль: с одной стороны, он был представителем князя по отношению к области, а с другой — политическим главою области в силу своего общественного значения среди областного населения, независимо от княжеского назначения. Этот факт, по мнению Ф. Ф. Зигеля, является наилучшим подтверждением того, что «в чешской области [т. е. жупе. — *В. Г.*] мы видим видоизменение племенной жизни. . .» [26]

По схеме Ф. Ф. Зигеля история Чехии до XIV в. разделяется на два периода: период безраздельного господства родо-племенных форм организации (до X в.) и жупный период, являвшийся, по его определению, «второй формой старого самоуправления», которая (форма) начала исче-

[24] *H. Jireček*. Slovanske pravo v Čechach a na Moravě. Praha, 1863, str. 63—69. Более подробную характеристику концепции Г. Иречека см.: *Н. С. Державин*: «Славяне в древности». М., 1945, стр. 65—67. Но следует иметь в виду, что Державин при этом допустил неточность, полагая, что Г. Иречек якобы не признавал деления на жупы.

[25] *Ф. Ф. Зигель*. Исторический очерк местного земского самоуправления в Чехии и Польше. СПб., 1883, стр. 4.

[26] Там же, стр. 2—3.

зать в XIII в. под влиянием немецкого права, принесенного немецкими колонистами [27].

Таким образом, Ф. Ф. Зигель, отрицая точку зрения чешских историков, в основном следует схеме А. Ф. Гильфердинга. Но и ее он принимает с некоторым ограничением, устраняя положение о наличии государства у чехов в момент их поселения.

Несоответствие гипотезы А. Ф. Гильфердинга материалу источников не могло остаться незамеченным и на примере истории южных славян. Еще в конце 70-х годов XIX в. И. Н. Смирнов был вынужден отказаться от отдельных положений гипотезы применительно к хорватским условиям IX—XI вв.

Анализируя хорватские источники IX—XI вв., И. Н. Смирнов совершенно справедливо отмечал, что уже к IX в. хорватские жупаны утратили свою прежнюю самостоятельность и превратились в зависимых от центральной власти чиновников [28]. Он также справедливо отмечал, что хорватский материал IX—XI вв. дает все основания говорить о существовании у хорватов государства. Не находя объяснений данным фактам, И. Н. Смирнов был вынужден объяснять причины возникновения государства у хорватов влиянием немецких порядков [29]. В отличие от А. Ф. Гильфердинга, представлявшего Хорватию в виде дружинного государства, основу которого составляла федерация жуп, И. Н. Смирнов полагал, что до IX в. у хорватов не могло сложиться государства, поскольку вся страна была разделена на множество небольших племен.

Но в IX—XI вв., по мнению И. Н. Смирнова, у хорватов уже существовало государство, которое было создано князем Борной при покровительстве немцев. «Под влиянием государственных идей римско-германских значение жупана ослабло» [30]. Из независимого правителя жупан превратился в обычного королевского чиновника, который получал свое содержание от короля. Однако созданное Борной государство оказалось непрочным, так как еще не могла установиться гармония интересов народа и прави-

[27] *Ф. Ф. Зигель.* Исторический очерк местного земского самоуправления в Чехии и Польше, стр. 1, 4—5.

[28] *И. Н. Смирнов.* Очерки истории хорватского государства до подчинения его угорской короне, Казань, 1879, стр. 101—102.

[29] Там же, стр. 106.

[30] Там же, стр. 101—102.

телей. После падения власти первых хорватских королей жупаны вновь стали самостоятельными и, не желая подчиняться друг другу, обратились к венграм с просьбой взять их под свое господство. У хорватов вновь восторжествовала старая система управления. Основной вывод И. Н. Смирнова по данному вопросу сводился к следующему: «Разделенными на мелкие племена или роды, не сознававшими потребности политического единства пришли хорваты на свои новые жилища; такими же оставались они и после пяти веков своего существования здесь. Жупа как в начале, так и в конце хорватской истории была высшей политической единицей, которая доступна была народному пониманию; государства народ не понимал» [31].

Таким образом, И. Н. Смирнов по существу не внес ничего нового в разработку вопроса о жупах и жупанах, а лишь попытался изолировать положения схемы А. Ф. Гильфердинга для условий рассматриваемого им периода, так как она явно не соответствовала материалу хорватских источников IX—XI вв.

Следующий этап в разработке данного вопроса связан с именем хорватского историка Ф. Рачки. Его взгляды сформировались не сразу. В 50—70-е годы XIX в. Ф. Рачки, как и А. Ф. Гильфердинг, считал, что государство у хорватов, представлявшее собой федерацию жуп, возникло вскоре после их переселения на Балканский полуостров. Его возглавлял один лишь князь, который признавал над собой верховную власть византийского императора. При этом власть князя была ограничена и со стороны жупанов, политическое значение которых препятствовало превращению княжеской власти в азиатский деспотизм.

Тезисы А. Ф. Гильфердинга о федерации жуп у сербов и хорватов и о равновесии «между государственной и родовой идеями» довольно отчетливо прослеживаются в работах Ф. Рачки еще 70-х годов XIX в.[32] Но уже к 80-м годам XIX в. Ф. Рачки существенным образом пересмотрел свои старые взгляды [33]. Учитывая последние исследо-

[31] Там же, стр. 94.
[32] *F. Rački.* Borba južnih slovena za državnu neodvisnost. Beograd, 1931, str. 331—332. (Работа впервые была опубликована в «Rad JAZU», 24. Zagreb, 1872 (далее — «Rad»).
[33] *F. Rački.* Hrvatska prije XII st. «Rad», 56—57. Zagreb, 1880—1881; *F. Rački.* Nutrano stanje Hrvatske prije XII st. «Rad», 70 Zagreb, 1884); 79 (1886); 91 (1889); 99 (1891); 105 (1893).

вания чешских и русских историков, он был вынужден отказаться от ряда положений схемы А. Ф. Гильфердинга. Как И. Н. Смирнов и Ф. Ф. Зигель, Ф. Рачки считал, что хорваты и другие славянские народы поселялись на новых местах не государствами, а племенами. Но Ф. Рачки не до конца отказался от своих первоначальных взглядов и сохранил в своей концепции ряд основных и принципиальных положений, высказанных А. Ф. Гильфердингом. Например, он конкретизировал и развил дальше мысль А. Ф. Гильфердинга о наличии у славян двух категорий племен: большого (этнического) племени, под которым понимался весь народ, и малого (генетического) племени, представлявшего собой население одной жупы. Не смог преодолеть Ф. Рачки и старые методы анализа источников. В частности, неоднократно ссылаясь на работы П. Й. Шафарика и Г. Иречека, он считал вполне закономерным отождествление различных терминов латинских грамот (provincia, regio, pagus и т. д.) с термином «жупа» и привлечение для своих целей источников XV—XVII вв.

Стремясь сохранить основные и общепризнанные положения схемы, Ф. Рачки был вынужден сделать ряд искусственных построений, с помощью которых он предполагал в какой-то мере сгладить наиболее явные противоречия между схемой и свидетельствами источников. Например, анализируя материал хорватских грамот IX—XI вв., Ф. Рачки столкнулся с такими фактами, которые в корне разрушали всю систему представлений того периода об организации славянского общества на его ранних этапах. Во-первых, источники показали, что только на территории Приморской Хорватии прослеживается наличие большого числа жуп, которое значительно превышало число упоминаемых в источниках племен. Во-вторых, на территории одной жупы располагалось не одно племя, как это предполагалось раньше, а несколько групп (от 5 до 10), принадлежавших к разным племенам. Чтобы объяснить эти факты, Ф. Рачки, исходя из тезиса А. Ф. Гильфердинга о двух категориях племен, предположил, что все хорваты этнографически составляли одно племя, которое согласно традиции якобы делилось на пять родов. Помимо такого деления существовало деление на генетические племена. Каждое генетическое племя и занимавшая им территория в совокупности называ-

лись жупой. Рачки сформулировал это положение так: «Племя и жупа были два понятия, которые покрывают друг друга». Генетическое племя, в свою очередь, составлялось из родов или колен (generationes), которые расселялись по селам и заселкам данной жупы [34]. Жупа в первое время представляла собой единство трех разнородных видов взаимоотношений: родственной или «генетической» связи, которая выражалась в племенной или родовой организации; территориальной общности жителей жупы, определявшейся единой территорией племени; административной системы управления, базировавшейся на общинной организации племени и рода.

«Чем глубже в прошлое уходят эти три значения, тем определеннее они укладываются в понятие «жупа» [35].

Вслед за чешской историографией Ф. Рачки считал, что со временем роды и племена стали постепенно разрастаться, что привело к массовым переселениям, в процессе которых произошло «смешение племен». Жупа «приобрела территориальное значение; после эти два понятия, жупа и племя, больше не покрывали друг друга, так как в одной жупе было по нескольку племен» [36]. Каждое из новых племен, вошедших в состав жупы, «обозначало то же, что и братство в Черногории» [37]. При этом Ф. Рачки имел в виду черногорские братства XV—XVII вв. Из этих рассуждений Ф. Рачки можно понять, что изменению подверглась лишь одна из составных частей единого комплекса — система родственных или генетических отношений, которая была нарушена в процессе «смешения племен».

На территории Посавской Хорватии в начале XII в., по мнению Ф. Рачки, произошли более глубокие изменения, где под влиянием венгерской административной системы «исчезли племенные жупы» [38]. На остальной же территории вплоть до реки Неретвы «племенные» жупы, которых Ф. Рачки насчитывал до 30, продолжали сохраняться и далее, несмотря на изменение контингента жителей жупы. В соответствии с этой схемой Ф. Рачки

[34] «Rad», 57, str. 131.
[35] «Rad», 99, str. 106.
[36] «Rad», 57, str. 132.
[37] «Rad», 57, str. 132.
[38] «Rad», 99, str. 106.

весь исторический процесс разделял на три периода: жупанийский период, который продолжался до Трпимира (около 845 г.), княжеский период и королевский период [39]. Жупанийский период был «временем внутреннего собирания» и организации племен [40]. Уже в условиях этого периода начали пробиваться ростки «государственной идеи», носителями которой были отдельные удачливые жупаны, сумевшие подчинить себе более слабых соседей [41]. Этот «первый новый порядок государственной власти», начало которого Ф. Рачки предположительно относил еще ко времени правления князя Борны (810—821 гг.), начался, согласно его схеме, одновременно с процессом расселения [42]. Князья и короли, будучи выходцами из жупанов, оставались лишь первыми среди глав жуп [43]. В соответствии с гипотезой А. Ф. Гильфердинга Ф. Рачки считал, что их власть держалась «на общественных началах, поэтому в этих органах она и нашла свое ограничение» [44]. На таких же началах осуществлялось и внутреннее управление жупами, которые продолжали оставаться «главным звеном государственного устройства» [45]. Несмотря на признание ряда коренных изменений во внутренней структуре жупы, которые выразились, согласно концепции Ф. Рачки, в распаде генетического племени и проникновении в жупу новых поселенцев, Ф. Рачки в то же время считал, что административное управление жупы осталось без изменений. В этом факте особенно хорошо видна непоследовательность концепции Ф. Рачки. Во главе жупы Ф. Рачки по-прежнему оставлял жупана, который выбирался «из отдельных родов, братств, племен» [46]. Жупан, с одной стороны, был «природным» советником правителя, а с другой — воеводой и верховным судьей в своей жупе [47]. Под влиянием фактического материала Ф. Рачки был вынужден признать, что наряду с главами жуп в условиях хорватского государства существовала другая разно-

[39] «Rad», 91, str. 141—142.
[40] «Rad», 91, str. 128—129.
[41] «Rad», 91, str. 129, 141.
[42] «Rad», 91, str. 130—131.
[43] «Rad», 99, str. 109.
[44] «Rad», 99, str. 104.
[45] «Rad», 99, str. 105.
[46] «Rad», 99, str. 109.
[47] «Rad», 91, str. 142.

видность жупанов, функции которых ограничивались лишь службой при дворе хорватского правителя. К их числу относились: iupanus palatinus, iupanus macecharius, iupanus cavalarius, iupanus camerarius, iupanus pincernarius, iupanus armiger и др. Появление этой разновидности жупанов Ф. Рачки объясняет возникновением и развитием органов центрального управления и оформлением придворного аппарата. Однако, по наблюдениям Ф. Рачки, в условиях королевского периода (с 60-х годов XI в.) термин «жупан» в придворных службах стал быстро заменяться термином западного происхождения «comes», а с 70-х годов этот термин стал распространяться и на глав жуп [48]. Если сравнить положения концепции А. Гильфердинга и Ф. Рачки, то прежде всего бросается в глаза тот факт, что А. Гильфердинг, почти не уделявший никакого внимания внутренней структуре жуп, понимал жупу прежде всего как одну из разновидностей кровнородственных связей, оставив в стороне вопрос о территориальных размерах и границах жупы. Ф. Рачки, наоборот, пытался представить жупу как территориальную единицу, население которой состояло из разных племенных групп. Однако это, как видно из рассуждений Ф. Рачки, нисколько не отразилось ни на организации административной системы, ни на территориальных размерах жупы. Более того, территориальное постоянство жупы как бы само собой предполагало консервацию всех остальных сторон «взаимоотношений». Таким образом, согласно концепции Ф. Рачки, после распада «генетического» племени и «смешения племен», решающим фактором организации хорватского общества становилась стабильность территориальных границ жуп.

Характеризуя в целом концепцию Ф. Рачки, нужно признать, что несмотря на его отказ от ряда положений старой гипотезы он по существу конкретизировал, развил дальше и по возможности попытался согласовать с материалом источников основные принципиальные положения схемы А. Ф. Гильфердинга.

Современный хорватский историк Н. Клаич, ссылаясь на работы Л. Гауптмана и других современных хорватских историков, не без основания замечает, что система доказательств Ф. Рачки строилась «больше на романтике,

[48] «Rad», 91, str. 140—141.

чем на анализе материала источников»[49]. Несмотря на это, работы Ф. Рачки бесспорно оказали решающее влияние на дальнейшую разработку данного вопроса. Предложенная им схема была общепризнана и распространена на историю всех славянских народов, по крайней мере, до XII в.

Характеризуя взгляды П. Й. Шафарика, Ф. Палацкого, А. Ф. Гильфердинга и Ф. Рачки, мы неоднократно обращали внимание на ошибочную методику анализа материала источников. Основу этой методики составляло отождествление понятий, обозначенными в латинских грамотах терминами «provincia», «regio», «pagus», «comitat» и т. д., с понятиями, обозначенными в различных грамотах терминами «жупа» и «жупания», а также отождествление чиновников перечисленных административных единиц с жупанами. На эту ошибку не раз обращали внимание еще исследователи 60—70-х годов XIX в. Но поскольку их наблюдения были связаны с разработкой частных и более узких вопросов, то они, как правило, не вносили существенных изменений в общую методику анализа. Например, в 1868 г. Фелицетти доказал, что локализация так называемой «хорватской жупы» (pagi Chrauati) в Карантании была сделана ошибочно. Исследователи согласились с его мнением, но по-прежнему продолжали считать pagus Crouuat «хорватской жупой»[50]. В 1878 г. чешский исследователь А. Шембера на основе анализа материала по чешской истории пришел к заключению, что термин «provincia» латинских грамот не может соответствовать термину «жупа». Но при доказательстве этого положения он допустил не менее серьезную ошибку, полагая, что термины «жупа» и «жупан», как и обозначаемые ими институты и понятия, не были знакомы чехам и были заимствованы ими во второй половине XII в.[51] Эта точка зрения А. Шемберы была поддержана и развита дальше представителями так называемой новой исторической школы, особенно Я. Пекаржем и В. Новотным[52].

[49] *N. Klaić.* Postanak plemstva «dvanadesetero plemena kraljevine Hrvatske». «Historijski Zbornik», XI—XII, 1958—1959, str. 125.
[50] *V. Klaić.* Hrvati i Hrvatska. Zagreb, 1890, str. 12—18.
[51] Подробнее об этом см.: *А. Н. Ясинский.* Падение земского строя в чешском государстве (X—XIII вв.). Юрьев, 1912, 2-е изд., стр. 94; (1-е изд. — 1845).
[52] *V. Novotný.* České dějiny, t. I, č. I. Praha, 1912, str. 499—514. Подробнее см.: *Н. С. Державин.* Славяне в древности, стр. 68.

3. Направления разработки теории в историографии 90-х годов XIX — начала XX в.

Наиболее обстоятельно и аргументированно выступил против старой методики отождествления А. Н. Ясинский. В 1895 г. в работе «Падение земского строя в чешском государстве (X—XIII вв.)» он указал: «С древнего времени (1835 г.) установился обычай в чешской исторической литературе переводить латинское provincia словом «жупа» на том основании, что начальник города якобы назывался жупаном, а по-латыни comes»[53]. На основании анализа многих источников Ясинский установил, что до XII в. термины «жупа» и «жупан» в источниках не значатся.

Со времени появления в источниках термина «жупан» (с XII в.) им называли не только чиновников, но и некоторые категории землевладельцев. И только в исключительных случаях этот термин употреблялся «для наименования начальников городов». В XIV в. термином «жупа» обозначали единицы церковного деления, которые в некоторых случаях действительно совпадали с единицами государственного деления. Но такие совпадения были настолько редкими, что они, по мнению Ясинского, не дают никаких оснований для установления общей закономерности данных явлений. На основе анализа документов X—XI в. Ясинский пришел к выводу, что «начальники городов со второй половины XI в. назывались префектами, а не жупанами». Поэтому для отождествления городского округа, обозначаемого терминами «provincia», «regio» и другими, со словом «жупа», нет никаких оснований[54]. В данной связи Ясинский высказал предположение, что государственный строй в Чехии уже к началу X в. потерял черты своего племенного происхождения и поэтому основной единицей административного деления в X в. стал княжеский город (городская организация), а не племенная жупа, и что власть племенного жупана была поделена между несколькими представителями областной администрации[55]. Таким образом, А. Ясинский выяснил лишь одну сторону вопроса, показав, что администра-

[53] *А. Н. Ясинский.* Указ. соч., стр. 94.
[54] Там же, стр. 94, 96.
[55] Там же, стр. 165.

тивное деление в Чехии уже к X в. не имело ничего общего с делением на племенные жупы. Но прослеживая пути развития административного деления, он оставил в стороне интересующий нас вопрос, ограничившись лишь отдельными замечаниями. В частности, возражая А. Шембере, Ясинский отмечал, что отсутствие упоминаний о племенных жупах и жупанах в документах до XII в. еще не может служить доказательством того факта, что чехи вообще не знали этих институтов. Но отстаивая их наличие у чехов, Ясинский противоречил своим собственным выводам, так как при доказательстве этого положения он был вынужден ограничиться ссылками на работы тех же чешских историков, выводы которых базировались на отождествлении соответствующих терминов, справедливость которых Ясинский сам отрицает [56].

Высказанная А. Н. Ясинским точка зрения сразу же нашла признание среди видных славистов того периода [57].

Говоря об истории разработки вопросов, нельзя обойти молчанием гипотезу, которую в 80—90 годах XIX в. пытался обосновать чешский историк Я. Пейскер и которую он изложил в окончательном варианте только в 1905 г.[58] Используя явное противоречие концепции по вопросу о жупах и жупанах с конкретным материалом источников и выступая с позиций основоположников реакционной теории остфоршунга немецких историков Мейцена и Гильдебранда [59], Я. Пейскер высказал мысль, что жупы и институт жупанов не имеют ничего общего с племенной организацией славянских народов, поскольку жупаны представляли собой привилегированную прослойку кочевников-скотоводов (номадов), которая выделилась из конгломерата племен тюркского происхождения (аваров, монгол, скифов и т. д.) в процессе завоевания ими

[56] *А. Н. Ясинский*. Указ. соч., стр. 94.

[57] Например, К. Грот в 1899 г. в своем отзыве на работу Ясинского поддержал его точку зрения, особо отметив оригинальность и убедительность ее аргументации. Несколько позднее она нашла признание и в чешской историографии (*К. Грот*. Падение земского строя в чешском государстве (X—XIII вв.) А. Н. Ясинского. Критический отзыв. СПб., 1899).

[58] *J. Peisker*. Die alteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. Berlin—Leipzig, 1905.

[59] *A. Dopsch*. Die ältere Sozial- und Wirtschaftsverfassung der Alpenslaven. Weimar, 1909, S. 5.

земель, заселенных славянами. Эта господствующая прослойка (Eine besondere herrschende Volksschicht) представляла собой своего рода кочевое дворянство, которое долгое время эксплуатировало славян-земледельцев (смердов). Позднее, с продвижением немцев на восток, немецкие завоеватели оттеснили жупанов с хороших земель и они были вынуждены смешаться со славянским населением. В большинстве случаев жупаны «растворились» в славянской массе, передав термин «жупан» славянским начальникам; а в ряде случаев, особенно на территории Словении, жупаны, разместившись в славянских селах, еще долго (до XIV—XV вв.) сохраняли свое этническое ядро и привилегированное положение [60]. В соответствии с этим Я. Пейскер считал, что жупа представляла собой определенный район пастбищ (regio pastoria), который находился в общем пользовании всех жупанов, а каждый жупан являлся совладельцем жупы (Mitherr in der Župa und Compastor, Weidegenosse) [61]. Вполне естественно, что такая безудержная фантазия сразу же вызвала резкую критику со стороны многих исследователей, и несостоятельная гипотеза Я. Пейскера была единодушно отвергнута научной общественностью [62]. Однако полемика с Пейскером не осталась бесплодной. Она, с одной стороны, заставила исследователей более внимательно присмотреться к противоречиям старой концепции, а с другой, вынудила не только более критично оценить весь старый материал, но и ввести в научный оборот ранее неиспользованный материал о жупах и жупанах.

Возражая Я. Пейскеру, польский историк О. Бальцер уже в 1899 г. попытался суммировать наиболее важные свидетельства о жупах и жупанах, которые сохранились в источниках по истории всех славян. При этом он впервые

[60] *J. Peisker.* Указ. соч., стр. 103—104.

[61] Там же, стр. 104.

[62] *O. Balzer.* O zadrudze słowiańskiej «Kwartalnik historyczny», XIII, z. 2. Lwów, 1899 *J. Janko.* O stycich starých slovanû s turkotatary a Germany «Věstník České Akademie», f. 100, 1908; *Fr. Krček.* Teorya Peiskera o niewoli prasłowiańskiej w świetle krytyki. Lemberg, 1909; *L. Niederle.* Nová Peiskerova hypothesa o socialním stavu starých slowanû. «Narodopisny věstník českoslovanski», t. I, 1906; *L. Niederle.* J. Peiskers neue Grundlagen der slavischen Altertumskunde. С дополнением В. Ягича («Archiv für slawische Philologie», Bd. 31, H. 4. Berlin, 1910); *A. Dopsch.* Указ. соч.; *Vl. Prochazka.* Указ. соч., стр. 4—7.

ввел в научный оборот материал польских грамот по данному вопросу. На основе сделанной им подборки О. Бальцер попытался объединить разработанные ранее положения для истории западных славян и для истории южных славян. В соответствии с этим он считал, что под термином «жупан» первое время понимался глава семьи или дома, которого позднее называли «домачин» или «старейшина». С развитием системы административного управления термин «жупан» приобрел более широкий смысл, стал обозначать лицо, обладавшее любой властью независимо от того объекта, на который распространялась его власть. С течением времени круг должностей, определенных этим термином, все более и более расширялся. Однако у южных славян основное значение термина «жупан» закрепилось за «начальником племенной территории» [63]. Нужно признать, что О. Бальцер, возражая Я. Пейскеру, не внес ничего принципиально нового в разработку вопроса. Но его попытка сопоставить сохранившиеся свидетельства привела к неожиданному выводу о существовании различных категорий и институтов, известных под терминами «жупа» и «жупан». И эти различия были объяснены процессом эволюции.

Значительно дальше пошел в этом направлении чешский историк права К. Кадлец, который долгое время занимался сравнительным изучением общеславянского права [64]. Но он также не предложил принципиально нового решения вопроса, но собрал более обширный материал и на его основе привел в более строгую систему взгляды чешских историков. Однако нужно отметить, что подборка материала была сделана им произвольно, так как, стремясь оправдать свою схему, К. Кадлец был вынужден фактами более позднего периода иллюстрировать положения своей схемы, относящиеся к более раннему времени. Например, свидетельством от 1281 г. о на-

[63] *O. Balzer*. Указ. соч., стр. 208.

[64] Свои первые, еще неоформившиеся представления по данному вопросу он изложил в статье «Жупа», написанной им в 1908 г. для чешской энциклопедии «Ottov slovník». В 1912 г. в статье «O politycznym ustroju słowian» (сб. «Początki kultury słowiańskiej». «Encyklopedya Polska», t. IV, cz. 2. w Krakowie, 1912, стр. 31—72). К. Кадлец дал более развернутую трактовку вопроса. А позднее, в 1933 г., в фундаментальной работе «Introduction á l'étude comparative de l'histoire du droit public de peuples Slaves. (Paris, 1933) он привел в окончательную систему свои взгляды.

личии у лужицких сербов сельских старост, которые назывались жупанами, он подкрепляет положение, которое по его схеме относится к VI—VIII вв. В соответствии со своей схемой К. Кадлец считал, что славяне еще до переселения жили племенами. Племенная территория называлась терминами «provincia», «regio», «comitatus», «pagus», «terra» и т. д. После переселения все славяне еще долгое время сохраняли старую форму организации. Однако в политическом отношении в зависимости от внешних условий племена могли объединяться в племенные государства, структура которых могла быть различной [65]. Внутренняя структура славянского общества в своем развитии прошла несколько этапов. В начальный период основной единицей был род, состоявший из нескольких семей или задруг. Территория рода состояла из одного или нескольких селищ и укрепленного центра. Глава рода, по мнению К. Кадлеца, мог называться разными терминами: «старейшиной» или «seniores villarum» в латинских источниках, и, возможно, жупаном. Несмотря на то, что родом управлял жупан, территория рода не называлась жупой. Жупой он называет территорию, на которой располагалось несколько родов, объединенных в один союз. Этот союз, а соответственно и жупу возглавлял один из жупанов, который принадлежал к наиболее крупному и сильному роду. Однако К. Кадлец отказывается ответить на вопрос о происхождении и этапах развития института жупанов, считая его неясным [66]. Характеристику развития жуп и института жупанов он дает в строгом соответствии с разработками вопроса в национальных историографиях. Оценивая в целом концепцию К. Кадлеца, академик Н. С. Державин писал: «Картина древнеславянского общества, как она рисуется Кадлецом, имеет очень мало сходства с подлинной исторической действительностью» [67].

[65] *K. Kadlec.* Introduction . . . p. 15.
Эта сторона вопроса подробнее рассмотрена у Н. С. Державина в кн. «Славяне в древности» (стр. 54—56). Но при этом следует иметь в виду, что Державин неверно трактует взгляд К. Кадлеца о соотношении родовых территорий с территорией жупы. Эту сторону вопроса мы рассмотрим ниже в связи с точкой зрения Л. Нидерле, который полностью разделял точку зрения К. Кадлеца.

[66] *K. Kadlec.* Introduction . . . p. 89, 93.

[67] *Н. С. Державин.* Указ. соч., стр. 56.

Значительно яснее и рельефнее отражена точка зрения чешской историографии в работах Л. Нидерле, который неоднократно высказывался по данному вопросу, полемизируя с Я. Пейскером. Учитывая результаты предшествующих исследований, Л. Нидерле был вынужден признать, что «жупы как географическое и этническое целое зафиксированы лишь у южных славян». Он признает также незакономерным и ошибочным отождествление термина «pagus» с термином «жупа» [68]. Но в то же время Л. Нидерле считает, что признание этих фактов еще не говорит о существовании деления на жупы у других славян. Он склонен думать, что «жупа существовала и на севере в смысле локального района (district), хотя термины «жупан» и «жупа» и зафиксированы здесь уже позднее и имеют иной смысл, так как под ними понимаются чиновник и его управление» [69]. Несмотря на признание этих фактов, Л. Нидерле при характеристике интересующего нас вопроса целиком и полностью следует за схемой К. Кадлеца. Он полагал, что в организации славянского общества до IX—X вв. можно выделить несколько этапов развития. Первичной ячейкой у всех славян был род; затем роды объединились в племена, а позднее сформировались родо-племенные объединения. «Каждая из этих общностей, представляющая собой ступень в развитии славянских народов и государств, имела свои кровнородственные, экономические и религиозные интересы, и сама представляла собой правовую единицу» [70]. Более крупные политические союзы, под которыми Л. Нидерле понимал чешское, моравское, польское, хорватское и болгарское государства, стали формироваться только в период IX—X вв. Причем эти государства, по его мнению, «образовались по чужеземному, германскому или тюрко-татарскому образцу, а создателями их отчасти были германцы или тюрко-татары» [71]. Поскольку «поворот» от племенного устройства к устройству государственному произошел под влиянием внешних факторов, то внутренняя организация славянского общества осталась почти без изменения. В конце X в. «основной наименьшей администра-

[68] *Л. Нидерле.* Славянские древности. (Пер. с чешского Т. Ковалевой и М. Хазанова) М., 1956 стр. 110.

[69] Там же.

[70] Там же, стр. 298.

[71] Там же. стр. 306.

тивной единицей» по-прежнему была территория рода, которая управлялась родовым жупаном. Эти единицы объединялись «в большие союзы, название которых нам неизвестно». Но, по мнению Л. Нидерле, у балтийских и придунайских славян они в X в. назывались жупами. По убеждению Л. Нидерле, «подобные жупы были и у чехов, и у северных сербов» [72]. Таким образом, под жупой Л. Нидерле, впрочем, как и К. Кадлец, понимал не территорию рода, а территорию союза родов, т. е. территорию племени. Она управлялась тем жупаном, который принадлежал к наиболее знатному и наиболее сильному роду.

Итак, на территории одной жупы, по схеме К. Кадлеца — Л. Нидерле, могло быть несколько жупанов, сфера власти которых ограничивалась родовой территорией. В свою очередь, эти жупаны подчинялись жупану из наиболее влиятельного рода, который и являлся фактическим главой жупы, т. е. племени [73]. Если у южных славян жупа представляла собой географическое и этническое единство, то у западных славян к моменту появления этого термина в источниках (XIII—XIV вв.) она уже утратила эти качества.

Пытаясь усовершенствовать концепцию Ф. Рачки, хорватский историк В. Клаич в 90-х годах XIX в. по примеру Я. Пейскера, высказал гипотезу, согласно которой хорваты, представлявшие собой какую-то смесь готских и славянских элементов, подчинив себе ранее осевшие славянские племена, создали свое государство и превратились в господствующую прослойку, из которой позднее развился целый феодальный класс. Схему Ф. Рачки применительно к IX—XI вв. В. Клаич оставил без изменения. Но анализируя фактический материал XII—XV вв., В. Клаич пошел несколько дальше.

Исходя из тезиса Ф. Рачки о перестройке старой системы жупной организации в некоторых частях Хорватии в начале XII в., В. Клаич доказывал, что позднее более малые единицы административного деления расформировывались и включались в состав более крупных административных единиц, которые в источниках назывались также жупами или жупанами. Чтобы как-то различать их между собой, В. Клаич предложил старые единицы назы-

[72] Л. Нидерле. Указ. соч., стр. 307.
[73] Там же.

вать жупами, а новые — жупаниями. По мнению В. Клаича, эта перестройка была вызвана не изменениями во внутреннем развитии хорватского общества, а совершалась под влиянием венгерской системы административного управления. Старые жупы на правах ленного владения передавались венгерским королем хорватским князьям и другим крупным феодалам. При этом старая жупа иногда разделялась на несколько частей. В результате такой перестройки старые жупаны заменялись князьями. Этот процесс, в свою очередь, к XIV в. вызвал необходимость новой, более коренной реорганизации всей системы управления. Несколько старых жуп или, как их называет В. Клаич, districtus, contrata, generatio, были объединены в одну большую единицу — жупанию, центром которой стал один из так называемых королевских городов. Но такая реорганизация не распространялась на «те старохорватские жупы, которые в XII—XIII вв. получили в наследственный лен семьи великашей» [74].

Работы В. Клаича, можно сказать, являются завершающим этапом в разработке вопроса о жупах и жупанах с позиции буржуазной историографии, так как они по существу определяли ее окончательное направление и для условий XIII—XV вв. [75]. Современные хорватские историки установили, что схема В. Клаича для условий XIII—XV вв. также содержит ряд ошибочных положений.

4. Попытки пересмотра теории в литературе 40—50-х годов XX в.

Исследователи 20—40 годов XX в. уже почти не разрабатывали этот вопрос, а при характеристике его в общих работах пользовались материалом предшествующих исследователей. И только в очень редких случаях отдельные исследователи иногда пытались внести некоторые незна-

[74] *V. Klaić.* Povjest Hrvata, t. II, z. 2, 1904, str. 14.

[75] Заканчивая обзор историографии первого десятилетия XX в., нельзя обойти молчанием небольшую, но, на наш взгляд, весьма полезную статью Н. Ястребова «Жупа», написанную им в 1913 г. для 18-го тома «Нового энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в которой автору удалось сравнительно полно отразить состояние разработки рассматриваемого вопроса.

чительные поправки в установившуюся схему [76] или же в зависимости от своей концепции предлагали особые, также ошибочные суждения, основанные на материале тех же старых разработок [77].

Характеризуя развитие хорватской историографии данного вопроса, Н. Клаич совершенно справедливо отмечал, что концепция В. Клаича, Ф. Шишича и всех остальных исследователей 20—40 годов XX в., является лишь дальнейшей разработкой той основы, которую дал Ф. Рачки [78].

Первые попытки отказаться от старых представлений были сделаны только в 40-х годах XX в. Так, советский историк В. Дитякин в работе «Образование государства у хорватов» впервые попытался вскрыть основы концепции старой немецкой историографии и проследить ее влияние на русскую историографию XIX в. Однако при характеристике жупной организации он, полностью повторив точку зрения И. Смирнова, в то же время критиковал его трактовку вопроса о причинах возникновения государственности [79].

С более широких позиций вопрос о политической организации славян был затронут академиком Н. С. Державиным в работе «Славяне в древности», в которой он впервые в советской историографии с марксистских позиций попытался охарактеризовать вопрос о жупах и жупанах применительно к истории всех славянских народов. Стремясь теоретически обосновать процесс эволюции жупной организации, Н. С. Державин ссылался на положение Ф. Энгельса о возможности продолжительного существования у германцев родового строя в измененной, территориальной форме — в виде маркового строя, при этом Н. С. Державин считал вполне допустимым применение этого положения и к истории славян. За исходное он принял схему К. Кадлеца, хотя и высказался о ней отрицательно. В соот-

[76] *F. Šišić.* Povjest Hrvata u doba narodnih vladora. Zagreb, 1925, str. 673—674; *он же.* Povjest Hrvata za kraljeva iz doma Arpadoviča (1102—1304), t. I, 1944, str. 116; *он же.* Pregled povijesti hrvatskoga naroda. Zagreb, 1962, str. 71—72.

[77] *В. Поповић.* Историја Југословена. Сарајево, 1920, стр. 1, 22, 29, 49—50, 105—106.

[78] *N. Klaić.* Указ. соч., стр. 124.

[79] *В. Дитякин.* Образование государства у хорватов. «Исторический журнал», 1944, № 10—11, стр. 74, 77.

ветствии с этим, Н. С. Державин полагал, что жупа представляла собой территориальную соседскую общину или общину-марку. По его мнению, такие же общины-марки были известны и у восточных славян: на севере они назывались мир, а на юге — вервь [80]. Таким образом, Н. С. Державин, по существу, не внес ничего нового в разработку вопроса, а только попытался увязать выводы старой историографии с марксистской концепцией. Вполне естественно, что такое решение вопроса привело к ряду несоответствий и явных противоречий в концепции самого Н. С. Державина. Однако нужно признать, что в своей работе он, пожалуй, впервые в историографии сделал относительно полный обзор мнений по вопросу о жупах и жупанах. Но и в этой части его можно упрекнуть за то, что он не всегда верно характеризовал взгляды исследователей по данному вопросу.

В хорватской историографии вопрос о жупах и жупанах вновь привлек внимание исследователей после того, как Л. Гауптман установил в 40-х годах XX в., что упомянутые К. Багрянородным города стали центрами административных единиц не с XII в. или XIV в., как это считали раньше, а с X в. Но не найдя объяснений этому явлению, Л. Гауптман был вынужден исходить из гипотезы В. Клаича. В соответствии с этим, Л. Гауптман высказал мнение, что эти города уже к X в. утратили связь с «племенными жупами» и стали центрами «королевских жупаний».

Исследователи конца 40—начала 50-х годов признали наличие новых единиц — жупаний, но характеризовали их по-разному, в зависимости от того, как они понимали «политическую организацию у хорватов до XII в.» [81]

В 1952 г. О. Мандич попытался в корне пересмотреть старую концепцию Ф. Рачки [82]. Обнаружив в ней ряд внутренних противоречий и указав на ее несоответствие материалу источников, О. Мандич предложил свою концепцию. На территории одной жупы уже к X в. не существовало единого племени, так как там прослеживалось несколько племенных групп, которые О. Ман-

[80] *Н. С. Державин.* Указ. соч., стр. 64.
[81] *N. Klaić.* Указ. соч., стр. 25.
[82] *O. Mandić.* Bratstvo u ranosrednjovekovnoj Hrvatskoj. «Historijski Zbornik», 1952, V, kn. 3—4.

дич предложил назвать братствами. В то же время группы людей, носившие имя одного племени или рода, к данному периоду расселялись в самых различных районах страны. Учитывая это обстоятельство, О. Мандич предполагал, что племенная организация у хорватов начала распадаться уже в процессе переселения. Поэтому на новом месте они поселялись не племенами, а сельскими общинами — задругами. В процессе дальнейшего развития общины разрастались и объединялись, образуя территориальные единицы, которые О. Мандич назвал жупами-племенами. На первой стадии эти единицы носили родовой характер. Затем, рассуждал О. Мандич, в процессе дальнейшей дифференциации постоянно утрачивались кровнородственные связи, а отдельные группы родственников все более и более отделялись от политической и территориальной организации. С развитием государственной системы управления старые жупы, утратив свое прежнее значение, включались по нескольку единиц в состав новых, значительно больших по размеру административных единиц государственного деления, которые назывались жупаниями. Таким образом, жупы, по мнению О. Мандича, «были лишь фазой развития, которая от сельской общины-верви, привела к жупаниям, как административным единицам хорватского государства». Между тем, кровнородственные связи не могли исчезнуть сразу, а продолжали развиваться. Поэтому их компоненты сохранялись в братстве, как общности кровных родственников.

Далее О. Мандич считал, что развитие административного управления в разных частях Хорватии шло неодинаково. В соответствии с этим, он разделяет Хорватию на три части: далматинские города, территория от Гвозда и на юг до р. Неретвы, территория севернее Гвозда. Территория к югу от Гвозда, по мнению О. Мандича, имела двойную систему территориально-административного деления: на жупы и на жупании. В связи с этим административное управление строилось также по дуалистическому принципу. На территории одной жупании, по мнению О. Мандича, «могли существовать две администрации — жупанийская и жупская, которые не находились в иерархическом взаимоотношении»[83]. Тер-

[83] *O. Mandić*. Указ. соч., стр. 280.

ритория на север от Гвозда разделялась только на жупы, которые по-прежнему оставались родственно-территориальными единицами, но к X в. приобрели уже политический характер [84]. Но и в этих районах также господствовала дуалистическая система управления. С одной стороны, каждой жупой управлял жупан, а с другой стороны, целой областью — бан. Как представитель королевской власти, он располагал особым административным аппаратом [85]. Подтверждение высказанной гипотезе О. Мандич якобы находит в материале Дуклянской летописи. Он замечал по этому поводу, что «жупаны были, по всей вероятности, в одно и то же время главами своих территориальных организаций и королевскими чиновниками, то есть они выполняли те функции, которые были у жупанов в Дукле» [86].

Предложенное О. Мандичем объяснение процесса эволюции жуп и института жупанов встретило возражение со стороны М. Барады и Н. Клаич. Последняя, критикуя точку зрения О. Мандича, не без основания отмечала, что он слишком обедняет и упрощает процесс превращения жуп в жупании [87]. Однако сама Н. Клаич не предлагает своего решения и ограничивается замечанием, что она по ряду вопросов готова присоединиться к мнению М. Барады и М. Костренчича, точку зрения которых разделяет большинство современных хорватских историков. Эта их точка зрения была взята за основу при написании соответствующих глав в «Истории народов Югославии», первый том которой вышел в 1953 г. В более широком плане М. Костренчич изложил ее в 1956 г. в работе «Nacrt historije hrvatske države i hrvatskog prava». Руководствуясь общими представлениями о путях развития славянского общества, М. Костренчич считает, что после переселения славян на Балканский полуостров у них система военной демократии стала распадаться. Но к VIII в. она еще находилась на высшей ступени своего развития.

Именно в этот период и началась перестройка внутренней организации славянских племен. Кровнородственные связи ослаблялись, уступая место территориальному

[84] *O. Mandić*. Указ. соч., стр. 230.
[85] Там же (XI—XII, 1958—1959, стр. 173).
[86] Там же (V, kn. 3—4, 1952, стр. 283).
[87] Там же, (XI—XII, 1958—1959, стр. 126).

принципу, что приводило к созданию новой территориальной общины. На раннем этапе члены территориальной общины одновременно являлись и членами одного рода [88]. При этом М. Костренчич оставляет без ответа вопрос о том, в каком соотношении находились между собой род, племя и жупа. Он сразу же переходит к характеристике жупаний. Комментируя свидетельства гл. 30 «De administrando imperio», М. Костренчич полагает, что упомянутые в этой главе 11 жупаний не были старыми «племенными» жупами и не имели «совершенно никакой связи с родо-племенной организацией». Как «новые территориальные организации» они образовались «после поселения славян в Далмации» [89]». Во главе этих новых административных единиц был поставлен чиновник, которого называли жупаном. От этого термина и пошло наименование этих территориальных единиц — жупаний [90]. Кстати, следует заметить, что М. Костренчич полагает (как Ф. Шишич), что термины «жупан» и «бан», а возможно, и обозначаемые ими институты, были заимствованы из аварской племенной организации [91]. До назначения на должность чиновников упомянутых единиц жупаны, по мнению М. Кострeнчича, составляли военную свиту верховного воеводы, который как «патримониальный правитель» позднее передал им часть своих функций, чтобы они вершили власть от его имени во вновь сформированных жупаниях. От характеристики внутренней структуры жупаний Костренчич отказывается. Но в то же время он категорически утверждает, что жупании представляли собой новые образования, которые «возникли в связи с возникновением Хорватского государства»[92]. Дальнейшие преобразования жупаний М. Костренчич связывает с реформами 1001 г., которые были проведены венгерским королем Стефаном. После реформы в Славонии жупании стали называться по-латыни: comitatus, parohie или provincia [93]. Пореформенная организация удержи-

[88] *M. Kostrenčić.* Nacrt historije hrvatske države i hrvatskog prava. Zagreb, 1956, str. 105.
[89] Там же, стр. 138.
[90] Там же, стр. 138.
[91] Там же, стр. 159—160, 176.
[92] Там же, стр. 138.
[93] Там же, стр. 159—160, 176. Организацию жупаний на территории южнее Гвозда М. Костренчич не характеризует, ссылаясь на отсутствие необходимых для этого данных.

валась до первой половины XIII в. Во второй половине XIII в. была проведена новая реорганизация жупаний, но она не уничтожила полностью старой системы административного деления. В эту систему, по мнению М. Костренчича, было вложено лишь новое содержание, превратившее жупанию «в дворянскую организацию». Жившие на территории жупании дворяне (plemići) «захватили власть и создали из нее единицу, через которую отстаивали свои классовые интересы, стремясь перестроить ее в дворянский автономный институт в провинции, по возможности независимый от государственной власти» [94]. Превратившись, таким образом, в сословную организацию, жупании без особых изменений просуществовали вплоть до XVIII—XIX вв.[95]

Разработка вопроса о жупах и жупанах на материале по истории других славянских народов в 20—40-е годы XX в. по существу не продвинулась дальше, хотя в отдельных случаях и были сделаны важные наблюдения по частным вопросам [96]. В данной связи прежде всего обращают на себя внимание работы польского историка К. Тыменецкого. По материалам польских источников XIII—XV вв. он одним из первых установил, что термином «жупа» тогда называли лишь соляные копи, а «жупци» (żupci) на Краковской и Мазовецкой землях — членов местного суда, которые выступали в качестве узкого трибунала [97]. Столь разительное несоответствие зафиксированных значений с господствующей в историографии концепцией К. Тыменецкий объяснил эволюцией. Поскольку краковские и мазовецкие жупци, по наблюдениям Тыменецкого, являлись жителями повята, то он высказал гипотезу о тождественности польского повята и южнославянской жупы [98].

[94] *M. Kostrenčić*. Nacrt historije. . ., str. 222.
[95] «Historija naroda Jugoslavije», t. I, 1953, str. 696—720.
[96] Например, Б. Графенауер, еще раз возвращаясь к вопросу о хорватах, поселившихся на территории Словении, доказал, что pagus Crouati не имеет никакого отношения к хорватским поселенцам и не имеет ничего общего с делением на жупы (*B. Grafenauer*. Hrvati u Karantaniji. «Historijski Zbornik», XI—XII, 1956—1959).
[97] *K. Tymieniecki*. Społeczeństwo słowian lechickich, стр. 216—218.
[98] *K. Tymieniecki*. Przemiany społeczne w związku z powstaniem państwa polskiego. «Początki państwa polskiego», t. II. Poznan, 1962, str. 48—50. подробнее см.: *Vl. Prochazka*. Župa a župan, str. 17.

Подводя общий итог исследованиям вопроса в чехословацкой историографии, В. Ванечек в 1949 г. констатировал, что значение термина «жупа» для чешской истории до сих пор остается неясным. Но ясно одно, что историки двух последних поколений с полным правом отвергли старую точку зрения родового происхождения жупной организации и предложили понимать под жупой территорию так называемых «княжеских городов», возникших в X в. Сам В. Ванечек предполагал, что жупа, как институт, была известна чехам еще на самом раннем этапе их истории, хотя термин «жупа» появился в латинских источниках только в 1342 г., когда в Южной Моравии им обозначали единицы «государственного управления». В. Ванечек считал, что в X—XIV вв. могли произойти большие перемены как в области социально-экономических отношений, так и в административном управлении. Это обстоятельство заставляет предполагать, что термин «жупа» в указанный период мог быть перенесен на новую единицу административно-территориального деления [99].

Еще дальше пошел В. Прохазка. В строгом соответствии с традиционным методом формально-юридической школы, В. Прохазка выделяет три основных этапа в развитии догосударственной организации славян: племена этнические, племена территориальные и племенные княжества, за которыми сразу же следуют два других этапа, предложенные советскими историками, протофеодальные княжества и раннефеодальные государства [100].

[99] *V. Vaneček*. Prvích tisíc let. . . Praha, 1949, str. 28—29. Следует заметить, что еще не все современные историки полностью отказались от мысли отождествлять территорию «княжеских городов» с так называемыми древними жупами. В частности, Л. Гавлик и Г. Ловмяньский до сих пор civitates баварского анонима склонны называть жупами (*L. Havlik*. Slované ve východní marce v IX—XI století. «Slavia Antiqua», t. XI. Warszawa, 1964, стр. 287; *Г. Ловмяньский*. Выступление по докладу В. П. Грачева «Жупная организация у славян и ее роль в развитии государственности» (VI. Mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 7—13/VIII 1968; «Akta sjezdu», t. 2. Praha, 1970, стр. 540—541).

[100] *В. Прохазка*. Типологический очерк догосударственной политической организации славян. «VI. Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Rezume přednasek, příspěvků a sdělení». Praha, 1968, str. 409; *он же*. Typologický nástin. . . «Československé prednaskz pro VI. Mezinarodní sjezd slavistů». Praha, 1968, str. 469—474; *он же*. Župa a župan. «Slavia Antiqua», t. XV. Warszawa. — Poznań, 1968, str. 41.

Поскольку характеристика каждого из этих этапов составлена из элементов уже известной традиционной концепции, то мы не будем ее рассматривать подробно. Однако следует отметить, что В. Прохазка, как и некоторые его предшественники, жупу связывает с замковыми округами (civitates) баварского анонимного географа, относя ее появление у славян к VII—VIII вв.[101] В процессе расширения этих малых центров выделяются средние локальные единицы, которые в отличие от жуп имели несколько городов или не имели их вообще. Такие единицы были характерны для протофеодальных княжеств. В полабо-польских областях они назывались terrae. У других славян аналогичные единицы сохранились даже в условиях позднего феодализма и назывались осада, ополье, волость, погост, vicinatus и др. Генетическая связь единиц подобного типа со старой жупой, по убеждению В. Прохазки, наиболее очевидно проявилась у южных славян. Далее он считал, что с гибелью жупной организации и с появлением новых отношений в условиях раннефеодального государства термины «жупа» и «жупан» не исчезали, а переносились на административные округа и представителей чиновничьего аппарата, бенефициариев и шляхту. В зависимости от различных условий термины приобретали разные оттенки и значения и даже переходили к другим неславянским народам, а обозначаемые ими ранее институты, видоизменяясь в процессе поступательного развития, в разное время назывались уже другими терминами [102].

Нужно признать, что проделанная В. Прохазкой работа по выявлению различных точек зрения по данному вопросу весьма значительна и заслуживает серьезного внимания. Более того, с нашей точки зрения, в историографии до этих пор не было столь обширного и детального обзора литературы по проблемам жупной организации, особенно у западных славян. И всё же данный обзор не полон и, что особенно важно, односторонен. Основное внимание автор уделил работам чехословацких, польских и немецких историков, прежде всего касающихся истории западных славян, у которых эволюция рассматриваемых институтов прослеживается крайне слабо. Взгляды

[101] *V. Prochazka.* Župa a župan, str. 51.
[102] Там же, стр. 54.

болгарских, сербских, хорватских, словенских, русских и советских историков по истории южных славян не получили должной характеристики в данной работе. Методика исследования проблемы также не отличается новизной. Как и большая часть представителей формально-юридической школы, В. Прохазка отказался от детального анализа всей совокупности источников. Он лишь в отдельных случаях привлекал их для иллюстрации выдвинутого им положения.

Основной материал для построения своей модели он черпал из тех же работ, заимствуя оттуда вместе с фактическим материалом отдельные части или целиком теоретические конструкции их авторов. В данном случае нет особой необходимости доказывать, что предложенная автором модель эволюции политической организации славян является абстрактной, оторванной от фактического материала, и лишена какой бы то ни было теоретической последовательности.

5. Обоснование теории «жупной организации» на материале сербских источников X—XIV вв.

Поскольку наша тема в основном связана с анализом сербского материала, то мы сочли оправданным характеристику работ, затрагивающих вопрос о жупах и жупанах в условиях сербского средневекового государства X—XIV вв., выделить в особый раздел. Эта необходимость в определенной мере обусловлена и спецификой собственно сербской историографии. С одной стороны, встав на путь самостоятельного развития относительно позднее других, сербская историческая наука столкнулась уже со сложившимися методами анализа и твердо установившимися представлениями по данному вопросу. С другой стороны, не располагая источниками для раннего периода страны, сербские исследователи пытались искать решение вопроса на более позднем материале исторической географии. Поэтому историко-географические исследования приобретают особо важное значение для решения данного вопроса.

Исходя из общих положений концепции видного польского историка права А. Мацеевского, П. Крстич еще в 60-х годах XIX в. при характеристике сербских жуп и ин-

ститута жупанов первым попытался увязать существовавшие в тот период точки зрения по данному вопросу (Ив. Ранч и А. Гильфердинг) с материалом сербских источников (особенно со свидетельствами Дуклянской летописи). Вслед за И. Раичем, он полагал, что «младенческому» периоду сербского общества должна соответствовать «жупанийская» организация, которая удерживалась до провозглашения Сербии королевством [103]. В начале этого периода новые поселенцы группировались по областям, которые не имели между собой никакой связи. Поэтому каждая область была подобна независимому государству и разделялась на жупы [104]. Во главе жупы стояли жупаны, подчинявшиеся лишь великому жупану. Если первое время между жупами области существовала какая-то связь, то позднее она была разрушена, так как жупаны стали постепенно отделяться от великого жупана и превращались в независимых и самостоятельных управителей своих жуп. Это вызвало раздор и неурядицы среди сербов, которые помешали созданию единого государства. Поэтому до середины XII в. сербы не имели никакого понятия о государственной жизни, так как у них не было ни общей идеи, ни общих стремлений к политическому развитию [105].

Сравнивая первое и второе издания «Истории» Н. Крстича, можно заметить, что его представления по данному вопросу были очень нечеткими и неустойчивыми. Например, во втором издании 1866 г. Н. Крстич уже не отмечал существенной разницы между областями и жупами, полагая, что «верховными властями областей были жупаны, князья и баны, а самые главные назывались великими жупанами» [106]. Противоречивая трактовка вопроса и крайне слабая ее аргументация способствовали тому, что точка зрения Н. Крстича не нашла широкого признания в более поздней историографии.

Значительно большее влияние на развитие сербской историографии оказали работы начала 80-х годов XIX в. русского слависта Т. Флоринского, хотя и он специально

[103] *Н. Крстић.* Историја србског народа (1-е изд). Београд, 1863—1864, стр. 24.
[104] *Н. Крстић.* Историја србског народа (2-е изд.). Београд, 1866, стр. 10.
[105] Там же, 1-е изд. стр. 22, 24.
[106] Там же, 2-е изд. стр. 10.

не занимался разработкой вопроса о жупах и жупанах. Между тем, в работе «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в.» Т. Флоринский, характеризуя предшествующий период, пытался в самых общих чертах раскрыть свои общие представления о путях формирования государственности у южнославянских народов и наметить этапы эволюции в развитии жуп и института жупанов. При этом он руководствовался тем, что формирование государственности было обусловлено не внутренним развитием славянского общества, а внешним политическим влиянием соседних государств. Более того, время возникновения государства зависело от степени и характера этих влияний. Например, славяне, поселившиеся на территории современной Болгарии, были сплочены в одну народность и в одно государство пришлой тюркской ордой еще в VII в.[107].

Хорватские и сербские племена некоторое время после переселения еще сохраняли между собой связь, поскольку они до IX в. находились в политической и церковной зависимости от одного государства — Византийской империи. Но с IX в. хорваты, вынужденные вести постоянную борьбу с франками и венецианцами, постепенно переходили от племенного или «жупного строя жизни» к государственному и создали свое королевство, окончательное оформление которого завершалось под влиянием Запада [108]. Сербские племена, оставшись верными Византии, не вели с ней постоянной борьбы и поэтому не нуждались в государственной организации. Вторую причину позднего создания государства у сербов автор видел в географическом факторе, считая, что горный рельеф способствовал изоляции областей [109]. Из рассуждений Т. Флоринского можно понять, что причины формирования государства в каждом конкретном случае были разными. Возникновение Хорватского государства было вызвано необходимостью постоянной борьбы, а Сербское государство создавалось путем постепенного «собирания» племен вокруг одного центра, которое завершилось только к концу XII в., когда Ст. Неманя заложил основы «самобытной

[107] *Т. Флоринский.* Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в., II. СПб., 1884, стр. 3.
[108] Там же, стр. 4.
[109] Там же, стр. 8.

государственной жизни Сербии». До этого сербы почти пять веков сохраняли «первичную форму политического быта, которую прошли более или менее все славянские племена — форму жупного устройства» [110]. При такой форме устройства каждая область, по мнению Флоринского, представляла собой особое «жупанство», во главе которого стояли жупаны, принимавшие порой титулы князей и даже королей [111]. Титул великого жупана мог передаваться жупану любой области, но чаще всего он удерживался за жупанами Зеты и Рашки. После создания Сербского королевства во внутренней организации жуп, по мнению Т. Флоринского, также не наблюдалось существенных изменений вплоть до XIV в., когда в королевстве появились «зародыши столь несвойственного духу славянских народов феодализма», который начал разрушать старые жупы [112]. Термин «жупа» в XIV в. утратил понятие «области значительных размеров» и стал обозначать «округ, состоящий из нескольких сел» [113]. В данной связи следует подчеркнуть, что представления Т. Флоринского о жупной организации до XIV в. мало чем отличались от взглядов предшествовавших исследователей и были далеки от истины. Но в то же время его наблюдения о характере административного деления Сербии в XIV в. несравненно вернее и объективнее отражают историческую действительность. Т. Флоринский с полным правом констатировал, что жупы в этот период «пользовались самыми разнообразными формами управления» и находились в различных отношениях с центральной властью [114]. Кроме того, он установил, что термином «жупа» могла обозначаться другая, новая единица административно-территориального деления, что было, на наш взгляд, безусловным шагом вперед в развитии историографии. Однако эти верные наблюдения не были учтены другими исследователями.

Сербский историк Пантелия Славков Сречкович в своей двухтомной работе «История сербского народа» (1884—

[110] *Т. Флоринский.* Указ. соч., стр. 4.
[111] Там же, стр. 8—10. В данном случае Т. Флоринский имел в виду «зетских жупанов» X—XI вв.
[112] Там же, стр. 28.
[113] Там же, стр. 26.
[114] Там же, стр. 27—28.

1888 гг.)[115] объясняет развитие государственности как закономерный процесс перехода общества из «анархического племéнного состояния» к «высшей форме общественного бытия — государству». Основной направляющей и организующей силой данного перехода была «энергия отдельных племен и отдельных вождей»[116]. В соответствии с этими предпосылками П. Сречкович установил периодизацию сербской истории, выделив жупанийский период (VII—XI вв.)[117], королевский период (XIII—первая половина XIV в.) и период царства[118].

Первоначальной единицей сербского общества по схеме П. Сречковича была семья. Объединение нескольких семей представляло собой задругу. Союз задруг, имевших общего родоначальника, П. Сречкович называет племенем. И наконец, объединение нескольких племен составляло жупу, которая представляла собой административный округ с городом в центре[119]. В основе внутренней структуры административного управления жупы, по его мнению, была заложена военная организация, имевшая дружинный характер (војничко-четнички карактер). Жупой управлял жупан, опиравшийся на дружину и знатных людей (племичей), но верховная власть в этот период принадлежала собору всех «колен»[120]. С течением времени отдельные жупаны подчиняли своей власти по нескольку жуп и присваивали себе титул великого жупана или архонта. Стремясь быть независимыми от выборов на племенных сходках, они признавали вассальную зависимость от Византии, взамен чего получали постоянную поддержку императора. В результате этого создавались великие жупании или архонтии, которые, по мнению П. Сречковича, представляли собой «племенные королевства», но еще не были полноценными государствами[121]. Эти политические объединения были очень непрочными и недолговечными, а поэтому быстро распадались и создавались вновь. Таким образом, в жупанийский период

[115] *П. Сречковић*. Историја српског народа, т. I. Београд, 1884, стр. 439.
[116] Там же, стр. 438—439.
[117] Там же, стр. 439.
[118] Там же, т. II, 1888, стр. 791—792.
[119] Там же, т. I, стр. 437, 438, 442—443.
[120] Там же, стр. 446—447.
[121] Там же, стр. 442—444.

развитие общества шло в направлении от семьи и до наиболее высшей формы данного периода — великой жупании — архонтии или племенного королевства. После того, как была объединена большая часть племен усилиями одного племени «рашского типа», обладавшего особой организационной способностью, «великая жупания Ст. Немани» была провозглашена королевством, а вошедшие в него племена стали называться сербами[122]. Однако во внутренней организации жуп, по мнению П. Сречковича, не произошло существенных перемен. Возражая в этой связи Т. Флоринскому, П. Сречкович заметил, что крупные «жупанства» в XIII—XIV вв. еще продолжали существовать, сохраняя свое самоуправление, поскольку, по его мнению, управление жупами было отделено от государства[123]. Жупой по-прежнему управлял наследственный или выборный жупан. Однако вслед за Т. Флоринским П. Сречкович был вынужден признать, что в «смесных» (совместных) жупах кефалии и судья назначались королем, что явилось причиной разрушения старой «жупской» системы управления[124]. Следовательно, начало частичной перестройки старой организации П. Сречкович пытался отнести только к XIV в.

Изложенная выше схема организации жуп не нашла полного признания. При характеристике жуп и института жупанов до XII в. современники П. Сречковича предпочитали придерживаться взглядов Ф. Рачки. Например, Л. Ковалевич и Л. Иванович в отличие от П. Сречковича в своей обобщающей работе считали, что села в начальный период составлялись не из задруг, а из семей, родов и братств, а жупа представляла собой не союз нескольких племен, а только одно племя, выбиравшее жупана из наиболее знатного братства. В соответствии с этим упомянутые авторы предполагали, что к XII в. сербы, как и все южные славяне, в «жупанийский» период еще не могли создать организации крупнее племени[125].

Свое окончательное оформление и теоретическое обоснование вопрос о жупах и жупанах получил в работах

[122] *P. Сречковић*. Указ. соч., т. II, стр. 791—792.
[123] Там же, стр. 803.
[124] Там же.
[125] *Љ. Ковачевић, Љ. Јовановић*. Историја српског народа, св. 1—2. Београд, 1893/94, стр. 24—26.

одного из видных идеологов сербской буржуазии Ст. Новаковича. Знакомясь с его общими воззрениями на развитие общества и государства, можно заметить, что они не были полностью оригинальными и представляли собой довольно пеструю смесь различных взглядов, господствовавших в тот период в западноевропейской, русской, сербской и других историографиях. Поэтому при определении этапов развития сербского общества и государства Ст. Новакович не внес принципиально новых положений. Он считал, что до XII в. у сербов не было потребности в государственной организации, а те временные и непрочные политические объединения, которые порой возникали у сербов до XII в., являли собой нечто вроде федерации жуп. Этот период в политическом отношении представлялся Ст. Новаковичу как процесс непрерывных поисков «направления государственной жизни». До тех пор, пока не было найдено нужное направление, не мог определиться и государственный центр [126]. Поэтому «до XI века среди сербов не было попыток создать какое-либо государство» [127], так как «в жупаниях более раннего времени до 1018 г. не было такой потребности» [128]. Вслед за Т. Флоринским Ст. Новакович полагал, что сербские жупаны, к числу которых он относил и князя Чеслава (981 г.), были только народными вождями, организовавшими защиту от внешней опасности [129]. Сами же правители или, как их иногда называет Ст. Новакович, династы никогда не имели достаточно силы, чтобы стать сильнее сил анархии. Поэтому попытки правителей постоянно разбивались о стремления олигархии, которая их окружала со всех сторон. По мере того, как энергия династа иссякала, анархия вновь оживала и вызывала новый очередной распад временных объединений [130].

После того как, наконец, был правильно выбран государственный центр (Рашка), а сербские племена ока-

[126] *Ст. Новаковић.* Српски области X—XII вв. «Гласник српског ученог друштва», (далее — «ГСУД»), 48. Београд, 1880, стр. 148.
[127] *Ст. Новаковић.* Неколико тежа питања српске историје. «Годишница Николе Чупића», 32. Београд, 1913, стр. 8.
[128] *Ст. Новаковић.* Средњевековна Србија и римско право. «Архив за правне и друштвене науке», књ. 1 (3). Београд, 1906, стр. 217.
[129] *Ст. Новаковић.* Неколико тежа питања. . ., 32, стр. 9.
[130] Там же, стр. 11.

зались в сфере византийского влияния, только тогда Ст. Немане удалось объединить сербские племена под одной политической властью [131]. «Необходимость византийской [государственной. — *В. Г.*] и церковной организации в Сербии возникла только в XIII в. после смерти Ст. Немани, во время правления его сыновей» [132]. В новом государстве, которое начало оформляться только в XIII в., «многие основы и частности являются ничем другим, как простой копией устройства учреждений цареградского царства» [133]. Все другие славянские племена, которые остались вне сферы сербского государства и православной церкви, не имели ничего общего с сербской «народностью», так как в государственном и культурном отношении они развивались по-иному. Например, «сербы и хорваты, как народное целое, никогда не имели ни единства культуры, ни единства религии» [134]. Однако Ст. Новакович признавал, что гражданские и государственные институты заимствовались сербами постепенно и по потребности. Славянские племена еще долгое время (до XIV в.) удерживали то, что им было необходимо, в том числе старую жупную организацию [135].

Характеризуя состояние жуп и института жупанов в Сербии, Ст. Новакович опирался на работы Ф. Рачки. Он замечал по этому поводу, что к моменту появления сербских источников в Сербии в конце XII — начале XIII в. наблюдается точно такое же положение, как и в Хорватии, описанное Ф. Рачки [136]. Анализируя сербский материал, Ст. Новакович сопоставлял термины «жупан» и «князь». При этом он оперировал не столько материалом источников, сколько данными работ П. Й. Шафарика и сведениями из словарей Даничича, Миклошича и Ивановича. На словах безоговорочно принимая схему Ф. Рачки, Ст. Новакович, как это можно понять из отдельных фрагментарных замечаний, разбросанных в разных его работах, в то же время явно отступал от нее.

[131] *Ст. Новаковић*, Српске области. . ., стр. 148—150.
[132] *Ст. Новаковић*. Средњевековна Србија. . ., стр. 217.
[133] *Ст. Новаковић*. Византијски чинови и титуле у српским землама XI—XV вв. «Глас САН», LXXVIII (47). Београд, 1908, стр. 178.
[134] *Ст. Новаковић*. Неколико тежа питања. . ., стр. 2.
[135] *Ст. Новаковић*. Византијски чинови и титуле. . ., стр. 179—180.
[136] Там же, стр. 192.

В отличие от Ф. Рачки он полагал, что после опустошения, вызванного переселениями VI—VII вв., все началось с села, жупы и катуна [137]. Термины «село» и «жупа» были исконно славянскими словами. Жупа представляла собой «объединение нескольких сел, связанных определенной долиной, территорией, ограниченной горами». Само расположение местности отделяло одну жупу от другой [138].

Подчеркивая территориальную сторону жупы, Ст. Новакович в то же время умалчивает о соотношении ее с племенной организацией. Такая же тенденция наблюдается в его характеристиках жупы XIII—XIV вв. Комментируя второе издание «Законника» Ст. Душана, Ст. Новакович указывает, что жупой в XIII—XIV вв. называлось то, что в начале XVIII в. в Сербии называлось кнежиной, а в XIX в. — срезом. Поскольку жупана сменил кнез, то и территория жупы соответственно получила название кнежина [139]. Таким образом, из этих отрывочных данных можно понять, что под жупой Ст. Новакович понимал прежде всего административно-территориальную единицу, которая независимо от смены административных органов оставалась неизменной, с давних пор установившейся территорией, хотя в определенные периоды и изменяла свое название. Уже в самом начальном периоде во главе жупы стоял жупан, который получил свое название от слова «жупа». С проникновением западного термина «князь», глава жупы мог в равной мере называться и этим титулом. Следовательно, термины «жупан» и «князь» были тождественными. И только позднее между ними появились какие-то различия, которых Ст. Новакович определенно не указал [140]. Если одному жупану удавалось подчинить себе несколько жуп, то он мог называться великим жупаном. «С именем великий жупан или князь обычно входила идея о государственной власти над большим числом жуп» [141]. Великий жупан или великий князь опирался на простых жупанов или князей, которые управляли жупами или краями, на которые делилось

[137] Там же, стр. 184.
[138] Там же, стр. 192.
[139] «Законик Ст. Душана (под ред. Ст. Новаковиħа)». Београд, 1898, стр. 182.
[140] *Ст. Новаковић.* Византиjски чинови и титуле . . ., стр. 185, 187.
[141] Там же, стр. 189—190.

государство. Жупаны и князья в свою очередь опирались на села, так как общины в тот период, по мнению Ст. Новаковича, еще не было. Село было самым маленьким населенным пунктом в жупе и в государстве [142].

Такая система организации с некоторыми изменениями в положении правителей, которые были сначала великими жупанами, а затем королями, просуществовала, по мнению Ст. Новаковича, до середины XIV в., когда с принятием царского титула возникла необходимость ввести новые должности и титулы князя, деспота и т. д. После этого, указывает Ст. Новакович, жупаны и великие жупаны в источниках больше не упоминаются [143]. Но они, полагает Ст. Новакович вслед за П. Сречковичем, все же еще существовали и наряду с кефалиями управляли городами. «Их [города. — *В. Г.*], без сомнения держали наследственные властели, жупаны, которые по-прежнему имели целые жупы под своей властью» [144].

Следовательно, из рассуждений Ст. Новаковича можно понять, что жупа по-прежнему продолжала оставаться неизменной административно-территориальной единицей, а ее управитель, жупан, превратившись в наследственного владельца (властела), стал называться князем или другим титулом, заимствованным из византийского права.

Таким образом, по схеме Ст. Новаковича территория сербских жуп, уже с самого начала определенная географическими особенностями местности, оставалась неизменной вплоть до XIX в. Внутренняя организация населения и управление жупы сохранялись до середины XIV в. Но и со второй половины XIV в. по существу не произошло коренной перестройки в структуре жуп и института жупанов. Частично изменилось лишь положение жупанов, которые постепенно превратились в наследственных собственников управлявшихся ими жуп и под влиянием византийского права стали называться князьями или другими титулами. В данной связи важно отметить, что схема Ст. Новаковича была построена с таким расчетом, чтобы увязать между собой два разнородных процесса: формирование государственности путем заимствования различ-

[142] *Ст. Наваковић.* Византијски чинови и титуле..., стр. 129.
[143] Там же.
[144] Там же, стр. 267.

ных институтов извне и внутреннее развитие старых сербских институтов.

Более исторично и более осторожно подошел к освещению этих вопросов крупнейший чешский историк К. Иречек. В своих работах он стремился, насколько это было возможно, уклониться от прямого и обстоятельного ответа на эти вопросы. Если собрать воедино все фрагментарные замечания, сделанные им в разных работах, то в основном можно уяснить, что К. Иречек при характеристике сербских жуп и института жупанов, особенно в условиях раннего периода, руководствовался концепцией чешской историографии. Он предполагал, что деление на жупы появилось после переселения славян на Балканский полуостров [145]. Но вопрос о времени возникновения и о соотношении жупного деления и племенной организации К. Иречек не затрагивает и сознательно обходит его стороной, признавая в то же время, что происхождение термина «жупа» остается неизвестным [146]. Поэтому характеристику жуп К. Иречек начинает с момента появления первых свидетельств о них. В соответствии с этим, он считает, что жупа к X в. представляла собой территориальную единицу, размеры которой были значительно меньше германской территориальной единицы «Gau». Сербская жупа чаще всего занимала одну речную долину или горную впадину, котловину.

Влияние точки зрения чешской историографии значительно определеннее прослеживается при характеристике К. Иречеком института жупанов. Вслед за К. Кадлецом и Л. Нидерле он считал, что жупанами вначале были старейшины местных родов [147]. Однако характеристика дальнейшего процесса эволюции этих институтов мало чем отличается от точки зрения Ст. Новаковича. Поэтому К. Иречек довольно часто и охотно отправляет читателей к работам последнего. Между тем К. Иречек без особых колебаний поддержал и попытался развить дальше наблюдения Т. Флоринского и Ст. Новаковича о наличии определенных изменений в отношении центральной власти к делению на жупы и к институту жупанов. Но в отличие от этих авторов, которые относили начало изменений

[145] *К. Јиречек.* Историја Срба, т. I. Београд, 1952, стр. 64.
[146] Там же.
[147] Там же, стр. 42, 72; т. II. Београд, 1952, стр. 4—5.

лишь ко второй половине XIV в., К. Иречек отмечает это явление уже в условиях более раннего периода. Жупы и институт жупанов, по его мнению, постепенно утрачивали свое прежнее значение и, как он выражается, «индивидуальность» на протяжении всего периода правления Неманичей. После распада государства Неманичей термин «жупа», по его мнению, вообще исчезает из источников, уступив место термину «власть». Но причины этих изменений он видит не в изменениях внутренней структуры сербского общества, а объясняет реформами[148]. В этой связи он одним из первых обратил внимание на другой очень важный и показательный факт, что «Законник» Ст. Душана зафиксировал жупу, как территориальную единицу, но уже не упоминает жупана, как старейшину этой единицы[149]. Однако его трактовка общего процесса развития сербского общества почти ничем не отличается от работ его современников. К. Иречек пришел к выводу, что жупаны в период правления Неманичей представляли собой «знатных людей (властелу) из самой жупы, которые на своей административной территории имели землю и родственников»[150]. Таким образом, этот вывод по существу игнорирует его наблюдение о несовпадении сферы власти жупана с территорией жупы, а эволюцию института жупанов сводит к тому, что они из родовых старейшин превращались в наследственных собственников земли и управителей жуп, подчинявшихся центральной власти. Работы Ст. Новаковича и К. Иречека, по существу, явились завершающим этапом в разработке вопроса о жупах и жупанах на материале сербских источников, а их выводы стали основой для всех последующих исследователей, оказав влияние не только на разработку общих проблем сербской истории, но и на конкретные историко-географические исследования. Поскольку сербский актовый материал и другие наиболее важные источники относятся только к концу XII—началу XIII в., то историко-географические ра-

148 «Какая-то внутренняя реформа, частности которой мы не знаем, привела к тому, что в Деспотовине перестал употребляться термин „жупа". С 1428—1459 гг. появляется [термин. — *В. Г.*] „власть"». (*К. Јиречек.* Указ. соч., т. II, стр. 358).

149 *К. Јиречек.* Историја Срба, т. II. Београд, 1952, стр. 358.

150 Там же, стр. 16.

боты по данному вопросу оказались в центре внимания историографии конца XIX—начала XX в.

Первые попытки историко-географических исследований прослеживаются уже в работах Ст. Новаковича [151], Л. Ковачевича [152], А. Поповича [153], К. Иречека [154] и др. Среди них особое место занимают работы Ст. Новаковича и К. Иречека, выводы которых по локализации районов до сих пор не утратили своей силы. Работы данного периода еще не ставили перед собой цели систематической обработки всей совокупности историко-географического материала. Но в них была узаконена ошибочная методика произвольно определять термином «жупа» районы в тех случаях, если этот термин и не встречается в источниках о данном районе [155].

Иное направление приобретают историко-географические исследования 20—30 годов XX в. С одной стороны, выделяется группа исследователей, которая начинает разрабатывать в основном вопросы исторической географии. В данной связи обращают на себя внимание своей тематикой работы А. Ивича [156] и Д. Лапчевича [157], которые были написаны в начале 20-х годов XX в. под влиянием К. Иречека. Эти работы не имеют особой научной ценности, поскольку в них много фактических ошибок. Наиболее показательны они своей методикой определения «жуп». В частности А. Ивич, найдя в грамоте упоминание о территории, на которой было пожаловано село, безоговорочно называл ее жупой, хотя эта территория под

[151] *Ст. Новаковић.* Землиште радње Немањине. Београд, 1877; *он же.* «Ново брдо и Врањско Поморавље у историји српској XIV и XV вв.» Београд, 1879; *он же.* Српски области X и XII вв. Београд, 1880; *он же.* Град Вишесав и Видинска област. Београд, 1888; *он же.* Струмска област у XIV в. и цар Ст. Душан. Београд, 1898; *он же.* Прилеп у првој поли XIV в. Београд, 1909; и др.

[152] *Љ. Ковачевић.* Трг Брсково и жупе Брсковска и Лубовиђска. Београд, 1891.

[153] *А. Поповић.* Врхлаб-Беласица и жупа Врховина. Београд, 1899; *он же.* Горни Ибар срднег века. Београд, 1906—1907.

[154] *К. Јиречек.* Трговачки путеви. . . («Зборник К. Јиречека». Београд, 1959) и др.

[155] Эта сторона вопроса подробнее будет раскрыта в гл. II.

[156] *А. Ивић.* Грађа за српску историјску географију (Српске области и жупе од XII до XIV вв.). «Гласник географског друштва». св. 7/8. Београд, 1922, стр. 198.

[157] *Д. Лапчевић.* Четири жупе, прилози за испитивање. «Гласник географског друштва», св. 7/8. Београд, 1922, стр. 179—197.

термином «жупа» в источниках не значилась. Например, выражения «сёла на Таре», «сёла на Лиме» и т. п. были для него достаточным основанием, чтобы считать районы рек Тары и Лима жупами. В результате такой трактовки источников он выделил неоправданно большое число жуп и областей, которые в ряде случаев вообще никогда не были единицами административного деления [158].

С другой стороны, появлялись историко-географические работы, которые решали более конкретные вопросы. Среди них наиболее характерны работы Р. Груича, который привлекал материал исторической географии как для выяснения расположения церковных и монастырских феодальных владений, так и для выяснения организации управления в отдельных районах [159].

В какой-то степени подобные вопросы решали А. Соловьев [160], В. Чорович [161] и др. Но и в этот период историко-географические исследования еще не стали систематическими и ограничивались изучением отдельных областей. В результате такой произвольной обработки историко-географического материала сравнительно лучше были локализованы районы Холмской и Требиньской областей, а районы Рашки, Зеты и Македонии вплоть до 50-х годов нашего столетия оставались малоизученными.

В 20—40 годах XX в. вопрос о жупах и жупанах также не являлся предметом специального исследования в сербской историографии. И лишь только отдельные исследователи, по преимуществу историки государства и права, время от времени возвращались к нему, чтобы в самых общих чертах охарактеризовать состояние этих институтов.

[158] *А. Ивић*. Указ. соч., стр. 198—199.

[159] *Р. Грујић*. Властелинство светога Ђорђа код Скопља. «Гласник Скопског Научног Друштва» (далее — «ГСНД»), I. Скопље, 1925; *он же*. Конавли под разним господарима от XII до XV вв., «Споменик САН», 66. Скопље, 1926; *он же*. Топографија хиландарских метохија у Солунској и Струмској области от XII до XV вв. «Зборник радова посвећених Јов. Цвијићу». Београд, 1930; *он же*. Епархиска властелинства у средњовековној Србије. „Богословље“, 7. Београд, 1930; *он же*. Лична властелинства српских црквених претставника. «ГСНД», 13. Скопље, 1934.

[160] *А. В. Соловјев*. Једна српска жупа за време царства. «ГСНД», 3. Скопље, 1928.

[161] *В. Ћоровић*. Подела власти између Драгутина и Милутина 1282—1284. «Глас САН», 136. Београд, 1929.

Периодические повторения выводов Ст. Новаковича и К. Иречека в общих работах, в учебных пособиях [162] и энциклопедиях [163] способствовали их широкой популяризации и превращали их в догму. Наиболее характерной чертой общих работ этого периода является стремление их авторов привести в более четкую и последовательную систему все разрозненные и порой противоречивые выводы и суждения предшествовавших исследователей. Прежде всего следует назвать работу Д. Алимпича — «Управне власти у староj српскоj царевини» (Београд, 1921), в которой он наиболее обстоятельно и последовательно систематизировал результаты исследований Ст. Новаковича и К. Иречека, подкрепив их анализом статей «Законника» Ст. Душана. Результаты такой систематизации все более и более обнажали как внутренние противоречия старых схем, так и их несоответствия материалу источников. Сознавая неудовлетворительное решение данного вопроса, авторы общих работ постепенно стали обходить наиболее противоречивые положения старых концепций и пытались восполнить этот пробел беглой характеристикой вопроса с привлечением наиболее доступного им материала источников и, в первую очередь, «Законника» Ст. Душана. Так поступил, например, историк сербского права Герасимович, ошибочно утверждавший, что зафиксированное «Законником» разделение одной жупы между несколькими собственниками нисколько не меняло правового положения жителей жупы, и что территория жупы по-прежнему оставалась неизменной и единой административной единицей [164].

Как и следовало ожидать, ошибочное решение проблемы не могло не отразиться и на разработке более частных вопросов, касающихся истории отдельных районов. Наиболее показательной в этом отношении является работа Р. Груича, в которой автор попытался на основе

[162] Например, Ст. Станоевич в своей работе «Историjа српског народа». (Београд, 1929) указал, что соответствующий параграф он писал по работам К. Иречека. Интересно заметить, что в своей первой «Истории сербского народа», изданной в 1908 г., вопрос о жупах и жупанах он вообще не затрагивал.

[163] В четырехтомной «Народной энциклопедии», изданной Ст. Станоевичем, статья о жупе была написана Д. Алимпичем полностью на основе разработок Ст. Новаковича и К. Иречека.

[164] *J. Герасимовић.* Старо српско право. Београд, 1925, стр. 30—35.

систематического анализа относительно обширного материала источников проследить историю и организацию управления «жупы» Конавли в период с XII до XV в. Поскольку для восстановления всех сторон административной системы «жупы» в условиях Сербского государства Неманичей у Груича не хватало материала, то он, руководствуясь узаконенными в тот период методами анализа, счел возможным для своих целей обобщить материал источников XII в., когда еще не сложилось государство Неманичей, и свидетельства грамот начала XIV в., относившиеся к только что присоединенным (1300 г.) районам Македонии.

В результате Р. Груич по существу воспроизвел совершенно отвлеченную картину, которая ни в коей мере не могла соответствовать действительной организации управления в районе Конавли в условиях государства Неманичей [165]. Во всяком случае, исследования по истории отдельных районов, несмотря на их крайнюю малочисленность, позволили в отдельных случаях устанавливать очень важные факты, которые явно противоречили общей схеме. Например, А. В. Соловьев, учитывая материал впервые полностью изданной им грамоты царя Уроша от 1363 г. чельнику Мусе, высказал одну очень верную мысль, что раздача земель монастырским хозяйствам, обладавшим правами наиболее полного иммунитета, не могла не отразиться на внутренней структуре жуп. Такие пожалования неизбежно должны были разрушать «бывшую целостность старых сербских жуп» [166]. Но, к сожалению, это верное замечание не было учтено другими исследователями и не внесло необходимых коррективов в до сих пор господствующую точку зрения по данному вопросу. Авторитет Ф. Рачки, Ст. Новаковича и К. Иречека был настолько большим, а решение вопроса настолько сложным, что даже ни один из исследователей 20—40 годов XX в. не решался взяться за пересмотр старой точки зрения, хотя многие уже начали сомневаться в ее научной достоверности.

В этой связи интересно проследить позицию одного из крупнейших авторитетов того периода в области сла-

[165] *Р. Грујић.* Конавли под разним господарима од XII до XV в. «Споменик САН», 66, 1926.

[166] *А. Соловјев.* Указ. соч., стр. 27—28.

вянского права — Ф. Тарановского. В середине 20-х годов XX в. он при характеристике жупной организации еще придерживался старой точки зрения, полагая, что до IX в. жупаны являлись старейшинами родов. С появлением великих жупанов закладывалась основа государственной организации, при которой жупанская власть уже не была связана с родовым старейшинством; но она не утратила своего значения в системе административного управления еще и в период правления Ст. Душана. Государственная власть второй половины XIV в. еще не имела своих административных и судебных органов, а осуществляла свою функцию через «властелу, которая еще сохраняла традиции бывшей самостоятельности старых земель и жуп, а возможно племен и родов» [167].

В 30-х годах Ф. Тарановский в своей основной работе по истории сербского права не только не выделил соответствующего раздела о жупах и жупанах, но и всячески избегал этой темы. Это обстоятельство дает основание предполагать, что Ф. Тарановский, поняв внутреннюю противоречивость старой концепции, сознательно отказался от характеристики интересующего нас вопроса. Это отчасти подтверждается и тем, что он при любом удобном случае стремился указать на противоречивость старой точки зрения по данному вопросу. В связи с этим он отверг точку зрения К. Иречека о путях превращения жупанов в высшее сословие [168] и о развитии центральной власти из института «великих жупанов» [169].

Более решительную попытку отказаться от старой точки зрения сделал М. Младенович в своей докторской диссертации «Характер сербского средневекового государства», которую он представил к защите в 1930 г. на факультете права Парижского университета [170]. М. Младенович высказал мнение, что происхождение жуп и инсти-

[167] *Ф. Тарановски.* Душанов Законик и Душаново царство. Нови-Сад, 1926, стр. 17.

[168] *Ф. Тарановски.* Историjа српског права у Немањичкоj држави, т. 1. Београд, 1931, стр. 43.

[169] Там же, стр. 117.

[170] *M. Mladénovitch.* Le caractère de l'Etat Serbe au Moyen Age. Paris, 1930. Ученый совет факультета отказался дать какую-либо оценку диссертации и предложил считать сделанные в ней выводы личным мнением автора. Однако в сербской историографии эта работа получила сравнительно благоприятный отзыв. См. рецензию Н. Радойчича («ГСНД», XI, 1932, стр. 252—258).

тута жупанов уходит своими корнями в древнюю организацию фракийцев. Подтверждение этой мысли он видит в том факте, что территориальное распространение терминов «жупа» и «жупан» якобы совпадает с местами расселения иллиро-фракийских племен [171]. Поэтому жупа, по его мнению, не имела никакой связи ни с одной из славянских организаций, покоившихся на родстве, ни с земельной собственностью, а представляла собой лишь территорию административной единицы с жившим на ней населением.

Наиболее видные сербские историки еще в 30—40-х годах XX в. отчетливо сознавали, что представления сербской историографии о путях развития государственности безнадежно устарели и отстали от общего развития прогрессивной историографии. Например, Н. Радойчич в этот период с большим полемическим задором выступал против старых, как он выражался, «легендарных» представлений о создании сербского государства Ст. Неманей, и предложил свою схему развития государственности у сербов. Однако, касаясь вопроса о жупах и жупанах, Н. Радойчич был вынужден признать, что он не может найти места в своей схеме государственной организации для жупанов в их старом понимании. Он писал по этому поводу: «Где следует их [жупанов. *В. Г.*] разместить в ряду чиновничей иерархии? Я не знаю» [172].

В послевоенной историографии вопрос о жупах и жупанах не стал предметом специального рассмотрения, но получил некоторое отражение в работах по истории государства и права, авторы которых пытались осветить исторический процесс развития сербского общества и государства с марксистских позиций. Одним из первых эту задачу попытался решить Д. Янкович, автор двух учебных пособий по истории государства и права народов Югославии [173]. По признанию самого автора, ряд вопро-

[171] *M. Mladénovitch.* Указ. соч., стр. 65, 154.

[172] *Н. Радојчић.* Друштвено и државно уређење код Срба у раном средњем веку («ГСНД», XV, 1935, стр. 8).

[173] *D. Janković.* Istorija države i prava naroda FNRJ. Beograd, 1947. *Д. Јанковић.* Историја државе и права феудалне Србије. Београд, 1957. Указанные работы представляют собой учебные пособия для студентов юридических факультетов, они были написаны на основе разработанного автором курса лекций. Концепция Д. Янковича нашла довольно широкое признание

сов он разрабатывал самостоятельно, анализируя источники, а другие вопросы освещал, используя материалы известных исследований. В частности, вопрос о жупах и жупанах он характеризовал, привлекая работы Ст. Новаковича, К. Иречека и Д. Алимпича. Однако, стремясь привести старую трактовку данного вопроса в соответствие с новыми представлениями об этапах развития государственности у славян, Д. Янкович высказал следующую точку зрения. Он совершенно справедливо выделяет раннефеодальный период в развитии Сербского государства и вполне обоснованно признает его отличие от периода развитых феодальных отношений. Но это верное положение он не всегда четко и последовательно распространяет на развитие государственной организации. Например, развитие некоторых органов центрального управления он представляет только как простое усиление прежних функций центральной власти и как расширение придворного аппарата за счет введения в него придворных служб византийского двора [174]. В значительно большей мере этот недостаток прослеживается при трактовке вопроса о жупах и жупанах. Д. Янкович считает, что организация жуп в условиях раннефеодального государства (IX—XII вв.) существенным образом отличалась от их организации в догосударственный период. Но в то же время, он не признает никаких качественных изменений в положении жуп в условиях развитого феодализма (XIII—XIV вв.). Он замечает по этому поводу: «При раннефеодальном порядке жупы остаются, но их характер полностью меняется; они больше не являются самоуправляющейся территорией отдельных племен, а становятся лишь частями государства, административно-территориальными единицами (состоящими из нескольких сел), во главе которых стоят отдельные феодалы как административно-судебные органы правителя. И в период развитого феодализма (после XII в.) жупы сохраняют точно такой же характер. Их самоуправляющийся характер все

научной и педагогической общественности СФРЮ, а его работы неоднократно переиздавались и до сих пор являются основным пособием для студентов.

Для наших целей мы использовали первую работу в III изд. (1952 г.) и вторую работу во II-м изд. (1957 г.)

[174] *Д. Јанковић.* Историја државе и права. . ., стр. 53—56.

больше исчезает»[175]. Из этих рассуждений можно понять, что Д. Янкович понимает жупу как постоянное географическое и административное целое, границы которого установились еще в период поселения славян на Балканский полуостров и не менялись, по крайней мере, вплоть до XV в. По его представлению, изменения происходили лишь в формах управления и в положении жупанов: жупа утрачивала самоуправляющийся характер, а жупан превращался из старейшины в феодального собственника жупы.

Вполне естественно, что ошибочность отправной предпосылки неизбежно должна была привести и к другим несоответствиям его представлений с материалом источников. В этой связи следует указать на наиболее серьезную и особенно бросающуюся в глаза неточность, которую содержит утверждение Д. Янковича, что в период развитого феодализма во главе жупы по-прежнему стоял жупан, который был «ее собственником или держателем (то есть баштанником или прониаром) или же господином — кефалией, которого назначал правитель»[176]. Таким образом, Д. Янкович пытается распространить термин «жупан» на все категории феодальных землевладельцев и чиновников, во владении или управлении которых находились жупы. В данном случае мы сталкиваемся с противоречивой точкой зрения, непоследовательность которой, как нам представляется, вытекает из того, что Д. Янкович, не имея возможности в общей работе последовательно собрать и систематизировать весь материал источников, был вынужден искусственно объединить две диаметрально противоположные концепции о путях возникновения и развития государственности у славян.

Приблизительно в такой же ситуации оказался и советский историк государства и права З. М. Черниловский, неизменный автор соответствующих глав всех учебников по истории государства и права зарубежных стран[177].

[175] *Д. Јанковић.* Историја државе и права. . ., стр. 74.
[176] Там же, стр. 75.
[177] «История государства и права», т. I. М., 1949 г., стр. 511; «История феодального государства и права». М., 1959, стр. 207; «История государства и права зарубежных стран», т. I. М., 1963, стр. 542. Непоследовательность точки зрения З. М. Черни-

В плане традиционной концепции освещен данный вопрос и в обобщающем труде югославских историков — «Историја Црне Горе», вышедшем в свет в 1967 г. В частности, при характеристике политического строя южных славян до VIII в. авторы последовательно придерживаются концепции К. Кадлеца — Л. Нидерле [178]. Однако в некоторых разделах гл. V они подошли критически к аргументации, которой пользовались теоретики традиционной концепции. Так, они не без основания констатируют противоречия у разных византийских историков при описании административного управления у сербов в IX—XV вв., и справедливо отмечают, что в IX в. жупаны уже не были единственными представителями администрации, а черногорское племя XV—XVII вв. не может являться первоисточником для структуры славянских племен VI—VIII вв.[179].

Учитывая недостаточную разработку вопросов исторической географии, Институт истории Сербской Академии наук в конце 40-х—начале 50-х годов специально запланировал ряд систематических исследований в области исторической географии, которые проводились в основном в плоскости выяснения топонимики средневековых монастырских владений.

Результаты исследований систематически освещались в периодической печати [180] и в отдельных самостоятельных трудах [181]. Нужно признать, что упомянутые авторы,

ловского раскрывается в заключительном разделе данной работы (стр. 309—310).

[178] «Историја Црне Горе», т. I. Титоград, 1967, стр. 301 и др.

[179] Там же, стр. 301—302.

[180] *Г. Шкриванић.* Жичко епархиско властелинство. «Историски часопис», IV (1953—1954). Београд, 1954; *он же.* Властелинство св. Стефана у Бањској (там же, VI. Београд, 1955); *он же.* Област средњовековног Пилота у XIV ст. (там же, VII. Београд, 1957); *он же.* О јужним и југоисточним границама српске државе за време цара Душана и после његове смрти (там же, XI. Београд, 1961); *Рад. Ивановић.* Дечанско властелинство (там же, IV, 1953—1954. Београд, 1954); *он же.* Властелинство манастира св. Арханђела код Призрена (там же, VII. Београд, 1957; там же, VIII. Београд, 1958); *он же.* Насела хумског властелинства («Гласник САН», кн. VIII, св. 2. Београд. 1957); Земљишни поседи грачаничког властелинства («Историски часопис», XI. Београд, 1961); *Јов. Алексић.* Жупе у сливу реке Ибра у средњовековној српској држави (там же, VII. Београд, 1957).

[181] *Г. Шкриванић.* Именик географских назива средњовековне Зете. Титоград, 1959.

обрабатывая собранный ими материал исторической географии, как правило, руководствовались охарактеризованной выше концепцией при определении административного статуса районов.

6. Обзор источников

Прежде чем приступить к непосредственной характеристике отдельных групп источников, следует констатировать тот факт, что в данном обзоре мы не в состоянии охватить всей совокупности того материала, который был в какой-то степени привлечен нами для разработки избранной темы.

Специфика прочно укоренившихся в историографии представлений по данным вопросам неизбежно вынуждала нас в ряде случаев делать дополнительные экскурсы за пределы не только избранного нами хронологического периода, но и определенной в теме территории. Недостаток источников побуждал нас обращаться и к материалу, относящемуся к истории других народов, у которых прослеживаются рассматриваемые институты.

Основную часть этих источников можно разделить на следующие группы.

I. Актовый материал. 1) Документы, отражающие различные стороны внешнеполитических взаимоотношений:

а) договоры сербских правителей и крупных феодалов с далматинскими городами;

б) грамоты сербских правителей далматинским городам;

в) дипломатическая переписка (с папской курией и др.) сербских правителей и отдельных феодалов.

2) Жалованные грамоты:

а) монастырям и духовенству,

б) светским феодалам.

3) Записи в нотариальных и судебных книгах Дубровницкой общины.

II. Общие законодательные памятники.

III. Эпиграфический материал.

IV. Сербские летописи и жития.

V. Сообщения византийских и западноевропейских историков и хронистов.

Актовый материал

Актовый материал — основная категория источников, на которой построена настоящая работа. Отдельные документы этой категории датированы концом XII в., все остальные — XIII—XIV вв. По своему происхождению и содержанию актовый материал весьма разнообразен. Подавляющее число документов было составлено сербскими правителями, другие — в канцеляриях различных далматинских городов и относительно небольшое число документов (практики) — византийского происхождения. К этой же категории источников можно отнести и переписку папской курии с сербскими правителями и наиболее видными феодалами, которая иногда утверждала различного рода договоры.

Договорные грамоты и дипломатическая переписка

Объединяя в одну группу эти несколько различающиеся между собой документы, мы прежде всего имели в виду, что основное содержание этих актов касалось урегулирования различных вопросов внешних взаимоотношений: внешней политики, торговых, церковных и других связей. К этой группе относятся: а) договоры сербских правителей и отдельных феодалов с Дубровником; б) грамоты сербских правителей дубровницким купцам с разрешением свободной торговли на территории Сербского государства или в отдельных его частях; в) документы, в которых разрешались различные спорные вопросы между гражданами Дубровника и жителями соседних с Дубровником сербских районов; г) расписки сербских правителей в том, что находившиеся на службе у них граждане Дубровника после окончания срока службы полностью рассчитались с казной; д) грамоты, оформлявшие акты продажи и сдачи в наем дубровчанам участков земли; е) грамоты г. Котору, который входил в состав Сербского государства на правах самоуправляющегося города, ж) дипломатическая переписка.

Эта многочисленная группа документов интересовала нас не столько ее основным содержанием, сколько отдельными для данного документа второстепенными свидетельствами, в которых упоминаются соседние районы Сербского

государства, имена жупанов и другие факты, характеризующие обстановку в областях. Особый интерес представляют договоры холмских правителей с Дубровником (договор от 1247—1249 гг. князя Андрея, договор от 1254 г. жупана Радослава и договор от 1254 г. дубровчан с жупаном Радославом). Не менее важны и ранние грамоты: грамота Ст. Немани от 1186 г. городу Котору, не датированная грамота «господина Стефана» дубровчанам, письмо короля Ст. Владислава от 1238 г. дубровчанам, недатированное письмо общины района Попово Поле дубровчанам. Из более поздних грамот следует указать грамоту от 1333 г. о продаже Дубровнику района Стон. Эти источники важны тем, что их материал помогает проследить своеобразие эволюции института жупанов в районах Холма, Требинье и отчасти в Зете.

В переписке сербских правителей с папской курией содержится относительно немного интересующего нас материала. Наиболее интересные факты встречаются в договоре от 1199 г. Вукана — старшего сына Немани с папским посланником, и в письмах от 1368 г. и 1370 г. папы Урбана V зетским правителям братьям Балшичам.

Жалованные грамоты

Подавляющее число сохранившихся грамот является монастырскими и церковными жалованными грамотами. Число сохранившихся грамот, выданных светским феодалам, крайне незначительно. Такое соотношение жалованных грамот — результат плохой сохранности грамот, выданных светским феодалам, и оно ни в коей мере не может служить основанием для утверждения, что светским феодалам в свое время в общей сложности было выдано грамот меньше.

Общее число сохранившихся монастырских и церковных грамот сравнительно невелико (около 160). Хронологически они распределяются очень неравномерно: на конец XII в. приходится две грамоты, на XIII в. — около 30, большее число грамот относится к первой половине XIV в., особенно к периоду правления Ст. Душана. Во второй половине XIV в. число жалованных грамот вновь резко сокращается. Интересно отметить, что основные пожалования, зафиксированные в грамотах XIII в., имели

место в районе Рашки, а пожалования 30—40-х гг. XIV в. в Зете и прилегавших к ней районах (Пилот, Патково, Алтин и др.) и в Македонии. Пожалования в Рашке к этому времени почти прекратились.

Монастырские и церковные жалованные грамоты по своему значению неравноценны. Подавляющее их большинство — обычные акты, закреплявшие за монастырями переданные им земельные пожалования. В них перечислялись села, люди и угодья. В общей иммунитетной формуле запрещалось различным государственным чиновникам и другим частным лицам входить на переданные монастырю территории. Кроме того, существует значительная группа грамот, в которых помимо перечисления пожалований зафиксированы обязанности различных категорий зависимого населения, переданных монастырю, и права монастырской администрации по отношению к ним. Поскольку в Сербском государстве до середины XIV в. не было единого законодательного памятника, эти грамоты являлись законодательными актами, сфера действия которых ограничивалась территорией монастырских владений, разбросанных, как правило, в нескольких областях государства. Кроме того, эти грамоты регулировали взаимоотношения монастырского населения с соседями. В отдельных случаях в наиболее важные грамоты вносились постановления и законы, которые распространялись на всю территорию государства. Весьма характерным из таких документов является грамота от 1220 г. короля Ст. Первовенчанного, выданная сербской архиепископии, располагавшейся в монастыре Жича.

Жалованные грамоты светским феодалам

Как уже отмечалось, жалованные грамоты светским феодалам составляют крайне незначительное число (всего 7). Их содержание почти не имеет для нас практической ценности. Но один документ — грамота от 1363 г. царя Уроша о замене чельнику Мусе города и жупы Звечан на город и жупу Брвеник — представляет большой интерес.

Подавляющее число сербских средневековых актов — документы подлинные. Число явно подложных актов относительно невелико. Однако среди актового материала имеется определенное число сомнительных, интерполи-

рованных, частично подделанных документов и документов, подвергшихся более поздней переработке.

Одной из особенностей сербских грамот является то, что очень часто различные части одной и той же грамоты не всегда согласуются между собой: не совпадают дата и индикт, упоминаемые факты, печати и подписи не всегда согласуются с датой и т. д. Эти несоответствия очень часто давали повод поставить под сомнение тот или иной документ, особенно, когда он противоречил концепции исследователя. Однако в результате специальных исследований было установлено, что эти разногласия объясняются особенностью ведения дел сербской средневековой канцелярией [182]. Известно, что сербские средневековые правители не имели постоянной столицы и их канцелярия вслед за ними переезжала из города в город, проводя большую часть времени в пути. Отданные правителем распоряжения оформлялись грамотами спустя некоторое время. Практически получалось, что распоряжение отдавалось в одном городе, а грамота составлялась в другом. При этом канцелярия не имела особых книг для записи распоряжений и регистрации грамот. В результате датировка документов была произвольной. Часто вводят в заблуждение подписи грамот. Иногда случалось, что грамоту подписывали уже после смерти правителя. Особыми исследованиями установлено, что правители не всегда сами подписывали документ, их подписи воспроизводили с помощью штампа [183]. Сербские правители довольно долго пользовались одной печатью. Например, Ст. Душан в 1331 г. был уже самостоятельным правителем, но еще в 1345 г. пользовался печатью с надписью «млади краль» [184]. Чтобы не запутывать дело, было принято считать такие грамоты достоверными, но при этом отделять хронологию от содержания грамоты. Поэтому в ряде случаев тот или иной факт грамоты невозможно точно датировать. Однако это обстоятельство для нас не имеет практического значения.

Значительно сложнее обстоит дело с грамотами, оригиналы которых были утрачены и текст их дошел в позднем списке. Некоторые из этих грамот при переписке

[182] *Ст. Станојевић.* Студије о српској дипломатици. «Глас САН», CLXI (83). Београд, 1934, стр. 3.
[183] Там же, стр. 5, 29, 30.
[184] *К. Јиречек.* Историја Срба, т. II, стр. 27.

подверглись интерполяции и частичной переработке, при которой, возможно, была допущена преднамеренная фальсификация фактов. Говоря о фальсифицированных грамотах, следует иметь в виду, что значительная их часть не является полностью подложными грамотами; в них могли быть фальсифицированы лишь отдельные наиболее важные факты. Поэтому в некоторых случаях нельзя полностью отказываться от использования таких грамот, ибо основная часть их содержания воспроизводит оригинальный текст.

Среди сербских грамот в основном выделяются три группы фальсификатов: группа которских грамот, группа мрачских (ореховацких) грамот и группа вранинских грамот. Кроме того, предполагают, что некоторые грамоты Милутина и Ст. Душана Хиландарскому монастырю также подверглись частичной интерполяции или фальсификации [185]. Однако было бы неправильно считать фальсификатами все грамоты, которые подверглись более поздней и порой очень существенной переработке. Например, самые ранние грамоты Ст. Немани монастырям Студенице от 1196 г. и Хиландарю от 1198—1199 гг. нельзя назвать полностью фальсификатами, несмотря на то, что их оригинальный текст был значительно переработан позднее. Во всяком случае, учитывая степень важности материала и степень возможной фальсификации, мы решили отказаться от анализа которских, мрачских и небольшой части хиландарских грамот и, по возможности, очень осторожно использовать материал некоторых вранинских грамот.

Вранинские грамоты

Вранинские грамоты представляют для нас особый интерес, так как их материал позволяет до некоторой степени восполнить пробел в освещении обстановки в Зете. Вранинскими грамотами обычно называют жалованные грамоты, выданные различными сербскими правителями монастырю св. Николая, расположенному на полуострове Вранина, располагавшемся в северо-восточной части Ска-

[185] *Ст. Станојевић.* Студије о српској дипломатици. «Глас САН», CLXIX. Београд, 1936, стр. 26.

дарского озера. К их числу относятся грамоты: архиепископа Саввы (от 1233 г.), короля Ст. Владислава (от 1242 г.), королевы Елены (от 1280 г.), короля Милутина (от 1296 г.), Ст. Дечанского (от 1326 г.), Ст. Душана (от 1336 г.) и др. Историей этих грамот занимались многие исследователи, но высказанные ими суждения порой диаметрально противоположные [186]. Вранинские грамоты не дошли до нас в оригинале, а сохранились в одном общем сборнике, который был составлен в 1721 г. монахом Гавриилом из монастыря Николая Вранинского [187]. Как утверждает Н. Дучич, посетивший монастырь в 70-х годах XIX в., к этому времени оригиналы грамот еще сохранялись. Однако Ив. Ястребов установил, что виденные им грамоты были не оригинальными, а копиями, снятыми позже. Ив. Ястребов датирует их 1469 г., а Ст. Станоевич — 1614 г. В сборнике 1721 г. грамоты были переписаны одна за другой на нескольких листах. В конце сборника Гавриил сделал следующую приписку: «. . .и еще что наидете во сих хрисовулех неисправно, простите, несть моѩ вина, но рисовули от многих времен престарели и предрти и замрлѩти, но елико могох преписах и исправих». Ив. Ястребов, сверявший тексты списков, замечает по этому поводу, что монах Гавриил во многих местах отступил от слов оригиналов и допустил много перефразирований, но достоверность смысла от этого не пострадала [188].

Достоверность грамоты от 1242 г. короля Владислава у большинства исследователей не вызывает сомнения. В ее достоверности усомнились лишь В. Маркович и В. Корович, но их сомнения основаны не на анализе документа, а лишь на общих предположениях. Материал данной грамоты неоднократно был использован во многих работах.

[186] *Н. Дучич.* Вранина у Зети и хрисовулье на Цетинье. «Гласник СУД», 10. Београд, 1870; *Ив. Јастребов.* Препис хрисовуља на Цетињу «Гласник СУД», 47. Београд, 1879; *В. Марковић.* Православно монаштво и манастири у средњевековној Србији. Београд, 1920, стр. 75; *В. Ћоровић.* Списи св. Саве. Београд, 1928, стр. XXXVII; *Ст. Станојевић.* Студије. . ., CLXIX, стр. 33 и др.

[187] Относительно года составления этого сборника также существуют разногласия. Одни исследователи его датируют 1621 г., а Ст. Станоевич в одной из последних работ датирует его 1721 г., считая первую дату явно ошибочной. (*Ст. Станојевић.* Студије. . ., CLXIX, стр. 32).

[188] *Ив. Јастребов.* Указ. соч., стр. 220.

Достоверность грамот королевы Елены (от 1280 г.), Милутина (от 1296 г.), Ст. Дечанского (от 1236 г.) и Душана (от 1336 г.) до сих пор окончательно не установлена, хотя по этому поводу было высказано много различных противоречивых мнений. Основным доводом против их достоверности послужила грамота от 1348 г. Ст. Душана церкви св. Архангелов в Иерусалиме, которой он передавал указанной церкви часть доходов, какие получал монастырь Николая вранинского. По мнению некоторых исследователей, вранинские монахи, не желая уступать эту часть доходов, могли подделать старые грамоты. Допуская такую возможность, не следует отрицать достоверности содержания основной части текста, где перечисляется состав пожалований (люди, села, земли и др. угодия), так как вранинские монахи могли подделать лишь те части грамот, где речь шла о передаче определенной доли доходов с этих владений, но изменять состав пожалованных сел у них не было оснований. Для большей осторожности мы решили использовать лишь те конкретные факты, которые характеризуют положение района Црмница.

Грамота Ст. Немани монастырю Студенице

Оригинал грамоты (около 1196 г.) не сохранился. Ее текст известен из сводной рукописи, составленной в 1619 г. В рукописи, которая хранится в Чешском музее в Праге, кроме грамоты включены Студеницкий типик, житие Ст. Немани и история Константинополя. Факт существования грамоты подтверждается материалом других источников. Например, эта грамота упоминается в житии Ст. Немани, составленном Саввой. В ней несомненно сохранилось основное содержание оригинальной грамоты, хотя текст в некоторых местах был переработан и интерполирован. Учитывая это обстоятельство, мы нашли возможным использовать ту часть грамоты, где перечислены села и указаны факты, которые уже неоднократно использовались рядом исследователей. Села, указанные в грамоте, упоминаются и в других грамотах конца XIV — начала XV в.

Грамота Ст. Немани Хиландарскому монастырю

Оригинал грамоты (1198—1199 гг.) не дошел до наших дней, но он сохранялся до 1914 г. С ним знакомились многие исследователи, в том числе В. Чорович. Грамоту неоднократно издавали, но при этом имели место неточности и расхождения [189], которые вызвали сомнение у отдельных исследователей. Последний ее издатель В. Чорович в 1928 г. устранил все неточности и расхождения. Факт существования и достоверности грамоты подтверждает ряд других источников [190].

При работе с актовым материалом нам пришлось пользоваться самыми разнообразными изданиями, так как в Югославии до сих пор нет единого полного сборника средневековых актов.

За неимением лучшего издания мы были вынуждены взять за основу сборник Ст. Новаковича «Законски споменици српских држава средњега века» (Београд, 1912) хотя он имеет ряд недостатков. Мы также использовали и другие доступные нам издания. В сборниках Л. Стояновича «Старе српске повеље и писма» (т.т. I—II, Београд, 1929, 1934) и М. Пуцича «Споменици сръбски» (Београд, 1858) с учетом исправлений и дополнений, сделанных К. Иречеком к данному изданию («Споменик САН», XI, 1892), мы познакомились с документами дубровицкого архива. Издания Ф. Миклошича «Monumenta Serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii» (Vienn, 1853), А. В. Соловьева «Одабрани споменици српског права (от XII до краја XV вв.)» (Београд, 1926), А. В. Соловьева и В. А. Мошина «Грчки повеље српских владара», (Београд, 1933) позволили нам сверить изданные Ст. Новаковичем тексты и привлечь более широкий круг различных источников. Однако и эти сборники не исчерпывают всей совокупности изданного актового материала. Поэтому в ряде случаев приходилось разыскивать необхо-

[189] Подробнее об этом см. *В. Ћоровић*. Указ. соч., стр. I—II.

[190] Например, грамота Ст. Немани почти полностью вошла в грамоту от 1200—1202 гг. Ст. Первовенчанного Хиландарскому монастырю, которая впервые была полностью издана А. В. Соловьевым только в 1926 г. Кроме того, текст грамоты послужил основой для жития Ст. Немани, составленного Саввой. Грамота упоминается в хрисовуле (от июня 1198 г.) византийского царя Алексея III Ангела.

димый материал, который был опубликован в многочисленных периодических изданиях. Наряду с этим мы привлекли архивный материал, который был использован в работах других исследователей.

Выписки из нотариальных и судебных книг Дубровницкой общины

Среди документов дубровницкого архива особое место занимают нотариальные и судебные книги (Libri Reformationum), в которых записаны материалы и решения дубровницких вече. Наиболее ранняя книга относится к 1306 г., в которой отражены не текущие дела данного года, а все решения предшествующих лет, начиная с 1301 г. Протоколы текущих дел начали вестись лишь с 1312 г. Эти записи сохранились не все: были утеряны протоколы с 1336 по 1343 г., с 1352 по 1356 г., с 1368 по 1378 г. и некоторые другие протоколы более позднего периода. Сохранившиеся материалы были изданы в 5-томном сборнике «Monumenta Regusina», который вышел в свет в период с 1879 по 1897 г. В них вошли протоколы заседаний и решений всех трех дубровницких вече: великого вече (consilium maius), малого вече (consilium minus) и вече «упрошенных» (consilium rogatorum). В 1951 г. М. Динич опубликовал все не вошедшие в сборник документы с 1380 по 1382 г.

Для нас этот источник интересен тем, что в протоколах и решениях веча довольно часто отражались отношения дубровчан с жителями и администрацией соседних сербских районов. Из документов выясняются имена отдельных жупанов, организация управления в областях Холма и Требинье и ряд других интересующих нас деталей. Относительная непрерывность этой группы источников позволяет детальнее проследить эволюцию института жупанов в районах Холма и особенно Требинье.

Общие законодательные памятники

При разработке темы были привлечены «Закон судный людем», «Закон градский», «Законник» Стефана Душана и др. Но из общих законодательных памятников в данной связи наибольший интерес представляет «Законник» Сте-

фана Душана (1349—1354 гг.) [191], в котором сравнительно большое число сведений имеет непосредственное отношение к нашей теме. 17 статей «Законника» отражают общее состояние административного (жупного) деления в Сербском государстве в середине XIV в. Наряду с этим, были привлечены и другие статьи «Законника», в которых характеризуется вся система административного управления [192]. Свидетельства других законодательных памятников нами чаще всего использованы в компаративных целях.

Эпиграфический материал

К этой группе источников относятся надписи на могильных памятниках, на стенах и воротах монастырей и церквей, а также различные надписи на книгах.

Привлеченный нами эпиграфический материал относительно невелик и насчитывает немногим более десятка надписей. Однако он в ряде случаев помог установить территориальное распространение института жупанов, его хронологические границы и, что особенно важно, предоставил некоторую возможность выяснить отношение представителей местных феодалов к данному институту.

Сербские летописи и жития

Летописи

В отличие от русских, сербские летописи появились гораздо позже. Их можно разделить на две группы: старшие и младшие. Старшие летописи (их всего 5) появились в 70-х годах XIV в., а младшие (их около 50) — в период между XVI—XVIII вв. Те и другие малооригинальны, так как они создавались на основе сообщений византийских авторов, житий и других более ранних легендарных преданий. При всем этом заимствованные

[191] Об изучении памятника см.: *Н. Радојчић.* Век и по проучавања Душанова законодавства. «Зборник у част шесте стогодишњице Законика цара Душана». Београд, 1951, стр. 207.

[192] Для данной работы были привлечены следующие издания «Законника»: *Ст. Новаковић.* Београд, 1870, 1898; *Ф. Ф. Зигель.* СПб., 1872; *Н. Радојчић.* Београд, 1960.

сведения передавались неточно и с большими искажениями. Сведения этих летописей частично можно использовать для характеристики событий XVI—XVIII вв., но для решения нашей задачи эта группа летописей непригодна.

Но среди всех этих летописей совершенно особое место занимает Дуклянская летопись, один из самых ранних южнославянских источников. Она имеет очень важное значение, так как ее свидетельства до сих пор служат основой ошибочных суждений по интересующему нас вопросу. Это обстоятельство требует более подробной характеристики данного источника.

Как и большинство ранних источников, Дуклянская летопись не дошла до нас в оригинале, а сохранившиеся списки оказались очень сложными по происхождению и содержанию. Они вызывали разногласия среди исследователей и порождали недоверие к источнику. Вплоть до 20-х годов XX в. господствовало мнение, что Дуклянская летопись — источник сомнительный, составлен несколькими авторами и ему доверять нельзя. Например, Н. А. Ровинский считал, что дошедший список латинской редакции — результат неоднократных переработок. Он перегружен интерполяциями и поэтому полон бессмыслицы [193].

В 1928 г. Ф. Шишич пересмотрел все существовавшие до того времени точки зрения и на основании анализа всех дошедших списков пришел к заключению, что наиболее ранний латинский вариант летописи вначале был написан по-славянски одним автором, а затем им же был переведен на латинский язык с некоторыми добавлениями и исправлениями. При составлении летописи летописец пользовался легендами и преданиями (при описании истории до X в.), житиями и народными традициями (для характеристики X в.), личными наблюдениями и рассказами очевидцев (при описании истории конца XI—XII в.).

В 1929 г. Н. Радойчич, рецензируя издание Ф. Шишича, высказал ряд опасений по поводу многих фактов, признанных Ф. Шишичем достоверными. Но к 1935 г.

[193] *Н. А. Ровинский.* Сербская хроника в латинском переводе второй половины XII ст. «Известия Отделения русского языка и словесности импер. АН», т. XX, кн. 4. Пг., 1916, стр. 196, 207.

Н. Радойчич несколько изменил свое отношение к достоверности материала летописи и нашел возможным на основе его анализа написать работу об общественном и государственном устройстве дуклянского государства, в которой с большой убежденностью и темпераментом отстаивал пользу данного источника для исторической науки [194].

Основные выводы этой работы Н. Радойчича сразу же были поддержаны известными учеными [195].

Однако в последнее время югославский филолог С. Миюшкович, издавший в 1967 г. наиболее ранний, так называемый ватиканский список летописи [196], пересмотрев аргументацию предшествующих исследователей, указал на ряд ошибок и существенных неточностей в системе их доказательств относительно времени происхождения источника. В противовес установившейся точке зрения, он считает, что данная летопись могла быть написана где-то между второй половиной XIV и серединой XV в. Принимая во внимание эти два обстоятельства и учитывая ряд явно ошибочных свидетельств летописи, относящихся к наиболее ранним событиям IX—XII вв., С. Миюшкович выносит недостаточно обоснованный, но суровый приговор источнику. Он полагает, что «летопись попа Дуклянина нужно полностью отбросить как исторический источник» и рассматривать его только как чисто литературное произведение [197]. Эта точка зрения югославского филолога пока еще не получила должного при-

[194] *Н. Радојчић.* Друштвено и државно уређење код Срба у раном средњом веку према Барском родослову. «ГСНД», XV, 1935.

[195] *А. В. Соловјев.* Предавања из историје словенских права. Београд, 1939.

[196] «Летопис попа Дукљанина». Увод, предговор и коментар др. С. Мијушковић. Београд, 1967.

[197] Там же, стр. 115—116. В данной связи следует признать, что критическая часть работы С. Миюшковича весьма основательна и заставляет более критично относиться к выводам Ф. Шишича и других исследователей источника. Вполне вероятна и заслуживает более пристального внимания предложенная С. Миюшковичем датировка составления летописи. Однако мы не можем признать вполне обоснованной и бесспорной категоричность вывода о бесполезности летописи как источника. Подробнее см. рецензию *Е. П. Наумова* «Новое издание «Летописи попа Дуклянина» в журн. «Советское славяноведение», 1969, 4, стр. 105—108.

знания среди ученых и является предметом острой полемики.

Оригинальный текст летописи, который был написан по-славянски, не сохранился. Не дошел до нас и первоначальный латинский перевод, который, как предполагают, был сделан около 1149 г. тем же летописцем, но уже в преклонном возрасте.

В период с XII по XVII в. с этого перевода было сделано несколько списков на латинском языке. Кроме того, где-то в конце XIV в. на основе латинского перевода или одного из его списков был составлен новый, сокращенный вариант летописи в переводе на хорватский язык.

Таким образом, в XIV в. существовало два различных варианта летописи: первый из них называли латинским, а второй — хорватским. Судьба этих вариантов такова.

Латинский вариант

Как уже отмечалось, с этого варианта в период с XII по XVII в. было снято несколько списков, но точное их число неизвестно. Известно лишь одно, что в XVII в. существовало два различных списка латинского варианта. Один из них был известен М. Орбини, а другой — Ивану Лучичу. Оба эти списка со временем были утеряны, но М. Орбини и Ив. Лучич успели снять с них копии. Свою копию М. Орбини сразу же перевел на итальянский язык, а Ив. Лучич сохранил снятые им копии на латинском языке. Поэтому латинский вариант летописи дошел до нас в двух редакциях: латинской и итальянской. В свою очередь, эти редакции имеют несколько отличающихся друг от друга списков.

Списки латинской редакции латинского варианта. Ив. Лучич первую копию снял в 1650 г. и передал в ватиканскую библиотеку в Риме. Спустя некоторое время он снял вторую копию с того же списка, которую включил в свою книгу «De regno Dalmatiae et Croatiae», вышедшую в свет в 1666 г. в Амстердаме. Однако при издании этой копии был допущен ряд смысловых ошибок. Установлено, что переданная Ив. Лучичем копия в ватиканскую библиотеку не имеет таких ошибок и ее следует считать лучшей.

Списки итальянской редакции латинского варианта. Как уже отмечалось, в распоряжении М. Орбини был

второй список латинского варианта. В 1601 г. М. Орбини перевел этот список на итальянский язык. Сам список позднее был утерян, но сохранился его итальянский перевод, который в XIII в. был переведен на русский язык и издан Феофаном Прокоповичем в 1722 г.

Хорватский вариант

Хорватский вариант был составлен в XIV в. на основе первого латинского варианта. Однако в ряде случаев (особенно при описании событий 1089 г., на которых обрывается повествование в хорватском варианте) тексты этих вариантов существенным образом различаются. Оригинальный текст хорватского сокращенного варианта не сохранился. Осталось неизвестным и имя автора, переработавшего летопись. Сохранились лишь более поздние списки.

Один из списков хорватской редакции был найден в 1509 или 1510 г. С него была снята копия на хорватском языке, а с нее — сделан латинский перевод. Но в переводе были допущены большие отступления от хорватского текста. Позднее с хорватского варианта были сняты новые копии. Наиболее ранний сохранившийся список также оказался у Ив. Лучича, который передал его той же ватиканской библиотеке.

Оба варианта во всех редакциях по отдельности издавались неоднократно, но все вместе их издал только Ф. Шишич, предварительно проделав большую исследовательскую работу [198]. Это издание всех вариантов Дуклянской летописи, сопровождаемое всесторонним анализом источника и снабженное необходимым комментарием, получило всеобщее признание научной общественности и до сих пор остается основой для всех исследователей.

В 1950 г. В. А. Мошин издал латинский и хорватский варианты летописи [199]. При этом он по возможности учел новые результаты исследований. Кроме того, в ряде случаев В. А. Мошин предложил свою трактовку текста,

[198] «Летопис попа Дукљанина». Уредио Ф. Шишић. Београд—Загреб, 1928.

[199] «Ljetopis popa Dukljanina». Izd. V. Mošin. Zagreb, 1950.

которая в какой-то степени расходится с текстом издания Ф. Шишича. Поэтому в ссылках мы указывали оба упомянутых издания. При анализе летописного материала за основу нами был взят латинский вариант, который принято считать основным. Но при этом мы учитывали тексты и других редакций. В связи с этим интересно отметить, что привлеченный нами материал о жупах и жупанах при сопоставлении текстов латинской и итальянской редакций не имеет никаких существенных смысловых различий. Совершенно иная и очень любопытная картина наблюдается при сопоставлении латинского и хорватского вариантов. Во-первых, в хорватском варианте, написанном в конце XIV в., совершенно отсутствуют всякие упоминания об институте жупанов. В тех случаях, где в латинском варианте встречается слово «жупан», в хорватском варианте оно заменено словом «князь». Кроме того, в этом варианте система управления дуклянского государства изложена с учетом более поздних условий. Второй отличительной особенностью хорватского варианта является тот примечательный факт, что те единицы административного управления, которые в латинском варианте названы «провинциями» и «округами», в хорватском варианте названы «жупаниями» и «местами». Это дает основание думать, что автор хорватского варианта летописи для названия единиц административного деления X—XI вв. заимствовал современную ему терминологию XIV в.

Жития

Сербские жития прежде всего являются памятниками литературного творчества. Однако в силу ряда обстоятельств эта группа памятников заслужила всеобщее признание как важный исторический источник. В этой связи достаточно указать, что самые первые произведения этого жанра, оказавшие несомненное влияние на последующие жития, были написаны представителями правящей династии. Стремясь обосновать свои права на сербский престол, их авторы изображали под нужным им углом зрения те исторические события, в условиях которых развертывалась деятельность представителей ставшей у власти династии. Но наряду с этим, авторы житий,

стремясь увеличить силу воздействия своих произведений, включали в них описания различных чудес, которые творили уже умершие правители. Подтверждение этих чудес они искали в церковных писаниях. Поэтому в житийной литературе исторические события самым тесным образом переплетались с вымыслом.

Из числа этой группы источников до нас дошли: три жития св. Симеона (Немани), которые были написаны архиепископом Саввой[200], королем Ст. Первовенчанным (1216 г.)[201] и монахом Доментианом[202]; два жития св. Саввы, написанные монахом Доментианом[203] и монахом Феодосием[204], сборник житий сербских королей и архиепископов, которые были написаны архиепископом Данилом и его продолжателями[205]. Материал житий интересен прежде всего тем, что он позволяет судить о ха-

[200] Младший сын Ст. Немани — Растко, известный в истории под монашеским именем Савва, являясь создателем сербской независимой церкви, составил несколько руководств (типиков) для монастырей и общий церковный устав (Номоканон), известный под названием кормчей. По установившимся обычаям в начале таких текстов излагалось житие основателя монастыря, в данном случае — Ст. Немани. Позднее (около 1308 г.) на основе этих кратких житий было составлено отдельное первое житие св. Симеона, которое считают первым оригинальным произведением сербской литературы.

[201] Оригинальный текст жития не сохранился. Более ранняя рукопись, которую датируют серединой XIII—началом XIV в., хранится в Пражской библиотеке.

[202] Житие составлено в 1264 г., по материалам жития св. Симеона, написанного Ст. Первовенчанным. Для нас оно не представляет особого интереса.

[203] Житие составлено в 1258 г. Доментиан, лично знавший Савву, довольно подробно излагает его биографию, но при описании общих событий того периода часто использует материал жития св. Симеона, написанного Ст. Первовенчанным.

[204] Житие составлено в конце XIII в., его оригинал не сохранился. Наиболее ранняя рукопись датируется 1336 г.

[205] Начало сборнику житий положил Данило, который, будучи Холмским епископом, около 1317 г. написал биографию королевы Елены, около 1319—1320 гг. — биографию Ст. Драгутина и около 1332 г. — биографию Милутина. Кроме того, им были написаны биографии ряда сербских архиепископов. Продолжатели Данилы (как предполагают, их было трое), написали биографии сербского короля Ст. Дечанского, царя Стефана Душана, архиепископа Никодима, самого Данилы II и всех патриархов. Один из продолжателей Данилы II где-то между 1337—1340 гг. собрал эти биографии в один сборник, который позднее пополнился новыми житиями.

рактере административного управления в целом. В ряде случаев, авторы житий, особенно Ст. Первовенчанный, довольно подробно перечисляют представителей центрального и местного административного управления, которые присутствовали на соборах при отречении от престола Ст. Немани и коронации Ст. Первовенчанного. Значительно реже встречаются упоминания об отдельных жупанах и свидетельства о конкретных районах, которые названы жупами. Специфика и определенная тенденциозность данного источника позволяют полнее отобразить отношение центральной власти к процессу перестройки органов административного управления.

Сообщения византийских историков и западноевропейских хронистов

Из трудов византийских историков нами в разной мере были использованы произведения К. Багрянородного, Никифора Вриения, Анны Комниной, Никифора Григоры, Никиты Хониата, Иоанна Кинама, Григория Акрополита, Григория Пахимера, Евстафия Солунского, Иоанна Кантакузина. Из числа западноевропейских хроник были привлечены труды так называемого Ансберта, анонимное описание Восточной Европы (1308 г.) и свидетельства доминиканца Гийома Адама.

Однако в большинстве этих источников содержится крайне мало интересующего нас материала, а те немногочисленные сведения, которые в них встречаются, носят слишком общий и неопределенный характер. Но в ряде случаев эти свидетельства являются наиболее ранними и, к сожалению, единственными.

Среди этой группы источников особый интерес представляют труды К. Багрянородного и Анны Комниной.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТРУКТУРА РАЙОНОВ СЕРБСКИХ ОБЛАСТЕЙ X—XIV вв.

1. Термин «жупа» в источниках

Термин «жупа» применительно к различным сербским областям прослеживается в источниках с середины X до XV в. Но при этом исследователи обычно оставляли без внимания тот факт, что до 20-х гг. XIII в. этот термин встречался только в двух источниках: в гл. 30 «De administrando imperio» и в Дуклянской летописи. Но если учесть, что районы, названные в гл. 30 указанного труда термином «жупа», в тот период входили в состав раннефеодального Хорватского государства, а Дуклянская летопись дошла до нас в редакциях конца XIV и XVII в., то, с нашей точки зрения, было бы более верным считать, что термин «жупа» на территории сербских земель в оригинальных источниках появляется только с 1220 г. В более поздних источниках XIII—XIV вв. этот термин встречается довольно часто и обозначает единицу административного деления, чаще всего безотносительно к какому-либо территориально-географическому району, имеющему свой постоянный топоним. Однако в отдельных случаях, и прежде всего в грамоте Ст. Первовенчанного от 1220 г. сербской архиепископии, термином «жупа» определяется ряд территориально-географических районов, имеющих свой определенный топоним. Часть этих топонимов прослеживается и в более поздних источниках, но они уже не определяются термином «жупа». Данный факт обычно давал основание считать, что пока в источниках упоминаются топонимы этих районов, до тех пор эти районы следует классифицировать как жупы со свойственной им системой внутренней организации, которые возникли еще в период заселения сербами Балканского полуострова. Та-

ким образом, для доказательства охарактеризованной выше схемы жупной организации сербов историки пользовались показаниями разновременных источников, оставляя без внимания их территориальную и хронологическую специфику. Чтобы нагляднее убедиться в неправомерности такого подхода, рассмотрим более внимательно свидетельства наиболее важных источников, в которых зафиксирован термин «жупа». Впервые термин — «ζουπανία» упоминается в гл. 30 «De administrando imperio», где им названы 14 районов, входивших тогда в состав хорватского раннефеодального государства. Но указанные районы в тот период уже не имели никакой связи с племенным делением и представляли собой территориально-административные единицы раннефеодального хорватского государства [1]. В данной связи для нас особый интерес представляют три из этих районов: Ростока, Мокро и Дален [2], так как они позднее значатся в составе сербских земель. Их топонимы несколько раз встречаются в сербских источниках, но уже без обозначения их термином «жупа». Наиболее определенные свидетельства сохранились о районе Мокро. В грамоте 1402 г. он обозначен как «locum vocatum Mocro». С 1469 г. данный район значится уже как турецкая нахия Мокро. Иногда этот же район называли другим топонимом — Гласинац [3].

Приведенные факты показывают, что для обозначения одних и тех же районов в разные хронологические периоды и в разных условиях были использованы самые различные термины. Термин «жупа» удерживался за этими районами только в период их вхождения в состав раннефеодального хорватского государства.

Совершенно иная картина наблюдается при характеристике К. Багрянородным районов Конавли, Стон, Требинье, Врм и Рисан. Если район Конавли он называет словом χώρα [4], а остальные указанные то-

[1] *M. Kostrenčić*. Nacrt. . ., Zagreb, 1956, str. 138; *Ю. В. Бромлей*. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, стр. 190.

[2] «τρεῖς ἔχουσα ζουπανίας τήν 'Ράστωζσαν καὶ τόν Μοκρὸν τοῦ Δάλεν». («Византиски извори за историју народа Југославије», т. II. Обрадио Б. Ферјанчић. Београд, 1959, стр. 34—35).

[3] *М. Динић*. Земље херцега светог Саве «Глас САН» CLXXXII (92). Београд, 1940, стр. 160; *H. Šabanović*. Bosanski pašaluk. Sarjaevo, 1959, str. 133.

[4] *C. Porphyrogenitus*. «De administrando imperio», Budapest, 1949, p. 162.

понимы рассматривает как города, то в более поздних сербских источниках эти районы определены термином «жупа». Однако в данной связи обращает на себя внимание и другой факт, что в период вхождения этих районов в состав государства Неманичей, термин «жупа» для обозначения этих районов тоже не употребляется.

Самое большое число (38) районов, определяемых термином «жупа» (точнее — «jupania»), встречается в Дуклянской летописи — источнике, возникновение которого обычно относят к середине XII в. Однако данный источник, как это уже отмечалось, дошел до нас в поздних редакциях. Поэтому с точки зрения достоверности интересующей нас терминологии, как увидим ниже, он далеко небезупречен.

Во всяком случае, на основании свидетельств данного источника в историографии принято выделять следующие районы, определяемые термином «жупа»: в пределах области Требинье (или Травуния) — 9 жуп: Любомир, Ватница, Рудины, Крушевица, Врм, Рисан, Драчевица, Конавли, Жрновница; на территории Холмской области — также 9 жуп: Стон, Попово Поле, Гацко, Лука, Велика (?), Горимита (?), Веченики (?), Дубравы, Дебре (или Дабар); в области Подгора (Submontana) — 10 жуп: Оногост, Морача, Комарница, Пива, Герицо (?) Невесинье, Гусинье (?), Ком, Дабар, Неретва, Рамы; в Зете — 9 жуп: Луска (?), Подлужье, Горска, Купелник, Облик, Прапратна, Црмница, Будва с Кучевом, Грбаль [5].

Перечисленная выше группа районов уже с давних пор привлекала к себе внимание многих исследователей, которые интересовались прежде всего исторической географией данных районов. Но особенно обстоятельно с этой точки зрения они обследованы в работах К. Иречека, Ст. Новаковича и М. Динича, выводы которых по определению месторасположения этих районов до настоящего времени не утратили своего научного значения. Однако сконцентрировав основное внимание на историко-

[5] «Летопис попа Дукљанина». Уредио Ф. Шишић (далее — «Летопис. . .» изд. Ф. Шишић). Београд — Загреб, 1928, стр. 308: «Ljetopis popa Dukljanina». Izd. V. Mošin (далее — «Ljetopis. . .» Izd. V. Mošin). Zagreb, 1950, str. 75. Независимо от свидетельства Дуклянской летописи, некоторые исследователи выделяют на рассматриваемой территории и другие районы, определяя их термином «жупа», например, Требинье, хотя этот район в летописи и не упоминается.

географической стороне вопроса, большинство исследователей, руководствуясь охарактеризованной выше системой представлений, приняли на веру терминологию Дуклянской летописи и безоговорочно назвали эти районы «жупами». Однако если поставить под сомнение терминологию Дуклянской летописи, а для этого есть основания, и проверить ее по другим оригинальным источникам, то создается любопытная картина. Насколько нам удалось проследить по изданным источникам (включая дубровницкие и боснийские документы), если не считать данных Дуклянской летописи, то термин «жупа» во всех остальных источниках, применительно к подавляющему числу перечисленных выше районов, вообще не употребляется. Им обозначается всего только шесть или восемь районов: Грбаль, Конавли, Попово Поле, Жрновница, Драчевица, Горска жупа и, возможно, Врм и Рудины. Причем оказывается, что районы Грбаль, Конавли, Драчевица и Жрновница в источниках начинают определяться термином «жупа» только после того, как они вышли из сферы административного управления государства Неманичей и вошли или в состав Боснии, или оказались в зависимости от соседних далматинских городов с автономным самоуправлением (Дубровника и Котора).

В данной связи весьма показательно и то, что в период вхождения этих районов в состав государства Неманичей их топонимы сравнительно часто упоминаются в самых разнообразных источниках, но сами эти районы ни разу не названы термином «жупа». Для примера несколько подробнее рассмотрим статистику упоминаний термина «жупа» применительно к району Конавли, который значительно раньше и чаще других районов встречается в самых разнородных и разновременных источниках.

Этот район, упомянутый впервые К. Багрянородным в X в. как «χώρα» [6], в других источниках до конца XIV в. встречается не менее 50 раз, но вплоть до 1391 г., если не считать терминологии Дуклянской летописи и свидетельства 1315 г., дошедшего также в более поздней редакции, ни разу не обозначался термином «жупа» [7].

[6] Подробнее данное свидетельство будет рассмотрено ниже.

[7] «Monumenta Ragusina. Libri reformationum» (далее — «Monumenta Ragusina»), v. I. Zagrabiae, 1879, p. 22, 63, 92—93, 96, 98, 108, 119, 158, 197, 269, 271; v. II. Zagrabiae, 1882, p. 184,

Этим термином район Конавли стал называться только с 1391 г. [8], когда государство Неманичей уже распалось, а часть района в 1378 г. отошла к Боснии, а в 1391 г. была передана Дубровнику [9].

В данной связи заслуживает особого внимания хронологически близкое времени написания Дуклянской летописи (не ранее 1159 г.) свидетельство грамоты 1164 г., издатель которой подписался как «dominus terrae Canali et Seruannitie» [10]. Из этой подписи видно, что районы Конавли и Жрновница, обозначенные в Дуклянской летописи термином «жупа», в документе этого же времени названы термином «terra». Таким образом, рассмотренные факты лишний раз свидетельствуют о том, что термином «жупа» район Конавли обозначался в источниках более позднего времени (конец XIV в.). А это, в свою очередь, дает основание предполагать, что интересующая нас терминология Дуклянской летописи характерна не столько для времени ее происхождения, сколько для времени составления поздних редакций.

К аналогичному выводу приводит и сопоставление терминологии разновременных редакций самой Дуклянской летописи: латинского варианта и его итальянского перевода (XVII в.) с краткой редакцией хорватского варианта (конец XIV в.). Так, например, в гл. IX при описании решений о введении нового административного деления, принятых на легендарном соборе в Далме, в латинском варианте для названия административных единиц были использованы термины «provincia», «regio», а в более раннем хорватском варианте (конец XIV в.) —

258, 261, 277, 323, 325; v. III. Zagrabiae, 1895, p. 94, 151, 198, 286, 309; v. IV. Zagrabiae, 1896, p. 86, 120, 124, 130—131, 148—149, 203, 246; «Законски споменици српских држава средњого века» (далее — «Законски споменици...»). Прикупио и уредио Ст. Новаковић. Београд, 1912, стр. 194—195, 217; *J. Тадић.* Писма и упутства Дубровочке републике. Београд, 1935, стр. 2, 16, 218, 225, 239, 242, 312; «Liber omnia reformationum», p. XVI, c. V. «Дубровачки закони и уредбе». Изд. А. Соловјев, М. Петерковић. Београд, 1936, стр. 93.

8 «Законски споменици...», стр. 252, 317, 325—330.

9 Вторая часть района Конавли была передана Дубровнику только в 1419 г. Подробнее см.: *Р. Грујић.* Конавли под разним господарима од XII до XV в. «Споменик САН», 66. Београд, 1926.

10 «Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae», v. II. Ed. T. Smečiklas. Zagrabiae, 1904, p. 99; *Р. Грујић.* Указ. соч., стр. 4.

термин «Županija». Между тем, если присмотреться внимательнее, то можно заметить, что в латинском варианте термином «jupania», как мы уже видели выше, назывались другие, малые районы, каждый из которых имел свой топоним, а термином «provincia» и «regio» — более обширные территории.

Но особенно наглядно интересующий нас факт прослеживается при сопоставлении терминологии, используемой для обозначения чиновников соответствующих единиц. Если составитель латинского варианта этих чиновников называл «supan» или «comes», то составитель хорватского варианта того же чиновника называл термином «duž», то есть «дож». В данной связи показательно также и то, что в хорватском варианте другие чиновники определяются терминами «herceg» и «knez» [11].

Из данного сопоставления видно, что авторы обоих вариантов были далеко не единодушны в выборе интересующих нас терминов и несомненно отклонились от первоначальной терминологии оригинала. Поэтому не исключено, что на перечисленные в Дуклянской летописи районы, которые представляли собой в XV—XVII вв. единицы турецкой административной системы — нахии [12], была перенесена славянская терминология конца XIV в., когда большая часть этих районов находилась в составе Боснии и действительно обозначалась термином «жупа».

Таким образом, если придерживаться свидетельств, сохранившихся в оригинальных источниках, то оказывается, что для подавляющего числа перечисленных в Дуклянской летописи районов термин «жупа» в государстве Неманичей и в более ранний период не употреблялся вообще. Из числа перечисленных в летописи районов в государстве Неманичей термином «жупа» обозначали только два: Горска жупа [13] и жупа Попово Поле [14].

[11] «Летопис. .» изд. Ф. Шишић, стр. 307, 399; «Ljetopis. . .» izd. V. Mošin, стр. 55.

[12] *H. Šabanović.* Указ. соч.

[13] В грамоте Ст. Первовенчанного 1220 г. этот район (область Зеты) упоминается наряду с другими районами, обозначенными термином «жупа», которые расположены в области Рашка. Материал этой грамоты подробнее будет рассмотрен ниже.

[14] Район Попово Поле, расположенный на территории Холмской области, впервые назван «жупой» в грамоте сербского короля Уроша I от 1254—1264 гг., которая воспроизводит текст несохранившейся грамоты Ст. Первовенчанного, где, в свою очередь, было записано подтверждение жалованной грамоты Холмского

Аналогичная картина прослеживается и при более детальном знакомстве с копией решения дубровницкого вече от 29 декабря 1315 г., на основании которого можно предполагать, что термин «жупа» применялся для обозначения районов Драчевица, Требинье, Конавли, Врм и Рудины [15]. Во-первых, данное свидетельство, зафиксированное в «Liber omnia reformationum», дошло до нас в более поздних рукописях от 1410 и 1449 гг., когда указанные районы уже входили в состав Боснии [16]. Во-вторых, из последних работ М. Динича и В. Трпковича видно, что данные районы были под властью Боснии уже в первом десятилетии XIV в.[17] Поэтому переписчик рукописи мог свободно употребить этот термин в отношении этих районов, так как в условиях Боснии конца XIV в. они, наряду с другими районами (например, Омиш, Хливно и др.), обозначались этим термином [18]. В-третьих, употребление термина «жупа» в приведенном контексте настолько неопределенно, что на основании только одного этого свидетельства было бы неверным утверждение, что каждый из перечисленных районов назывался термином «жупа». Из контекста документа можно понять, что жупой называлась просто сфера власти лица, во владении которого были эти районы.

Таким образом, если принять во внимание специфику терминологии Дуклянской летописи и показания оригинальных источников, то, с нашей точки зрения, сохранившиеся свидетельства не дают достаточных оснований, чтобы распространять термин «жупа» на все перечисленные в Дуклянской летописи районы не только в период их вхождения в состав государства Неманичей, но и

князя Мирослава («Законски споменици. . .», стр. 595). Затем термином «жупа» (joba de Рароа) данный район назван в 1319 г., когда он уже входил в состав Боснии (*М. Динић.* Дубровачке трибути. «Глас САН», CLXVIII (86). Београд, 1935, стр. 214).

[15] «Liber omnia reformationum», p. VI, c. VIII. De robariis. («Дубровачки закони и уредбе». Изд. А. Соловјев, М. Петерковић. Београд, 1936, стр. 40—41).

[16] Там же, стр. XIII.

[17] *В. Трпковић.* Кад је Степан II Котроманић први пут продро у Хум («Историски гласник», 1960, 1—2, стр. 151—154; *он же.* Бранивојевићи (там же, 3—4, 1960, стр. 55—64); *М. Динић.* Comes Constrantinus. «Зборник радова Византолошког института», 7, 1961, стр. 1—11; *С. Ћирковић.* Историја Босне. Београд, 1964, стр. 89.

[18] «Законски споменици. . .», стр. 322-327.

в более раннее время. В условиях государства Неманичей этим термином бесспорно обозначали только один район из области Зеты — Горска жупа. Другую незначительную часть этих районов (6 районов) стали называть этим термином только в конце XIV в., после распада Сербского государства. Подавляющая часть перечисленных в Дуклянской летописи районов и в оригинальных источниках вообще никогда не обозначалась термином «жупа».

В сербских источниках термин «жупа» впервые упоминается в грамоте 1220 г. Стефана Первовенчанного сербской архиепископии. Им называли 14 территориально-географических районов, имевших свои топонимы и располагавшихся, как правило, по течению одноименных рек. Тринадцать из этих районов находились в пределах области Рашки, а одна, Горская жупа, упомянутая в Дуклянской летописи, — в области Зеты. В данной связи следует еще раз напомнить, что многие топонимы указанных в грамоте 1220 г. районов встречаются и в более поздних источниках, где они уже не обозначаются термином «жупа», за исключением двух районов — Расина и Левоч. Первый район назван этим термином в житии короля Милутина, написанном в середине XIV в. архиепископом Данилой [19], а второй — в грамоте 1405 г. [20], то есть уже после распада государства Неманичей.

Наряду с этими 14 районами, в других более поздних источниках указаны еще несколько районов, определяемых термином «жупа». К таким районам относятся Рас и Будимле, обозначенные термином «жупа» только в житии Драгутина, написанном в начале 80-х гг. XIII в. [21], район города Брскова, упомянутый только в одной грамоте 1330 г. короля Ст. Дечанского Дечанскому монастырю [22], район реки Затрнавы — во Второй дечанской грамоте, составленной после 1320 г. [23], Црна

[19] «Дрьжава жоупы Расиньскые». (*Архиепископ Данило.* Животи српских краљева. Изд. Даничић. Загреб, 1866, стр. 115—116).

[20] «Жоупа Левьчска» («Законски споменици. . .», стр. 461); *А. Соловјев.* Одабрани споменици српскога права (од XII до краје XV века). Београд, 1926, стр. 180.

[21] «Область жоупы Рашьскиѥ. . .»; «страна жоупы Будимле. . .» (*Архиепископ Данило.* Животи. . ., стр. 25, 170, 293).

[22] «Брсковска жоупа» («Законски споменици. . .», стр. 648).

[23] *М. Милојевић.* Дечанске хрисовуље, стр. 3.

Стопа — в грамоте, выданной в период 1275 — 1332 гг. [24], Любовидже — в 1281 г. [25], районы городов Звечан и Брвеник — в грамоте 1363 г.[26]

Между тем, в подавляющем большинстве документов термином «жупа» обозначены административные единицы безотносительно к какому-либо территориально-географическому району с определенным топонимом. В таком значении он выступает и в «Законнике» Стефана Душана 1349—1354 гг.

Наряду с этим с 1300 г. термин «жупа» начал появляться в источниках, отражавших историю присоединенных к Сербскому государству районов Македонии, которые до этого несколько веков находились в составе Византийской империи. По мере продвижения сербов в глубь византийских владений термин «жупа» постепенно проникал в сербские источники, которые характеризуют положение на всей захваченной у Византии территории. Например, в середине XIV в. этот термин зафиксирован в источнике, где упомянуты районы, вплотную примыкавшие к Халкидонскому полуострову [27]. Однако, специфика употребления термина в источниках, относящихся к рассматриваемой территории, заключается в том, что им обычно не обозначали какие-то конкретные территориально-географические единицы, а использовали чаще всего как фискальный или чисто административный термин безотносительно к какому-либо территориально-географическому району с определенным топонимом. Например, он чаще всего встречается в выражениях «приплате жоупьске» [28], «оброка не даю жоупомь» [29], «людие жоупьсци» [30] и т. д. При этом обращает на себя внимание тот факт, что эти выражения характерны только для районов, захваченных у Византии. В документах, относящихся к основным областям Сербии, они обычно не встречаются.

Для обозначения конкретных территориально-гео-

[24] «Monumenta Serbika. . .» Ird. F. Miklošich. Vien, 1958, str. 72.
[25] *Г. Чремошник.* Историjски споменици Дубровачког архива. Серија, III, св. 1. Београд, 1932, стр. 65.
[26] «Одабрани споменици. . .», стр. 166.
[27] *P. Lemerle.* Actes de Kutlumus. Paris, 1945, p. 229.
[28] «Законски споменици. . .», стр. 696.
[29] Там же, стр. 388.
[30] Там же, стр. 703.

графических районов, имевших конкретный топоним, термин употреблялся крайне редко. В частности, им названы район Призрена [31] и область Полог [32]. Причем в этой же грамоте Полог одновременно определен другим термином — «область», которым эта территория обозначена во всех других документах. Интересно отметить также и тот факт, что при переводе греческих текстов на славянский язык термин «жупа» иногда использовали для перевода термина κατεπανίκιον [33].

Из приведенных данных видно, что термин «жупа» в разное время и на различных территориях Сербского государства употребляли для обозначения не всегда одинаковых понятий. Если свидетельства, касающиеся областей Требинье, Холм, Зета и Рашка (особенно в грамоте 1220 г.), и дают основание предполагать, что термином «жупа» называли какие-то постоянные и давно сложившиеся комплексы, то свидетельства, относящиеся к захваченным у Византии областям, явно противоречат такому предположению. Более того, если учесть, что с начала XIV в. термин «жупа» на только что захваченных у Византии территориях применяли точно в таком же значении, как и в «Законнике» Ст. Душана 1349—1354 гг., то вполне естественно предполагать, что в этом же значении термины употребляли и в более раннее время (например, в XIII в.) на территории всего государства Неманичей. В таком случае первое предположение, что термином «жупа» обозначали исторически сложившиеся комплексы или отпадает вообще, или требует совершенно иного объяснения, чем то, которое существовало до сих пор.

Таким образом, обзор специфики использования термина «жупа» в источниках ставит под сомнение достоверность ряда выводов старой, домарксистской историографии и, следовательно, требует более тщательного анализа всех сохранившихся данных, относящихся к перечисленным выше районам. Но, прежде чем приступить к их рассмотрению, следует указать, что для намеченной цели,

[31] «Жоупа Призренска» («Законски споменици. . .»), стр. 421.
[32] «Жоупа Полож'ка» (там же, стр. 614).
[33] *В. А. Мошин.* Акти из светогорских архива. «Споменик СКА», XCI (70), св. 5. Београд, 1939, стр. 46; *Г. Острогорски.* Византиске катастарске књиге. «Историско-правни зборник», 2. Сарајево, 1949, стр. 37.

в силу охарактеризованных выше причин, мы вынуждены выделять не только те районы, которые названы в оригинальных источниках термином «жупа», но и те, которые, с нашей точки зрения, необоснованно принято в историографии обозначать этим термином.

2. Характеристика районов по областям

Специфика сохранившихся свидетельств и различная степень разработки материала исторической и этнической географии поставили нас перед необходимостью применять различные приемы и методы анализа для характеристики различных областей. Поэтому, прежде чем приступить к рассмотрению конкретного материала, хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний, уточняющих план данного раздела и общее направление анализа.

В начале раздела мы одновременно характеризуем районы, расположенные на территориях Холма, Требинье (или Травунии) и Подгоры. Такое объединенное рассмотрение материала несколько искусственно, несмотря на то, что эти соседние области имели много общего как в экономическом, так и в политическом развитии. Более того, область Подгора в условиях государства Неманичей утратила свое территориальное единство, так как большая часть ее районов вошла в состав соседних областей. Решающими факторами такого объединения послужили отсутствие необходимого материала для каждой области в отдельности и наличие общих данных, характеризующих условия одновременно на территориях всех этих областей.

Специфика исторического материала применительно к этим областям заключается в том, что источники значительно полнее отражают историческую и отчасти этническую географию этих районов, но крайне недостаточно освещают организацию феодального землевладения на их территориях. Учитывая, что историческая география районов вышеназванных областей разработана сравнительно лучше, мы ограничиваемся изложением лишь самых необходимых для характеристики выделенных районов данных, полагая, что с более частными вопросами можно обстоятельнее познакомиться в существующей литературе. При характеристике феодального землевла-

дения на территориях данных областей, ввиду крайней скудости свидетельств, нам приходилось привлекать или самые общие свидетельства, или составлять о них представление через призму социальных противоречий и политических событий, нашедших свое отражение в самых различных источниках.

Иначе построен анализ материала, который привлечен для характеристики районов Рашки. Используя в основном материал жалованных грамот, мы вначале выделяем территории, обозначенные термином «жупа» как в источниках, так и в литературе, и пытаемся установить их границы. Затем делаем выборку из грамот пожалованных сел и, размещая их на территории каждого района, устанавливаем таким образом, с одной стороны, общее число феодально зависимых сел, а с другой стороны, число феодальных владений на территории того или иного района. Разумеется, наши подсчеты и наблюдения не могут быть исчерпывающими, так как по состоянию сохранившегося материала невозможно установить точно общее число сел и феодальных хозяйств на территории каждого района.

Для характеристики районов, расположенных в Зете, пришлось применить оба вышеуказанных метода. Поскольку большая часть топонимов Дуклянской летописи не упоминается в источниках, относящихся к периоду государства Неманичей, но общие сведения о территории этих районов имеются, то в данном случае мы анализировали эти свидетельства без учета конкретных границ данной части районов, то есть сделанные нами выводы распространяются на всю область одновременно. Наряду с этим, когда в отдельных случаях мы располагали материалом, касавшимся территории одного района, его показания мы рассматривали уже с учетом конкретных границ данного района. Принципиально иной подход мы избрали для характеристики территории Македонии и других соседних с ней областей, находившихся ранее в составе Византийской империи. Поскольку на территории данных областей в момент их вхождения в состав государства Неманичей не было таких сложных и устойчивых комплексов, какими историки обычно представляли жупы, то мы оказались свободными от необходимости доказывать отсутствие таких комплексов применительно к территории этих областей. В данном случае перед нами

вставала другая задача: как можно точнее и полнее дать характеристику понятий и категорий, определяемых в источниках термином «жупа», применительно к условиям этих областей.

Подгора

Оногост (или Никшич) — район, который располагался на территории современной Черногории; в настоящее время он называется Никшичским полем, которое окружено горами, достигающими высоты 1200 метров. Поле протяженностью около 15 километров имеет площадь около 48 квадратных километров. Эта территория естественно разделена на несколько полей, часть которых имеет свои топонимы. В античный период на территории района находился город Андерба, в котором перекрещивались торговые пути [34]. Если не считать свидетельства Дуклянской летописи [35], в актовых документах топоним района начал упоминаться только со второй половины XIV в., но никогда не обозначался термином «жупа» [36]. С 1469 г. в турецких источниках этот район назывался «нахией» [37].

Морача — топоним, впервые упоминается в 1355 г., без обозначения термином «жупа» [38]. Район расположен по реке Морача, окружен горами, достигающими высоты свыше 2000 метров. Термин «нахия» впервые появился в 1477 г. Тогда же район был разделен на две влашские нахии: Верхнюю и Нижнюю Морачи. Первая располагалась, соответственно, в верховье реки Морачи. Она состояла из одного катуна влахов, во главе которого был воевода. Нахия Нижняя Морача — из двух влашских катунов [39]. В оригинальных источниках под термином «жупа» не встречается.

[34] *Ст. Новаковић.* Српски области X и XII вв. Београд, 1880, стр. 76; «Историја Црне Горе», т. I. Титоград, 1967, стр. 315.

[35] При учете упоминаний термина «жупа» в источниках в дальнейшем данные Дуклянской летописи по указанным выше причинам не учитываются.

[36] «Законски споменици. . .», стр. 8, 185, 186.

[37] *Н. Šabanović.* Basanski pašaluk, str. 143.

[38] «Законски споменици. . .», стр. 429.

[39] *Ст. Новаковић.* Српски области . . ., стр. 76; *Н. Šabanović.* Указ. соч., стр. 159.

Комарница — территория между районами Пива и Гацко. С 1477 г. называлась нахией Комарница, иногда ее также называли Дробняци. Название Комарница она получила от одноименной реки, а Дробняци — от старинного большого скотоводческого братства, которое упомянуто в источниках еще в 1285 г. В 1477 г. это братство размещалось в 17 катунах (džemata). Во главе одного из катунов стоял кнез [40]. В источниках термином «жупа» также не обозначен.

Пива — район, располагавшийся по р. Пиве, в 1477 г. упоминается как влашская нахия под двумя названиями: Пива и Баня. На его территории располагалось 19 влашских катунов, во главе которых стоял один кнез [41]. Термином «жупа» район не обозначен.

Невесинье. Ст. Новакович расшифровывает этот топоним как Тушина, которая располагалась в Дробняках. Однако Х. Шабанович в турецких документах нашел нахию Невесинье. Центром района был город Виначац, известный еще в 1435 г., но при турках он не упоминается [42]. Современное Невесинское поле, окруженное горами высотой 1000—1700 метров, длиной — 23 километра и шириной 7,5 километра, занимает площадь около 17,5 квадратного километра. Топоним упоминается в 1347 и в 1372 г. В 1436 гг. он встречается в источниках несколько раз, но нигде не назван жупой [43].

Ком — район, который, по предположению Ст. Новаковича, должен был располагаться около горы Ком. Исследования Х. Шабановича подтвердили это предположение, так как именно на этой территории в турецких документах от 1469 и 1477 гг. указывается нахия Ком [44]. В средневековых источниках район термином «жупа» не обозначен. Однако часть района, расположенная от Главатичева до реки Ракитницы и озера Борач, в настоящее время называется топонимом Жупа [45].

[40] *Ст. Новаковић.* Српски области . . ., стр. 76; *H. Šabanović.* Указ. соч., стр. 159.
[41] Там же.
[42] *Ст. Новаковић.* Српски области . . ., стр. 76—77; *H. Šabanović.* Указ. соч., стр. 141.
[43] *М. Динић.* Хумско-требињска властела. Београд, 1967, стр. 79—80.
[44] *Ст. Новаковић.* Српски области . . ., стр. 76—77; *H. Šabanović.* Указ. соч., стр. 140.
[45] «Историја Црне Горе», т. 1. Титоград, 1967, стр. 316.

Дабар, или Дабри, — район, по мнению Ст. Новаковича, располагался по нижнему и среднему течению реки Лима. Этот район Дабар, как предупреждает Ст. Новакович, не нужно путать с Дабром, который был еще и в Холме. Х. Шабанович нашел в описи 1469 г. нахию Дабри [46]. Термином «жупа» район никогда не назывался.

Нерства — район, в оригинальных источниках как одно целое упоминается с 1244 г. В этот период он уже входил в состав Боснийского государства. Целым он оставался до XV в., занимая территорию около Коница, по обоим берегам реки Неретвы, которая принадлежала дому Котроманичей [47]. В начале XV в. район был разделен на две части. Та часть, которая находилась на левом берегу Неретвы, перешла под власть герцога св. Саввы. А другая часть, на правом берегу, оставалась во владении боснийского короля. В описи 1469 г. упоминаются две нахии Неретва: одна — на земле короля, другая — на земле герцога [48]. Термином «жупа» район не определялся.

Рамы — район, по определению Ст. Новаковича, находился в Полимье [49]. Топоним впервые упоминается в 1138 г. в титулатуре венгерских королей [50]. В 1463 г. Матвей Корвин после удачной борьбы с турками осенью и зимой 1463 г. пожаловал Владиславу Герцеговичу крепость Прозор в Раме и весь район Рамы [51].

Холм

Стон — район, располагавшийся на полуострове Пелешец (или Стонски Рат). Топоним — римского происхождения, упоминается в источниках задолго до переселения славян. Географически район разделялся на три части: Стонско Поле, Црно Поле и Попово Поле. В архитектуре города Стон специалисты выделяют 3 фазы развития:

[46] *Ст. Новаковић*. Српски области . . ., стр. 77; *Н. Šabanović*. Указ. соч., стр. 142.
[47] *М. Динић*. Земље херцога св. Саве. «Глас САН», CLXXXII (92). Београд, 1940, стр. 214.
[48] *Ст. Новаковић*. Српски области . . ., стр. 77; *Н. Šabanović*. Указ. соч., стр. 120, 126.
[49] *Ст. Новаковић*. Српски области . . ., стр. 77.
[50] *В. Трпковић*. Хумска земља. «Зборник филозофског факультета», кн. VIII/I. Београд, 1964, стр. 239.
[51] «Castrum Prozor in Rama et cum tota Rama. . .» (*М. Динић*. Земље . . ., стр. 239).

римскую, дуклянско-неманическую и дубровницкую [52]. Грамотой от 1333 г. Ст. Душан передал дубровчанам весь полуостров Пелешац, и в этом же году боснийский бан подтвердил факт передачи своей грамотой [53]. За это дубровчане обязаны были платить так называемый «стонский доход» в размере 500 перперов в год [54]. В дальнейшем судьба района была тесно связана с историей Дубровника. Термином «жупа» район не обозначен.

Попово Поле — район от Стона (полуостров Пелешац) до Затона, в низовьях реки Требищницы [55]. Попово Поле, шириной около 4,5 километра, зажатое высокими горами, тянется на 31 километр [56]. Эта наиболее плодородная часть Холмской области была захвачена турками в 1467 г.[57] В турецкой описи 1469 г. эта территория называется нахией Попоуска [58]. Известно также, что в начале XIV в. в районе насчитывалось 20 сел [59]. Под термином «жупа» упоминается в 1254—1264 гг.[60] и в 1319 г. [61]

Гацко — район, который Ст. Новакович и К. Иречек относят к области Холм, но Х. Шабанович и Х. Капиджич называют его жупой Подгорья [62]. Мы решили отнести его к той области, в которой он указан в источнике. Топоним района упоминается в 1312—1313, 1318, 1319, 1426 гг., но не обозначен термином «жупа» [63]. В описи 1469 г. район называется нахией Гацко.

[52] «Историја Црне Горе», т. I, стр. 339.
[53] *V. Trpković.* Oko «ustupanja». Stona i Pelješca dubrovčanima (1326—1333). «Istorijski glasnik», kn. 1. Beograd, 1963, str. 39—60.
[54] «Законски споменици . . .», стр. 297, 300.
[55] *К. Јиречек.* Трговачки путеви. . . «Зборник К. Јиречека», т. I, 1959, стр. 238.
[56] «Историја Црне Горе», т. I, стр. 341.
[57] *М. Динић.* Земље . . . стр. 250.
[58] *Н. Šabanović.* Указ. соч., стр. 141.
[59] *Ст. Новаковић.* Српски области . . ., стр. 46.
[60] Там же, стр. 596.
[61] *М. Динић.* Земље . . .. стр. 214.
[62] *Ст. Новаковић.* Српски области . . ., стр. 46—47; *К. Јиречек.* Трговачки путеви . . ., стр. 238; *Н. Šabanović.* Указ. соч., стр. 142; «Enciklopedija Jugoslavije», t. 3. Zagreb, 1958, str. 416.
[63] «Законски споменици . . .», стр. 624; «Стари српски записи и натписи», т. I, Сремски Карловци, 1902, стр. 41; *М. Динић.* Хумско-требињска. . ., стр. 79.

Лука — район на обоих берегах реки Неретвы, на территории, где в Неретву впадают реки Трибижат, Брегова и Крупа [64]. Топоним упоминается только в 1465 г. В этот год Матвей Корвин пожаловал три села «у луци у хумской земли» [65]. В 1477 г. район упоминается как нахия Лука [66].

Дубравы — район между Стоцем и Мостаром. К. Багрянородный упоминает город Добристик, под которым некоторые исследователи склонны видеть топоним района Дубравы. К. Иречеку был известен источник, который якобы еще в 1285 г. называл эту территорию «juppa Dobraue»[67]. Для нас этот источник остался недоступным. В опубликованных источниках (1343, 1347, 1361/1364, 1396 гг.) упоминается только топоним [68]. В турецкой описи 1469 г. район назывался нахией, в которой насчитывалось 16 сел. Но в этих селах жителей уже не было. Центром района в этот период был город-крепость Почитель, где еще в 1471 г. располагался венгерский гарнизон, но позднее он был захвачен герцоговинским санджак-беком Ализабегом. По переписи 1477 г. в нахии Дубравы насчитывалось 19 катунов влахов. Среди других катунов выделялся катун Радивоя. Х. Шабанович предполагает, что это был Радивой Влаткович, о котором упоминается в надписи, найденной в селе Оплигичи, как о лучшем «муже в Дубравах» [69].

Требинье (или Травуния)

Любомир — район между Требинье, Билечем и Поповым Полем [70]. Топоним Glumomir, или Glubomi, упоминается только с 1457 г.[71] В 1465 г. он был захвачен тур-

[64] *К. Јиречек.* Трговачки путеви . . ., стр. 238.
[65] «Monumenta serbica». str. 494; *Ст. Новаковић.* Српски области . . ., стр. 47.
[66] *Н. Šabanović.* Указ. соч., стр. 163.
[67] *К. Јиречек.* Трговачки путеви . . ., стр. 238. М. Вего цитирует это место следующим образом: «in Breda in juppa Dobrane» (*M. Vego.* Prilog topografiji. . . «Glasnik ZMS», 1957, str. 267—268). Но название топонима явно не совпадает.
[68] «Monumenta Ragusina. . .», т. I, стр. 141, 218, 286; т. III, стр. 133, 209; т. IV, стр. 20, 21, 261, 263.
[69] *Н. Šabanović.* Указ. соч., стр. 159—160.
[70] *К. Јиречек.* Трговачки путеви . . ., стр. 233.
[71] *М. Динић.* Хумско-требињска. . ., стр. 78.

ками, а в 1477 г. упоминается как нахия [72]. По данным Ст. Новаковича, Любомир как целое сохранялся до XIX в., насчитывая 11 сел [73].

Фатница, или Ватница (Vetanica),— топоним, упоминается только с 1381 г. В этом году дубровчане возбудили дело против Угрина Радиновича и его людей. Ст. Новакович и К. Иречек не могли определить расположение и точное название этого района по данным Дуклянской летописи. Х. Шабанович отождествляет жупу Vetanica указанной летописи с нахией Ватница из турецкой описи 1469 г., определив ее расположение между Стоцем и Билечем [74].

Рудины — топоним, упоминается в 1301, 1319, 1330, 1335 и 1359 гг., но без определения термином «жупа» [75]. Этот район существует и ныне. По наблюдениям М. Динича, в Рудинах в 1330 г. кроме сербов жили и хорваты. В 1477 г. упоминается как нахия, в которой был один катун влахов без воеводы и кнеза [76].

Крушевица — топоним, упоминается с 1280 г.[77], но район никогда не обозначался термином «жупа». Ст. Душан, подтверждая Котору право на владение районом, указывал в грамоте 1351 г., что город получил «Кроушевицу со всеми селами, мегами, правинами своими до реки» [78]. В турецких документах район не упоминается.

Врм — топоним (το Ὅρμος), впервые упоминается в середине X в. в «De administrando imperio», где он использован для обозначения города. В 1306 [79], 1315 и 1357 гг. топоним использовали для обозначения района. При этом в 1315 г. район, возможно, мог называться «жупой» [80]. В XV в. центром района был город Клобук [81]. Поскольку тогда район принадлежал феодальной семье

[72] *H. Šabanović*. Указ. соч., стр. 158.
[73] *Ст. Новаковић*. Српски области . . ., стр. 26.
[74] «Supra Vgrin Radinovich cum suis complicibus et gente sua. . . in Votnica» (*М. Динић*. Српски области . . ., стр. 78).
[75] Там же, стр. 79.
[76] *H. Šabanović*. Указ. соч., стр. 158.
[77] «Законски споменици. . .», стр. 14, 579, 695, 771.
[78] Там же, стр. 32.
[79] «Omnes de Verma homines de Viscao. . .» (*М. Динић*. Хумско-требињска . . ., стр. 79).
[80] «Monumenta Ragusina», т. II, стр. 184.
[81] *Ст. Новаковић*. Хумско-требињска . . ., стр. 23.

Кореничей, то по имени господ он иногда назывался Кореничи. В описи 1477 г. эта территория именуется «нахией Клобук, которая принадлежит Врму», где расселился один катун влахов [82]. В настоящее время район называется Корениничи, а наиболее плодородная его часть — жупой [83].

Рисан — топоним (τὰ Ῥίσινα), впервые появился в середине X в. в том же источнике для обозначения города. Ст. Новаковичу и К. Иречеку были известны акты XIV в. из дубровницких архивов, где этим топонимом называли район [84]. В 1451 г. Рисан упоминается как город в Драчевице [85]. В турецких переписях топоним не встречается.

Жрновница — топоним, впервые упомянут в грамоте 1164 г., а соответствующий ему район обозначен термином «terra» [86]. В источниках XIII—XIV вв. данный район чаще всего назван топонимом Брено (Breno). Термином «жупа» вплоть до XV в. район никогда не обозначался, хотя упоминается в источниках довольно часто (1222 [87], 1242 [88], 1361—1362 [89], 1366, 1372 [90], 1378, 1407 [91] гг.). В XIV в. район был разделен на три части [92]. Район располагался в окрестностях Дубровника и представлял собой самое узкое место Далмации. На территории района еще в XIX в. размещалось не более 500 домов [93].

Конавли — топоним (Καναλή) середины X в. К. Багрянородный называл им землю или область (χώρα), которая располагалась юго-восточнее Дубровника, рядом с районами Жрновница (Брено) и Витошна. Эта территория представляла собой приморский район протяженностью 4 мили. В упомянутой выше грамоте 1164 г. этот

[82] *Н. Šabanović.* Указ. соч., стр. 158.
[83] «Историја Црне Горе», т. I, стр. 334.
[84] *Ст. Новаковић.* Српски области . . ., стр. 24; *К. Јиречек.* Указ. соч., стр. 233.
[85] «Законски споменици. . .», стр. 342.
[86] *Р. Грујић.* Указ. соч., стр. 4.
[87] «Законски споменици. . .», стр. 586.
[88] Там же, стр. 147.
[89] «Жрновничка земля». (*Ј. Тадић.* Писма и упутства. Београд. 1935, стр. 67, 94; «Законски спомецци. . .», стр. 185).
[90] «Законски споменици. . ., стр. 162, 248.
[91] Там же, стр. 196, 324.
[92] *К. Јиречек.* Трговачки путеви . . ., стр. 234.
[93] *Ст. Новаковић.* Српски области . . .; *К. Јиречек.* Трговачки путеви . . ., стр. 234.

район назван термином «terra» [94]. В источниках XIV—XV вв. район упоминается очень часто, но термином «жупа» стал обозначаться только с 1391 г. [95] В данном случае следует лишь иметь в виду, что начиная со второго десятилетия XIV в. район довольно часто переходил от одних правителей к другим. В 1378 г. он окончательно отошел к Боснии. Сандаль Хранич в 1419 г. продал Дубровнику восточную часть, а в 1426 г. и западную часть района [96].

Требинье — топоним, которым обозначали как целую область Требинье, или Травуния, так и сравнительно небольшой район на реке Требишнице. Во втором случае топоним впервые упоминается в X в. в «De administrando imperio», где им назван город Требинье. В этом значении топоним употреблен и в источниках XIV—XV вв. (1305, 1322, 1323, 1329, 1345, 1347, 1357—1359, 1362—1363, 1372, 1374—1375, 1378, 1391, 1405 гг.) [97] и т. д. Но во всех указанных случаях, кроме рассмотренного выше свидетельства от 1315 г., данный район термином «жупа» не определялся. На территории района в конце XIV—начале XV в. прослеживаются более малые районы: Луг, Версинье и Зубцы. В 1430 г. в районе Луг насчитывалось 60 домов, жители которых добывали древесный уголь и «по бедности своей» занимались разбоем на дорогах. Топонимом Зубцы в 1379 г. было названо так называемое «племя», которое под этим же названием было известно еще в XIX в. С 1469 г. район Требинье обозначали термином «нахия», которая с 1471 по 1473 г. была под властью герцога Влатко [98].

Драчевица — район, граничивший с районами Требинье и Конавли. Топоним впервые упоминается в 1323 г., если не считать более поздней редакции свидетельства

94 *Р. Грујић.* Указ. соч., стр. 4.

95 О специфике употребления термина «жупа» см. раздел I данной главы.

96 Эта сторона вопроса подробнее рассматривается в главе III.

97 «Monumenta Ragusina. . .», т. I, стр. 63, 92, 93, 96, 98, 119, 269, 271; т. II, стр. 184, 258, 277, 323, 325; т. III, стр. 94, 151, 198, 309; т. IV, стр. 130, 148, 149; *J. Тадић.* Указ. соч., стр. 2, 239, 312; «Liber omniu reformationum», p. XVI, c. V. Изд. А. Соловјев, Петерковић, стр. 40—41, 93; «Законски споменици. . .», стр. 167—170, 179, 194—195, 217, 317, 330; *М. Динић.* Хумско-требињска . . ., стр. 80—81.

98 *Ст. Новаковић.* Српски области . . ., стр. 28; *К. Јиречек.* Трговачки путеви. . ., стр. 234; *Н. Šabanović.* Указ. соч., стр. 141.

от 1315 г., которое рассмотрено в первом разделе данной главы. Термином «жупа» был назван только в 1451 г., когда боснийский король Степан Томаш передал Дубровнику «свою жоупоу драчевицу» [99]. Неоднократно упоминаемый в источниках 1323, 1329, 1346, 1357, 1361, 1371, 1374, 1378 гг., район ни разу в них не обозначен термином «жупа» [100]. На территории района располагались города Нови и Рисан [101]. В данной связи обращает на себя внимание тот факт, что район Рисана в историографии принято называть жупой.

В XIV в. жители Драчевицы в основном занимались скотоводством. В 1330 г. отмечалось массовое переселение населения из района в соседние владения Дубровника. С начала XIV в. район неоднократно переходил под власть разных господ, пока в 1378 г. вместе с соседними районами не вошел в состав Боснии. В 1451 г. район был передан Дубровнику. С 80-х годов XV в. Драчевица уже упоминается среди нахий вилайета и кадилуа Дрина [102].

Несмотря на, то что сохранившиеся свидетельства весьма скудно освещают эту сторону развития социально-экономических отношений, все же эти фрагментарные и чаще всего самые общие показания источников порой весьма красноречиво характеризуют специфику процесса формирования феодального землевладения в этих областях. Одной из особенностей социально-экономического развития областей является их тесная связь с соседними далматинскими городами.

Из сообщений К. Багрянородного известно, что соседние далматинские города уже в середине X в. арендовали или откупали на длительный срок у славянского населения этих областей земельные участки, которые использовали чаще всего для разведения виноградников. В частности, за такие участки жители города Сплита платили 200, жители Задра — 110, Крка — 100, трогиране — 100 номизм [103]. Но, пожалуй, больше других арендовал

[99] «Законски споменици. . .», стр. 341—342.
[100] «Monumenta Ragusina. . .», т. I, стр. 92—93, 96. 98, 220; т. II, стр. 184, 323, 325; т. III, стр. 94, 200; т. IV, стр. 125, 219; «Законски споменици. . .», стр. 194—195.
[101] *Н. Šabanović*. Указ. соч., стр. 44.
[102] Там же, стр. 157.
[103] «Византиски извори за историју народа Југославије», т. II. Београд, 1959, стр. 36.

Дубровник. Арендованные им в X в. участки Дубровник удерживал за собой по крайней мере до конца XIV в. и даже позже, порой окончательно превращая их в свою собственность [104].

Однако в данном случае нас прежде всего интересует другая сторона вопроса — формы земельной собственности, господствовавшие в среде славянского населения этих областей. При этом обращает на себя внимание тот факт, что арендовавшиеся дубровчанами земли в районе Попова Поля, Холмской области принадлежали Дедичам из Попова Поля (Diedich de Papoa), о социальном положении и форме родственных связей (семья, братство, род и т. д.) которых до сих пор существуют разногласия [105]. На территории Требиньской области Дубровник также арендовал участки [106], но кому они принадлежали, остается неясным. По мнению М. Динича, в X в. плату за эти участки получали холмские и требиньские князья, поскольку эти области в тот период представляли собой самостоятельные и независимые друг от друга политические единицы [107].

В период вхождения рассматриваемых областей в состав дуклянского государства его правители, по сообщению летописца, раздавали эти районы в управление или владение целиком. Например, король Предимир передал в управление или владение район Оногоста сыну рашского жупана [108]. Король Доброслав (Воислав) дал своему сыну Радославу «жупу» Гацко [109]. Число таких примеров можно

[104] Подробнее см.: *М. Динић*. Дубровачки трибути. . ., стр. 205—257.

[105] М. Динич считает, что в XIV в. Дедичи представляли собой или какую-то общину свободных крестьян, или мелкопоместных дворян (указ. соч., стр. 210).

[106] Грамотой от 1239 г. королева Елена, мать короля Милутина, управлявшая тогда этой областью, подтвердила дубровчанам старое право на аренду виноградников в соседних с Дубровником районах. Сербский король Владислав в середине XV в. освободил дубровчан от арендной платы за виноградники, которые располагались в районе Жрновницы («Законски споменици. . .», стр. 157—158).

[107] *М. Динић*. Дубровачки трибути . . ., стр. 209.

[108] По выражению летописца, король его «поставил жупаном в Оногосте» — «constituit. . . iupanum in Onogost». («Летопис. . .». Изд. Ф. Шишић, стр. 325; «Ljetopis. . .». Izd. V. Mošin, str. 74).

[109] «Dedit tandem rex filio suo Radoslavo iupaniam, que Kezca vocatur» («Летопис. . .». Изд. Ф. Шишић, стр. 346; «Ljetopis. . .» Izd. V. Mošin, str. 88).

было бы увеличить, но поздняя редакция летописи и ее вызывающая сомнение терминология существенным образом ограничивают возможность использования ее свидетельств. Но если верить летописи, то обращает на себя внимание тот факт, что дуклянские короли передавали во владение или управление не отдельные села, а целые районы.

О характере церковного и монастырского землевладения в данных областях также сохранилось мало сведений. До конца XII в. они вообще отсутствуют, а более поздние свидетельства крайне скудны и, как правило, слишком общи. Но, тем не менее, эти общие свидетельства дают основание думать, что удельный вес церковного и монастырского землевладения в областях был сравнительно незначительным, так как для его развития не было необходимых условий. Известно, что на территории Холмской и Требиньской областей с конца XII по XIV в. распространялись сферы влияния как католической, так и православной церкви. На их территориях функционировали две католические (Холмская и Требиньская) и одна православная (Холмская) епископии и несколько католических монастырей. Наиболее значительными были Бенедиктинский монастырь (S. Maria Buduanensis) и так называемый Богородичный монастырь, располагавшиеся в Требиньской области. Требиньскому епископу подчинялись также церкви св. Мартина в Конавли и св. Трифона в Цавтате. Несколько других, как правило, небольших церквей и монастырей, располагавшихся около города Котора и разбросанных по другим районам Требиньской области, подчинялись которской епископии. Конкретных сведений о размерах феодальных владений, принадлежавших католической церкви, почти не сохранилось. Известно только, что в 1222 г. Стефан Первовенчанный пожаловал Бенедиктинскому монастырю остров Млет и какие-то незначительные владения на полуострове Пелешац (Стонски Рат), которыми монастырь пользовался до XIV в.[110]

Сохранившиеся источники значительно лучше освещают размеры земельных владений холмской православ-

[110] *A. Solovjev.* Svedočanstva pravoslavnih izvora o bogomilstvu na Balkanu. «Godišnjak istorijskog društva Bosne i Hercegovine» (далее — «Godišnjak BiH»), g. V, 1953, str. 72.

ной епископии. В период организации (1219 г.) и позднее холмской епископии было пожаловано сербскими правителями более 50 сел и другие земельные угодья и привилегии. В связи с чем обращает на себя внимание один весьма любопытный факт. Из всего пожалованного числа сел лишь 16 сел располагались в пределах самой Холмской области. Остальные села, как это ни странно, были пожалованы в других областях: в Полимье — 23 села, в районе Брскова — 9 сел, в районе Хвостно — 1 село и в Држковине — 1 село [111].

Весьма показательным является и распределение пожалований внутри самой области. В результате обследования территории, на которой размещались пожалованные села и угодья, Р. Иванович установил, что села были разбросаны в разных районах области.

По берегам р. Неретвы — 3 села и 2 заселка: Биволе Брдо, Полицы с заселками Топольница и Моруга, Браштаник.

В районе Макарской — 1 село Живогоште с заселком Устрьнь.

На полуострове Пелешац (Стонски Рат).

В самом г. Стон передавался участок земли около церкви, который был назван в грамоте как «*княжнина* вся и сад княжеский» [112]. Это определение дает основание думать, что до передачи этих участков холмской епископии они принадлежали княжескому двору, который, судя по всему, после смерти Мирослава был упразднен, а принадлежавшие ему земли были переданы епископии. Здесь же были расположены село Паникова с заселком Буба и участок земли у залива Жуляны. В центральной части полуострова, около Черной Горы, также был передан участок земли [113].

Села Трнава, Меликовы и Осойник — в Сланском приморье и в окрестностях Дубровника. На территории, которая обозначена Сираковичи, были переданы три уча-

[111] *Р. Ивановић*. О насељима Хумског властелинства. «Гласник САН», књ. VIII, св. 2. Београд, 1957, стр. 211; *он же*. Средњовековни баштински поседи хумског епархиског властелинства. «Исторски часопис», IX—X. Београд, 1960, стр. 79.

[112] «Оу СтонѢ землю около црькве какоѥ оть прѣде было, кнежина вса и врьть кнежь, лоука вса» («Законски споменици. . .», стр. 595).

[113] «А оу чрьнои горѣ поле земьле» («Законски споменици. . .», стр. 601).

стка земли: «честь Конюхова и Ковачева и Вратькова ... с винограды и сь лоудьмы»[113a].

Судя по топонимам, район Сираковичей получил свое название от имени какой-то значительной группы населения, связанной между собой какой-то степенью родства. Топонимы более малых участков безусловно имеют связь с названиями придворных, возможно, княжеских служб: конюхи, кузнецы, привратники. На основании данных XV—XVI вв. И. Синдик установил, что в районе Сираковичей располагались 13 сел, объединенных в одну группу общим топонимом[114]. Между тем, все указанные выше феодальные владения как православной, так и католической церкви на территории данных областей, как правило, были экономически слабыми и неустойчивыми. Об этом свидетельствует ряд прямых и косвенных фактов. Сохранившиеся источники показывают, что начиная с конца XII в. на рассматриваемой территории ни католическая, ни православная церковь не пользовались успехом ни у крестьянства, ни у местной знати. Из письма папы Александра III от 1181 г. известно, что холмский князь Мирослав, брат Стефана Немани, отрицательно относился к поборам в пользу латинской церкви. Он даже изгнал стонского епископа Доната, который был назначен епископом в г. Стон еще в 1170 г.[115]

О характере конфликта церкви с местным населением и знатью до некоторой степени можно судить по событиям, развернувшимся в это же время в соседних хорватских областях, которые нашли свое отражение в хронике Фомы Сплитского.

Из этой хроники узнаем, что вблизи города Сплита окрестные жители в 1180 г. убили местного архиепископа Райнерия за попытку доказать, что данная земля принадлежит церкви св. Дуйма, а не местному роду Качичей[116]. Из этого свидетельства видно, что суть конфликта в конечном итоге объясняется борьбой за землю.

Не изменилось положение и после смерти князя Мирослава. В 1217 г. папа Гонорий указывал дубровницкому

[113a] «Законски, споменици...» стр. 596.
[114] *И. Синдик.* Дубровник и околина. «Насеља», 23. Београд, 1925, стр. 28—31.
[115] *A. Solovjev.* Svedočanstva pravoslavnih izvora... стр. 71.
[116] *Toma archiđakon.* Kronika. Split, 1960, str. 41.

архиепископу, чтобы в г. Стон, очень долго остававшийся без епископа, был немедленно назначен епископ. Но и этот строгий наказ оказался невыполненным, так как ни один из клириков не пожелал быть епископом в Стоне [117]. А епископ требиньский (episcopus Tribuniensis) Сальвий (1250—1271 гг.) вынужден был перенести свою резиденцию из пределов области в Дубровник. Но и там он не смог обеспечить сбор с области церковных налогов. За утраченные владения дубровницкий архиепископ передал ему освободившуюся должность настоятеля (опата) бенедиктинского монастыря на острове Локрум.

Не лучше обстояли дела и у сербской православной церкви. Известно, что отдельные холмские князья поддерживали православную церковь еще задолго до создания самостоятельной сербской православной архиепископии. В частности, холмский князь Мирослав строил православные церкви и жаловал им села и земли еще в конце XII века. Но в данной связи обращает на себя внимание тот факт, что эти церкви и их владения создавались не на территории самой Холмской области, а за ее пределами. В частности, из грамот XIII в. известно, что Мирослав в конце XII в. построил православную церковь св. Петра и Павла на реке Лим и пожаловал ей более 20 сел. Эти села располагались в районах среднего течения рек Лим и Тара, в Приморье, Косово Поле и Дреница [118].

Созданная в 1219 г. холмская православная епископия, центр которой первоначально располагался в г. Стон, из 50 пожалованных ей сел в пределах Холмской области получила только 16 сел. Но и эти села, судя по всему, вскоре были утрачены. Более того, в связи с враждебным отношением местного населения к деятельности православных епископов, центр епископии был перенесен в церковь св. Петра и Павла на реке Лим, то есть за пределы Холмской области. После того как значительная часть Холма и Приморья в 20-х гг. XIV в. отошла к Боснии, остатки холмской епископии, располагавшейся в церкви св. Петра и Павла на Лиме, были переименованы в Лимскую (или Петровскую) епископию, которая продолжала функционировать, но уже без владений и церковных

[117] *A. Solovjev.* Svedočanstva pravoslavnih izvora. . ., стр. 71.
[118] *P. Ивановић.* Средњовековни баштински поседи. . ., стр. 79.

поборов в Холме и Приморье. Этой епископии были пожалованы новые села, но и они не смогли укрепить экономическую базу епархийского хозяйства. Тогда Ст. Душан в середине XIV в. принял решение передать все ее владения Хиландарскому монастырю, а епископию упразднить.

В данной связи весьма показательно то, что жалобы об утрате владений поступали одновременно как от православной, так и католической церкви. Например, в период правления королей Милутина и Драгутина холмские православные епископы Даниил и Стефан неоднократно (в 1318 и 1321 гг.) жаловались «њако епискоупиꙗ. . . запеустела, ни врьховине не има, ни бири, ни юднога дохотька ниоткоудере» [119].

В тот же период, в 1324 г., которский епископ Домний жаловался папе, что владения его — «mensae episkopalis» захвачены местной феодальной знатью разных рангов. И только в 1346 г. папа и которский епископ обратились к Ст. Душану с просьбой вернуть которской епископии захваченные у нее владения [120].

Из изложенных выше фактов вполне можно понять, что центральная власть, пожалуй, в равной степени поддерживала как православную, так и католическую церковь, а местное население и феодальная знать Холмской и Требиньской областей, наоборот, выступали против обеих церквей. На это обстоятельство исследователи уже неоднократно обращали внимание, но объясняли его по-разному. Однако ближе к истине, с нашей точки зрения, подошел А. В. Соловьев. Он предполагал, что население Холмской области решительно выступало против всяких экономических привилегий обеих церквей потому, что оно перешло в богомильство [121].

Соглашаясь в основном с выводом А. Соловьева, в то же время хотелось бы уточнить наше отношение к тому вопросу, который связан с утверждением А. Соловьева о переходе населения Холмской области в богомильство. Как нам представляется, такое категоричное утверждение было бы не совсем уместно при недостатке источников. Было бы правильнее, по нашему мнению, эту мысль сформулировать несколько осторожнее.

[119] «Законски споменици. . .», стр. 597, 598.
[120] *К. Јиречек.* Историја Срба, т. II. Београд, 1953, стр. 78—79.
[121] *A. Solovjev.* Svedočanstva pravoslavnih izvora. . ., стр. 76.

Население этих областей поддерживало и симпатизировало тем идеологическим течениям того времени, которые были направлены против формирования феодальной, а в данном случае церковной собственности. Такие симпатии можно проследить не только в этих областях. Кроме того, они были свойственны не только крестьянству, но и некоторым группам феодального класса на территории всей страны. Но в одних условиях, в силу определенных причин, эти симпатии перерастали в реальную поддержку и порой достигали желаемых результатов. А в других условиях они глушились объединенной силой государственной власти, церковью и большинством феодального класса.

Но основная мысль А. Соловьева, что население выступало против экономических привилегий церкви, бесспорно верна. Также верен его вывод и о единой причине запустения как православной епископии в Холме, так и латинских епископий в Боснии [122]. Правильность этого вывода подтверждается единством дальнейшей судьбы холмских и боснийских земель, несмотря на то, что отдельные холмские феодалы вели свою самостоятельную политику и были мало зависимы от слабой центральной власти боснийского государства. Ряд косвенных данных позволяет предполагать, что уклад боснийской жизни для Холмских и Приморских областей был ближе, чем тот, который господствовал на территории Сербского государства. Об этом до некоторой степени может свидетельствовать тот факт, что Холмские области отошли от Сербского государства в период расцвета его мощи. С другой стороны, укрепление центральной власти в период наибольшего расцвета Сербского государства, возможно, было направлено на изменение тех условий, которые существовали в рассматриваемых областях. Наиболее сильный напор центральной власти вызвал вполне закономерную реакцию на территории этих областей, что, в свою очередь, обусловило такой легкий переход областей в состав Боснийского государства со слабой в этот период центральной властью.

Характеризуя особенности феодального землевладения в Боснии, С. Чиркович делает ряд интересных, на наш взгляд, наблюдений. Он считает, что одной из самых ос-

[122] Там же.

новных черт, которая отличает боснийское феодальное общество от феодального общества Сербского государства, является наличие элементов более ранней общественной структуры. Наиболее ярко это выразилось в сохранении кровнородственных связей в среде феодального класса. Эта сторона уже давно отмечалась многими исследователями. Родовое происхождение земельной собственности сохранилось в названии категорий земельных владений: «племенито», «племенштина», «племенита баштина». Но при этом нужно иметь в виду, что термин «племенито» с течением времени утратил свое первоначальное значение и в более поздний период (XIII—XV вв.) стал обозначать всякую коллективную собственность на землю. Например, район Конавли в конце XIV в. считался как «племенито» Дубровника. Однако в этот же период коллективные владения землей кровных родственников также назывались «племенито» [123]. В условиях Боснии XIII—XV вв. случаи, когда одним племенито владели три, четыре и более братьев, были очень частыми. Все боснийские баны вплоть до Степана II Котроманича (1322—1363 гг.) давали пожалования своим феодалам лишь в «племенито». По этому поводу С. Чиркович пишет: «Только бан Степан II Котроманич имел достаточную силу впервые заявить, что земля дается не в племенито» [124].

С. Чиркович отмечает, что родовые остатки (родовски остаци) в земельной собственности оказывали большое влияние и на отношения феодалов с правителем. Прочная позиция феодалов на племенщинах давала им особую силу и самостоятельность. Все споры о земле могли разбираться только на съездах боснийских феодалов. С. Чиркович, ссылаясь на З. Войциховского, не без основания обращает внимание на то, что аналогичный тип земельной собственности был в раннефеодальной Польше.

Это своеобразие социально-экономических отношений в Боснии, с нашей точки зрения, в основном было сходным с условиями соседних с ней областей Холма и Требинье. Однако нужно признать, что наши соображения по данному поводу требуют более тщательной проверки и их не следует рассматривать как окончательный вывод.

[123] *С. Ћирковић.* Остаци старије друштвене структуре у босанском феудалном друштву. «Историски гласник», кн. 3—4, 1958, стр. 156.
[124] Там же, стр. 158.

Резюмируя изложенный выше материал, можно сделать следующие выводы.

На территории Холмской, Требиньской и Подгорной областей в X—XV вв. действительно существовал целый ряд территориально-географических районов, которые имели свой определенный топоним и на протяжении указанного периода сохраняли свою территориальную целостность.

Размеры этих районов были сравнительно небольшими. На их территории размещалось обычно не более 20 сел или катунов.

Насколько можно предполагать, по отрывочным данным более позднего периода (XVI—XVIII вв.), территорию каждого из районов заселяли несколько групп. Каждая из них еще в XV—XVII вв. продолжала сохранять какое-то внутреннее единство.

Некоторые группы (например, Сираковичи), упоминающиеся в источниках XIII—XIV вв., известны и в XV—XVII вв., когда они заселяли по 8—13 сел. Но характер этих связей до сих пор остается неясным.

Если строго придерживаться только терминологии оригинальных источников, то следует признать, что из 24 рассмотренных районов только 4 района (Конавли, Попово Поле, Драчевица и Жрновница) были названы «жупами». При этом районы Конавли, Драчевицы и Жрновницы, чаще других упоминаемые в источниках X—первой половины XIV в., начинают определять термином «жупа» только после второй половины XIV в., когда они уже вышли из состава государства Неманичей и вошли или в состав Боснии, или подчинялись соседнему Дубровнику. В условиях государства Неманичей только район Попова Поля обозначен термином «жупа».

В период турецкого господства подавляющее большинство рассмотренных районов были уже «нахиями».

Если принять во внимание показания оригинальных источников, то следует признать необоснованной существующую до сих пор в историографии практику называть все рассмотренные выше территориально-географические районы термином «жупа». Такая практика, особенно неприемлемая в условиях государства Неманичей и более раннего периода — X—XII вв., установилась под влиянием господствовавшей в середине XIX—начале XX в.

концепции общественного и государственного развития, вопреки показаниям источников.

Насколько можно предполагать на основе общих и отрывочных данных, специфика развития феодальных отношений на территории рассматриваемых районов заключалась в замедленности темпов феодализации, в более длительной устойчивости раннефеодальных форм землевладения, выразившихся в сохранении более прочных кровнородственных связей в среде феодальной знати данных районов. Отмеченная выше специфика феодального развития данных областей, насколько об этом позволяют судить самые общие данные, прослеживается и в развитии Боснийского государства. Если это предположение верно, то оно до некоторой степени объясняет причину более длительной сохранности территориального единства каждого из этих районов. Другими словами, специфика феодального землевладения в Боснии менее интенсивно разрушала территориальную целостность старых территориально-географических районов. Как увидим ниже, в других областях государства Неманичей и особенно в Рашке, где на территории каждого аналогичного района располагалось по нескольку независимых друг от друга феодальных хозяйств с различным правовым статусом, процесс разрушения единства таких территориально-географических районов протекал значительно быстрее.

Зета и соседние районы

Как уже отмечалось выше, в пределах Зеты на основании свидетельств Дуклянской летописи исследователи обычно выделяют 10 районов, которые, по их мнению, следовало определять термином «жупа» в X—XV вв. Это районы Лука, Подлужье, Будва с Кучевом, Горска, Купельник, Барези, Облик, Прапратница, Црмница и Грбаль. Однако в источниках XII—XIV вв. значительная часть из названных районов (Лука, Купельник, Барези, Облик, Кучева) не упоминаются вообще, а часть районов встречается, как правило, только в жалованных грамотах XIII—XIV вв. Но в этих же источниках в пределах рассматриваемой территории указан ряд новых районов, которые не упоминаются ни в Дуклянской летописи, ни в других источниках X—XII вв., а именно: Плав, Алтин,

Патково, Пилот, Затрнава, Реки. Кроме того, при определении границ пожалованных сел и угодий и при описании характера самих пожалований в ряде случаев составители жалованных грамот не указывали интересующих нас районов, а называли просто область Зеты.

Поэтому специфика сохранившихся источников вынуждает нас в данном разделе изменить методику их анализа. Прежде всего будет рассмотрен материал, относящийся к району самой Зеты, затем материал, который касается районов, упоминаемых в источниках конца XII—XIV в. Такой порядок анализа, с нашей точки зрения, позволит лучше уяснить специфику и направление процесса феодализации на территории данной области в период ее вхождения в состав государства Неманичей.

Зета. В отличие от области Зеты, которая представляла собой основную территорию дуклянского государства, область Зеты в государстве Неманичей имела более узкие границы. В специальной литературе с давних пор принято считать, что в XIII—XIV вв. в Зету входили районы Спуж, Скадар — до моря и Цетина [125]. Свое название область получила по имени реки Зеты, правого притока реки Морача. Пожалования на этой территории начинают прослеживаться с конца XII в., то есть только с момента оформления государства Неманичей.

В 1198—1199 гг. Ст. Неманя пожаловал монастырю Хиландарю «И оу Зете кобыле и соли-л-сьпоудов» [126], а в грамоте монастырю Студенице, сохранившейся в рукописи XVIII в., населению области предписывалось: «Из Зете риба да доходи о оуспению Богородице» [127]. Эти наиболее ранние свидетельства обращают на себя внимание прежде всего тем, что упомянутые выше повинности выражались в поставке натуральных продуктов без определения их точного количества. Обращает на себя внимание и другой факт: села здесь еще не выступают единицей феодального хозяйства. Повинность берется со всех монастырских владений в области Зета. Но в начале XIV в. характер пожалований меняется. Около 1206 г. Ст. Первовенчанный, жалуя Хиландарю земельные владения, передавал

[125] *Ђ. Даничић.* Рјечник из књижевних старина, т. I. Београд, 1863, стр. 376.
[126] «Законски споменици. . .», стр. 385.
[127] Там же, стр. 569.

ему «од Зете половиноу Камениць и сь людьми»[128]. В 1220 г. были пожалованы сербской архиепископии, располагавшейся тогда в монастыре Жича, два села — Треболе и Плавницы[129].

В 1282 г. король Милутин, подтверждая прежние пожалования Хиландарю, делает одно любопытное добавление: «Оу Зете половина Камениць сь людьми, а именемь Момоушики»[130]. В 1302—1309 гг. следует новое подтверждение этих же владений, но с разъяснением причины, вызвавшей подтверждение. Подтверждая владения монастыря в районах Призрена, Плава и Зеты, Милутин указывал, что в этих районах было «Ѥдно потрено а друго изгоублено»[131]. Грамотой 1313—1318 гг. монастырю Баньской в Зете было пожаловано еще 5 сел. Причем одно из них — село Храстие — до его передачи монастырю принадлежало феодалу Ирице, у которого оно было отобрано за измену[132]. Следовательно, наряду с пожалованиями монастырям, уже Урош I на территории Зеты начал раздавать села местным феодалам.

В этой же грамоте есть интересное указание о распорядке работ, касавшихся всех метохов монастыря, располагавшихся в разных областях государства.

Жители Зеты и Плава должны были, как и прежде, снабжать монастырь рыбой. Однако основная их обязанность теперь уже сводилась к обработке земли и виноградников[133]. Таким образом, в конце XIV в. население центрального района Зеты по своим феодальным повинностям приравнивалось к населению других областей Сербского государства. Для уяснения направления процесса феодализации на территории Зеты чрезвычайно интересно свидетельство грамоты 1348 г., в которой Ст. Душан вновь подтверждал все владения Хиландарскому монастырю. В грамоте среди других сел области впервые названо село Момушичи, территория которого в грамотах 1206, 1282—

[128] «Законски споменици. . .», стр. 385.
[129] Там же, стр. 572.
[130] Там же, стр. 390.
[131] Там же, стр. 393—394.
[132] «оу Зете Храстие обретохь записано отьцемь ми и матерню Ирици, Ѩко да имь не оуз' моу разве неверс, да кралевствоу ми изневерише се, зато оузьмь ихь и записахь цркьвн светаго Стефана» (там же, стр. 623).
[133] «Зекѩне и Плавлѩнѥ да орю мти бедбе и виноградь копаю и сено косе ѩко и монастир'ске метохи» (там же, стр. 627).

1298 и 1302—1309 гг. определена как «половина Каменицъ»[134]. Таким образом, через 150 лет из состава поселения Каменицы путем пожалования сверху было искусственно выделено новое самостоятельное село с закрепленными за ним землями и другими угодиями. Причем топоним села был образован от имени основной группы его жителей — Момушичей.

Из рассмотренного материала периода конца XII — середины XIV в. видно, что на территории Зеты было пожаловано всего 8 сел. Первые пожалования конца XII в. — передачи монастырям части натуральных доходов от соляных промыслов и скотоводства, по всей вероятности, носили временный характер. Пожалования монастырям и светским феодалам сел и других угодий начались с начала XIII в. В пяти грамотах конца XII—XIII в. было пожаловано только 3 села. В начале XIV в. одной грамотой было пожаловано 5 сел, другие грамоты XIV в. только подтверждали прежние пожалования одному Хиландарскому монастырю. Судьба других монастырских владений на этой территории остается неизвестной. Относительно небольшое число пожалований на такой большой территории, как нам кажется, следует объяснять сопротивлением местного населения и, вероятно, местной феодальной знати. С самого начала организации нового Сербского государства оформлявшаяся центральная власть, рассматривавшая себя верховным собственником этих областей, начала проводить политику пожалований с той целью, чтобы разрушить старый уклад путем выделения отдельных сел, которые передавались во владение собственникам — феодалам. Путем организации ряда монастырских владений на территории Зеты центральной власти к началу XIV в. удалось добиться некоторых успехов. К этому периоду население монастырских владений в Зете уже приравнивалось к населению феодальных владений в других областях государства.

Однако положение таких владений на территории Зеты до середины XIV в. было непрочным, о чем свидетельствуют частые подтверждения пожалований центральной властью.

Подлужье — район, по предположению Г. Шкрива-

[134] «Оу Зете Момоушики сь забеломь и сь Брьдом и сь правинами» (там же, стр. 421).

нича, занимал нижнее течение рек Циевны и Морачи, охватывая в основном ее левый берег. Границы его предположительно проходили от старой Рыбницы через современный Титоград и до Скадарского озера [135].

Подлужье под термином «жупа» упоминается только в Дуклянской летописи. Позднее топоним прослеживается только в грамоте 1313—1318 гг., которой Милутин жаловал монастырю Баньска: «Оу Подлоужии, Годиле, Жаборово, Гостилѥ, и дроуго Гостилѥ. А се имь вьсѣмь меге: меге Подлоужию от цем'ве» [136] и т. д. Упомянутое в грамоте село Гостиле существует до сих пор — оно расположено в 15 километрах от Титограда, а другое село Гостиле находилось за пределами Подлужья [137].

Из приведенных данных грамоты и обследований Шкриванича видно, что район Подлужье, если не считать свидетельств Дуклянской летописи, никогда не обозначался термином «жупа», но имел свои определенные границы. Но в то же время в составе района иногда упоминались села, лежавшие за его пределами. Таким образом, для составителей грамоты в начале XIV в. были важны не границы территориально-географического района, а границы монастырских владений.

Горска — район, находился в юго-западной части современных Куч, то есть юго-восточнее Никшича, вблизи современной югославо-албанской границы [138]. Под термином «жупа» район упоминается в Дуклянской летописи и в грамоте 1220 г. На территории этого района архиепископии передавалось указанной грамотой одно село: «оу Горскои жоупе Голичь» [139]. В более поздних источниках этот район не упоминается.

Црмница — район, располагался по течению одноименной реки и занимал территорию между Скадарским озером, Черногорской Крайной, Спичем, Паштровичами и Речской нахией. Он со всех сторон, кроме восточной, был окружен возвышенностями, которые в некоторых местах достигали высоты более 1000 метров [140]. По наблюдениям

[135] *Г. Шкриванић.* Властелинство св. Стефана у Бањској. «Историски часопис», VI, Београд, 1956, стр. 197.
[136] «Законски споменици. . .», стр. 624.
[137] *Г. Шкриванић.* Властелинство. . ., стр. 197.
[138] *Г. Шкриванић.* Жичко. . ., стр. 148.
[139] «Законски споменици. . .», стр. 572.
[140] «Enciklopedija Jugoslavije», t. 2. Zagreb, 1956, str. 397.

А. В. Соловьева, в Црмнице в начале XVII в. было всего 15 сел [141]. Если не считать свидетельств Дуклянской летописи, то впервые топоним упоминается в 1242 г. В этот год король Ст. Владислав грамотой передал 5 сел монастырю св. Николая на острове Вранина, что в Скадарском озере. Есть предположение, что в грамоте Владислава были перечислены все села, которые находились в этот период в Црмнице [142]. В этой грамоте, которая сохранилась в поздней переписке, район термином «жупа» не обозначен, но жители сел, которые граничили с пожалованными селами, назывались жуплянами.

Судя по данным грамоты, монастырю св. Николая на Вранине тогда передавались не все села в Црмнице. Об этом свидетельствует следующая приписка: «. . .и да не има тоу области ни мои властелинь, ни мои владальць, ни жоуплѣник от соумеждьникь техь сель, ни Арьбанасинь да не има тоу зимовишта» [143]. Следовательно, существовали соседние села, жители которых не имели права пользоваться зимними пастбищами. Судя по указанному запрещению, в этих районах были владения и светских феодалов, но что они из себя представляли — на основании этих данных судить трудно.

Во всяком случае пожалование сел еще не означало, что они окончательно закреплялись за монастырем. Грамота 1280 г. тому же монастырю, данная королевой Еленой, позволяет предположить обратное. «Видевши да е оубого негово место людьми» [144], Елена передает монастырю 6 семей, которые должны стать монастырскими конюхами («да соу конюси») [145].

В 1296 г. Милутин вновь передал «село оу Црьници именомь Орахово сь людми и са Ораховомь Полоуждребицоу Шти[ти]таре са людми» [146]. К 20—30-м годам XIV в. относятся еще два документа, в которых указаны пожалования на территории Црмницы. Грамотой 1326 г. мона-

[141] *А. Соловјев.* Попис црногорских племена на години 1592. «Споменик СКА», 78(61), књ. I. Београд, 1939, стр. 8.
[142] *J. Vukmanović.* Geografski pregled Crmnice. Cetinje, 1951; «Enciklopedija Jugoslavije», t. 2. Zagreb, 1956, str. 397.
[143] «Monumenta Serbika», str. 26—27; «Законски споменици. . .», стр. 578.
[144] «Законски споменици. . .», стр. 578.
[145] Там же, стр. 579.
[146] Там же, стр. 580.

стырю св. Николы Вранинского Ст. Дечанский подтверждал пожалования, которые он сам дал «оу господьствѣ си, кьда не бѣхь кралемь» и «господовахь Зетою».

Этой же грамотой Ст. Дечанский подтверждал пожалованное казнацем Дмитрием село Брчелы, которое находилось в районе Црмница. При этом Ст. Дечанский называл казнаца Дмитрия «властелин кралевства ми». В грамоте по этому поводу говорится: «И испроси оу кралевства ми село своѣ Брьчеле приложити светомоу Николе». Указанное село передавалось на следующих условиях: «До живота свога тѣмьзи селомь да се храныи казньць Дьмитрь и ѥгова жена, а по животѣ ѥговѣ да ѥсть црькви»[147].

В более поздней грамоте, изданной, по всей вероятности, около 1336 г. Ст. Душаном, это пожалование вновь подтверждается в следующей форме: «. . . и дахь село оу Чрьмьници именемь Брьчели. . . и кто оузьме, чьто ѥ дрьжаль казьныць Дьмитрь», то тот будет наказан[148]. Из этих строк ясно, что принадлежавшее казнацу Дмитрию село Брчелы, находившееся в районе Црмница, не являлось его баштинным селом, а рассматривалось как держание, которое он получил, по-видимому, за свою службу в должности казнаца. Дальнейшие пожалования на этой территории относятся уже к середине XV в.

В грамоте Скандер-бега Ивановича от 1527 г. имеется очень важное свидетельство о Црмнице. Подтверждая пожалование в 1469 г. монастырю св. Николая Вранинского, Скандер-бег Иванович записал в этой грамоте: «. . . изидосмо на Вирь и скоуписмо-кд-властела оть све Црьвнице», — с которых он затем взял клятву, что они правильно покажут межу церковных владений[149]. А под грамотой подписались десять свидетелей. Это свидетельство позволяет установить, что Црмница как единое целое сохранялась до XVI в. В этой связи интересно отметить упоминание племен на территории Црмницы в период турецкого господства. Территория Црмницы делилась на 7 племен: Подгор, Брчело, Дупло, Сотоничи, Глухи До, Больевичи и Лимляне. Племя Подгор жило в двух селах, в которых было расселено несколько братств.

[147] «Законски споменици. . .», стр. 581.
[148] «Monumenta Serbika», str. 113—114.
[149] «Законски споменици. . .», стр. 584.

Брчело состояло из четырех сел, Дупило — из трех сел, Сотоничи — из одного села, Глухи До — из одного села Буковик, хотя имело самую большую племенную область, и т. д.[150]

Прапратница. Црмница и Прапратница были смежными районами [151]. Они располагались на западной стороне озера Скадр. Из Дуклянской летописи известно, что при разделе Дуклянского государства один из братьев, Михаил, получил «Obliquum, et Prapratnam, et Cermenizam» [152]. Епископ Михаил Деволский в своем добавлении к хронике Скилицы (конец XI в.) упоминает интересующий нас топоним, не определяя его термином «жупа». Он сообщает, что дуклянский правитель Михаил имел свои дворы в Которе и Прапратне (ἐν Δεκατέροις καί Πραπράτοις) [153]. В грамотах XIII—XV вв. район Прапратница нигде не встречается, но этот топоним упоминается как село Прапратница. Грамотой 1330 г. Дечанскому монастырю передавались несколько семей сокальников «оу Прапракнахь» [154]. Из грамоты, однако, нельзя установить, относилось ли это к Прапратнице на Скадре. Судя по данным грамоты 1348—1353 гг. монастырю св. Архангелов, по всей вероятности, существовало другое село Прапратница «на Дани» [155]. Но известно, что город Дань располагался в долине реки Дрима, на дороге между Скадром и Призреном, и что племя Дупило, которое располагалось в северной части нахии Црмница, состояло из трех сел: Прапратницы, Комары и Трнова (это село состояло из нескольких братств) [156].

Плав — занимал горную область, которая ограничивалась на юге р. Дрим, на востоке — реками Белый Дрим и Лим с таким расчетом, что Лимский бассейн вместе с Андриевицей входили в состав Плавской области, на севере — включала Андриевицу, западная граница до-

[150] «Enciklopedija Jugoslavije», т. 2, str. 397. Интересно, что одно из сел племени Брчело в 20-х годах XIV в. держал казнац Дмитрий. Затем оно было передано монастырю Ник. Врапинского.
[151] *Ст. Новаковић.* Српске области . . ., стр. 13.
[152] «Ljetopis. . .» Izd. V. Mošin, стр. 93; изд. Ф. Шишић, стр. 354.
[153] *B. Prokić.* Die Zusätze in der Handschrift des Johannes Skylitzes. «Codex Vindobonensis hist. grec. LXXIV». München, 1906, S. 37.
[154] «Законски споменици. . .», стр. 649.
[155] Там же, стр. 695.
[156] «Enciklopedija Jugoslavije», t. 2, str. 397.

ходила до озера Рикавац, которое находилось на середине между Медуном и Гусиньей [157].

Г. Шкриванич считает возможным назвать Плав жупой, хотя в документах никогда его так не обозначали. Р. Иванович, следуя за Л. Йовичевичем, полагал, что эту территорию следует называть Плавско-Гусиньской областью, которая в период Неманичей была составной частью Будимльской жупы [158]. Из этого видно, что точного определения границ Плавской области в специальной литературе не существует.

Территория Плава представляла собой горную область с большими незаселенными пространствами и пастбищами и с очень незначительными участками равнинных земель, пригодных для земледелия. В одной из грамот говорилось, что на этой территории «не ороу и не косе». Эта область была мало населена и удалена от основных путей сообщения [159].

Первые пожалования в районе Плава зафиксированы в грамоте Милутина от 1282—1298 гг., которой передавалось Хиландарю «оу Плаве село Досоуге и сь заселиемь» [160]. В 1302—1309 гг. это пожалование было подтверждено. В 1313—1318 гг. Милутин передал монастырю Баньска село Крушево с торгом, село Гусино с планинами, 14 рыбацких домов «како соу били и оу кралевства ми. . .» и 5 горных пастбищ [161]. Интересно отметить, что с указанным в грамоте селом Гусино обычно связывают жупу Гусинье, которую упоминает Дуклянская летопись среди районов Подгорья. Но насколько это соответствует действительности, источники не позволяют установить. Единственным доказательством этому служит сходство названий указанных поселений.

В 1330 г. Дечанскому монастырю были пожалованы 7 сел и заселков: «село оу Плаве градь» с заселком Яре (27 домов), Рибари, Коморане, Велика (15 домов), Требча (16 домов), Грнчарево (15 домов), Врмоша (15 домов) [162], а также часть озера и 10 горных пастбищ: «И сиѥ все планине своими мегꙗми до хрисовоулꙗ светостефаньского

[157] *Г. Шкривановић.* Властелинство. . ., стр. 196—197.
[158] *Р. Ивановић.* Дечанско властелинство, «Историски часопис», кн. IV, Београд, 1954, стр. 196.
[159] Там же, стр. 176.
[160] «Законски споменици . . .», стр. 390.
[161] Там же, стр. 624; *Г. Шкриванић.* Властелинство. . ., стр. 191, 193.
[162] «Законски споменици. . .», стр. 647—649.

и градьчьскога и светогорьскога»[163]. Отсюда видно, что на территории Плава бо́льшая часть пастбищ находилась во владении четырех монастырских хозяйств. В грамоте Ст. Душана есть интересное добавление к статье дечанской грамоты 1330 г., в которой был установлен закон сокальникам: «А Плавлѩне да не копаю винограда, нь да даю црькви на крьстовь дьнь шесть десеть парь'перь, како соу давали кралици бабе краљевства ми»[164]. Это свидетельство разъясняет, что до передачи монастырю эти районы находились во владении бабки Ст. Душана.

В 1346 г. монастырю Баньска было приписано еще одно село Улотино со всеми границами «како соу прониѩриѥ дрьжали»[165].

В 1348 г. Хиландарю подтверждалось Старо Село[166], а в 1348—1353 гг. монастырю св. Архангелов у Призрена были переданы 7 рыбацких домов[167]. При обследовании района пожалований Р. Иванович установил, что упомянутый монастырь не имел земельных владений в Плавской области, а переданные ему рыбаки жили в населенном пункте Рибари и считались как «рассеянцы» монастырские. Эти рыбацкие поселения на территории Плава представляли что-то вроде задружных рыбацких домов, хотя их жители были закреплены за различными монастырскими владениями. Например, в селе Рибари жили люди, которые принадлежали к монастырю Дечаны и монастырю св. Архангелов. Этот населенный пункт существует до сих пор на берегу Плавского озера, а жители его и доныне занимаются рыболовством[168].

Из рассмотренного материала видно, что в районе Плава было пожаловано всего 11 сел, часть из которых являлась рыбацкими. Основную часть пожалований составляли горные пастбища. Пожалования начались только с конца XIII в. До передачи монастырям часть владений в Плаве принадлежала бабке Ст. Душана. На территории Плава находилось и прониарское владение, которое затем было также передано монастырю. Вла-

[163] Там же, стр. 647.
[164] Там же, стр. 655.
[165] Там же, стр. 631.
[166] Там же, стр. 421.
[167] Там же, стр. 695.
[168] *Р. Ивановић.* Властелинство . . . «Историски часопис», VIII, 1959, стр. 240.

дельцами земель и пастбищ в районе Плава в XIV в. были 5 монастырских хозяйств.

Алтин — район, упоминался в источниках сравнительно поздно, только в 30-х годах XIV в., и никогда не обозначался термином «жупа». В специальной литературе также нет единого мнения о его статусе. Одни исследователи называют этот район жупой, другие — областью. Между тем границы района прослеживаются отчетливо. На севере Алтин граничил с районом Реки, на востоке — с районом Патково, на юге граница шла по водоразделу малых притоков Белого Дрима, а на западе захватывала территорию верхнего и среднего течения реки Валбоны [169].

В 1330 г. грамотой Ст. Дечанского вся территория Алтина передавалась во владение Дечанскому монастырю: «Алтинь сь всеми сели и сь в'семи заселки и сь всеми мегѩми». При этом в грамоте довольно подробно указывались межи всему Алтину («Меге всемоу Алтиноу») [170].

Далее из текста грамоты видно, что во владение монастырю передавались 10 сел, которые были разбросаны в разных местах района. При знакомстве с районом пожалований Р. Иванович, кроме указанных в грамоте, обнаружил ряд других сел на этой же территории. В связи с этим он предполагал, что часть из этих сел существовала на территории Алтина еще в период пожалования. Используя более поздние турецкие документы (чивчийские книги), Р. Иванович установил, что и в более поздний период монастырь владел только 10 селами. Из этого он делает вывод, что не вся территория была во владении монастыря [171].

В грамоте Ст. Душана, которая дополняет дечанский хрисовул, есть указание, что монастырю на этой территории дается «коло гвоздено. . . на Ал'тиньскои земле на Булатове селе, а Булатову даемо на вреле ниве и млинь и гороу Поустошь, а при коле людие. . .» [172] Всего указано 9 лиц. Но они имели сыновей и братьев, следовательно, в общей сложности людей было значительно больше, и они сохраняли между собой какие-то родственные связи. Из этого свидетельства можно понять, что у села Булатова,

[169] *Г. Шкриваниħ.* Област . . . «Историски часопис», VII, 1957, стр. 325.
[170] «Monumenta Serbika», str. 94.
[171] *Р. Ивановиħ.* Дечанско властелинство. . ., стр. 188, 190.
[172] «Законски споменицы...», стр. 655.

где был построен рудник («гвоздено коло») для добычи железа, до пожалования не было определенных границ. Передавая селу нивы, гору Пустошь и мельницу и закрепляя за ним конкретных людей, Стефан Душан вновь установил границу этого села. Далее в грамоте сказано, что «Алтиниѣне да си стоѥ на своmь законе старомь, и где любо си обрета Ал'тиниѣнинь до моу не старине, да иде свободно на свою баштиноу кь црькви» [173]. Это свидетельство дает основание предполагать, что за жителями Алтина сохранялся старый закон, по которому они жили до передачи их во власть монастыря. После передачи их монастырю им предписывалось вернуться на свои места и по старым законам нести прежние повинности, но уже в пользу монастыря. Такая оговорка позволяет предполагать в данном акте первый шаг к закреплению населения за монастырским хозяйством. А это в свою очередь свидетельствует о недостаточно развитых формах феодализма в пределах данного района.

Патково — район, располагался между Алтином с запада и Призренской областью с юго-востока, на севере ограничивался рекой Дрим. Горная часть района занимала территорию у подножья планины Паштрик и его отрогов, а равнинная часть опускалась к Белому Дриму [174].

Впервые топоним Патково упоминается (около 1186 г.) в житии Ст. Немани, написанном Саввой, где перечислены захваченные Неманей земли: «Оть грьчьскые земле Патково, Хвосно все и Подримие» [175]. Более поздние источники также не называют Патково термином «жупа». Но в историко-географической литературе район Патково обозначен этим термином. Территория Патково до ее включения в состав Сербского государства находилась во владении Византии.

В состав Патково, по определению Р. Ивановича, входила богатая пастбищами территория Слатины, располагавшаяся с правой стороны Белого Дрима [176].

Первые пожалования имели место именно на этой территории. Ст. Дечанский в 1326 г. передал призренской епи-

[173] Там же.
[174] *Р. Ивановић*. Дечанско властелинство . . ., стр. 194.
[175] Pamatky dřevního pismenictoi Jihoslovanův. Nakl. P. Šafarik. Praha, 1851, str. 1.
[176] *Р. Ивановић*. Властелинство монастира . . . «Историски часопис», VIII. Београд, 1958, стр. 226.

скопии на Левише «оть Слатине изгоре оть забела кралевства ми пашиште добитком, или се жирь обрета, и колико е оуз'можно людемь црьковным да си чине лазе. И все што ѥ тко чиниль лазе на нихь земли да си ѥ има светаꙗ црькви ꙗко и ино нивие црьквно» [177]. Из текста грамоты видно, что пожалования на территории Патково в 20-х годах XIV в. состояли из пастбищ и неосвоенных для земледелия участков. Первые упоминания о пожаловании сел в данном районе относятся только к 1330 г., когда монастырю Дечаны были переданы 5 сел, находившихся в разных местах района, и одно пастбище. В данной связи важно подчеркнуть, что некоторые из пожалованных монастырю сел уже являлись собственностью частных лиц. Так, монастырю подчинялся Марк Костич с детьми «и селомь Ꙗблъчии» [178]. Обращает на себя внимание и другая категория передававшихся монастырю сел. В соответствии с текстом грамоты мастеру Григорию вместе с его братьями и сыновьями за участие в постройке монастыря Дечаны была пожалована деревня Влахиня, которую он должен был населить людьми [179]. При этом следует иметь в виду, что этот факт был зафиксирован только во втором, расширенном варианте грамоты, составленном спустя несколько лет, в период правления Ст. Душана. В оригинальном тексте грамоты 1330 г., составленной при Стефане Дечанском, этого пожалования не было. Отмеченный факт не являлся единственным. Выше отмечался еще один случай, когда на территории Алтина в связи с организацией рудника монастырю было приписано село Булатово.

Грамотой 1348—1353 гг. монастырю св. Архангелов под Призреном передавалась насека в районе Патково [180].

Таким образом, первые пожалования на территории Патково прослеживаются только с 1326 г. С этого момента до середины XIV в. на этой территории было пожаловано значительное число пастбищ, ряд земельных угодий и

[177] «Законски споменици . . .», стр. 639.
[178] Там же, стр. 648.
[179] «. . . древ'ню да си насели, да си имаа коукю при монастыри» («Законски споменици . . .», стр. 648, 649). Кстати заметить, что переданная мастеру Григорию деревня не была у него единственной. Еще в период правления Стефана Первовенчанного предкам Григория было пожаловано село Монастырьць в районе Затрнава.
[180] «Забели оульаникь на Слатине» («Законски споменици . . .», стр. 690).

5 сел. В середине XIV в. на территории Патково кроме «кралевых забелей» были зафиксированы владения призренской епископии, монастырей Дечаны и св. Архангелов под Призреном, а также владения ряда небогатых феодальных собственников, которые находились в определенной зависимости от монастырей.

Пилот. Под этим названием обычно подразумевают горную область, расположенную между г. Призреном и озером Скадар. Географически Пилот разделяется на Горни Пилот и Долни Пилот. Горни Пилот начинается от р. Призренска Бистрица и простирается до ее впадения в р. Белый Дрим. Отсюда же начинается Долни Пилот, который тянется вниз по р. Дрим до ее устья [181].

Большинство исследователей предполагает, что на территории Долни Пилот находились районы Барези и Купельник, которые дуклянский летописец называет в числе жупаний Зеты [182].

Пилот в источниках начал упоминаться уже в XII в.[183] Однако первые пожалования на территории района прослеживаются только с середины XIV в. Из подтвердительной грамоты от 1348 г. Хиландарскому монастырю известно, что монастырь в начале 30-х годов XIV в. получил «Оу Пилоте села Кологены и Моурики» [184]. В 1348 г. монастырь св. Архангелов под Призреном получил «село оу Горнемь Пилоте Шик'лѩ» с правом ловить рыбу на реке Крупе. Однако этим правом монастырь пользовался на паритетных началах с королевским поставщиком рыбы (ставилцем) [185].

Из этой же грамоты выясняется весьма любопытный факт. Оказывается, в селе Шикле были две католические церкви с «попове латиньсци», которые имели свои виноградники. Но, несмотря на то, что село Шикля приписывалось православному монастырю, католические церкви обязывались передавать ему половину своего вина, а

[181] *Р. Ивановић.* Властелинство . . ., стр. 230—231.

[182] Там же.

[183] В грамоте 1198—1199 гг. монастырю Хиландарю Ст. Немания сообщал, что он захватил «одь Арьбанас Пилот» («Monumenta Serbika», str. 4). Топоним встречается в житии св. Симеона, составленном Саввой и Ст. Первовенчанным (Pamatky. . ., str. 1)

[184] «Законски споменици . . .», стр. 421.

[185] « . . . оть тези воде половина Шикьли ловиште рыбнега а половина ставилцоу» (там же, стр. 691).

каждый поп должен был сдавать «чьбрь вина»[186]. В районе Долни Пилот этот же монастырь получил еще 3 села, в том числе село Купельник. В грамоте сказано, что это село граничило с Лоховской межой. Исследовавший этот район Г. Шкриванич сообщал, что на этой территории до настоящего времени живет племя лохо[187]. В соответствии с текстом грамоты население пожалованных в Пилоте сел обязывалось поставлять монастырю вино, шелк и нести караульную службу[188]. Кроме названных пожалований, на территории Пилота нескольким монастырским хозяйствам были переданы и горные пастбища на левом берегу реки Белый Дрим. В отдельных случаях одно пастбище (на планице Мали Копрник) принадлежало нескольким монастырским хозяйствам[189]. Последнее упоминание о пожалованиях на территории данного района относится к 1355 г., когда Ст. Душан подтвердил монастырю св. Николая в Добрудже церковь «. . .светоую Богородицоу оу Пилоту»[190].

Таким образом, из рассмотренных источников видно, что никаких упоминаний о жупах на территории Пилота в период XII—XIV вв. не имеется. Но в источниках встречается село Купельник, топоним которого совпадает с названием упомянутой в Дуклянской летописи жупы Купельник. С конца XII в. Пилот упоминается в источниках как единая территория, разделявшаяся не по жупам, а по своему географическому положению: Горни и Долни Пилот. Пожалования на этой территории прослеживаются только с середины XIV в. Характер пожалований позволяет предполагать, что до этого периода на рассматриваемой территории не было существенных земельных пожалований. С момента пожалования часть этих налогов передавалась монастырскому хозяйству, а часть сохранялась за государством или царским двором.

Все эти моменты позволяют предполагать, что на территории Пилота, так же как и на территориях Алтина и Патново, к началу XIV в. феодальные отношения продолжали оставаться слаборазвитыми.

[186] «Законски споменици . . .». стр. 691.
[187] *Г. Шкриванић.* Област . . . стр. 324.
[188] «Законски споменици . . .», стр. 691—692, 697.
[189] *Р. Ивановић.* Властелинство . . ., VIII, стр. 230.
[190] «Законски споменици . . .», стр. 719.

Затрнава. Область Хвостно и прилегающий к ней с запада район Затрнава являлись как бы соединительным звеном районов Рашки и рассмотренной выше группы районов. Затрнава располагалась на правом берегу Дечанской Быстрицы, правого притока Белого Дрима, и лежала между областью Хвостно и районом Реки[191]. Во второй дечанской грамоте Затрнава называется «жупой»: «Иже и з'де вь мѣстѣ семь нареченем Дѣчани, вь жоупе Затрьнавьскои, обреть место красно и подобьно на сьздание домоу Божиꙗ»[192]. Там монастырю Дечаны в 1330 г. были пожалованы села: Дечаны, Црвенобрежане, Бележане, Лучане, Улочане и Придворцы[193].

Пожалования на этой территории прослеживались еще с начала XIII в., но зафиксированы они только в грамоте 1330 г., которой Ст. Дечанский передал монастырю Дечаны 6 сел и катунов и несколько горных пастбищ[194]. В грамоте перечисляются названия сел и пастбищ без указания их месторасположения. При обследовании района пожалований Р. Ивановичу удалось установить, что, кроме указанных в грамоте сел, на территории Затрнавы располагалось село Монастирьць, которое было пожаловано предкам протомастера Григория еще в первой половине XIII в. Ст. Первовенчанным. В 1330 г. это село вместе с его владельцем король передал монастырю Дечаны. По Дечанской грамоте 1330 г. указанный монастырь получал пастбища, которые оставались свободными после пожалований Хиландарскому и Градчанскому монастырям. Но поскольку этих пастбищ было недостаточно для организации монастырского хозяйства, то король Ст. Дечанский был вынужден купить горное пастбище Уездну у одного из местных феодалов и передать его монастырю[195]. Рассмотренные факты показывают, что к 1330 г. в районе Затрнавы почти не оставалось свободных земель и пастбищ, так как они к этому времени уже входили в состав разных феодальных хозяйств.

Если при перечислении сел и пастбищ, включавшихся в состав монастырской вотчины, составители грамоты не

[191] *Р. Ивановић.* Дечанско властелинство . . ., стр. 182.
[192] *М. Милојевић.* Дечанске хрисовуље. «Гласник СУД», књ. XII Београд, 1880, стр. 3.
[193] Там же.
[194] *Р. Ивановић.* Дечанско властелинство . . ., стр. 182.
[195] «Законски споменици . . .», стр. 647.

называли район Затрнавы жупой, то при установлении границ епархии монастырской церкви, в которой учреждалась епископия, указывалось: «Да бере црькви бирь криніє по жоупе, ср. . .ку, и по Затрьнавию и по Кострьцоу» [196]. Нетрудно заметить, что точно таких же принципов придерживались и составители грамоты 1220 г. при перечислении сел, пожалованных в вотчину, и при указании границ епархии жичской архиепископии. Указанные факты позволяют думать, что под термином «жупа» в обоих случаях составители понимали административную единицу, а не географический район.

Река — территория, обозначенная в источниках топонимом Река (или Реки), примыкала вплотную к Затрнаве с запада. Она располагалась севернее современного города Джаковцы, у подножья гор Богичевицы и Плочицы. Через нее протекали реки Трнава и Рибник (Ереник). Поэтому территория и получила название Реки [197]. В 1330 г. были переданы Дечанам 4 села и 3 заселка [198]. При перечислении в грамоте пожалованных сел район их расположения не указан. Эту территорию Р. Иванович называет жупой. Но вряд ли для этого есть основания, так как ни в одном источнике она не обозначена этим термином.

Все рассмотренные выше свидетельства, относящиеся к области Зеты и прилегающим к ней районам, в основном позволяют уловить специфику развития феодальных отношений на данной территории. Во-первых, все указанные выше факты дают основание думать, что процесс феодального закрепощения в Зете шел очень медленно, так как большинство населения горных районов Зеты было очень подвижным и слабо связанным с землей. Во-вторых, своеобразная организация населения горных районов Зеты еще не была приспособлена к формированию феодальных хозяйств развитого типа. Для того чтобы сформировать такие хозяйства, центральная власть и феодальные собственники сталкивались с необходимостью разрушить специфическую организацию местного населения, которая была характерна для данных горных районов. Для этой цели центральная власть была вынуждена создавать новые села и вновь заселять их. А эти мероприятия вызы-

[196] «Законски споменици . . .», стр. 651.
[197] *Р. Ивановић.* Дечанско властелинство . . ., стр. 182.
[198] Там же, стр. 186.

вали вполне закономерный протест со стороны местного населения и местной знати.

Одной из таких форм пассивного сопротивления являлись массовые переселения жителей в другие районы. Об этом свидетельствуют постановления Ст. Душана в добавлении к Дечанской грамоте о возврате жителей этих районов на свои прежние места и частные распоряжения о заселении опустевших сел.

Из-за отсутствия необходимого материала мы не можем дать полной характеристики этой специфичной организации населения Зеты и других соседних с ней горных районов. Однако рассмотренный материал последовательно и настойчиво указывает на эту особенность.

Например, коллективная ответственность за совершенные преступления, выделение сел из состава каких-то больших объединений, организация новых сел и их заселение, упоминание старых законов, по которым жило население этих районов, и, наконец, самовольные переселения жителей из переданных монастырям районов — все это указывает на наличие какой-то своеобразной организации населения рассматриваемых областей еще в XIV в. Но каковы были конкретные формы этих объединений, на основании сохранившихся данных судить трудно. Несколько подробнее эту сторону вопроса позволяют осветить более поздние источники, свидетельства которых частично будут рассмотрены в заключительной части данного раздела.

Рассмотренные факты показали, что на территории средневековой Зеты в период с XIII до середины XIV в. центральной властью было пожаловано монастырям и светским феодалам немногим более 60 сел. При этом более 60% этих сел были пожалованы в 30—40-х годах XIV в. (см. табл. 1).

Грбаль — самый западный район (около 95 кв. км) Дуклянского государства, был тесно связан с районами Травунской области [199].

[199] В соответствии с географическим положением района относящийся к истории Грбаля материал следовало бы рассматривать в начале раздела. Но историческая судьба его в значительной мере отличается от истории других районов Зеты. Это обстоятельство и послужило причиной того, что характеристика Грбаля отнесена в конец раздела.

Таблица 1. Распределение пожалований на территории Зеты в разные периоды

Название районов	Конец XII в.	Первая половина XIII в.	Вторая половина XIII в.	До 20-х гг. XIV в.	30—60-е гг. XIV в.
1. Зета	доходы со всей области	3 села	—	5 сел	—
2. Грбаль	—	—	—	—	—
3. Подлужье	—	—	—	4 села	—
4. Горска	—	1 село	—	—	—
5. Црмница	—	5 сел	2 села и 6 семей конюхов	—	1 село
6. Прапратница	—	—	—	—	10 семей сокальников
7. Алтин	—	—	—	—	10 сел
8. Патково	—	—	—	пастбище	5 сел и пастбище
9. Пилот	—	—	—	—	6 сел и пастбище
10. Плав	—	—	1 село	2 села, 14 рыбацких семей, 5 пастбищ	8 сел, 7 рыбацких семей, 10 пастбищ
11. Затрпава	—	—	—	—	6 сел и пастбище
12. Река	—	—	—	—	4 села, 3 заселка
Всего	доходы со всей Зеты	9 сел	3 села	11 сел	40 сел и 3 заселка
		Всего 63 села и 3 заселка			

Территориально Грбаль располагается между городами Котором, Будвой, Левченом и Адриатическим морем (от моря он был отделен горной цепью). Прилегающая к Тиватскому заливу часть района в настоящее время называется Жупой [200]. Топоним района Грбаль встречается в источниках X в., но термин «жупа» для данного района зафиксирован только в источниках конца XIV — начала XV в.

По сравнению с другими районами Зеты, история Грбаля благодаря лучшей сохранности источников в которских и других архивах разработана полнее.

К рассмотрению этих источников обращались многие исследователи. Но наиболее полный и всесторонний анализ сохранившегося материала по данному вопросу был сделан И. Степчевичем в работе «Котор и Грбаль» [201], которая получила высокую оценку в современной историографии [202]. Обстоятельно рассмотрена история Грбаля и в работе И. Синдика «Коммунальное устройство Котора» [203]. Отмеченный факт существенным образом облегчает нашу задачу, так как названный материал о районе Грбаль относительно обширен и довольно сложен, выходит за границы нашей темы. Поэтому для характеристики района мы используем в основном материал указанных работ.

До переселения славян на Балканский полуостров территория района не представляла собой особой территориальной или административной единицы. Там жили иллиры, к которым позднее присоединились греческие и римские колонисты. Историческая судьба этой территории была тесным образом связана с историей приморских областей [204].

История этой территории в период переселения славян на Балканский полуостров не отражена в источниках.

Первые сведения о данной территории сообщил К. Багрянородный. На их основании И. Степчевич предположил, что Грбаль входил в состав Дукли. Но поскольку соседние города Леш, Ульцин и Бар относились к Драчской феме,

[200] «Историја Црне Горе», I, стр. 327.
[201] *J. Stejepčević.* Kotor i Grbalj. Split, 1941.
[202] См. рецензию И. Синдика на работу Степчевича «Котор и Грбаль» («Историски часопис», т. I, кн. 1—2. Београд, 1949, стр. 307—310).
[203] *И. Синдик.* Комунално уређење Котора. Београд, 1950.
[204] *J. Stejepčević.* Указ. соч., стр. 6—7.

то нельзя исключать и той возможности, что территория района вначале входила в состав Византийского государства. Позднее, где-то в XI в., она отошла к Дукле. По данным Дуклянской летописи, Грбаль представлял собой жупу. На ее территории располагался замок дуклянских правителей. К 1166 г. Грбаль, вероятно, вновь оказался под властью Византии и только вскоре после смерти византийского императора Эммануила Комнина (1143—1180 гг.) вошел в состав вновь формировавшегося Сербского государства, когда Неманя захватил почти все приморье с г. Котором. После этого Грбаль находился в составе государства Неманичей вплоть до его распада [205]. Но при этом следует иметь в виду, что после присоединения Котора (около 1185 г.) этот город постоянно сохранял автономное самоуправление, принципы которого существенным образом отличались от управления центральных областей Сербского государства. До 1306 г. район Грбаля имел одинаковые права с другими районами Сербского государства. Но в 1306 или 1307 гг. район был передан городу Котору и вошел в сферу его административного управления. В 1420 г. вместе с Котором Грбаль попал в зависимость от Венеции, а с 1497 г. — под турецкое господство, сохранив при этом внутреннее самоуправление. В 1715 г. Грбаль вновь перешел под власть Венеции: с 1797 по 1918 г. он входил в состав Австрийской империи.

С момента вхождения Грбаля в состав Сербского государства и до передачи его Котору (1306 или 1307 г.) никаких данных о положении района не сохранилось.

Из материала более поздних источников известно, что между 1316 и 1319 гг. которане разделили район на две части: Горни Грбаль и Долни Грбаль. Но и после этого район рассматривался как единое целое. В XV в. Горни Грбаль насчитывал 8 сел, а Долни Грбаль — 6. При этом интересно отметить, что наряду со славянскими названиями сел на данной территории встречаются названия сел албанского происхождения и др. В 1339 г. в этих селах, кроме славянского населения, жила небольшая часть албанцев, которая выполняла все общие повинности. После XV в. территория Грбаля была заселена различными братствами из других областей (такой состав жителей сохранился до наших дней). Сразу же после вхождения

[205] *J. Stejepčević*. Указ. соч., стр. 8.

района в область которане приняли особое постановление, которым запрещалось поселение на территории Грбаля людям из других областей государства. Кроме того, жителям района запрещалось поставлять сербским королям рыбу, что они делали по старому обычаю. Но вместо этого грбляне обязывались платить которской общине по 4 гроша в год с каждой мужской души [206].

Отсутствие достаточных данных не позволяет полностью выяснить развитие аграрных отношений на территории Грбаля. Однако некоторые косвенные данные позволили И. Синдику высказать предположение, что до передачи Грбаля Котору население района было свободными крестьянами [207].

При присоединении Грбаля к Котору земля района была сразу же разделена между которанами. Население района, обрабатывавшее эти участки, стало фактически зависимым от владельцев соответствующих участков. Всех крестьян Грбаля горожане называли «посадниками». Но сами крестьяне долгое время не желали признавать такое положение и рассматривали себя свободными, хотя фактически находились в зависимости от владельцев участков и платили им налоги. И. Степчевич признает, что в действительности положение жителей Грбаля в тот период несколько отличалось от положения посадников, обрабатывавших землю в других районах [208]. Жители Грбаля были лично свободными — имели право свободного перехода и ухода, тогда как «посадники» не имели такого права. Кроме того, крестьяне Грбаля могли иметь за пределами района свои собственные владения и брать внаем чужую землю. Другой особенностью отношений жителей Грбаля с которанами было то, что юридическим владельцем района была которская община, а не каждый владелец участка в Грбале. Частные договоры между владельцем участка (которанином) и отдельным крестьянином (жителем района) стали заключаться только с 30-х годов XV в., когда Котор и Грбаль были под властью Венеции [209]. До этого отношения жителей района с которанами не были оформлены юридически и всегда оставались напряженными до крайности.

[206] *И. Синдик*. Указ. соч., стр. 28, 40.
[207] Там же, стр. 60.
[208] *J. Stejepčević*. Указ. соч., стр. 52.
[209] Там же, стр. 53, 56.

В 1421 г. жители Грбаля подняли восстание против которан и, отделившись от города, до апреля 1426 г. признавали власть только сербского деспота. Когда Котор и Грбаль перешли под власть Венеции, жители Грбаля в 1431 г. послали своих представителей к венецианскому дожу Франко Фоскари. Они заявили дожу, что которские племичи обманом присвоили и поделили между собой земли района, с незапамятных времен принадлежавшие жителям Грбаля, поэтому грбляне вынуждены брать внаем свои же земли и леса и каждый год уплачивать за это соответствующую плату. Но которские племичи перестали удовлетворяться этим. Они начали сгонять крестьян с обрабатываемых ими участков и выселять их из принадлежащих им домов, передавая землю и дома крестьянам из других областей за более высокую плату [210]. Однако венецианские власти также не смогли урегулировать отношения между Котором и Грбалем, и грбляне несколько раз (в 1433 и 1449 гг.) восставали против которан.

После захвата турками Грбаля его район стал считаться хасом (землей султана) и постепенно заселяться жителями из соседних областей. Интересно отметить, что на территории Грбаля до XV в. не было ни одного пожалования ни монастырям, ни церквам. Любопытно также и то, что источники ни разу не упоминают жупанов на территории данного района. Возможно, отмеченные факты способствовали тому, что Грбаль не утратил своего территориального единства вплоть до настоящего времени, хотя состав его населения значительно изменился еще в конце XV в. Границы современного Грбаля мало чем отличаются от границ средневекового района, но число сел увеличилось с 14 до 23 [211].

Для уяснения специфики феодальных отношений на территории рассматриваемой области весьма интересные сведения сообщают более поздние источники XVI—XVII вв., в частности две переписи населения районов Зеты. Одна из них была составлена в 1592 г., по всей вероятности, чаушем Акан-бали и записана по-славянски монахом Цетинского монастыря. В этой переписи перечислено 40 племен или братств, которые расселялись в 1656 до-

[210] *J. Stejepčević*. Указ. соч., стр. 66—68.
[211] «Enciklopedija Jugoslavije», t. 3, 1958, str. 589.

мах [212]. Эта перепись обращает на себя внимание прежде всего тем, что в ней не указаны никакие территориально-административные единицы: ни турецкие (нахии), ни сербские (жупы или области). Вторая перепись относится к 1614 г. Она была составлена которским дворянином Болицей. В отличие от первой в этой переписи территория Зеты (Черногории) разделена на 5 частей: Катун (10 сел). Люботин (32 села), Плешивцы (4 села), Црмница (25 сел), Лешкополье (19 сел). Всего в переписи указано 3377 домов [213]. Однако нужно сказать, что перепись имеет ошибки: составитель часто путает названия сел и племен и допускает повторение некоторых сел.

На основе сравнения этих двух документов А. Соловьеву удалось восстановить приблизительную картину действительного положения. По его подсчетам, Катун насчитывал 12 сел, Люботин — 32, Плешивцы — 4, Лешкополье — 23, Црмница — 15. Всего 87 сел [214].

Таким образом, эти данные показывают, что из всех районов, которые упоминаются в источниках XIII—XIV вв., в переписях отмечен только район Црмницы. При этом он также не обозначен термином «жупа».

Рассмотренный в разделе материал показывает, что к концу XV в. на интересующей нас территории упоминаются только два старых района: Грбаль и Црмница. Но в то же время на этой же территории оказались многочисленные объединения так называемых племен, или братств.

По поводу конкретных форм организации черногорских племен, или братств, в историографии до сих пор существуют серьезные разногласия.

Одни исследователи считали, что племенная организация у динарских сербов уходила своими корнями в далекое прошлое и сохранялась не только в период существования государства Неманичей, но и позднее. Этому способствовали природные условия данных районов [215].

Подтверждение этому явлению они видели в сохранении таких институтов, как воеводы, племенные скупщины,

[212] *А. Соловјев.* Попис црногорских племена . . ., стр. 4, 8.
[213] Там же.
[214] Там же, стр. 8.
[215] *J. Ердлељановић.* Стара Црна Гора. Етничка прошлост и формирање црногорских племена. «Српски етнички зборник», т. XXXIX. Београд, 1936.

племенная общность и т. д. Современный югославский историк Б. Джурджев пересмотрел эту точку зрения и высказал гипотезу о так называемом вторичном формировании племен.

Он предполагает, что в феодальном государстве Неманичей, в горных районах Зеты не могли сохраниться большие племена: они распались на малые родовые организации — катуны влашских и албанских скотоводов. С другой стороны, «жупная организация» славянского населения уже не была связана с племенной организацией и выступала в территориально-административной форме. Исходя из этого, Джурджев считает, что «вторичное» формирование племен началось в период турецкого завоевания. Оно шло по пути «стратификации и комбинации» влашско-катунской и территориально-жупной организаций [216].

Катунская организация дала начало родовым отношениям, а территориально-жупная организация была основой для образования кнежин [217]. Поддерживая точку зрения Б. Джурджева, югославский историк государства и права Р. Гузина пишет: «Нет серьезных причин, чтобы не принимать эту точку зрения о известной связи племенной организации в Черногории и Герцеговине и кнежин в Белградском пашалыке, которые мы находим при турках еще с дофеодальным, соответственно с догосударственным развитием у наших народов. Государство Неманичей, конечно, не смогло разбить все элементы более ранней родовой организации у них» [218].

С нашей точки зрения, наоборот, есть весьма серьезные основания сомневаться в справедливости данной гипотезы, так как рассмотренные нами свидетельства источников X—XIV вв. не фиксируют какой-то особой «жупной организации» в той форме, как ее представляла историография XIX — начала XX в.

Специфику охарактеризованной выше организации, как нам кажется, правильнее объясняет М. Барякторович, который изложил свою точку зрения в докладе на VII Международном конгрессе этнографов и антропологов

[216] *B. Đurđev.* Iz istorije Črne Gore, brdskih malisorskih plemena. «Radovi naučnog društva NR Bosne i Hercegovine», kn. II. Sarajevo, 1954.

[217] Там же, стр. 207.

[218] *Р. Гузина.* Кнежина и постанак српске буржоаске државе. Београд, 1955, стр. 3 и др.

гов [219]. Он считает, что упоминаемые в источниках XV—XVII вв. «племена» и «братства» были своеобразной формой политической организации, которая порождалась не столько наличием кровнородственных связей, сколько спецификой территориально-географических и экономических условий горных районов, а также внешнеполитической обстановкой. Кровнородственные связи в данных условиях могли возникать в любое время, и поэтому было бы неправильным прослеживать их с момента первобытнообщинной формации. В этой связи М. Барякторович указывает на целый ряд фактов, которые свидетельствуют, что «племя», или «братство», состояло из нескольких ранее не связанных между собой групп людей, которые жили до определенного момента в разных концах сербских земель. Кровнородственные связи внутри этих «братств», или «племен», обычно появлялись позднее. Отсутствие в горных районах необходимой земли и других средств к существованию вынуждало людей применять коллективные формы организации и ведения хозяйства.

Подводя итог рассмотренному в данном разделе материалу, можно сделать следующие выводы.

Из 10 упомянутых в Дуклянской летописи зетских районов, обозначенных термином «жупа», в более поздних источниках XIII—XIV вв. 5 районов (Облик, Кучева, Барези, Прапратница и Купельник) не упоминаются вообще, если не считать, что топонимы районов Прапратницы и Купельник совпадают с названием сел. Село Купельник располагалось в пределах района Пилот, а село Прапрате — на Скадре. Остальные 5 районов: Лука, Подлужье, Горска, Црмница и Грбаль — упоминаются неравномерно. Названия районов Лука, Подлужье и Горска встречаются только по одному разу: Подлужье — в грамоте 1313—1318 гг., Горска — в грамоте 1220 г., Лука — в одном из источников 1318 г.[220]

Из всех перечисленных выше районов, если не принимать во внимание более позднюю терминологию Дуклян-

[219] «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, 3—10 августа 1964 г.)», т. XI. М., 1971, стр. 327—336.

[220] Авторам «Историје Црне Горе» известен документ от 1318 г., в котором район Лука упоминается под термином «жупа» («Историја Црне Горе», т. I, стр. 320)

ской летописи, термином «жупа» обозначены только 3 района: Горска, Грбаль и, возможно, Лука. Но, как указывалось выше, район Горска упоминается лишь один раз — в грамоте 1220 г., а Грбаль, с 1306 г. находившийся в сфере автономного управления г. Котора, стал называться термином «жупа» с конца XIV—начала XV в.

Источники в самой общей форме указывают, что в большей части районов, особенно в Алтине, Плаве и Паткове, вплоть до середины XIV в. были какие-то группы населения, названные общим именем (например, Сираковичи). Внутренняя организация этих групп (обычно их было несколько на территории одного района) в источниках XIII—XIV вв. не отражена. Эта сторона вопроса отображена в источниках XV—XVII вв. Но свидетельства этих источников в современной историографии трактуются разноречиво.

Источники в самой общей форме показывают, что такие районы, как Алтин, Пилот и Патково, в отличие от других районов Сербского государства, занимали несколько особое положение.

Первые пожалования на территории области Зета прослеживаются в конце XII в. Но они, судя по всему, часто утрачивались их владельцами.

Основные пожалования на данной территории, безусловно, относятся к 30—40-м годам XIV в., то есть ко времени наиболее сильной центральной власти.

Рассмотренные свидетельства не позволяют сделать определенных выводов ни об экономической, ни об административной структуре большинства районов этой области. Однако на их основе можно высказать несколько предположений общего характера.

Центральная власть уже в начале образования государства Неманичей (конец XII в.) на данной территории пыталась активно проводить политику земельных пожалований. Но сопротивление местного населения, часто переселявшегося с одного места на другое, труднодоступная горная местность, а также относительная слабость центральной власти в течение более 130 лет не способствовали эффективному проведению такой политики.

Бо́льшая часть пожалований конца XII—начала XIII в. позднее была утрачена их владельцами. Более значительных успехов в этом направлении центральная власть добилась только в 30—40-х годах XIV в., то есть в период наи-

высшего своего подъема и мощи. Но эти успехи не во всех районах были одинаковыми. Там, где земельные пожалования были менее частыми (Алтин, Пилот, Патково, Грбаль), границы старых районов и сами районы как целое сохранялись значительно дольше. В этих же районах значительно дольше удерживались и большие группы населения, связанные между собой общим именем и, возможно, какими-то узами родства.

Как нам кажется, источники позволяют предполагать и о методах, которыми пользовалась центральная власть для достижения своих целей. Проводя политику пожалований, она путем передачи отдельных сел в феодальное владение частным лицам, но чаще всего — монастырям, стремилась разрушить общность внутри отдельных групп. Такая политика способствовала более быстрому утверждению развитых форм феодальных отношений.

Рашка.

При характеристике районов Рашки перед исследователем возникает затруднение иного порядка. История подавляющей части районов начинает прослеживаться только с 20-х годов XIII в. Но в то же время сохранившиеся источники — чаще всего монастырские жалованные грамоты — позволяют более последовательно и конкретно проследить характер изменений, происходивших на территории данных районов на протяжении почти всего периода их вхождения в состав государства Неманичей. Это обстоятельство важно еще и потому, что оно до некоторой степени позволяет судить об общей тенденции в развитии всего государства Неманичей.

Одним из ранних документов, в котором перечислено наибольшее число районов Рашки, является грамота от 1220 г. Ст. Первовенчанного. Эта грамота была издана в связи с организацией первой сербской архиепископии в монастыре Жича. В епархию первого архиепископа входили 10 районов, которые названы термином «жупа»: «И сиѥ жюпе приложихомь подъ область сиѥ црькви: Кроушильницоу, Моравоу, Борачь, Лепенице обѢ, БѢлица, ЛѢвочь, Лоугомья, Расина, Єхошаница»[221]. Кроме этих жуп, указаны еще четыре района (Ельшаница, Пнука и оба Ибра), которые не входили в епархию архиепископии,

[221] «Законски споменици . . .», стр. 572—573.

так как они еще раньше были подчинены рашскому епископу[222]. В этой же грамоте упомянут топоним района Ельци, который также не входил в состав епархии. В пределах этого района архиепископия получила только земельные владения [223]. В историографии этот район также принято называть жупой, хотя ни в одном из известных нам источников он никогда не обозначался этим термином. Кроме того, в грамоте указаны села, которые, как это удалось установить Г. Шкриваничу, находились на территории района Моравица. Однако топоним в грамоте 1220 г. не указан. Таким образом, в грамоте термин «жупа» использован только в случаях, когда необходимо было определить границы епархии. А в случаях, когда речь шла о земельных пожалованиях на территории тех же районов, термин «жупа» не употреблялся. Данное обстоятельство дает основание предполагать, что в грамоте 1220 г., имевшей общегосударственное значение, термин «жупа» использован для обозначения не столько территориально-географических районов, сколько административных единиц.

В более поздних грамотах при пожаловании сел указывались только топонимы этих районов, но уже без определения их термином «жупа». Из источников можно выделить еще ряд районов, которые по своим размерам и значению могли быть жупами, но в источниках большинство из них не названо этим термином. К числу таких районов можно отнести: Рас, Ситница, Држковина, Лаб, Сеница, Паун-Поле. В источниках 30—60-х годов XIV в. термином «жупа» названы районы городов Брскова, Звечана и Брвеника [224]. И, наконец, в разное время жупами были районы Любовидже [225], Будимле [226] и Црна

[222] «А сие-д-жоупе: Ельшаница, Пиоука, оба Ибра. . .» («Законски споменици . . .», стр. 573).
[223] Там же, стр. 571.
[224] «Законски споменици . . .», стр. 623, 625; 528, 622, 629, 634—635; 595, 601, 629; 519, 530, 629; 150, 183, 421; 634, 695; 648, 316.
[225] Под термином «жупа» (juppa Liubouilla) район упомянут однажды в 1281 г. в договоре монаха Давида (бывшего жупана Дмитрия, сына Вукана Неманича) с дубровчанином Десином де Риса о постройке церкви в селе Бродарево (*Г. Чремошник.* Историјски споменици Дубровачког архива. Серија III, св. I. Београд, 1932, стр. 65).
[226] Выражения «дрьжава жоупы Боудимскию» и «страна жоупы Боудимльскию» встречаются лишь в житиях короля Драгутина и

Стена [227]. По свидетельства источников об этих районах единичны и не позволяют сделать определенных выводов ни о их расположении, ни о их внутренней структуре [228].

Крушильница — район, былое расположение которого до сих пор точно не определено. Возможно, он находился в нижнем течении реки Расины [229]. Крушильница упоминается только в грамоте 1220 г. по поводу ее включения в состав епархии архиепископа. Других пожалований на этой территории по документам не прослеживается.

Морава. По поводу расположения района в специальной литературе существуют значительные расхождения.

Большинство исследователей, в том числе Р. Грунч и Г. Шкриванич, определяют район Моравы в бассейне нижнего течения р. Ибр, около ее устья и прилежащей территории Жичского среза [230]. Й. Алексич относит границы района немного на северо-запад — на левый берег Западной Моравы, район Чачка и вниз до устья р. Ибр [231], Р. Иванович — к южным районам Рашки, в область Косово Поле, и локализует его в бассейне р. Биначка Морава [232].

Впервые район Морава упомянут в грамоте 1220 г., где он обозначен термином «жупа». Он не только входил

архиепископа Евстафия, написанных архиепископом Данилой II около 30-х годов XIV в. (*Архиепископ Данило*. Животи. . ., стр. 170, 293).

[227] «Чрна СтѢна» как жупа упоминается однажды в грамоте Милутина о постройке монастыря Николая Чудотворца в Хвостне. Поскольку грамоту невозможно точно датировать, то ее издатель Ф. Миклошич предполагает, что она могла быть составлена в период между 1275 и 1321 гг. («Monumenta Serbika. . .», стр. 72).

[228] Принимая во внимание указанное обстоятельство, автор был вынужден отказаться от выделения и характеристики трех последних районов. Полемика исследователей о их возможной локализации приводится в разделе о жупе Брсково.

[229] «Именик места у ФНРЈ». Београд, 1951, стр. 317; *Г. Шкриванић*. Жичко епархиско властелинство. «Историски часопис», књ. IV. Београд, 1954, стр. 166.

[230] Там же, стр. 165; *Р. Грујић*. Епархиска властелинства у средњовековној Србији. «Богословље», св. 2—3, VII. Београд, 1932, стр. 7.

[231] *Јов. Алексић*. Жупе у сливу Ибра у средњовековној српској држави. «Историски часопис», књ. VII. Београд, 1957, стр. 339, 340.

[232] *Р. Ивановић*. Земљишни поседи грачаничког властелинства. «Историски часопис», XI (1960). Београд, 1961, стр. 261.

в епархию архиепископа, но на его территории хозяйство архиепископии получило в феодальное владение села [233]. При этом интересно отметить, что при пожаловании сел на территории района термин «жупа» не был использован, как это было при введении района Морава в состав епархии. Грамотой Милутина 1282—1298 гг. Афонскому монастырю Хиландарю был передан «у Лозницы у Моравѣ виноградь» [234], а грамотой 1302—1309 гг. [235] и грамотой Душана 1355 г. [236] это пожалование было подтверждено. В 1308 г. Хиландарскому пиргу было приписано «оу Мораве село С'мира» [237], в 1321 г. монастырю Грачанице — «оу Моравѣ село Жегра» [238], в общей грамоте Ст. Душана 1348 г. Хиландарю подтверждалось «Село Пониша оу Моравѣ», которое неизвестно когда было пожаловано [239].

Таким образом, в 7 грамотах на территории района Морава было роздано различным монастырям и церковным феодальным хозяйствам 28 сел и другие земельные угодия. При этом бо́льшая часть пожалованных сел относится к 20-м годам XIII в. Грамоты начала XIV в. и особенно середины XIV в. большей частью подтверждают прежние пожалования и указывают не больше одного вновь пожалованного села. Кроме того, на этой территории были по меньшей мере три феодальных владельца.

Расина — район, располагался в поречье одноименной реки. В современном административном делении он выступает как область [240]. Первые пожалования на территории района относятся к 1196 г., когда Ст. Неманя пожаловал монастырю на Студенице ряд владений: «И оу Расиньи Метохь Поповаць, црква храмь Вавѣдение. . . и заселак, и село Кожетинь, село Рекла и заселак, и село Поховаць и село Вѣлика Кроушевица и Подроуми и повеле да приносе вино требы ради монастыроу» [241]. По грамоте 1220 г. район входил в состав жичской епархии.

233 *Г. Шкриванић*. Жичко . . ., стр. 150.
234 «Законски споменици . . », стр. 390.
235 Там же, стр. 394.
236 Там же, стр. 431.
237 Там же, стр. 477.
238 Там же, стр. 635.
239 Там же, стр. 421.
240 «Именик места. . .», стр. 10; *Г. Шкриванић*. Жичко . . ., стр. 165.
241 «Законски споменици . . .», стр. 569.

Следующее упоминание о районе Расина встречается в житии Милутина, написанном архиепископом Данилой. При описании современных автору событий второй половины 80-х годов XIII в. он называет Расину «жупой». Рассказывая о борьбе Драгутина с браничевскими феодалами Дрманом и Куделином, Данило II сообщает, что Драгутин, не рассчитывая на свои силы, попросил помощи у Милутина, с которым он встретился «вь дрѣжавѣ жоупы Расиньскыѥ на рѣцѣ глаголѥмѣи Моравѣ, вь мѣсте же рекомѣмь Мачьковьци»[242]. Упомянутое Данилой село Мачковцы, расположенное недалеко от Западной Моравы, сохранилось до сих пор. В этом свидетельстве обращает на себя внимание выражение «держава жупы Расинской», которое дает основание предполагать, что территория района в конце XIII в. представляла собой не столько территориально-географический район, сколько административную единицу[243].

В грамоте 1429—1430 гг. Юрия Бранковича чельнику Радичу деспот подтверждал: «И село Боудиловиноу и село Мелентїа на Расинѣ, и село Врьбницоу, и село Себечевць оу Кроушевьчкой Власти, и село Кожетино Долне»[244]. Нетрудно заметить, что в данной грамоте речь шла о территории района Расина, так как в грамоте 1196 г. упоминались те же самые села: Кожетинь и Велика Кроушевица. Следовательно, часть территории района Расины в начале XV в. стала называться «Кроушевичька Власть».

Ехошаница — район, предположительно находился в поречье реки Йошаницы, правого притока реки Ибр. Возможно, что район мог захватывать и часть поречья Западной Моравы, занимая территорию Йошанического среза и часть более позднего Трестенического среза[245]. Район упоминается лишь в грамоте 1220 г. в связи с включением его в состав епархии архиепископа. Пожалований на территории района не прослеживается.

[242] *Архиепископ Данило.* Животи. . ., стр. 115—116.

[243] Нужно иметь в виду, что выражения «держава жупы» или «область жупы» встречаются только в житиях, написанных Данилой и его продолжателями. Эта сторона вопроса подробнее будет рассмотрена в гл. IV.

[244] «Законски споменици . . .», стр. 336.

[245] «Именик места. . .», стр. 255; *Г. Шкриванић.* Жичко . . ., стр. 165; *Јов. Алексић.* Жупе у сливу Ибра . . ., стр. 338.

Пнука — район, располагался в поречье Дежевки севернее Нови Пазара. Его топоним сохранился в названии заселка Пнуче Постеньской общины Дежевского среза [258]. Под термином «жупа» район упоминается только в 1220 г. среди четырех районов, которые подчинялись рашскому епископу [259]. В 1348—1353 годах Душан из Пнук переселил строителей под Призрен для постройки монастыря св. Архангелов [260]. В данной связи следует иметь в виду, что из-за отсутствия более конкретных данных невозможно установить статус территории, определенной этим топонимом. Не исключено, что в середине XIV в. под этим топонимом указывалось село.

Рас. В отличие от более широкого понятия Раса, или Рашки, как центральной области Сербии, в которой рашскому епископу подчинялись районы Горни Ибр, Ельшаница, Ситница, оба Лаба и Дрижковина, существовал район Рас, центр которого был около Нови Пазара. Наиболее раннее упоминание о районе Рас встречается в житии Драгутина, написанном архиепископом Данилой II. Рассказывая об отречении Драгутина от престола в 1282 г., Данило II сообщал, что Драгутин, после того как упал с коня и сломал себе ногу, попросил брата Милутина приехать «вь мѣсто глаголѥмоѥ Дѣжево вь области жоупы Рашьскиѥ» [261]. Это свидетельство дает основание думать, что в начале 80-х годов XIII в. Рас представлял собой не только территориальную, но и административную единицу. На ее территории прослеживается лишь одно пожалование монастырю Баньска, относящееся к 1313—1318 гг.[262] Г. Шкриванич, обследуя владения монастыря Баньска, не определяет границ всей жупы, а указывает только территорию пожалований, которая ограничивалась: на севере — селом Себимилье, на юге — рекой Рашкой, на востоке — селом Бело Поле и на западе — селом Долне Павле [263]. По подсчетам Г. Шкрива-

[258] *Г. Шкриванић.* Жичко . . ., стр. 166.
[259] «Законски споменици . . .», стр. 573.
[260] Там же, стр. 696.
[261] *Архиепископ Данило.* Животи. . ., стр. 25.
[262] «И оу Расѣ село Дѣжево, село Соути, село Бѣково. . . Село оу Расѣ Тоушимла. . .» «Такожде и Доброславоу Степковикю дахь село оу Расѣ страпь Бѣкова, гдѣ сиѥ и предгѥ дрьжаль и догдѣ ѥ вѣр'нь црькви, да си имаа и дѣт'ца ѥгова» («Законски споменици . . .», стр. 623, 625).
[263] *Г. Шкриванић.* Властелинство. . ., стр. 196.

нича, это пожалование составляло 11 сел, 4 заселка и одну церковь [264]. Среди них село Драмичи уже держал Харачуг [265], а село около Бекова принадлежало на правах держания Доброславу Степковичу [266].

Таким образом, к началу XIV в. на территории района до пожалования монастырю сел уже были небольшие условные держания, которые указанной грамотой передавались в подчинение монастырю вместе с их держателями. Некоторые из упомянутых выше сел в 60-х годах XIV в. входили в состав жупы Брвеник.

Ельци или Ельшци. В источниках этот район не обозначен термином «жупа», но в литературе его называют жупой [267]. Г. Шкриванич, следуя за мнением Й. Алексича, считает, что эта территория располагалась около верховья р. Ибр, на обоих ее берегах, в районе Старого Калашина, где Ибр поворачивает с юго-запада на северо-восток [268].

Первое пожалование на территории района в источниках отмечено в 1220 г., когда жичской архиепископии было передано 5 сел [269]. В 1313—1318 гг. монастырю Баньска там же были приписаны 2 села. Позднее пожалования в районе не прослеживаются.

Моравица — район, располагался на правом берегу реки Дайицки, на территории современного Моравицкого среза [270]. В 1220 г. жичской архиепископии были пожалованы 3 села без указания их места расположения [271].

В период между 1282—1293 гг. Хиландарь получил «оу Моравицах БрѢзова и сь заселиѩми» [272]. Это пожалование было подтверждено лишь в 1302—1309 [273] и в 1353 гг.[274] Следующее пожалование на этой территории относится только к началу XV в., когда монастырю в Милешеве были переданы «петь сель оу Моравицахь» [275]. Таким образом, все пожалования в этом районе (не считая

[264] Там же, стр. 184, 186—188.
[265] «Законски споменици . . .», стр. 623.
[266] Там же, стр. 625.
[267] *Јов. Алексић.* Жупе у сливу Ибра . . ., стр. 385.
[268] Там же, стр. 335—336; *Г. Шкриванић.* Властелинство . . ., стр. 196.
[269] «Законски споменици . . .», стр. 571.
[270] *Г. Шкриванић.* Жичко . . ., стр. 148, 159.
[271] Там же.
[272] «Законски споменици . . .», стр. 389.
[273] Там же, стр. 394.
[274] Там же, стр. 431.
[275] Там же, стр. 607.

пожалований XV в.) относятся к началу XIII в., а в XIV в. имели место только подтверждения.

Сеница — район, находился в пределах современного Сеничского среза [276]. Топоним Сеница впервые упоминается в 1253 г.[277] В 1360 г. царь Урош подписал договор с Дубровником на Сеницах [278]. Первые пожалования зафиксированы только в 1348 г. Тогда Хиландарю было передано «село на Сѣницахъ Локьвско и сь заселци и правинами» [279]. Таким образом, район ни в одном из источников не обозначен термином «жупа».

Лаб. Согласно грамоте 1313—1318 гг., имелось два района Лаб [280]. Но как они между собой разделялись, в источнике не сказано. Однако наличие двух Лабов указывает на то, что эти районы располагались по течению одноименной реки. Эта территория входила в состав епархии рашского епископа. Первые пожалования на ней отмечены 1395 г. [281]

Ситница — простиралась от Косовой Митровицы и села Пантино на севере до Липляна включительно — на юге, на западе захватывала гребень планины Чичовцы и на востоке — Приштину [282]. Термином «жупа» нигде не определена.

Пожалования прослеживаются только с 1313—1318 гг., когда Милутин приписал епархийскому хозяйству в Баньской 4 села и одного пасечника с братьями: «. . . оу Ситници оулиꙗрие на Присоиници» [283]. В 1320—1321 гг. «на Ситници» были переданы 3 села монастырю Грачаница [284]. В грамоте указаны еще 6 сел, которые находились на этой же территории, но места их расположения неизвестны. Их удалось установить Р. Ивановичу путем обследования района пожалований [285]. Согласно грамоте, всего Грачанице было пожаловано 9 сел. При подтверждении владений Хиландарю «по сербской земле» в грамоте Ст. Ду-

[276] *Г. Шкриванић.* Властелинство. . ., стр. 194.
[277] «Законски споменици . . .», стр. 150.
[278] Там же, стр. 183.
[279] Там же, стр. 421.
[280] Там же, стр. 629.
[281] Там же, стр. 319, 530.
[282] *Г. Шкриванић.* Властелинство. . ., стр. 183.
[283] «Законски споменици . . .», стр. 622.
[284] Там же, стр. 635.
[285] *Р. Ивановић.* Земљишни. . ., стр. 257.

шана от 1348 г. говорилось: «И оу Липлѩни село Словинѩ сь всеми правинами» [286]. Если считать границы района Ситницы такими, как их определил Р. Иванович, то село должно было находиться на его территории. Но в грамоте указан не район Ситницы, а город Липлян.

В 1348—1353 гг. Ст. Душан при формировании одного из самых больших владений монастыря св. Архангелов нашел возможным пожаловать на этой территории только одно село Пантино «у Ситницы» [287]. Пожалованное Ю. Бранковичем в 1410 г. монастырю св. Павла на Афоне село Кузьмино определялось «на Ситници» [288]. Это село на р. Ситнице и ныне значится на картах. Таким образом, на данной территории было пожаловано 16 сел, которые принадлежали 5 монастырским хозяйствам, бесспорно имевшим самые полные иммунитетные привилегии. Бо́льшая часть пожалований приходится на 20-е годы XIV в. При этом нужно отметить, что источники данного периода не всегда одинаково указывают место расположения сел. В одном случае «на Ситнице», в другом — «в Ситнице». Поэтому вполне возможно, что выражение «на Ситнице» могло означать не территорию района Ситницы, а район р. Ситницы. В некоторых случаях места расположения сел вообще не обозначены. Все это свидетельствует о том, что в источниках начиная с начала XIV в., нет определенной системы в указании районов расположения сел.

Паун-Поле — район, который Р. Иванович называет «жупой», располагавшейся в верхнем течении р. Ситницы, между современными Урошевацем, Жеговацем и Сврчаном [289]. Стоявшая в этом районе церковь («на Паоуни») вместе с попом Добромиром и его детьми была передана грамотой 1321 г. «вь область ѥпискоупиѥ липлѩньскиѥ», которая располагалась в монастыре Грачанице [290]. Кроме того, «на Пауни» липлянской епископии (или Грачанице) передавались половина доходов с мельницы «што ѥ оузимало кралевьство ми», пруды, сенокос «штоѥ косило кралевьство ми» и нивы. Из грамоты видно, что на этой территории были владения и Баньского мона-

[286] «Законски споменици . . .», стр. 422.
[287] Там же, стр. 690.
[288] Там же, стр. 528.
[289] *Р. Ивановић*. Земљишни . . ., стр. 259.
[290] «Законски споменици . . .», стр. 684.

стыря. Среди других пожалований липлянской епископии в Грачанице упоминаются люди, ранее принадлежавшие монастырю Грачаница: «Градьчанѣни одьпрѣны од Оливѣра»[291]. Таким образом, на территории Паун-Поля было несколько феодальных владений. При организации монастырских владений Милутину пришлось заменять ряд владений. Кроме того, он передавал людей, отнятых по суду у крупных феодалов, и уступал часть своих доходов. При этом следует иметь в виду, что в Паунах находился королевский двор. Грамотой 1348—1353 гг. Душан передал монастырю св. Архангелов «Доброслава Срьдановикѩ на Паоуни»[292]. Все приведенные выше факты показывают, что при определении места пожалований в грамоте записывали название реки Пауны, а сам район пожалований никогда не называли термином «жупа».

Држковина — район, место расположения которого Г. Шкриванич не мог определить, считая, что для этого нет достаточных данных[293]. Но Р. Иванович нашел возможным локализовать его на территории современной Дреницы[294]. Грамота короля Уроша 1254—1265 гг. среди пожалований холмской епископии, располагавшейся тогда в монастыре св. Петра и Павла на реке Лиме, называет «село Кроушевьць оу Дрьжковинѣ»[295]. Но если учесть, что указанная грамота подтверждала пожалования холмского князя Мирослава, то этот акт следует относить к концу XII в.

Второе, и последнее, упоминание о Држковине относится к 1313—1318 гг., когда она грамотой Милутина перешла в подчинение епархии рашского епископа[296]. В этой связи интересно отметить, что Дреница, на территории которой Р. Иванович выделяет район Држковина, упоминается в источниках только с 1413 г.[297] При этом в югославской историографии район Дреницы также принято называть «жупой»[298].

[291] «Законски споменици . . .», стр. 634.
[292] Там же, стр. 695.
[293] *Г. Шкриванић*. Властелинство. . .. стр. 198.
[294] *Р. Ивановић*. Средњовековни. . .. стр. 93.
[295] «Законски споменици . . .», стр. 595. 601.
[296] Там же, стр. 629.
[297] Там же, стр. 530.
[298] «Enciklopedija Jugoslavije», t. 3, str. 87.

В то же время на территории, где Р. Иванович определяет Дреницу, прослеживаются пожалования. Первое пожалование Дечанскому монастырю отмечено 1330 г. (Средне Село и Куманово) [299], а второе — 1348—1353 гг. (село Брези с заселком Големи Хльми) [300]. Эти села записаны в грамоте без указания района их расположения. Таким образом, один и тот же район в разные периоды обозначали разными топонимами.

Хвостно — район, располагался в междуречье Печской Быстрицы на севере и Дечанской Быстрицы на юге. Его восточная часть представляет собой равнину около Белого Дрима, которая постепенно возвышается к западу [301]. На севере Хвостно ограничивается горами Мокра Гора, Стари Калашин, на юге — горами Слано Поле, на востоке — нижним течением р. Книн, а на западе — захватывает Печские горы [302]. В историографии данная территория рассматривается как географическая область. Но иногда исследователи называют ее термином «жупа» [303].

В житии Ст. Немани, написанном Саввой, упоминается, что Неманя захватил «оть грьчьскые земле Патково, Хвостно все и Подримие» [304].

В 1220 г. жичской архиепископии в Хвостно было пожаловано 11 сел и заселков, а также планина Слано Поле [305]. В 1302—1309 гг. Хиландрь «вь земли Х' востьнскои» получил пастбище Лабичево [306]. В 1327 г. Стефан Дечанский разбирал тяжбу между монастырем Хиландарем и сыновьями тепчии Хардомила относительно пограничных земель села Косоричи. Для определения прежних границ король распорядился найти 12 «стариникь жоуплѩнь, достоверних чловекь» [307]. В 1330 г. на этой территории Дечанскому монастырю, по данным Р. Ивановича, были приписаны 7 сел, при этом их расположение не было указано. А по грамоте 1348 г. Хиландарь получил село Косо-

[299] *Р. Ивановић.* Дечанско властелинство . . ., стр. 201.
[300] *Р. Ивановић.* Властелинство. . ., стр. 234—235.
[301] «Enciklopedija Jugoslavije» т. 4. Zagreb, 1960, str. 310.
[302] *Г. Шкриванић.* Властелинство. . ., стр. 195.
[303] *Р. Ивановић.* Дечанско властелинство . . ., стр. 182, 184.
[304] Pamatky. . ., str. 1.
[305] «Законски споменици . . .», стр. 571, 572.
[306] Там же, стр. 394.
[307] Там же, стр. 397.

ричи с четырьмя заселками, которое раньше принадлежало сыновьям тепчии Хардомила [308]. В этом же году монастырю св. Архангелов у Призрена был передан катун «у Хвостне Синаницы» [309]. Кроме того, в южной части Хвостна Р. Иванович нашел возможным выделить жупу Куявчу [310]. В этой части король Урош I грамотой 1254—1264 гг. подтверждал холмской епископии «село Ракошь оу Коуꙗвьчы» [311]; в грамоте 1253 г. это же село подтверждалось епископии, когда она располагалась в церкви св. Богородицы в Стоне, причем место нахождения села указывалось в Хвостне, а не в Куявче: «Оу Хвост'нѣ село Ракошь и сь мегами моу како ꙗсть прѣди было» [312]. Грамотой 1313—1318 гг. Баньскому монастырю вновь передавалось «село оу Коуꙗв'чи Осоꙗни» [313]. После этого Куявча в источниках не упоминается. Из этого видно, что Куявча действительно была составной частью Хвостна. Но для локализации села в источниках 1253 и 1254 гг. указывались разные районы: в одном случае — Куявча, в другом — более широкая область Хвостно.

Таким образом, земли районов находились в частном феодальном владении еще задолго до 20-х годов XIV в., когда уже успели забыть прежние межи сел. К этому же времени относится основное число пожалований. На территории районов располагались хозяйства ряда светских феодалов, жичская и холмская архиепископии, Хиландарь, а позднее появились хозяйства Баньского, Дечанского и Архангельского монастырей. При пожаловании сел чаще всего указывали более обширную область Хвостна, а находившиеся на ее территории районы не всегда записывали в грамоту.

Брсково. Местонахождение этого города и одноименной жупы длительное время не поддавалось определению и вызывало частые дискуссии среди ученых. Исследователи даже затруднялись установить, в какой области Сербского государства следует локализовать данный район.

308 «Законски споменици . . .», стр. 470.
309 Там же, стр. 693.
310 *Р. Ивановић*. Средњовековни. . ., стр. 93.
311 «Законски споменици . . .», стр. 595.
312 Там же, стр. 601.
313 Там же, стр. 623.

В 1891 г. Л. Ковачевич внес некоторую ясность в этот спорный вопрос, высказав соображение, что в XIII в. Брсковская жупа относилась к Рашке и располагалась вдоль берега р. Тары. По его предположению, она могла граничить с жупами Любовидже и Будимле в пределах верхнего течения р. Лим [314]. Новые публикации материалов периода турецкого господства позволили современным исследователям подтвердить выводы Л. Ковачевича о расположении Брсковской жупы и одновременно дополнить или исправить его выводы, касавшиеся границы соседних районов [315].

В частности, Ж. Щепанович считает, что по источникам невозможно установить точные границы этих жуп. Однако он думает, что жупа Будимле или граничила, или располагалась вблизи жуп Любовидже, Будимле или Бихора и, возможно, Чрна Стена, которая, по его мнению, могла находиться в Припольской области [316]. Наряду с этим, с нашей точки зрения, Ж. Щепанович высказывает верную мысль о том, что границы названных жуп не могли оставаться неизменными, особенно после распада сербского государства Неманичей. В подтверждение этого он не без основания указывает на то, что жупы Брсково в период турецкого господства уже не существовало, а эта территория стала называться Лимские Никшичи, то есть по имени обосновавшихся там переселенцев. Жупа Любовидже в конце XV в. стала нахией, а часть ее сел вошла в состав образованной нахии Вранеш, которая в сербских источниках XVII в. одновременно обозначалась и термином «жупа» [317]. При турках топоним Брсково не упоминался, а район старой жупы назывался Лимские Никшичи [318].

314 *Љ. Ковачевић*. Трг Брсково и жупе Брсковска и Љубовиђска. «Глас СКА», XXX. Београд, 1891, стр. 16.

315 *Н. Влаховић*. Бродарево и њена околина. Београд, 1968; *Ж. Шћепановић*. Средњовјековна села Јабучно и Палеж и граничне међе жупе Љубовиђе. «Историјски записи», г. XXVII, бр. 3—4. Титоград, 1970, стр. 399—404.

316 *Ж. Шћепановић*. Указ. соч., стр. 403; *Марко Вего*. Насеља босанске средњовјековне државе. Сарајево, 1957, стр. 145.

317 *Ж. Шћепановић*. Указ. соч., стр. 401—403.

318 *Л. Ковачевић*. Трг Брсково..., стр. 4, 15—16; *Г. Шкриванић*. Властелинство. . . , стр. 197; *Н. Šabanović*. Krajište Isa-bega Ishakovića. Zbirni katastarski popis iz 1455 godine. Sarajevo, 1964, стр. 3, 13, 58; *Ж. Шћепановић*. Указ. соч., стр. 402.

Из грамот 1253 г. и 1254—1264 гг. холмской епископии известно, что в пределах Брсковской жупы эта епископия получила 5 сел и два заселка, один из которых, Быстрица, принадлежал некоему Добрихне [319].

В 1330 г. король Ст. Дечанский передал Дечанскому монастырю «Прокопиѩ Богдановикѩ и з братиомь и село Палежи оу Брьсковьскои жоупѣ» [320]. Из этого видно, что район Брсково назван «жупой» только в 1330 г. До этого район никогда не определялся таким термином, хотя упоминания о нем в дубровницких документах относятся к 80-м годам XIII в. [321]

Рассмотренный материал показывает, что основные пожалования на этой территории были в конце XII—начале XIII в., так как грамоты середины XIII в. только подтверждали прежние пожалования Мирослава и Ст. Первовенчанного.

Лепеница, Лугомир, Белица и **Левач** — самые северные пограничные районы государства Неманичей. Они располагались по берегам Западной и Великой Моравы. Но Левач, кроме того, захватывал еще часть гористой местности с Црним Врхом у Крагуеваца, в верховьях р. Лугомир [322]. Источники периода государства Неманичей крайне скудно отражают историю этих районов. Известно только, что они вошли в состав Сербского государства в период правления Ст. Немани [323], а в 1220 г. принадлежали епархии жичской архиепископии [324]. Пожалования на этой территории прослеживаются только с конца XIV—начала XV в.

Грамотой 1395 г. монастырю св. Пантелеймона на Афоне было передано «село оу Бѣлици Трьнава» [325].

319 «Село оу Брьсковѣ Простѣныѥ, а заселие моу Быстрица Добрихьнина, Гостыловина, Стричина, Плавьковына, Сельце, ѩсеново, а планина моу Конь, меги Простѣнью оть Таре оу стѣноу оу Пѣловиноу» («Законски споменици...», стр. 595, 601).
320 Там же, стр. 648.
321 *А. Соловјев.* Пребегар у Брскову. «Jugoslovenski istoriski časopis», књ. III, br. 1—4. Београд, 1937, str. 270—275.
322 *М. Динић.* Област централне Србије у средњем веку. «Археолошки споменици и налазишта у Србији», т. II. Београд, 1956, стр. 51—56; *Г. Шкриванић.* Жичко. . ., стр. 165.
323 *М. Динић.* Област. . ., стр. 51—52.
324 «Законски споменици. . .», стр. 572.
325 Там же, стр. 518.

В 1405 г. Ст. Лазаревич пожаловал деспотице Евпраксии «сѣело ѩбльчѥ у жупѣ оу Левьчской», чтобы она, в свою очередь, пожаловала его Хиландарю [326]. В 1411 г. Хиландарь получил от самого деспота Стефана «оу Львчю два села» [327].

Деспот Ю. Бранкович грамотой 1428—1429 гг. подтвердил великому чельнику Радичу два села на территории Лепеницы [328]. У великого логофета Стефана Ратковича в «лепеничкой власти» было три села [329].

Таким образом, в конце XIV—начале XV в. район Левача назывался термином «жупа». Любопытно то, что этот факт является единственным случаем, когда район, упомянутый в 1220 г. под термином «жупа», сохранил его до XV в. Все другие районы в источниках конца XIV—начала XV в. обозначались термином «власть», а на их территориях располагались села, принадлежавшие разным феодалам.

Борач — район, располагался по среднему течению р. Гружи. Старый топоним сохранился в названии современного села Борач в Гружанском срезе [330]. Термин «жупа» упоминается только в грамоте 1220 г. На территории Борача, которая одновременно входила и в состав епархии, хозяйству архиепископии было передано 4 села без указания места их расположения [331].

В 1465 г. деспот Ю. Бранкович пожаловал грачанскому митрополиту Венедикту церковь Врачевщицу и села «вь области Борьчкой» [332] и в том же году вновь подтвердил ее «оу Власти Брьчкой» [333].

Звечан и Брвеник. Эти две жупы представляют особый интерес. Они впервые упоминаются только в грамоте 1363 г. царя Уроша: «Зговори се царьство ми с кнезомь Воиславомь и с иними властели царства ми, и замени царьство ми чельнику Млсѣ по еговѣ волн градь за градь, Звечань за Брвьникь, и жупу за жупу» [334]. Ниже пере-

[326] «Одабрани споменици . . .». Београд, 1926, стр. 190; «Законски споменици...», стр. 461.
[327] «Законски споменици. . .», стр. 465.
[328] Там же, стр. 334.
[329] *М. Динић.* Област. . ., стр. 52.
[330] *Г. Шкриванич.* Жичко. . ., стр. 165.
[331] «Именик места. . .», стр. 73; *Г. Шкриванић.* Жичко. . ., стр. 165.
[332] «Законски споменици. . .», стр. 532.
[333] Там же, стр. 755.
[334] «Одабрани споменици . . .», стр. 166.

числялись села, которые находились в пределах жупы Брвеник, однако список сел жупы Звечан не приводился. Несмотря на это, эта грамота — уникальный документ, дающий представление не только о характере жуп середины XIV в., но и позволяющий до некоторой степени уяснить сущность экономической и административной структуры районов, названных в источниках термином «жупа».

Жупа Звечан, по определению Йов. Алексича, на западе и северо-западе граничила с районами Ельцы и Ельшаница, на юго-востоке — с районом Ситница, на востоке — с районом Лаб и на севере — с Брвеником. Ее территория занимала бассейн р. Ибр в районе его поворота с юго-запада на северо-восток, затем простиралась на север, захватывая бассейн р. Баньской, правый берег р. Йошанички и часть территории около устья р. Ситницы [335]. Однако следует отметить, что границу жупы Звечан Йов. Алексич определял, исходя из определенных им ранее границ соседних районов, которые упоминаются в более ранних источниках. В источниках данного периода районы Ельцы и Ельшаница не упоминаются, а Лаб и Ситница упоминаются. Но из грамот этого же периода трудно понять: то ли указываются бассейны одноименных рек, то ли территория районов. Во всяком случае, если принять во внимание те границы районов Горни Ибр и Ибр, которые определил Г. Шкриванич, то наблюдается любопытное явление: территория жупы Звечан частично совпадает с территорией района Горни Ибр.

Звечан, как город, упоминался еще в конце XI в., когда рашский жупан Вукан воевал с Византией за окрестности этого города. Постоянных границ в этом районе не было вплоть до прихода к власти Немани [336]. Затем в 1313—1318 гг. на этой территории Милутин пожаловал монастырю Баньска 23 села «и црьквь светаго Димитриꙗ под Звечанѥмь» [337]. Расположение сел было установлено историко-географическими исследованиями Г. Шкриванича и Й. Алексича. Из приведенных данных видно, что в начале XIV в. эту территорию не называли «жупой», а при определении района пожалований указывали город

[335] *Јов. Алексић.* Жупе у сливу Ибра. . ., стр. 336.
[336] Там же, стр. 336.
[337] «Законски споменици. . .», стр. 622.

Звечан. В 1363 г. эту территорию называли термином «жупа». Она вместе с городом до обмена была под управлением чельника Мусы.

Жупа Брвеник, располагаясь в районе среднего течения р. Ибр, захватывала левый приток р. Ибр — р. Рашку в районе нижнего и среднего течения. Другими словами, ее территория занимала большую часть Рашской области у г. Нови Пазар и далее на юг [338]. В пределах этой жупы было 56 сел и 8 заселков. Они тянулись от города Брвеника, который стоял при впадении р. Брвеницы в р. Ибр, на юг по р. Ибр до Сочаницы и по р. Рашке вплоть до самого г. Рас [339]. Таким образом, территория жупы Брвеник в любом случае должна захватить какую-то часть, возможно и всю территорию прежнего района Рас. Мы не можем это утверждать с полной достоверностью, так как границы района Рас в последних историко-географических исследованиях не определены. Но судя по расположению сел жупы Брвеник, которые подходили вплотную к Расу, можно с достаточным основанием предполагать этот факт. При этом нужно указать, что те села, которые перечисляются на территории Раса, не встречаются среди сел жупы Брвеник, кроме села Павле, которое, возможно, раньше входило в состав района Рас. А. Соловьев считает, что упомянутая в грамоте Павля Црква соответствует современной Павлице. Но в 17 километрах на запад от Нови Пазар находится село Павлье [340]. Не исключено, что Павля Црква из жупы Брвеник могла быть и тем же селом Павле в районе Рас. Г. Шкриванич в его состав включает село Бело Поле, которое входило в состав жупы Брвеник и принадлежало Оливеру с братьями [341]. На этой же территории располагаются села района Рас: Бежево, Беково, Драмичи (около 20 км на северо-запад), которые можно найти на современной карте в окрестностях (от 10 до 20 км) около Нови Пазара [342]. Но эти села не указаны среди сел жупы

[338] *Јов. Алексић.* Жупе у сливу Ибра. . ., стр. 337.
[339] *А. Соловјев.* Једна српска жупа за време царства. «ГСНД», 3. Скопље, 1928, стр. 27—28.
[340] *Г. Шкриванић.* Властелинство. . ., стр. 187.
[341] Там же, стр. 196; *А. Соловјев.* Једна српска жупа. . ., стр. 39.
[342] «Регистр места Народне Републики Србије». Београд, 1959 и карта «Народна република Србија (подела на срезове и општине 1 : 500 000)».

Брвеник. Кроме того, жупа Брвеник, если принять границы, определенные Г. Шкриваничем, захватывала часть района Горни Ибр. Среди сел жупы Брвеник упомянуты два села: «село Ꙗрине, и дроуго Ꙗрине»[343]. Между тем грамотой 1327 г. передавалось монастырю Студенице «село Ꙗрине на Иброу»[344].

Из приведенных данных довольно хорошо видно, что на территории районов Горни Ибр и Рас, обозначенных в грамоте 1220 г. термином «жупа», к 60-м годам XIV в. были созданы новые жупы Звечан и Брвеник, в центре которых стояли одноименные укрепленные города. Размеры этих жуп были значительно больше размеров жуп 20-х годов XIII в.

Весьма любопытен состав владельцев сел жупы Брвеник. А. В. Соловьев, впервые издавший полностью упомянутую грамоту 1363 г., выделил три группы сел:

1) Села, принадлежавшие двору короля: конюшьи, охотничьи, станичные, села постельничьих, ключников, села золотых дел мастеров (к этой группе принадлежало 13 сел).

2) Жупские (12 сел). Эту группу А. В. Соловьев определил как оставшееся ядро бывшей свободной жупы. Следует указать, что село Ярины раньше было во владении монастыря Студеницы. Это село, по всей вероятности, было заменено указанному монастырю на другое. Поэтому с таким же успехом можно предположить, что эти села могли быть государственными, то есть они были также в феодальной зависимости, но от государственной казны.

3) Властельские села (31 село)[345]. Все эти села без исключения принадлежали светским феодалам, как баштинникам, так и прониарам.

Опираясь на изложенные данные, можно с полным основанием предположить, что жупы Звечан и Брвеник были образованы на территории старых жуп Горни Ибр и Рас и, возможно, включали часть других территорий, которые располагались в районах городов Звечан и Брвеник. По мнению Алексича, эти жупы были созданы в период царства. Они отличались от прежних жуп не только большим числом сел, но и структурой располагавшихся там

[343] «Одабрани споменици . . .», стр. 167.
[344] «Законски споменици. . .», стр. 399.
[345] *Д. Соловјев.* Једна српска жупа. . ., стр. 29.

феодальных владельцев. Владельцами сел в жупе Брвеник в основном были небогатые феодальные собственники, так как бывшие села делились на две части, например, села Бельци Михачово и Бельци Мироноси. В грамоте встречаются владельцы сел, зависевшие от крупных феодалов. Например, село Тресковице принадлежало князю Воиславу, а село Нижняя Тресковица — «чловеку кнежу Срьгюевику». Селами Крнино и Плавково владел воевода, а селом Граничане — человек воеводы. Некоторые села принадлежали целым семьям: село Белое Поле — Оливеру с братьями, село Дебрьхава — Мутиводик, семья Киевцев имела села Поляне, Стрмох и Попово Поле, семья Куманица — села Дреново и Луково. Но в большинстве случаев селами владели отдельные лица: Гойко имел два села, казначей Богдан, Добривой Чичковец, Иван Челюгович и ряд других владельцев — по одному селу [346]. Таким образом, жупа Брвеник целиком состояла из сел, находившихся во владении самых различных светских феодальных собственников. Монастырских сел в ее составе не имелось. В ее составе были владения государственной казны, царского двора, князей и воевод, их придворных и слуг царского двора. Владения были наследственными и условными. При таком положении феодальных владений в жупе князь Воислав, а затем и чельник Муса могли получить эту жупу только лишь в управление или «на дрьжаву».

Если собрать воедино показания грамот о ходе пожалований на территории Рашки и Хвостна, то общий итог можно изобразить в следующей таблице (см. табл. 2).

Если не считать данных, относящихся к районам Звечана и Брвеника, то окажется, что в 9 районах пожалования в интересующий нас период не прослеживаются вообще. Но это не означает, что на этих территориях не было пожалований. В 14 районах в период с конца XII до 60-х гг. XIV в. были сделаны пожалования только крупным монастырским владениям и церковным хозяйствам, имевшим полный иммунитет. В среднем в каждом районе было пожаловано только монастырям по 9 сел. При этом пожалования 30—60-х гг. XIV в. в основном осуществлялись за счет перераспределения земельных владений.

[346] Там же, стр. 39.

Таблица 2. **Распределение в разные периоды пожалованных сел на территории районов Рашки**

№ п п	Название районов Рашки	Число сел					
		конец XII в.	1-я половина XIII в.	2-я половина XIII в.	начало XIV в. по 20-е гг. включительно	30—60 гг. XIV в.	всего по районам
1.	Крушильница	—	—	—	—	—	—
2.	Морава	—	24	1	2	1	28
3.	Расина	5	—	—	—	—	5
4.	Ехошаница	—	—	—	—	—	—
5.	Ельшаница	—	—	—	—	—	—
6.	Ибр	14	—	—	6	—	20
7.	Горни Ибр						
8.	Пнука	—	—	—	—	—	—
9.	Рас	—	—	—	11	—	11
10.	Ельцы	—	5	—	2	—	7
11.	Моравице	—	3	1	—	—	4
12.	Сеница	—	—	—	—	1	1
13.	Лаб (два Лаба)	—	—	—	—	—	—
14.	Ситница	—	—	—	13	1	14
15.	Паун-Поле	—	—	—	2	—	2
16.	Држковина	—	—	1	—	—	1
17.	Хвостно (и Куявча)	—	11	1	1	9	22
18.	Брсково	—	—	5	—	1	6
19.	Лепенице (обе)	—	—	—	—	—	—
20.	Лугомир	—	—	—	—	—	—
21.	Белица	—	—	—	—	—	—
22.	Левач	—	—	—	—	—	—
23.	Борач	—	4	—	—	—	4
	Всего по годам	19	47	9	37	13	125
	Всего в %	около 55		около 5	около 30	10	100

Поэтому есть все основания предполагать, что к началу XIV в. старые административные единицы Рашки были окончательно разрушены в результате формирования на их территориях феодальных владений. В этой связи интересно отметить тот факт, что в более поздних документах почти совсем не упоминаются даже топонимы тех районов,

которые в грамоте 1220 г. обозначены термином «жупа». При пожаловании сел в конце XIV — начале XV в. в грамотах указывали не районы жуп, а районы рек и городов, «власти» или «области», где располагались эти села. Довольно интересные данные встречаются в турецких переписях 1455 и 1469 гг. После захвата турками районов Рашки, эта территория была разделена на четыре вилайета: Звечан, Елеч, Рас и Сеница [347]. Позднее эта система деления была изменена. Вилайет и кадилук Елеч, центром которого был город Елеч, включал в свой состав нахии Звечан, Елеч, Рас, Сеницу, Моравицу, Барче, Брачи и Никшичей (Лимских). Затем, после 1470 г., вновь основанный около развалин старого Раса Нови Пазар стал центром нового вилайета и кадилука, в состав которого вошли нахии Ржаны, Дмитровица, Нови Пазар, Радокна, Остатье и Боболи [348].

Еще позднее, в конце XV — начале XVI в., в результате новой перестройки Сеница и Моравица стали нахиями Нови-Пазарского вилайета. Но Сеница в этот период имела статус города, а Моравица как нахия состояла из 16 влашских сел [349].

Этот небольшой экскурс за пределы хронологических рамок нашего исследования еще больше подтверждает высказанное выше предположение об исчезновении из документов большинства топонимов, которыми назывались старые территориально-географические районы. Этот факт особенно рельефно выступает на фоне сравнения районов Рашки и районов Холма, Требинье, а также Подгора в период их вхождения в состав турецкого государства. Если в районах вышеназванных областей в указанный период прослеживаются топонимы почти всех старых территориально-географических районов, то в районах Рашки наблюдается совершенно противоположная картина. Если при этом учесть специфику развития феодального землевладения в этих областях и общее число пожалований, которых больше всего было в Рашке, то основная причина исчезновения топонимов старых территориально-географических районов, а также старой системы административного деления становится более понятной.

[347] *H. Šabanović*. Указ. соч., стр. 33.
[348] Там же, стр. 145.
[349] Там же, стр. 146.

На основании рассмотренного материала можно сделать следующие выводы.

В специальной исторической литературе до сих пор принято выделять на территории Рашки (включая Хвостно) по меньшей мере около 30 территориально-географических районов, которые якобы всегда обозначались термином «жупа» с момента поселения на Балканском полуострове славян и вплоть до XV в.

Сохранившиеся источники показывают, что из всех указанных районов «жупой» бесспорно назывался 21 район. При этом следует учитывать, что подавляющее число районов этим термином обозначалось только один раз и в каком-то одном источнике:

а) из 14 районов, указанных в грамоте 1220 г., выданной Ст. Первовенчанным сербской архиепископии по поводу ее учреждения, только два района названы термином «жупа» дважды: район Расина (в житии Милутина при описании событий 80-х гг. XIII в.) и район Левоч (в грамоте 1405 г.);

б) семь районов (Рас, Будимле, Любовидже, Черная Стена, Брсково, Звечан, Брвеник) упоминаются под термином «жупа» также по одному разу, каждый в каком-то лишь одном источнике;

в) восемь рассмотренных в данном разделе районов (Сеница, Ситница, Паун-Попе, Држковина, Хвостно, Ельцы, оба Лоба) в источниках вообще не обозначены термином «жупа».

Из числа упомянутых в грамоте 1220 г. районов, часть топонимов (Крушильница, Ехошаница, Елышаница, Пнука) в других источниках в значении районов больше не упоминается. Остальные топонимы в источниках упоминаются в разной степени: одни часто, другие — всего два-три раза. Но в подавляющем большинстве случаев топонимы рассмотренных нами районов, как правило, уже не встречаются в источниках второй половины XV в. Это обстоятельство еще более обращает на себя внимание, если учесть, что на территории Холма и Требинье прослеживается совершенно противоположная тенденция.

В отличие от районов Холма, Требинье и, особенно, Зеты, на территории Рашки (включая Хвостно) источники уже не свидетельствуют о больших группах населения, каждая из которых определялась бы каким-то одним общим именем.

На данной территории уже с конца XII в., то есть с появлением первых сербских источников, прослеживаются частые пожалования светским и церковным (особенно монастырям) феодалам. Насколько можно судить по данным грамот, основные пожалования на территории Рашки относятся к концу XII—началу XIII в. На этот период приходится около 55% всех зафиксированных нами пожалований на территории Рашки и Хвостна с конца XII до середины XIV в. (см. табл. 2).

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что пожалования 30—60-х годов XIV в. были осуществлены в основном за счет перераспределения земельных владений. Данные факты свидетельствуют о том, что процесс феодализации на территории Рашки шел значительно интенсивнее.

Если брать в среднем, то оказывается, что в пределах каждого района всего было пожаловано только монастырским хозяйствам по 9 сел.

Если предположить (это отчасти подтверждают и данные грамот), что размеры районов Рашки в XIII в. в основном были такими же, как в Холме и Требинье, то есть в среднем около 20 сел, то в состав только монастырских владений входила почти половина всех сел района. Если к тому же учесть владения светских феодалов, которые в целом вряд ли могли быть меньше монастырских, то ко второй половине XIII в. территория каждого из районов Рашки в основном была уже поделена между различными феодальными хозяйствами с разным иммунитетом. Об этом, кажется, свидетельствуют и отмеченные выше факты перераспределения земельных владений, которые прослеживаются на примере пожалований 30—40 годов XIV в.

Все вышеизложенное дает основание предполагать, что целостность основной части упомянутых в грамоте 1220 г. территориально-географических районов, которые в начале XIII в. могли одновременно быть и административными единицами — «жупами», к середине XIV в. могла быть разрушена в процессе формирования феодальных владений. В XV в. многие топонимы бывших районов Рашки стали топонимами сел.

Данное предположение подтверждается, с одной стороны, отсутствием упоминаний о большей части топонимов этих районов в источниках второй половины XIV—

XV в., и с другой стороны, созданием на территории старых районов новых административных единиц (таких, как Звечан и Брвеник), которые также обозначались термином «жупа».

Македония и соседние области

Под названием Македония с времен Римской империи (до н. э.) подразумевалась территория в основном между Пиндом и Олимпом на юге, горами Шар-планины — на севере, р. Местой — на востоке и албанскими горами — на западе [350]. В условиях Византийской империи с VII по XIII в. Македонией называлась фема (административная единица), территория которой располагалась в междуречье Струмы и Марицы. Ее пределы ограничивались горами Шар-Планины, албанскими горами, горами Рилы и Осогова и р. Быстрицей. К VII в. эта территория уже была заселена славянскими племенами. Византийские историки знали, что в это время у славян существовали союзы племен, которые они называли «склавинии». В 688 г. византийскому императору Юстиниану удалось подчинить своей власти македонских славян. После 783 г. была организована новая фема Македония, которая в начале IX в. охватывала все побережье Эгейского моря. В этот же период была создана Солунская фема, территория которой простиралась от р. Струмы до Фессалии. Возможно, что в IX в. была создана еще и Струмская фема, территория которой начиналась к востоку от р. Струмы [351].

В период образования государства Самуила (976—1018 гг.) Македония вошла в состав этого государственного объединения. Источники периода X—начала XI в. не позволяют установить, какое влияние оказала византийская государственная организация на развитие местного самоуправления македонских славян и в каком состоянии находилось это самоуправление. Ни один из сохранившихся источников не дает прямых указаний, что на территории, заселенной македонскими славянами, существовали районы, которые назывались «жупами».

[350] «Enciklopedija Jugoslavije», t. 5. Zagreb, 1962, str. 623.
[351] «Historija narodic Jugoslavije», t. I. Zagreb, 1953, str. 279, 281, 284.

После того как Византия вновь подчинила Македонию, вместе с другими частями государства Самуила (1018 г.), на ее территории вновь была восстановлена византийская административная система деления на фемы. Македония с районами Сердики стала называться фемой Болгария. Центром фемы был город Скопле. Эта фема считалась одной из наиболее важных и вначале называлась катепанией, а затем дукатом [352]. Фемное деление было распространено и на соседние с Сербией районы, в пределах которых располагались города Сирмий, Белград, Браничево, Ниш, которые и раньше не входили в состав Сербии [353]. На территории Македонии быстро росли крупные феодальные владения. С началом правления Алексея I Комнина (1081—1118 гг.) началась перестройка военной организации, в основу которой была положена раздача земель в пронию. Это повлекло за собой быстрое расширение пожалований в пронию. Рост проньярских владений значительно ускорил процесс феодализации на территории Македонии [354]. В период распада Византийской империи и образования на Балканах ряда латинских государств (1204—1261 гг.) за Македонию шла непрерывная борьба между Латинской империей (или ее вассалами), Никейской империей, Болгарией и Сербией. В ходе этой борьбы различные части Македонии более 10 раз переходили из рук в руки, а ее города и села постоянно опустошались завоевателями. В 1203 г. болгарский царь Калоян овладел значительной частью Македонии с городами Скопле, Охрид и Бер, а южная часть Македонии вошла в состав основанного в 1204 г. Фессалоникского королевства. После смерти Калояна бо́льшей частью Македонии, входившей тогда в состав Болгарского царства, на правах независимого правителя управлял крупный болгарский феодал Стрез. После его смерти бо́льшая часть Македонии оказалась под властью эпирского деспотата, а в 1230 г., после победы болгарского царя Ивана Асеня II при Клокотнице, снова вошла в состав Болгарии. Позднее различные части Македонии входили в состав Никейской империи, Эпирского

[352] Так назывались наиболее важные и большие фемы (там же, стр. 302).

[353] Там же, стр. 253.

[354] *Г. Острогорски.* Историја Византије. Београд, 1959, стр. 350—351.

деспотата, Болгарии и Сербии. Но с восстановлением Византийской империи в 1261 г. все македонские земли вновь оказались под ее властью [355]. Отсутствие необходимых источников и специальных работ, к сожалению, не позволяет восстановить процесс развития административного деления на территории Македонии в период с начала XIII до конца XIV в. В данной связи можно лишь резюмировать самые общие высказывания по данному вопросу, которые не всегда между собой совпадают. Рассматривая вопрос о правителях фем в Эпирском деспотате и Никейской империи, болгарский ученый Д. Ангелов считает, что Эпирское царство в отличие от Никейской империи в основном унаследовало не только прежнюю византийскую систему управления, но и сохранило старую сетку административного деления. Основная часть территории, вошедшей в состав этого государства, делилась на небольшие фемы, которыми управляли дуки, обладавшие гражданской и судебной властью. Фемы делились на катепаникии во главе с катепанами, которые в основном выполняли функции фискальных чиновников [356]. Между тем советский исследователь М. В. Левченко высказывает противоположное мнение, полагая, что владычество латинян до основания разрушило старый механизм византийского управления [357]. Югославские историки, и прежде всего авторы «Истории народов Югославии», считают, что с возрождением Византийской империи была вновь восстановлена старая система административного деления. Более того, они полагают, что внутреннее административное деление, сложившееся в период византийского господства, существенно не изменилось даже после включения Македонии в состав империи Стефана Душана. По наблюдениям авторов «Истории народов Югославии», Македония делилась на небольшие области, которые назывались катепаникиями или хорами, а иногда по-славянски — жупами [358]. К числу таких катепаникиев или жуп они относят следую-

[355] «История Югославии», т. I. М., 1963, стр. 120—121.

[356] *Д. Ангелов.* К вопросу о правителях фем в Эпирском деспотате и Никейской империи. «Byzantinoslavica», XII, Prague, 1951. Эту точку зрения разделяют и советские византинисты, авторы 3-томной «Истории Византии». («История Византии», т. III. М., 1967, стр. 44—45.)

[357] *М. В. Левченко.* История Византии. М.—Л., 1940, стр. 237.

[358] «Historija naroda Jugoslavije», t. I., str. 391.

щие районы: Лукавица, Кичево, Полог, Заструма, Скопле, Овче Поле, Струмская область, Валависте у Мельника и Данайская область у города Серры [359].

Более детально этот вопрос исследует югославский византинист Г. Острогорский в своей работе «Серска област после Душанове смрти». По его наблюдениям, после захвата сербами областей на территории Солунской фемы насчитывалось 20 катепаникиев, а в фемах Серрес и Стримон — 5 катепаникиев [360]. На этом основании Г. Острогорский на территории владений сербского деспота Иована Углеши выделяет 10 следующих катепаникиев: Каламария, Эрмилия, Ревеникия-Акр-Ерисо, Касандра, Апр-Лонгос, Рендина, Стримон, Серрес, Зихна Забалтия, Пополия [361]. Характеризуя в целом состояние административного управления в захваченных областях, Г. Острогорский пишет, что в «странах греческой земли» все элементы общественной жизни остаются византийскими. «В государственном и церковном управлении всюду работают далее колеса налаженной (уходане) византийской административной машины. . . Структура этой державы [серрской. — *В. Г.*] — византийская, византийской остается и вся ее терминология. Ни в государственном, ни в церковном управлении, если можно так сказать, нет ни одного элемента, который не уходил бы своими корнями к Византии. Даже идеологически тень Византии над «странами греческой земли» царила на протяжении всей эпохи сербской власти. Однако это не означает, что под сербской властью ничего не меняется» [362]. Но последняя оговорка касается только сферы центрального государственного управления, куда проникали и сербские представители из числа феодальной знати [363]. Нужно признать, что в основном эти наблюдения верны. Но все же в отдельных частях они не всегда согласуются с материалом опубликованных источников. С нашей точки зрения, сделанная Г. Острогорским оговорка могла бы быть распространена и на другие сферы админи-

[359] Там же.
[360] *Г. Острогорски.* Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965, стр. 94.
[361] Там же, см. приложение — карту «Област деспота Јована Угљеше».
[362] *Г. Острогорски.* Указ. соч., стр. 80.
[363] Там же.

стративной организации. Рассматривая вопросы, касающиеся только «жупной организации», мы не в состоянии затронуть все стороны административного управления на данной территории, но все же попытаемся обратить внимание на ряд фактов, которые вынуждают усомниться в излишней категоричности вышеупомянутых суждений.

Призренский район был пограничной территорией между Сербией и Византией. Но точную границу его источники не позволяют установить, так как она часто менялась. Поэтому понятие «Призренский район» для рассматриваемого периода является относительным, ибо он не представлял собой единой административной единицы. Сам город Призрен в различные периоды являлся составной частью различных территориальных единиц. При выделении составных частей Призренского района мы в основном исходили из условий периода середины XIV века. Тогда Призрен, по мнению Рад. Ивановича, являлся частью Верхнего Пилота и Дукаджина [364].

Р. Иванович разделяет Призренский район на следующие, как он выражается, «жупски краjа»: Ополье, Гора, Средская жупа, Подгора (Сува Река), Подрима (Ораховац) [365]. Не имея достаточного материала, трудно судить, какие из этих районов и в какой период входили в состав Византии или в состав Сербского государства до конца XIII века. Известно одно, что сам город Призрен, вначале захваченный Ст. Неманей, после 1190 г. вновь отошел к Византии и был пограничным городом. При Ст. Первовенчанном он вновь на короткое время был присоединен к Сербии. И только после 1258 г. окончательно вошел в состав Сербского государства Неманичей.

Город Призрен и его окрестности. Первые пожалования на этой территории относятся к 1198—1199 гг., когда Ст. Неманя «Испросихь парике оу цара оу Призьрене, да дахь одь нихь монастироу оу светои горе светой богородици оу милеѣхь: села Непробишта, Момоушоу, Сламодравы, Ретивлоу, Трьнис, Ретивьштица, Трьновьць, Хоча и дроуга Хоча» [366]. Из этого дарственного письма

[364] *Р. Ивановић.* Властелинство. . ., VII, стр. 348.
[365] Там же.
[366] *В. Ћоровић.* Списи св. Саве. Београд, 1928, стр. 3; Зак. спом., стр. 384.

становится понятным, что Призрен в тот период был во владении Византии. Ст. Неманя попросил у византийского императора уступить ему несколько сел в районе Призрена, которые он затем передал Хиландарскому монастырю. Следующее пожалование в этом районе было сделано в 1276—1281 гг., когда Призрен уже находился в составе Сербского государства. В это время Ст. Драгутин пожаловал Хиландарю «. . .винеградь оу Призрене оу билоуши кои соу были коупили оу метохыиского чловека» и подтвердил пожалованную ранее церковь в Призрене»[367].

Из приведенных данных видно, что все подтвержденные и вновь пожалованные владения до этого уже находились в феодальной собственности монастыря и других владельцев. При указании района расположения сел в грамоте использовано выражение «оу Призрене». Это дает основание думать, что в этот период для окрестностей Призрена еще не установилось твердое название определенной административной единицы. Из дальнейшего текста грамоты можно понять, что Призрен и его окрестности были недавно захвачены у Византии, а владения монастыря были где-то недалеко от границы, так как призренские метохи освобождались от их охраны[368]. При освобождении указанных владений монастыря от налогов и повинностей в грамоту было вписано одно интересное постановление, согласно которому люди монастырских владений «оброка да не даю жюпомь»[369]. При рассмотрении этого важного для нас факта нужно указать, что налог «в жупу» взимался в районах, находившихся ранее под властью Византии, и прежде всего в Македонии. В документах, касающихся других областей Сербского государства, этот налог не зафиксирован.

Важные сведения о районе Призрена сообщает грамота Милутина 1282—1298 гг. Хиландарскому монастырю. В ней впервые подтверждены те пожалования, которые были даны Хиландарю Ст. Неманей в 1198—1199 гг. «А оу Призрене села: Сломодраже, Непробиште, Момоуша, Обе Хоче, долнию и горнию, и половина Добродолѩни, а дроуга половина. . . Стоуденицы»[370]. Грамотами

[367] «Законски споменици. . .», стр. 387; *Р. Ивановић*. Властелинство. . ., VIII, стр. 250.
[368] «Законски споменици. . .», стр. 337.
[369] Там же, стр. 388.
[370] Там же, стр. 389.

от 1302—1308 гг. Хиландарю и от 1308 г. пиргу в Хрусии Милутин постепенно возвращал монастырскому хозяйству все утраченные им ранее владения, в том числе села, пожалованные еще Ст. Неманей. Для определения района расположения сел вновь использовано выражение «оу Призрене» [371].

Совершенно иная картина представлена в грамоте 1348 г., которой были подтверждены Хиландарю все его владения «по сербской земле», в частности, села: «И оу жоупе Призренской црьковь светы Николае оу Хотчи, и село Хотча Горнꙗ и Долнꙗ и сь мегꙗми ихь» [372]. Наряду с указанными селами в грамоте перечислено большинство из пожалованных ранее сел. Таким образом, к 1348 г. окрестности Призрена стали обозначать термином «жупа».

Из рассмотренных грамот видно, что все села на этой территории уже давно находились в феодальной зависимости от различных владельцев, в том числе и от монастырских хозяйств. Эта отличительная особенность хорошо видна из грамоты 1348—1353 гг. монастырю св. Архангелов у Призрена, владения которого только что формировались в тот период. Для того чтобы создать один из комплексов владения, располагавшегося в непосредственной близости от монастыря, Ст. Душану пришлось провести ряд замен тех владений, которые принадлежали другим феодальным владельцам. В частности, Младену Владоевичу и его матери, имевшим владения в этом районе, Ст. Душан за принадлежавшие им церкви, села с людьми, землей и виноградниками, «Иже се находеше црькве те или оу градоу, или оу жоупе, или инде где любо», дал в Охриде церковь за церковь, села за села и т. д.[373]

Затем пяти семьям строителей монастыря, переселенным из села Пнука, царь дал землю в селе Лютоглавы, «Што ѥ дрьжаль Калоꙗнь Милкоусовомь брать. . . и да си имаю сиези все оу баштиноу, и деть'ца ихь. И да имь не ине работе разве зиданиꙗ, и бедбе дьнь, и леха винограде, и да имь не никоѥ приплате жоупьске. . .» [374]. Из материала грамоты видно, что все новые пожалования были сделаны за счет замены прежних феодальных владений.

[371] «Законски споменици. . .», стр. 393—394, 478.
[372] Там же, стр. 421.
[373] Там же, стр. 683.
[374] Там же, стр. 696.

В результате этих замен значительная часть окрестностей Призрена находилась, по всей вероятности, во владении монастырских хозяйств. В то же время окрестности Призрена назывались жупой, и в пределах ее существовал налог в жупу.

Таким образом, рассмотренный материал дает в основном ясное представление об истории создания Призренской жупы. В период византийского господства на этой территории действовала византийская система административного деления. После перехода ее в состав Сербского государства (1258 г.) византийская система территориального деления была ликвидирована, а система сербского административного деления еще не установилась. Но в то же время при сборе повинностей и налогов, по всей вероятности, был сохранен старый порядок, который был в период византийского господства. Один из налогов податной системы, существовавшей в Византии, который собирался в пользу местного административного управления, в условиях Сербского государства получил по форме сербское название налога «в жупу». По-видимому, этим и следует объяснить тот факт, что источники не называют такого налога в центральных районах Сербии. Все изложенное выше дает основание предполагать следующее. Несмотря на то, что границы окрестностей Призрена после его завоевания еще твердо не установились, но тем не менее часть, которая вошла в состав Сербского государства, уже подразумевалась как жупа. Подавляющее большинство сел на этой территории в тот период совершенно определенно находились в феодальной зависимости как от монастырских, так и от светских феодальных владельцев. Последующие пожалования монастырским владениям делались за счет перераспределения земельных владений. В 40-х гг. XIV в. окрестности Призрена совершенно отчетливо стали обозначаться термином «жупа».

О других районах Призренской области сохранилось очень мало сведений, и их предшествующая история не всегда ясна.

Средска — обширный горный район, располагавшийся в верхнем течении р. Призренской Быстрицы и по ее притокам. Р. Иванович считает возможным назвать его жупой. Его территория, густо покрытая хвойными лесами, спускалась вниз по Быстрице вплоть до древней крепости Древнграда. Центром этой территории, по мнению Р. Ивано-

вича, было село Средско, которое стояло на развалинах Дрвенграда. Остальные села располагались на высоте от 600 до 1200 метров над уровнем моря.

Первым пожалованием Хиландарю в этом районе было село Лохвицы, которое подтверждала грамота 1276—1281 гг.[375] Когда и кем оно было пожаловано раньше, неизвестно. Границы села раньше проходили где-то вблизи Дрвенграда. Однако в грамоте границей села назван Дрвенград, а не село Средско, которое, по определению Р. Ивановича, было центром жупы. В общей формуле, освобождавшей от налогов владения монастыря, которые находились в пределах Призренской области, указывалось, что эти села «Оброка да не даю жюпомь» [376]. Но уже грамотой 1348—1353 гг. монастырю св. Архангелов передавалось 4 села: «Село Средьска . . ., село на средьском именемь Село», села Любиня и Небрегоша [377]. Жители этих сел, занимавшиеся в основном скотоводством и отчасти земледелием [378], обязаны были, помимо других налогов, снабжать монастырь лучинами: «Средьская и села да даю лоучь» [379].

Таким образом, из этих отрывочных данных можно понять, что Средска представляла собой какую-то обширную территорию, на которой располагались села и которая рассматривалась как какая-то единая общность живших там людей, обязанных сообща снабжать монастырь лучинами. Но являлась ли она жупой, по свидетельствам грамоты судить трудно, так как ее территория могла быть составной частью Призренской жупы.

Сириник. При обследовании пожалований в районе Призрена Р. Иванович нашел возможным выделить «Сириничку жупу», узкие горные проходы в которую шли через село в Средской, носившее название Село [380].

Хиландарскому пиргу в 1331 г. в этом районе была передана планина Млечане «выше Сириникь» [381], а в 1355 г. Хиландарю было подтверждено село, «што ѥ приложиль и

[375] «Законски споменици. . .», стр. 388.
[376] Там же, стр. 388.
[377] Там же, стр. 689.
[378] *Р. Ивановић.* Властелинство. . ., VII, стр. 355.
[379] «Законски споменици. . .», стр. 699.
[380] *Р. Ивановић.* Властелинство. . ., VII, стр. 355; VIII, стр. 252.
[381] «Законски споменици. . .», стр. 486.

записаль властелинь царства ми Тошое село Баштинно, што бе записало царство ми оу баштиноу, сельце выше Сириникь»[382]. По данным свидетельств трудно судить, была ли эта территория жупой. Судя по контексту грамот, это было название какой-то горной местности, на которой не было пожалований. Все пожалования располагались где-то рядом с Сириником.

Гора. Эту территорию вместе с Опольем Р. Иванович также называет жупой. Она находилась в горной части отрогов Шары: между планиной Коритник, Хтетовской областью и Призренской областью[383]. В этом районе в 1348—1353 гг. монастырь св. Архангелов у Призрена получил 10 сел в горной части отрога Шары на высоте более 1000 метров. Эта часть была богата хвойными лесами и пастбищами. В грамоте записано одно очень важное постановление, относившееся к территории Горы: «...и оу сих'зи селехь оу црьковнихъ оу Горе што се находи коупленица и прикиѩ жоуп'ска да ю дрьже, а што се обрета оу жоупе коупленица или прикиѩ црьковных людей, да си ю такожде дрьже, а меѓѩ да стои како ѥ оуписана оу хрисовоуле»[384]. Из этих строк видно, что территория данного района рассматривалась как жупа. Это также видно из постановления по поводу назначения работ жителям села Брда, располагавшегося в пределах этой территории: «. . . а ине работе оу жоупоу да имь не, а да ороу црькви и сено косе дома, а да имь се дае месечина за овце, травнина да имь се не оузима»[385].

Таким образом, из этих двух свидетельств можно понять, что при пожаловании монастырю сел на территории Горской устанавливалась межа между жупскими селами и селами монастырскими. В какой период была сформирована данная жупа, источники не позволяют установить. В связи с этим вполне допустимо предположение, что Горской жупы как особой административной единицы не существовало, а был лишь географический район Горска — одна из составных частей Призренской жупы как административной единицы. Во всяком случае, при пожаловании на этой территории сел монастырю эти

[382] Там же, стр. 431.
[383] *Р. Ивановић*. Властелинство. . ., VIII, стр. 209.
[384] «Законски споменици», стр. 690.
[385] Там же, стр. 698—699.

села и жившие в них люди выделялись из состава жупы как в хозяйственном, так и в судебном отношениях. В этом еще раз убеждает постановление грамоты 1348—1353 гг. о порядке ведения суда внутри монастырских владений: «А котла Архангеловемь людемь да несть сь инеми жоуплѧни разве мегю собомь вь Архангеле» [386]. На основании контекста данных грамот можно предполагать, что под жупскими селами понимались села, которые находились в сфере управления государственной администрации.

Город Скопле и его окрестности. Первые упоминания о пожалованиях сербских правителей в районе Скопле относятся к 1257—1259 гг., когда король Урош I подтверждал Хиландарю: «Оу скопской стране вь месте рекомемь Тморане келию света Петке», которую еще раньше пожаловал Ст. Первовенчанный [387]. В грамоте Милутина 1300 г. разъясняются все подробности истории присоединения Скопле. Подтверждая прежние владения монастыря на этой территории, Милутин, кроме всего прочего, передавал монастырю 15 семей отроков и 33 семьи париков и освобождал эти владения от всех налогов [388]. Из этого свидетельства видно, что в районах Скопле в этот период еще сохранялись византийские категории зависимых крестьян и соответствующая система налогов.

Приблизительно такая же картина представлена в другой грамоте 1300 г. монастырю св. Георгия (Горго) на р. Сераве в г. Скопле. После присоединения этих районов к Сербии Милутин, восстановив заброшенный монастырь и возвратив ему все прежние владения и людей, ушедших в город, освободил их от всех налогов, имевших ясно выраженный византийский характер [389]. Раздавая новые пожалования, Милутин указывал в грамоте, что эти владения находились как в самом городе Скопле, так и в «Области Скоп'ской . . . или вь кои любо хори Скопьскои, или вь пределехь Скопьских» [390]. При этом нужно

[386] «Законски споменици. . .», стр. 699—700.
[387] Там же, стр. 386—387.
[388] «И дани никоѥре да не приплакю ни земл'омь ни зградомь. . . Ни оброка никакова. И злато царьско да имь се не намеке» («Законски споменици. . .», стр. 392).
[389] «Да не работають оу царииоу никою работоу» и «оброка не дати Апоклисароу, ни севастоу, ни прахтороу» и т. д. (Там же, стр. 608—609).
[390] Там же, стр. 610—611.

отметить, что большинство пожалованных владений были откуплены Милутином у других феодалов. Таким образом, при определении района пожалований грамота в данном варианте придерживается еще старой византийской системы административного деления, выделяя область, хоры и пределы. Между тем при предоставлении монастырскому владению реальных иммунитетных привилегий составители данной грамоты рассматривали данный район уже как жупу: «Вь всехь метохиꙗхь где любо се обретають людие светаго Георгиꙗ Горга, оу коѥ и любо жоупе или оу градоу Скопи, или оу коѥмь любо градоу или оу чиѥмь селе. . .» [391] Из контекста видно, что монастырские люди и села противопоставляются, с одной стороны, жупским людям и селам, и, с другой стороны, «чьим либо» селам и людям. В контексте под выражением «чьи либо» села, очевидно, следует понимать села светских феодалов. Если это так, то под жупскими селами следует понимать села, находившиеся в распоряжении государственной администрации. Здесь трудно предполагать, что в районе Скопле сразу же после 1300 г. могла быть установлена сербская система административного деления на жупы. Но для обозначения территории, находившейся в ведомстве государственной администрации, составители грамоты пользовались термином «жупа». Последующие грамоты —1308 и 1309—1316 гг.[392] данную территорию продолжали называть «страной» или «областью». Грамота 1348 г. о пожаловании села Косоричей также была написана «вь окрьстной стране града Скопïа» [393]. Однако следует отметить, что в грамоте 1348—1353 гг. среди других сел, пожалованных монастырю св. Архангелов, упоминается село Кучевиште, которое, по определению Р. Ивановича, находилось в Скопльской области [394]. Но из грамоты видно, что это село принадлежало жупану Радославу: «И еште приложи царьство ми. . . сь хотением любимаго властелина царьства ми Радослава жоупана село Кльчевишта. . .» [395] Сведения о жупане Радославе будут рассмотрены подробнее в главе III. Здесь же нужно только

[391] Там же, стр. 616.
[392] Там же, стр. 479.
[393] Там же, стр. 474.
[394] *Р. Ивановић*. Властелинство. . ., VIII, стр. 236.
[395] «Законски споменици. . .», стр. 690.

отметить, что наличие владений жупана в данном районе не имеет никакого отношения к управлению жупой в данной местности.

Кожле. Грамотой 1353 г. сербскому митрополиту Якову была пожалована церковь св. Николая на р. Пшине под городом Кожле. Яков был первым игуменом монастыря св. Архангелов у Призрена и оставался в этом звании 10 лет (1343—1353 гг.). За свои заслуги при постройке монастыря и организацию его хозяйства он был назначен митрополитом и получил во владение церковь св. Николая на р. Пшине со всем ее хозяйством. Это владение Яков мог держать до своей смерти, после чего оно переходило в собственность монастыря. Земли указанной церкви располагались в Скопльской области, на обоих берегах в низовье р. Пшини, от ее впадения в Вардар и до села Бресеницы на левом берегу реки, где находился городок Кожле [396]. В грамоте эта территория не обозначена термином «жупа». Но при установлении отношений окрестных жителей ко владению митрополита указано: «И людие жоупьсци кои винограде имаю на земли на црьковнои, да даю оть нихь црькви светомоу Николе по законоу доходькь што оу Скопии даю оть виноградь». А при освобождении от налогов владения церкви освобождались «И отъ приплате жоупьске» [397]. Если учесть аналогичные случаи, рассмотренные выше, то по данному факту нельзя судить об организации постоянной административной единицы. Но несмотря на это, Р. Иванович, исходя из условий местности, нашел возможным выделить границы территориально-географического района с центром в городе Кожле и определить его как жупу [398].

Таким образом, из рассмотренного материала видно, что ни один из районов Скопльской области в период с 1300 по 1353 гг. в источниках формально не выступает как твердо очерченный территориально-географический район или твердо установившаяся единица административного деления. Но в то же время для обозначения жителей сел района, который находился в управлении государственной администрации, употребляли выражения «жупские» села или люди, налог в «жупу» и т. д. Но особенности упо-

[396] *Р. Ивановић.* Властелинство. . ., стр. 237.
[397] «Законски споменици. . .», стр. 703.
[398] *Р. Ивановић.* Властелинство. . ., стр. 237.

требления этих терминов, как нам кажется, еще не дают основания утверждать, что на этой территории официально вводилась постоянная сетка административного деления на жупы с четко очерченными границами.

Полог — область, упоминается в 80-х годах XI в., когда она входила в состав Византийской империи [399].

В грамоте 1300 г. монастырю св. Георгия в Скопле данная территория в одном случае названа «областью», а в другом — «жупой» [400]. В случае, где употреблен термин «жупа», совершенно очевидно подразумевалась территория, которая передавалась во временное управление или держание («на дрьжаву») одному из государственных чиновников. Во всех остальных случаях, когда эта территория рассматривалась как географический район, для ее обозначения пользовались самыми разными терминами: «область», «страна», «земля» и т. д. Термин «жупа» никогда не употреблялся.

Так, в грамоте 1308 г. эта территория обозначена как «Полож'ска страна» [401]. В 1321 г. монастырь Грачаница получил село «оу Полозѣ Оури» [402]. В 1326 г. призренской епископии была передана церковь «оу гор'нємь Полозе» и церковь в «Долнемь Полозе» [403]. Грамоты 1335 [404], 1337—1346 [405], 1348 [406] и 1348—1353 гг. [407] все без исключения не вносят никаких изменений в терминологию для обозначения этой территории: всюду она называется или Полог, или Горни Полог.

Таким образом, из 8 грамот, относящихся к различным периодам — с 1300 по 1348—1353 гг., только в самой первой грамоте 1300 г. Полог был назван термином «жупа»,

[399] По сообщению Анны Комниной, норманнский рыцарь Петр Алифа в это время овладел обоими Пологами (τοὺς δύο Πολόβους). *Анна Комнина.* Алексиада. Пер. Я. Н. Любарского. М., 1965, стр. 165, 505.

[400] Составители в грамоте указывали, что село Речицы расположено «в области Положькои», а в другом месте грамоты: «Комоу се дасть жоупа Полож'ка на дрьжавоу милостию кралевства ми, Речицамь да не има заповедати ни на едноу работоу. . .» («Законски споменици. . .», стр. 614).

[401] Там же, стр. 614.

[402] Там же, стр. 477.

[403] Там же, стр. 639—640.

[404] Там же, стр. 666.

[405] Там же, стр. 658.

[406] Там же, стр. 422.

[407] Там же, стр. 696.

когда необходимо было подчеркнуть, что территория Полога как часть государственных владений могла быть передана в «державу» одному из представителей государственной администрации.

Овче Поле и соседние районы. Овче Поле с момента его вхождения в состав Сербского государства также никогда не обозначалось терминами «катепаникий» или «жупа». В 1309 г. Милутин писал в одной из грамот, что он присоединил «Скопскоу страноу и Овчеполскоу и Полож'скоу и Дьбрьскоу и прочее ине стране» [408]. В 1330 г. Ст. Дечанский подписался под грамотой монастырю св. Николая в Орехове как король «. . . всей срьпской земле и поморьской и овчепольской и вельбоужкдьской» [409]. В трех грамотах, изданных в период между 1354—1355 гг., Овче Поле упоминается только как топоним [410]. Следовательно, у нас нет никаких оснований считать, что территория Овче Поле представляла собой какую-то административную единицу и в особенности катепаникий. В этом нас еще раз убеждает свидетельство грамоты от 1343 г. Хиландарскому монастырю. Из него видно, что после того как Ст. Душан захватил в 1342 г. «градь Строумицоу» и нашел там «властелина града того Роудла», то он по желанию самого Рудла передал его во власть Хиландарского монастыря «сь всемь своимь»: с церковью, селом Боруево, которые ему дал Ст. Душан, и с другими баштинными владениями, которые «моу есть даль Хрелѩ Робово, сь всеми правинами, и сь коупленичиѥмь». Однако по условию все владения Рудла после его смерти должны были отойти к Хиландарскому монастырю. Поэтому владения освобождались от всех налогов и от «поданкь и приплать градьскихь и жоупьскыхь» [411].

При обследовании района Р. Иванович установил, что сам город Струмица и его окрестности находились в пределах области Овче Поле. Более того, он считает, что под Струмицей понимался как сам город, так и окрестная жупа. В подтверждение этого положения Р. Иванович указывает, что Струмица как город и как область существует в Македонии и в наше время [412]. Из этих дан-

408 «Законски споменици. . .», стр. 477.
409 Там же, стр. 646.
410 Там же, стр. 428, 432, 694.
411 Там же, стр. 410—411.
412 *Р. Ивановиħ*. Властелинство. . ., VIII, стр. 247.

ных видно, что область Овче Поле и сама по себе не могла быть катепаникием или жупой, так как на ее территории имелись более малые административные единицы, в частности, район Струмицы. Этот район в период его вхождения в состав Сербского государства уже понимался как жупа, хотя, бесспорно, за такой короткий срок не мог быть осуществлен новый административный передел.

Струмская и Серрская области. Из всех территорий, входивших в состав Сербского государства после 30-х годов XIV в., мы коснемся лишь районов Струмской и Серрской областей, полагая, что интересующие нас институты в соседних областях были аналогичными.

Но прежде следует обратить внимание на один весьма важный для нас факт, который зафиксирован в Хиландарском практике 1300 г. в связи с проведением ревизии в соседней Солунской феме. Как известно, в начале XIV в. в Солунской феме были составлены кадастровые описи владений Хиландарского и Зографского монастырей. Однако оригинал Хиландарского практика на греческом языке не сохранился. Сохранившийся более поздний славянский перевод практика, по мнению В. А. Мошина, был сделан в период царствования Ст. Душана [413]. Сопоставляя данные Хиландарского и Зографского практиков, В. А. Мошин обратил внимание, что греческое слово «фема» было переведено как «держава», а «катепаникий» — как «жупа» [414]. Отмеченный В. А. Мошиным факт с полной очевидностью подтверждает мысль, что современники рассматриваемых событий под «жупой» понимали прежде всего единицу административного деления, соответствовавшую размерам византийского катепаникия, а не тот комплекс территориального, этнического и административного единства, который, по мнению историков XIX — начала XX в., был характерен только для организации славян. В противном случае переводчики Хиландарского практика вряд ли могли использовать термин «жупа» для обозначения районов, входивших в начале XIV в. в состав Византийской империи.

Как отмечалось выше, территория Струмской и Серрской областей в условиях Византии входила в одну фему

[413] *В. Мошин.* Акти из светогорских архива. «Споменик СКА», 91. Београд, 1939, стр. 46.
[414] Там же.

Серрес и Стриман. В пределах данной территории Г. Острогорский выделяет 5 катепаникиев: Стримон, Серрес, Зихна, Забалтия и Пополия [415].

В сербских грамотах эта территория упоминается с начала XIV в. В 1309—1316 гг. и в 1318 г. король Милутин передал Хиландарскому пиргу в Хрусии «оу строумьскои области село Коуцово» [416]. Это село Милутин попросил у византийского царя Андроника. Следовательно, данная территория могла рассматриваться Милутином только как географический район, а для его обозначения был использован общий термин «область». То же самое наблюдается и в более поздних грамотах, составленных как на греческом, так и на славянском языках в 1330, 1345, 1346, 1348, 1351 и 1361 гг.[417] Между тем, в одной из грамот на греческом языке область Струмы совершенно определенно называется катепаникий [418].

Положение в других районах Восточной Македонии в период правления Ст. Душана и царя Уроша еще хуже отражено в сохранившихся документах. Из изданных грамот данного периода нам удалось найти упоминания только о трех катепаникиях: Серр, Зихна и Рендина. При этом обращает на себя внимание одно очень любопытное обстоятельство. В грамоте 1346 г., подтверждавшей владения монастыря Филофея на Афоне, два ранее самостоятельных катепаникия Серра и Зихны в данном случае рассматривались как один катепаникий Серр и Зихна [419]. В том же году Ст. Душан подтвердил владения монастырю Есфигмену, среди которых было село Враста: «... ἐν τῷ κατεπανοικίῳ 'Ρεντίνης...»[420]

Однако нужно указать, что, наряду с упоминанием термина «катепаникий», в грамотах в большинстве случаев при указании местонахождения сел вписывали

[415] *Г. Острогорский.* Указ. соч., стр. 94 и карта в приложении.
[416] «Законски споменици. . .», стр. 480, 482.
[417] Там же, стр. 644, 504, 541, 566. 422, 541, 439. 433.
[418] Грамотой от 1346 г. монастырю Есфигмену на Афоне Ст. Душан передавал село Нижнее Кросово в катепаникии Стримон: «. . . ἐν τῷ κατεπανοικίῳ Στρυμμόνος ἕτερον χωρίον 'ο Κατω Κρόσοβος...». («Законски споменицы..», стр. 536; «Грчки повеле српских владара». Београд, 1933, стр. 96).
[419] Монастырю подтверждались земли, которые находились «Περὶ τὸ κατапανίκιον Σερρῶν και Ζιχνῶν. . .» (Там же, стр. 54).
[420] Там же, стр. 96.

только название города или района. Например, в практике монастыря Иоанна Предтечи, составленном около 1345 г., перечислены владения, которые располагались «около Зихны» (Περὶ τοῦ Ζίχνα εἰς τό χωριοο..., далее текст грамоты обрывается) [421]. В этом же практике аналогичное явление прослеживается при упоминании владений в районе города Серр. В грамоте 1355 г. Менийкейскому монастырю подтверждалась церковь в селе Телос, которое находилось около Зихны. Но особенно привлекает внимание та часть грамоты, в которой кефалиям и сборщикам налогов, под властью которых находились окрестности Зихны, запрещалось входить на эту территорию [422].

Несмотря на то, что Серр и Зихна входили в состав одного катепаникия, все же город Зихна и его окрестности рассматриваются как отдельный комплекс, находившийся во владении соответствующих властей. Точно такое же явление наблюдается в грамотах, которые подтверждают пожалования в районе Рендины. При указании местоположения сел в большинстве случаев указан не катепаникий, а окрестности города: «. . . у Рендины» [423].

Отмеченное выше обстоятельство нагляднее всего прослеживается в общей подтвердительной грамоте Ст. Душана, которую он выдал Хиландарскому монастырю в 1348 г. При перечислении сел, пожалованных монастырю «на греческой земле», в грамоте нигде не употреблены термины «катепаникий» или «жупа», а лишь указаны район города, топоним района или название реки, например: «... на Брегалнице село», «... ниже Строумице» села, «... села по Строуме», «...выше Редине Лоужьць сь земломь и сь виногряды» [424] и т. д. В другой грамоте от 1348 г. подтверждено «вь построум'скомь пределе село Потолиново. . .» [425]

В одной общей подтвердительной грамоте, выданной, по всей вероятности, Ст. Душаном около 1348 г. 20 афонским монастырям, записано, что протостратору Станише запрещается собирать налоги с монастырских вла-

[421] Там же, стр. 330—331.
[422] «. . . ὁμοίως καὶ οἱ κατα καύρούς εὑρισκόμενοι τῶν ἐκεῖσε κεφαλατικευόντων τῆς βασιλείας μου περὶ τῆς Ζιχνας ἢ τῶν τα δημόσια χορηγòυντων» (там же, стр. 196).
[423] Там же, стр. 48, 56.
[424] «Законски споменици. . .», стр. 422—423.
[425] Там же, стр. 424.

До вхождения рассматриваемых областей в состав сербского государства Неманичей на их территории еще сохранялись следы старой византийской системы административного деления, которая в период распада Византийской империи (1204—1262 гг.) и в процессе непрерывных феодальных усобиц после возрождения империи была существенным образом разрушена. В период феодальной раздробленности укрепленные города играли решающую роль при выделении временных единиц административного деления. Границы этих единиц обычно были неустойчивыми, так как они зависели не только от мощи оборонительных укреплений города, но и от силы и успехов феодального владельца. Поскольку области входили в состав Сербского государства в разное время и по частям, то реорганизация управления отразилась на них в разной степени.

На тех территориях, которые были присоединены в середине XIII и начале XIV в. (Призрен, Скопле, Полог, Овче Поле и др.), к середине XIV в. были окончательно ликвидированы все остатки старой византийской системы административного деления. Поэтому в этих районах не сохранилось никаких упоминаний о старых катепаникиях. Но в то же время в данных районах до середины XIV в., насколько это можно предполагать на основании самых общих данных, еще не было введено твердого административно-территориального деления, единицы которого имели бы четко очерченные границы.

Роль таких административно-территориальных единиц, судя по сохранившимся данным, выполняли так называемые «державы». Специфика такой формы управления до сих пор остается слабо изученной. Насколько можно предполагать на основании рассмотренного нами материала, специфика «держав» заключалась в том, что территория, которая рассматривалась как государственная собственность, милостью правителя передавалась определенным лицам одновременно на управление и в феодальное владение. Однако формы феодального владения этими территориями также могли быть разными. Оставляя этот вопрос открытым, в то же время можно предполагать, что границы таких «держав» на территории Македонии были неустойчивыми.

Отсутствие постоянной сетки административно-территориального деления, в которой каждая из единиц

имела бы твердо очерченные границы, отразилась и на терминологии сохранившихся документов XIII—XIV вв. При указании места расположения пожалованных сел издатели грамот обычно предпочитали указывать территориально-географический район, обозначая его только одним топонимом, или соответствующими терминами: «земля», «страна», «область», «предел», или соответствующими им греческими словами «хора» и т. д.

В том случае, если составителям грамот необходимо было подчеркнуть чисто административную сторону дела (при представлении иммунитета, при определении повинностей и принадлежности сел, людей и прочего тому или иному феодалу), то для обозначения территорий, находившихся в управлении государственной администрации, в том числе «держав», обычно употребляли термин «жупа». Наиболее отчетливо этот факт прослеживается в районах Призрена, Полога и Скопле.

На территории областей, которые были присоединены в середине XIV в., в основном наблюдается такая же картина. Но более отчетливо прослеживаются остатки старой византийской системы административного деления на катепании. В то же время формы административного управления этими территориями в середине XIV в. существенным образом отличаются от более ранних византийских форм и в основном совпадают с формами управления, которые установились на рассмотренных выше соседних областях. В данной связи обращает на себя особое внимание тот факт, что для обозначения территорий, находившихся в управлении государственной администрации, термин «жупа» мог распространяться на все захваченные у Византии области.

В исторической литературе, рассматривающей проблему политической организации в средневековой Сербии, с середины XIX в. и до настоящего времени безраздельно господствовала точка зрения, согласно которой каждое из сербских племен в процессе их поселения на Балканском полуострове оседало на сравнительно небольшой территории, обычно представлявшей собой ограниченную горами речную долину. Специфика географического поло-

жения местности и племенная организация сербов способствовали тому, что на территории каждого из таких районов сложилось устойчивое единство территориально-географического, этнического, хозяйственного и административного факторов. Этот сложный комплекс было принято определять термином «жупа».

В процессе дальнейшего исторического развития с распадом родо-племенных отношений такие комплексы, утратив свой племенной характер, послужили основой для административно-территориальных единиц сербского средневекового государства.

Под влиянием изложенной выше точки зрения было принято считать, что с момента поселения там одного из племен и по крайней мере до 70-х годов XIV в. термин «жупа» был неразрывно связан с какими-то определенными территориально-географическими районами. Такие районы определялись термином «жупа» в любой период и в любом государстве.

Рассмотренный нами материал сохранившихся и доступных нам источников не подтвердил изложенной выше точки зрения и дал основание для следующих выводов.

На территории, составившей основу сербского государства Неманичей (конец XII — 70-е годы XIV вв.), действительно прослеживается ряд (не менее 80) топонимов, которые, бесспорно, в тот или иной период с X по XV в. были закреплены за сравнительно небольшими территориально-географическими районами. На территории каждого из таких районов в среднем насчитывалось около 20 сел или катунов. В пределах Требиньской (или Травунской) области было не менее 9 районов, в Холме — также не менее 9, в Подгорье — не менее 10, в Зете — около 15, в Рашке и Хвостно — не менее 28, в Македонии — не менее 10. Но подавляющая часть этих районов ни в государстве Неманичей, ни в более ранний период в оригинальных источниках не обозначена термином «жупа». Часть из данных районов названа «жупой» в Дуклянской летописи. Но основные редакции этого источника дошли до нас в списках XVII в., которые были обработаны М. Орбини и И. Лучичем. Использованная этими историками терминология для обозначения единиц территориально-административного деления и чиновников X—XII вв. не соответствует условиям указанного

периода и отражает, по всей вероятности, условия конца XIV — начала XV в.

В государстве Неманичей термином «жупа» обозначались:

1. 14 районов Рашки (Крушильница, Морава, Борач, две Лепеницы, Белица, Левоч, Лугомля, Расина, Ехошаница, Ельшаница, Пнука два Ибра), которые упомянуты под термином «жупа» только в одной грамоте 1220 г. Ст. Первовенчанного, выданной по случаю организации первой сербской архиепископии. В данном случае термином «жупа» обозначались районы, входившие в состав епархии архиепископской церкви. При указании месторасположения сел, передававшихся архиепископии в феодальное владение в пределах тех же районов, термин «жупа» не употреблялся, обозначался только топоним того района, в котором находились пожалованные села. Поскольку топонимы этой группы районов, как правило, совпадают с названиями рек, то это дает основание считать, что в 1220 г. термин «жупа» в какой-то мере был связан с территориально-географическими районами и какое-то время в начале XIII в. обозначал единицы административного деления. О правовом положении этой части районов в государстве Неманичей начала XIII в. можно строить лишь самые общие предположения. Бесспорно лишь одно, что после 1220 г. подавляющая часть районов данной группы уже никогда не определялась термином «жупа», хотя значительная часть топонимов сравнительно часто упоминается в источниках второй половины XIII—XIV в. Зафиксированы только два случая, когда упомянутый в грамоте 1220 г. район был назван в других источниках «жупой». Это—район Левоча, обозначенный термином «жупа» в грамоте 1405 г., район Расины — назван «жупой» в житии короля Драгутина, при описании событий 80-х годов XIII в.

Кроме того, на территории Рашки термином «жупа» определены районы: Рас, Будимле, Любовидже, Чрна Стена, Брсково, Звечан и Брвеник. Топонимы районов Рас, Будимле, Брсково, Звечан и Брвеник совпадают с названиями городов. В более ранних источниках XI—XIII вв. упомянуты только районы Звечана и Брскова, но в тот период их не обозначали термином «жупа».

2. Из 28 районов Требиньской, Холмской и Подгорской областей в условиях государства Неманичей тер-

мином «жупа» назван только один район — Попово Поле. 18 других районов термином «жупа» не определялись ни в указанный, ни в более ранний период, хотя их топонимы в источниках встречались сравнительно часто.

Районы Конавли, Драчевица, и, возможно, Врм и Рисан, бесспорно начали обозначаться термином «жупа» только со второй половины XIV в., когда они или находились в составе Боснии, или подчинялись соседнему Дубровнику.

3. В Зете термином «жупа» определялись только два района — Грбаль и Горска. «Горска жупа» — этим термином Горска названа лишь однажды в грамоте 1220 г. Район Грбаль стал обозначаться термином «жупа» сравнительно позднее — со второй половины XIV в.

4. В пределах Македонии термином «жупа» названы область Полог и районы городов Призрен и Скопле. Однако указанные районы, вне всякого сомнения, не могли представлять собой того исторически сложившегося комплекса, который бы с точки зрения старой историографии мог быть жупой.

В пределах Македонии и соседних с ней областях, ранее находившихся в составе Византийской империи, термин «жупа» и производные от него выражения в большинстве случаев употреблялись безотносительно к какому-либо географическому району. Насколько можно предполагать на основании рассмотренного в данной главе материала, термином «жупа» в указанных областях определялась территория, находившаяся под управлением государственной администрации.

Источники, к сожалению, не позволяют в равной степени определить точное число сел на территории каждого из районов в отдельности и всесторонне охарактеризовать организацию жившего в этих селах населения применительно ко всей территории государства Неманичей.

Однако источники XV—XVII вв. иногда позволяют сделать более конкретные выводы и по данным вопросам.

а) На территории Требиньской, Холмской и Подгорской областей в каждом районе насчитывалось в среднем не более 20 сел. Население района чаще всего разделялось на несколько особых групп, каждая из которых в XV—XVII вв. имела общее название, а ее представители в какой-то степени были связаны между собой узами кров-

ного родства. Каждая из групп чаще всего расселялась в двух-трех селах или катунах. Но отдельные группы (например, Дробняци), которые упоминаются еще в 1285 г., в XV в. расселялись даже в 17 катунах. Однако характер экономических отношений внутри каждой из групп и время возникновения кровно-родственных связей до сих пор остаются невыясненными.

В современной литературе эти вопросы вызывают принципиальные разногласия.

б) В пределах Зеты и прилегавших к ней районах в основном была аналогичная картина. Сохранившиеся источники лишь в самой общей форме указывают на наличие в каждом районе (особенно в Алтине, Плаве и Патково) по нескольку этнических групп. Отдельные из групп, например, Сираковичи, которые упоминаются в источниках XIV в., в XV—XVII вв. расселялись в 8—13 селах. Насколько позволяют судить самые общие свидетельства наших источников, районы Зеты (особенно Алтин, Пилот и Патково), в отличие от других районов государства Неманичей, до середины XIV в. занимали несколько отличное положение. Их население сравнительно дольше жило по каким-то «старым» законам.

в) Точного числа сел на территории каждого из районов Рашки установить невозможно. В одном случае, например в Мораве, в XIII в. насчитывалось не менее 24 сел, в другом, в пределах жупы Брвеник, в 60-х годах XIV в. — свыше 50. Таких групп населения, какие были в Требинье, Холме и Зете, на территории районов Рашки не имелось.

Экономическая структура районов в источниках освещена также неравномерно.

Насколько можно предполагать на основании общих и отрывочных свидетельств, развитие феодальных отношений на территории районов Требиньской, Холмской и Подгорской областей шло более замедленными темпами по сравнению с районами Рашки.

Отмеченная выше специфика феодального развития на территории этих областей, по нашему мнению, была характерна и для развития Боснийского государства.

На территории Зеты и в соседних с ней районах первые пожалования относятся к концу XII в. Но, судя по общей обстановке в области, эти пожалования часто утрачивались их владельцами. Основные пожалования

в пределах данной области прослеживаются только с 30—40-х годов XIV в., то есть в период наиболее сильной и устойчивой центральной власти.

На территории Рашки основные пожалования прошли в конце XII—начале XIII в. На этот период приходится около 55% всех зафиксированных нами на данной территории пожалований. Пожалования 30—60-х годов XIV в. были осуществлены в основном за счет перераспределения земельных владений. В пределах каждого из районов в среднем было передано (только монастырским хозяйствам) по 9 сел и насчитывалось от 5 до 7 (только монастырских) феодальных хозяйств, имевших самые полные иммунитетные привилегии. Если к тому же учесть и владения светских феодалов, о которых не сохранилось почти никаких данных, то с полной уверенностью можно предполагать, что к концу XIII в. территория подавляющего большинства районов Рашки была поделена между многими феодальными хозяйствами, располагавшими различным числом сел и самыми различными иммунитетными правами в пределах одного района.

Если принять во внимание отмеченное выше обстоятельство, то вполне закономерно предполагать, что процесс становления такой сравнительно развитой системы экономической структуры района едва ли бы мог оставить неизменной форму местного административного деления на протяжении с X до середины XIV в., как это считала старая историография.

Процесс формирования развитой системы феодального землевладения оказывал влияние не только на изменение административной и экономической структуры районов, но и оставил свой след на целостности ряда старых территориально-географических районов Рашки.

Отсутствие городов как экономических и административных центров в Рашке в XIII в. и процесс экономического развития феодальных хозяйств способствовали тому, что прежние границы районов, а затем и их топонимы со временем забывались. Иногда топоним района сохранялся в названии села или какого-то отдельного объекта местности (чаще всего реки). С ростом городов в XIV в. и в процессе массовых переселений в XV—XVII вв. за районами закреплялись новые границы и другие топонимы, ведшие свое происхождение от названия городов или основной группы переселенцев (например, Никшичи и т. д.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ЖУПАНОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ СЕРБСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1. Ранние свидетельства о жупанах

Во вводном разделе книги мы уже отмечали, что до XII в. институт жупанов по источникам прослеживается только на территориях, заселенных южными славянами. Среди ранних свидетельств центральное место занимает известное сообщение К. Багрянородного в гл. 29 «De administrando imperio» о том, что южнославянские племена управлялись не архонтами, а старцами — жупанами.

При характеристике института жупанов до XII в. большинство исследователей, как правило, принимало данное свидетельство за основу и интерпретировало его в соответствии с проводимой точкой зрения, тогда как другие ранние свидетельства обычно оставлялись исследователями в тени или трактовались в свете свидетельства К. Багрянородного. Между тем хронологически предшествующие сообщению К. Багрянородного свидетельства далеко не всегда подтверждают справедливость сообщения византийского царя и поэтому заслуживают более пристального внимания.

Как уже отмечалось, наиболее раннее свидетельство о жупанах зафиксировано в грамоте 777 г. баварского герцога Тоссиллы, в которой говорилось, что жупан Фиссо (joppan Physso) управлял небольшой славянской группой, проживавшей вблизи монастыря, построенного на территории средневековой Словении. Но при этом обращает на себя внимание неславянское имя жупана Фиссо [1].

[1] *V. Zöllner*. Awarische Namengut in Bayern und Österreich. «Mitteilungen des Institut für österreichisches Geschichtsforschungen», LVIII. Wien, 1950, S. 244—266; «Историја Црне Горе». Титоград, 1967, стр. 302.

Важные свидетельства о жупанах зафиксированы и в ряде протоболгарских надписей IX в. Наиболее ранняя надпись на серебряной чаше из Преслава сообщала, что эта чаша принадлежала Великому жупану Болгарии (ζουπανος μέγας ής Βουργαρήαν)[2]. В надписи, найденной в селе Абоба и относящейся ко времени правления болгарского хана Омортага (814—831 гг.), сообщается, что в войсках хана служил жупан-тархан Охсун, который принадлежал к роду Кюригир[3]. В другой аналогичной надписи упоминается жупан из рода Ерми[4]. Но наиболее интересная надпись обнаружена в Преславе[5]. Она представляет собой постановление о нормах выдачи со складов оружия и военного снаряжения. С учетом сделанного в 1950 г. И. Венедиковым исправления содержание надписи сводится к следующему. Представитель протоболгар, ичергю боил (внутренний боил), получает 455 плетеных кольчуг, 427 пластинчатых кольчуг, 540 одного и 854 другого типов шлемов. О славянских жупанах сказано, что «для племени [? — *В. Г.*] своего жупан получает. . . 20 пластинчатых кольчуг, 40 шлемов и одну пару доспехов для предводителя»[6]. Комментируя свидетельства надписи, Ст. Лишев не без основания считает, что было бы неправильным

[2] *Т. Тотев.* Сребърна чаша с надпис от Преслав. «Известия на Археологическия Институт», XXVII. София, 1964, стр. 515; *V. Besevliev.* Protobulgarische Inschrift auf einer Silberschale. «Byzantion», t. XXXV. Bruxelles, 1965.

[3] «. . . κανας ὑβιγι Ομυρταγ [Οχσουνος 'ο ζουπαν ταρ]κάνος θρεπτος ανθροπός [μου ιτον κε ἀπεθανεν ἰς το φασάτον ήτον τοδεγενος αὐτοῦ Κοριγηρ» (*В. Бешевлиевъ.* Първо български надписи. София, 1934, стр. 41).

[4] *V. Besevliev.* Die protobulgarischen Inschriften. Berlin, 1963, S. 291.

[5] Надпись сделана на протоболгарском языке, но записана с помощью греческого алфавита. В издании 1946 г. И. Венедиков не привел полного перевода надписи, но расшифровал значение отдельных слов. Во втором издании 1950 г. он в первоначальное толкование слов внес ряд существенных исправлений. В частности, интересующее нас слово τωυρτωυνα в 1946 г. И. Венедиков толковал как имя жупана Туртун, а в 1950 г. он предлагает поставить его в связь с чувашским словом Tordu и переводить словом род или племя (*И. Венедиков.* Новооткритият в Преслав първо български надпис. «Известия на Българския археологически Институт», XV. София, 1946, стр. 147—159; *J. Vénédikov.* Trois inscriptions protobulgares. «Разкопки и проучавания», IV. София, 1950, стр. 186). Но и второй вариант перевода несовершенен, так как в этом случае нарушается согласование падежей (см. *V. Besevliev.* Die protobulgarischen Inschriften. S. 241).

[6] *J. Vénédikov.* Trois inscriptions . . ., p. 171, 185, 186.

рассматривать жупанов только как племенных старейшин. В данном контексте они выступают как государственные чиновники, которые получают оружие с государственного склада, и в соответствии с этим несут определенную служебную ответственность, наряду с представителями от протоболгар [7].

Рассмотренные свидетельства отчетливо показывают, что в Болгарии IX в. жупаны не были единственной властью, а представляли собой чиновников самых различных рангов, которые функционировали как среди славянского населения, так и среди протоболгар.

Таким образом, если принять во внимание тот факт, что термином «жупан» в наиболее ранних источниках — VIII—первой половины IX в. обозначались чиновники из среды как славянского, так и неславянского населения (жупан Фиссо — на территории Словении и жупаны протоболгары — в Болгарии), то мы, пожалуй, будем вправе сделать вывод: к моменту появления термина в источниках им обозначали не столько институт, представлявший племенную организацию славян, сколько один из элементов государственной надстройки.

С середины X в. термин «жоупан» начинает встречаться и в памятниках славянской письменности [8].

Самые общие сведения об институте жупанов у хорватов и сербов сообщает К. Багрянородный в гл. 29 «De administrando imperio». Рассказывая об истории югославянских племен (хорваты, сербы, захолмляне, травуняне, конавляне и неретвляне), он пишет: «Эти племена, как говорят, не имеют архонтов, а только старцев жупанов. . .» [9]. Другие свидетельства К. Багрянородного

[7] *Ст. Лишев.* За генезиса на феодализма в България. София, 1963, стр. 132—133.

[8] Здесь прежде всего следует назвать самый древний памятник — так называемую Добруджанскую надпись 943 г., в которой упомянут некий жупан Дмитрий. (*С. Бернштейн.* Основные задачи, методы и принципы сравнительной грамматики славянских языков. «Вопросы языкознания», 1954, № 2, стр. 56; *Л. Черепнин.* Русская палеография. М., 1956, стр. 92—94; *Домьян П. Богдан.* Добруджанская надпись 943 г. «Romanoslavica», t. I. București, 1958, стр. 88—105).

[9] «Ἄρχοντας δέ ὥς φασι, ταῦτα ἔθνη μη ἔχειν, πλην ζουπάνους γεροντας» (*C. Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 124; «Византиски извори за историју народа Југославије». Београд, 1959, стр. 14—15).

дают основание думать, что автор уже не застал институт жупанов в его первоначальной форме и знал о нем из каких-то других источников. Перестройку старого управления К. Багрянородный связывает с именем византийского царя Василия I (867—886 гг.). Этот царь крестил славянские племена и «поставил им тогда архонтов, которых они хотели и выбирали из рода, из которого они желали. И с тех пор доныне архонты у них из этих родов» [10]. В современной историографии установилось мнение, что упомянутое К. Багрянородным крещение могло быть в период между 867—874 гг.[11] Но в то же время другой рассказ К. Багрянородного о сербском архонте Властимире исследователи обычно датируют временем около 850 г.[12] Во всяком случае, из этих двух свидетельств К. Багрянородного можно понять, что к середине IX в. жупаны уже не были единственными представителями власти и, по всей вероятности, подчинялись архонтам. Приблизительно такая же картина выясняется и из «Закона судного людем» [13]. В ст. 3 «О полонѣ» говорится, что в случае победы над врагом при разделе захваченной добычи «шестую часть достоить взимати князю. А прочее все число взимати всѣемь людемь. . . Довлѣеть бо жюпаномь часть княжа. . .» [14] Из другой части текста ст. 3 можно установить, что кроме князей и жупанов в это время были еще и воеводы. Материал ст. 3 достаточно определенно свидетельствует, что жупаны в 60-х годах IX в. в какой-то мере зависели от князя, поскольку они получали свою долю военной добычи не из общей части, передававшейся всем людям, а из княжеской части. Если приведенные данные позволяют говорить о наличии каких-то изменений

[10] «Византиски извори. . .», т. II, стр. 16.
[11] *D. Radojičić*. La date de la conversion des Serbes. «Byznation», 22. Bruxelles, 1952, p. 253.
[12] *К. Јиречек*. Историја Срба, т. 1. Београд, 1952, стр. 70.
[13] Вопросы о происхождении и датировке «Закона судного людем» до сих пор остаются нерешенными и вызывают серьезные разногласия. Высказано три теории о происхождении памятника: болгарская, моравская и македонская. (Подробнее см.: *М. Андреев*. Является ли «Закон судный людем» древнеболгарским юридическим памятником? «Славянский архив», вып. 1. М., 1959, стр. 7—8; *С. Троицкий*. Мефодий как автор «Закона судного людем». «Македония и македонцы в прошлом». Скопье, 1970, стр. 441—453.)
[14] «Закон судный людем (краткая редакция)». М., 1961, стр. 36.

в положении института жупанов и приблизительно предполагать время этих изменений, то они совершенно не дают никакого представления ни о внутренней его организации, ни о характере жупанской власти, ни о тех территориях, которые находились в подчинении жупанов в период до середины IX в. Эту сторону вопроса до некоторой степени позволяют уяснить самые ранние хорватские грамоты [15].

О наличии института жупанов в Хорватии свидетельствует самая ранняя грамота Трпимира от 852 г. В ней констатировалось, что Трпимир после «совета со всеми своими жупанами» построил монастырь и решил передать ему серебряную посуду [16]. Но поскольку для изготовления посуды не было денег, то он решил занять их у архиепископа солинской церкви Петра. Как свидетели, эту грамоту подписали пять жупанов, управитель княжеского двора, пять свидетелей без указания должности и два придворных священника [17]. При этом интересно заметить, что кроме подписей жупанов не указаны ни их придворные должности, ни те единицы, которыми они управляли. Значительно яснее вырисовывается положение жупанов из грамоты Мутимира от 892 г. Сам он представляется в грамоте как «божьей милостью князь хорватов, который сидит на отцовском престоле» [18]. Эту грамоту подписали жупаны, подавляющее большинство которых составляло придворную свиту князя: управитель княжеского двора (župpanus palattinus), конюший (župpanus cavallarius), оруженосец (župpanus macherarius), казначей (župpanus camerarius), виночерпий (župpanus pin-

[15] При использовании материала этих грамот исследователь сталкивается с трудностью, которая связана со слабой источниковедческой разработкой этой группы источников. В хорватской историографии до сих пор не решен окончательно вопрос об исторической достоверности большинства этих грамот. Одни исследователи считают их вполне достоверными и пригодными для использования, другие же, наоборот, считают основную часть этих грамот сомнительными и фальсифицированными. Однако какая-то небольшая часть грамот, несмотря на их позднюю редакцию, по признанию отдельных исследователей, может быть использована для работы, но с определенной осторожностью. Подробнее см.: *Ю. В. Бромлей*. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, стр. 31—80.

[16] «Commune consilium meis cum omnibus župpanis». (*M. Kostrenčić*. Nacrt historije hrvatske države i hrvatskog prava. Zagreb, 1956, str. 131).

[17] «Historija naroda Jugoslavije», t. I. Zagreb, 1953, str. 187.

[18] Там же, стр. 191.

cernarius) [19] и т. д. Но наряду с этой разновидностью жупанов грамоту подписали жупаны Клишской и Хливинской жупаний. По мнению авторов соответствующей главы «Истории народов Югославии», жупан Клишской жупании в этот период являлся лишь доверенным лицом князя, поскольку указанная жупания принадлежала князю. Жупан Хливинской жупании, помимо грамоты 892 г., упоминается еще один раз в грамоте Звонимира от 1076 г.[20] Однако роль хливинского жупана в системе придворного аппарата остается неясной. Во всяком случае, независимо от роли этих двух жупанов в системе придворного управления, они бесспорно являлись управителями двух крупных жупаний — административных единиц хорватского раннефеодального государства.

О. Мандич высказал гипотезу, что на территории Клишской жупании существовали два параллельных и независимых друг от друга управления: «жупанийское» и «жупское». Исходя из этого предположения, он полагает, что в период X—XI вв. там одновременно существовали две разновидности жупанов: «королевские жупаны» и «жупские жупаны» [21]. Однако эта точка зрения О. Мандича о дуализме в управлении, как это отмечалось в гл. 1, не нашла поддержки других исследователей [22].

Таким образом, материал самых ранних хорватских источников дает основание предполагать, что хорватские жупаны X—XI вв. были представителями королевской, точнее, государственной администрации.

Весь рассмотренный выше материал свидетельствует, что к середине IX в. уже не существовало никаких «племенных» жупанов, власть которых была бы основана на принципе родо-племенных отношений и распространялась на территорию одного племени или, соответственно, на территорию одной жупы. Наоборот, этот материал позволяет думать, что к середине IX в. в положении института жупанов произошли существенные изменения, так как

[19] *D. Janković.* Istorija država i prava naroda FNRJ, t. I. Beograd, 1952, str. 59—60.
[20] «Historija naroda Jugoslavije», Zagreb, t. 1, str. 191.
[21] *O. Mandić.* Bratstvo u ranosrednjovekovnoj Hrvatskoj. «Historijski Zbornik», V, кn. 3—4. Zagreb. 1952 str. 280, 283.
[22] *N. Klaić.* Postanak plemstva «dvanadesetero plemena kraljevine hrvatske». «Historijski Zbornik», XI—XII. Zagreb, 1958—1959, str. 126.

жупаны к этому периоду уже не являлись единственными представителями власти, поскольку, кроме них, источники ясно указывают на существование князей или архонтов, от которых в какой-то степени зависели жупаны, воеводы и другие чиновники. Но в то же время источники показывают, что жупаны играли важную роль в управлении в условиях данного периода. Однако из них нельзя установить организацию института жупанов в середине IX в. Не позволяет это сделать и материал более поздних источников конца XI—первой половины XII в., хотя он дает некоторое основание предполагать о наличии определенной дифференциации внутри самого института жупанов. Например, из рассказа Анны Комниной о походе ее отца Алексея Комнина, византийского императора, на город Липлян, мы узнаем, что после захвата города правитель Рашки Вукан пришел к Алексею Комнину и привел с собой своих родственников и «главных жупанов», отдав их в качестве заложников [23]. Факт выделения «главных жупанов» вызывает вполне закономерную мысль о существовании определенной иерархической лестницы внутри самого института жупанов. Другие свидетельства Анны Комниной показывают, что с начала XII в. институт жупанов появляется и в условиях венгерского государства. В частности, среди свидетелей, подписавших договор о мире от 1108 г. между Алексеем Комниным и Боэмундом, Анна Комнина упоминает жупана Пера, который был посланцем венгерского короля Коломана Арпадовича [24].

Более развернутая характеристика системы административного управления зафиксирована в Дуклянской летописи — источнике середины XII в. Однако, как мы видели, дошедшие до нас списки летописи подверглись определенной обработке историками XVII в. и не всегда точно отражают действительные события. И все же без разбора свидетельств Дуклянской летописи невозможно решать вопрос о путях развития интересующего нас института, так как в этих свидетельствах, переданных с помощью более поздней терминологии и изложенных под

[23] *Анна Комнина.* Алексиада. (Пер. Я. Н. Любарского). М., 1965, стр. 263.
[24] Там же, стр. 372.

определенным углом зрения, на наш взгляд, сохранилось какое-то зерно исторически достоверных фактов.

Рассказывая о легендарном соборе на Далме, который продолжался 12 дней, летописец пишет, что четыре дня речь шла о королевской власти, о воеводах, о князьях, о сотниках и о королевском положении [25]. На этом соборе были прочитаны грамоты византийских царей и папской курии, в которых говорилось о разделении Дуклянского королевства на провинции, округа и земли, как это было установлено и записано старыми царями.

В результате обсуждения этих вопросов собор принял решение, которым, по мнению летописца, остались довольны король и весь народ. «В каждой из этих провинций он поставил бана, то есть воеводу, из числа своих братьев по крови, и жупанов, то есть комесов, сотников, то есть центурионов из родовитых людей этих провинций» [26]. Если внимательно присмотреться к этим сообщениям Дуклянской летописи, то можно заметить, что в них заложена та же мысль о перестройке старой системы управления, которую высказал еще К. Багрянородный в середине X в. Следовательно, факт перестройки старой системы управления не был домыслом дуклянского летописца, а был заимствован им из каких-то более ранних источников. Не исключено, что летописец мог заимствовать ее из произведений самого же К. Багрянородного. Как уже отмечалось выше, за основу административно-территориального деления летописец брал не районы,

[25] «Летопис попа Дукљанина». Изд. Ф. Шишић (далее — «Летопис. . .».Изд. Ф. Шишић), Београд-Загреб, 1928, стр, 304; «Ljetopis popa Dukljanina». Izd. V. Mošin (далее — «Ljetopis. . . .». Izd. *V. Mošin*), Zagreb, 1950, str. 52. Принимая во внимание, что в хорватской редакции нет упоминаний о воеводах, князьях и сотниках, Ф. Шишич считает соответствующий текст латинской редакции позднейшей вставкой; В. Мошин отклоняет это мнение и предлагает читать текст летописи без особых оговорок.

[26] «Unaquaque autem in provincia banum ordinavit, id est ducem, ex suis consanguineis fratribus et supanos id est comites et sednicos, id est centuriones, ex nobilioribus earundem provinciarum» («Летопис. . .» Изд. Ф. Шишић, стр. 307; Izd. V. Mošin, str. 155). Выражения «id est ducem. . . id est comites. . . id est centuriones, ex nobilioribus earundem provinciarum» Ф. Шишич считает более поздней вставкой, так как их нет в хорватской редакции летописи. В. Мошин и другие исследователи признают это обоснование Ф. Шишича неоправданным и предлагают считать указанный выше текст оригинальным. (См. сноску 67, стр. 55 в «Ljetopis. . .». Izd. V. Mošin).

которые в данной летописи обозначены термином «жупа», а провинции и округа. С другой стороны, из сообщений летописи хорошо видно, что жупаны управляли не отдельными территориально-географическими районами (жупами), а провинциями и округами. По этому поводу на соборе было принято следующее решение: «пусть будут под управлением этих жупанов провинции и округа, и они отвечают только перед королем» [27]. Из этой же главы летописи известно, что жупаны не подчинялись банам и что бану подчинялось семь сотников, а жупану — один сотник. Сотники были обязаны выполнять функции судебных органов и собирать налоги, передавая их соответственно банам или жупанам. Баны передавали королю половину собранных налогов, а жупаны — две трети. Остальное они оставляли для своих нужд [28]. Если придерживаться концепции летописца, то такая система управления сохранялась в дуклянских областях вплоть до того периода, когда они вошли в состав нового государства Неманичей. Однако при описании частных случаев из истории данного периода изложенная летописцем схема управления не всегда соответствует воспроизводимой им же обстановке. В летописи встречаются всего лишь два случая, когда речь идет о конкретных жупанах. Одно свидетельство о том, как дуклянский король Предимир «поставил. . . жупаном в Оногосте» сына рашского жупана (70-е годы X в.). В данном случае следует обратить внимание на два обстоятельства: в 70-е годы X в. жупана не выбирали — его назначал король; этот жупан был сыном рашского жупана, а не из числа местной знати.

Второе упоминание о жупане встречается в гл. 30, где повествуется о времени правления короля Владимира (конец X — начало XI в.). Когда болгарский царь Самуил, вторгшийся с войсками в пределы Дукли, послал своих людей к королю Владимиру, скрывавшемуся в горах, то «жупан этого места» [29] изъявил желание выдать Владимира болгарскому царю. В этом случае обращает

[27] «. . . dominaretur supanis earundem provinciarum ак regionum sed solo regi rationem redderent. . .» («Летопис. . .». Изд. Ф. Шишић, стр. 308; Izd. V. Mošin, str. 55—56).

[28] «Летопис. . .». Изд. Ф. Шишић, стр. 307—308; «Ljetopis. . .». Izd. V. Mošin, str. 55—56.

[29] «Jupanus autem eiusdem loci» («Летопис. . .». Изд. Ф. Шишић, стр. 332; «Ljetopis. . .». Izd. V. Mošin, str. 79).

на себя внимание тот факт, что летописец для определения сферы власти жупана не употребляет термин «жупа», а пользуется неопределенным выражением «место».

Таким образом, все свидетельства Дуклянской летописи не дают никаких оснований утверждать, что власть жупана в период с X до середины XII в. ограничивалась территорией одного района, который определяется термином «жупа». Наоборот, все эти немногочисленные, но очень важные факты позволяют думать, что власть жупана в этот период распространялась одновременно на территорию, в которую входило несколько жуп, перечисленных в летописи. Как увидим ниже, размеры подвластной жупану территории были неодинаковы и могли включать в себя различное число районов. Более определенных выводов материал Дуклянской летописи не позволяет сделать.

Проследив, насколько это позволили источники IX—XI вв., общую перспективу эволюции института жупанов до конца XII в., мы переходим к анализу источников, характеризующих развитие этого института в отдельных областях. Следует иметь в виду, что такой подход к рассмотрению материала обусловлен тем, что вошедшие в состав государства Неманичей области до этого входили в состав различных государственных объединений и имели ряд специфических отличий как в экономическом, так и в административном развитии.

2. Характеристика свидетельств о жупанах по областям

Требинье (или Травуния) [30]

Первые свидетельства о Травунии [31] привел К. Багрянородный в гл. 34 своего сочинения «De administrando imperio», где сообщал, что жители Травунии

[30] Топонимами Требинье и Травуния называли область, в состав которой входило не менее 9 районов, названных в Дуклянской летописи жупами. При этом топоним Травуния значительно чаще встречается в источниках более раннего времени. Топоним Требинье с XIII в. в источниках также обозначает один из районов данной области.

[31] В середине X в. рассматриваемая территория была зависима от правителя Сербии. В конце X в., наряду с другими соседними

и Конавли жили на одной земле и что Конавли подчинялись Травунии [32].

В свою очередь, архонты Травунии уже с давних пор были под властью архонтов Сербии. В рассказе о сербском архонте Властимире, который относится приблизительно к 850 г., сообщается, что Властимир выдал замуж свою дочь за Краину, сына травунского жупана Белоя. «Желая прославить своего зятя, он именовал его архонтом, сделав его самостоятельным» [33]. Таким образом, самые первые свидетельства, которые можно отнести приблизительно к середине IX в., говорят о том, что уже к этому времени Требинье и Конавли составляли одну административную единицу. Но как было организовано управление этой территорией, К. Багрянородный не сообщал. Однако во второй его книге «De cerimoniis» приведен перечень адресов, которые использовались для дипломатических целей. Среди них отдельно друг от друга упоминались архонт Травунии и архонт Конавли [34]. Это свидетельство дает основание предполагать, что в Требинье и Конавли были отдельные управители или архонты. Но архонт Конавли подчинялся архонту Требинье, который, в свою очередь, был в какой-то зависимости от архонта Сербии. Рассмотренные свидетельства показывают, что к X в. положение сербских правителей (архонтов), управлявших разными областями, было неодинаковым, а намечающаяся цепь зависимости свидетельствует об определенных связях между этими областями. О состоянии административного управления на территории Травунии в период ее вхождения в состав государства Самуила сведений не сохранилось.

В Дуклянской летописи о Травунии и Конавли также ничего нет конкретного по интересующему нас вопросу.

областями, Травуния вошла в состав государства Самуила. С конца 40-х или 50-х годов XI в. область входила в состав Дуклянского государства. Но в этот же период некоторые из районов области (Конавли и Жрновница) оказались под управлением византийской администрации. В состав государства Неманичей эта область вошла где-то в 80-х годах XII в., но, как увидим ниже, ее правители еще долгое время отстаивали автономное управление и пытались проводить самостоятельную политику.

[32] «Под землей Травунией находилась другая земля, названная Конавли» («Византийски извори. . .», т. II, стр. 61—62).

[33] Там же, стр. 62.

[34] Там же, стр. 78.

Этот недостаток в определенной мере восполняется сохранившимся актом от 1164 г., когда районы Конавли и Жрновница находились под управлением византийской администрации. В этом документе сказано, что господин Конавли и Жрновницы («dominus terrae Canali et Seruannitie») Девесий дает за своей дочерью в приданое некоему Михачу землю, которая находилась в районе Жрновницы [35]. Но, передавая землю, Девесий ставил условие, что его зять должен дать за это один комплект военного снаряжения с железным шлемом и бочонок вина объемом в 50 мер. Как свидетели, под этим документом подписались: «Beleca iudex, Utalez et casinizus, Rasvat sednicus, Brazilo arhipresbiter de Canale» и другие лица, без указания должностей [36].

В данной связи важно подчеркнуть, что грамота 1164 г. является первым актовым документом, который позволяет составить хотя бы самое общее представление о характере местных органов управления в данных районах области. Прежде всего мы хотели бы еще раз обратить внимание на то, что районы Конавли и Жрновница в документе обозначены термином «terra», а не «жупа», что они находились под управлением господина Девесия, который был, по всей вероятности, одним из представителей византийской администрации. Но в то же время не остается никакого сомнения в том, что подписавшие грамоту свидетели были местными жителями, о чем говорят их славянские имена, и принадлежали они к числу местной администрации. Таким образом, можно с достаточной уверенностью утверждать, что в середине XII в. в число местных органов управления входили судья, казначей и сотник.

Следующие свидетельства о жупанах в этих районах встречаются только около 1180 г., когда за эту область шла борьба между правителями Рашки и Дукли.

Одна из надгробных надписей того времени гласит, что здесь похоронен «Жоупань Грьдь ТрѢбинcки», а памятник ему поставил «жоупань Радомирь» [37]. Судя по всему, упомянутые в надписи жупаны были последними предста-

[35] «Codex diplomaticus», II. Ed. Kukuljević. Zagrabiae, 1874, str. 225; *Р. Грујић.* Конавли. . . «Споменик САН», LXVI (52). Земун, 1926, стр. 4.

[36] «Codex diplomaticus» II. Ed. Smičiklas. Zagrabiae, 1904, str. 98, 99; *Р. Грујић.* Конавли. . ., стр. 4.

[37] «Прилози за КЈИФ», XI. Београд, 1931, стр. 155—156.

вителями местной администрации Дуклянского государства, так как в 80-х гг. XII в. эти районы были захвачены правителем Рашки Ст. Неманей. Из одного недатированного письма барского архиепископа Григория сплитскому канонику Гвайтерию известно, что великий жупан Неманя принудил город Бар платить 800 перпер, но его жители не могли этого сделать, так как их земли были опустошены. Далее в письме говорилось, что от князя Михаила, последнего «малого» дуклянского правителя, нельзя ожидать значительной помощи, так как его беспокоили родственники по материнской линии (ab avunculis molestatus)[38]. Есть некоторые основания предполагать, что князь Михаил удерживал власть до 80-х годов XII в. Об этом свидетельствует тот факт, что 20 августа 1189 г. в Дубровник бежала жена князя Михаила Десислава[39]. Ее сопровождали упомянутый выше барский архиепископ Григорий, жупаны Чрнеха и Црпун, казнац Градомил и другие неизвестные лица. Этим же годом (1189) принято датировать и надпись, найденную у Требинье, в которой последний раз упоминается «кнезь вели Михоиль»[40].

К сожалению, сведения об этих районах после их включения в состав сербского государства Неманичей прекращаются.

Однако можно думать, что до 40-х годов XIII в. районы Требинье были под управлением Вукана и его сына Григория. К 30-м годам XIII в. Григорий, по всей вероятности, признавал центральную власть сербских королей, на что указывает письмо от 1238 г. Стефана Владислава дубровчанам. В нем сербский король упрекал их за то, что они «села плѣнили и боларе ели а друге исѣкьли»[41]. Судя по событиям, о которых идет речь в грамоте, действие происходило где-то в близких к Дубровнику районах. С другой стороны, факт захвата дубровчанами сел и боляр свидетельствует о том, что власть сербского короля в данном районе в 30-е гг. XIII в. была относительно слабой и он не мог обеспечить защиту этих районов.

[38] «Codex diplomaticus». III. Ed. Kukuljević, str. 115; К. Јиречек в кн. «Историја Срба», т. 1, стр. 153, переводит: «притесняли его двоюродные братья».

[39] «Ego comitissa Desislauj (sic), magni Mich (aelis) uxor» (*К. Јиречек.* «Историја Срба», т. 1, стр. 153).

[40] «Гласник земаљског музеја», 23, Сарајево, 1911, стр. 486, 549.

[41] «Одабрани споменице, српског права. . . Над А. В. Соловјев. Београд, 1926, стр. 33.

С 70-х годов XIII в. до 1314 г. этими районами управляла королева Елена. Из одной записи, сделанной в период между 1278—1280 годами в книге, хранящейся в Дубровницком архиве, известен казначей королевы в Требинье Первослав Радоевич (Pervosclavus Radoevich, camerarius, domine regine) [42].

В другом документе от 1280 г., хранящемся там же, К. Иречек нашел упоминание о том, что в это время в Требинье был уже казнац Мрнян (Margnanus) [43]. В грамоте от 1289 г., которой королева Елена, мать короля Милутина, подтверждала Дубровнику право держания виноградников в соседних с городом районах, есть указание, что при составлении грамоты присутствовали судья Болеслав, казнац Мрнян и судья Десислав [44].

Однако для дубровчан было недостаточно одной грамоты королевы Елены. По этому же поводу и в этом же году им была выдана аналогичная грамота королем Милутином.

Подтверждение Милутина свидетельствует о том, что королева Елена была только наместницей сербского короля в этих районах, а ее действия подтверждались и, возможно, контролировались самим королем. В подчинении у королевы Елены были представители местного управления — казнацы (camerarius) Первослав Радоевич и Мрнян, которые находились в Требинье.

Далее в одном недатированном письме, направленном дубровчанам, передавалось «поклонение кнезу и кь Опькине одь жупана Младена» [45]. По всей вероятности, в письме упоминается требиньский жупан Младен, который 20 августа 1319 г. вынес решение («jubanus Mladen judicauit»), чтобы Петр, сын жупана Тольена, выплатил некоему Хлапену Валетичу 40 венецианских грошей [46]. Весьма примечательна другая запись в дубровницких книгах от 2 октября 1323 г., в которой Младен из Требинье назван воеводой, которому подчинялись одновременно районы Требинье, Конавли и Драчевица. В записи гово-

[42] *К. Јиречек.* «Историја Срба», т. 1, стр. 19.
[43] «Зборник К. Јиречека», т. I, Београд, 1959, стр. 360.
[44] «А ту бѣше судия Болеславь, казньць Мрьнань, судия Дисиславь» («Законски. споменици српских држава. . . Београд, 1912, стр. 157) (далее — «Законски споменици. . .»).
[45] *Л. Стојановић.* Старс. . ., т. 1, ч. 1, стр. 39.
[46] Споменици сръбски». Изд. М. Пуцић, II. Београд, 1862, стр. 45; «Споменици српски». Изд. К. Јиречек. «Споменик САН», XI. Београд, 1892, стр. 103.

рилось, что три человека из перечисленных районов, находившиеся в это время в дубровницкой тюрьме («in carceribus»), были людьми воеводы Младена [47]. В этот же период при разборе всех спорных вопросов дубровчане обращались не к жупану или жителям одного из районов, а одновременно к жителям всех трех указанных районов [48].

Эти свидетельства, относящиеся к периоду правления Неманичей, позволяют думать, что в положении этих районов произошли какие-то перемены. Во-первых, Младен назван одновременно жупаном и воеводой. Такого явления раньше никогда не наблюдалось. Затем, под властью Младена были не один и не два района, а по меньшей мере три района. В какой период произошли эти перемены, судить трудно. Вряд ли можно считать началом перемен дату 1323 г., когда Младен впервые был упомянут воеводой, поскольку аналогичные явления, когда управитель этих районов параллельно назывался жупаном и воеводой, встречаются и в более поздних документах. Поэтому не исключено, что наметившиеся перемены в административном управлении произошли значительно раньше. Об этом отчасти может свидетельствовать тот факт, что в 70—80 годах в Требинье уже управляли чиновники (казнацы) королевы Елены.

Материал, относящийся к району Конавли, также указывает на эту дату наметившихся изменений. Первые упоминания о жупанах в Конавли относятся к 70-м годам XIII в. Из некоторых документов дубровницкого архива известно, что в 1278—1285 гг. в Конавли управлял жупан Бодин. 17 октября 1278 г. дубровчанин Павел Глижич заявил в дубровницком суде, что он был у жупана Бодина и уладил какое-то дело о скоте (bestiis) [49].

В дубровницком архиве К. Иречеку удалось обнаружить еще два документа (от 7 февраля и от 15 октября 1285 г.), в которых упомянут жупан Бодин из Конавли [50]. После этого жупаны в Конавли уже не упоминались. В 1313 г. дубровчане уже не называли управителя

[47] «. . . pro complecendo Mladeno v(o)ivode». («Monumenta Ragusina. . .», 1, p. 96).
[48] «Scribatur hominibus de Canale, Trebigne et Dracivica» («Monumenta Ragusina. . .», II, p. 323, 325).
[49] *C. Jireček.* Das Gesetzbuch. . . «Archiv für slavische philologie». XX. Berlin, 1900, S. 1743; «Одабрани споменици . . .», стр. 52—53.
[50] *C. Jireček.* Das Gesetzbuch. . ., S. 173.

Конавли жупаном. 11 марта этого года они направили своих послов не к жупану, а к князю Конавли («ad comitem de Canali»). Одновременно по этому же делу было написано письмо сербскому королю Милутину и его сыну [51].

Рассматривая свидетельства документов данного периода о появлении в районах Холма князя Константина, М. Динич высказывает, на наш взгляд, вполне обоснованное предположение, что этим князем был Константин из хорватского феодального рода Нелипичей. Он захватил Холм и управлял им в первом десятилетии XIV в. После смерти короля Милутина Холм был вновь присоединен к Сербскому государству [52]. С нашей точки зрения, свидетельства источников о появлении князя в районах Конавли и Требинье следует объяснять фактом временного захвата этих районов князем Константином Нелипичем. Это подтверждается, с одной стороны, одновременным обращением дубровчан к «князю Конавли» и к сербскому королю Милутину, а с другой стороны, свидетельством 1315 г.

В решении Малого веча от 29 декабря 1315 г. указывается, что если какой-либо человек «из всего княжества Холмского, Драчевицы, Требинье, Врма, Конавли и Рудин» причинит какой-либо ущерб дубровчанам, то за это отвечает «господин этого княжества и жупы, из которой будут те, кто причинил. . .» этот ущерб [53].

В 20-х годах XIV в. районами Требинье, Конавли и Драчевица управлял Витомир Станевич. Хотя он и был одним из наиболее влиятельных феодалов в Требинье, но никогда не упоминается как жупан. Во время войны короля Милутина с Дубровником Витомир Станевич был вне милости у сербского правителя. В то же время, в 1328 г., дубровчане предлагали боснийскому бану круп-

[51] «Monumenta Ragusina. . .», I, стр. 23; *М. Динић.* Comes Constantinus. «Зборник Радова Византолошког института», 7. Београд, 1961, стр. 1—11.

[52] *М. Динић.* Comes Constantinus; *С. Ћирковић.* Историја средњовековне Босанске државе. Београд, 1964, стр. 89.

[53] «Si de cetero aliqua persona de toto comitatu Colmi, de Dracevia, de Tribuna, de Urni, de Canali et de Rudine. . .», «quod requiratur dominus illus comitatus et cope de (qua) fuerint illi qui fecerunt dictos robarias vel damptum. . .» («Дубровачки закони и уредбе». Одабрали А. Соловјев, М. Петерковић. Београд, 1936, стр. 40—41). Оригинал документа не сохранился, до нас дошла лишь более поздняя его запись в дубровницких книгах.

ную сумму денег, чтобы тот посадил Витомира Станевича в тюрьму и держал его там до смерти. Дальнейшая судьба Витомира Станевича неизвестна. Во всяком случае, в 1329 г. он уже не был управителем данных районов. В соответствии с решением 1329 г., те жители Требинье, Конавли и Драчевицы, которые грабили дубровчан в период, «когда Витомир управлял ими», получали право приходить в Дубровник [54].

Из решения Великого веча от 28 марта 1329 г. видно, что Конавли, Требинье и Драчевица к этому времени вновь находились под властью сербского короля. В решении сказано, что люди из районов Конавли, Требинье и Драчевицы в течение восьми дней должны выдать захваченного ими дубровницкого купца и его имущество. Если это не будет сделано, то дубровчане будут писать жалобу сербскому королю [55].

В период с 1322 по 1325 г. в районе Конавли упоминается некий Познан со своими родственниками, который в 1322 г. был назван жупаном [56], а с 1324 по 1355 г. — судьей [57]. Эти свидетельства, к сожалению, не раскрывают существа функций жупанов и судий, но они до некоторой степени показывают, что жупаны и судьи были представителями местной знати, а последняя была в родственных связях.

Следующие наиболее достоверные сведения об управлении в этих районах относятся только к 1343 г. В одном из документов дубровницкого архива сохранилось свидетельство, что земли дубровчанина Рушича из Сорренто, которые находились в районе Жрновница, граничили с землями или областью (из источника это установить невозможно) слуги Дабижива [58]. В период 1323—1345 гг. люди Дабижива, которые жили в Требинье, постоянно причи-

[54] «Monumenta Ragusina. . .», V, стр. 219, 255, 278; *М. Динић*. Хумскот-ребињска властела. Београд, 1967, стр. 70.

[55] «Monumenta Ragusina...», V, стр. 263.

[56] «Jupan Posnan de Mirox de Canalle. Prose et filiis et nepatibus suis» (*М. Динић*. Хумско-требињска властела., стр. 73).

[57] «Iudex Posnan et illi de domo sua et omnes ille de Canali» («Monumenta Ragusina. . .», I, стр. 108; II, стр. 318). М. Динич считает, что жупан Познан Мирошевич и судья Познан — одно лицо, хотя прямых данных об этом нет.

[58] «. . . ad uidendum confines Rusci de Sorento cum Dabiseo sluga» (*К. Јиречек*. Властела хумска на натпису Величанима. «Зборник К. Јиречека», т. 1, стр. 429).

няли какой-то ущерб жителям Жрновницы [59]. В грамоте 1345 г. сообщалось, что к Душану пришли послы из Дубровника и жаловались «на слугу Дабижива, како е учиниль трьгь на Трѣбини, и узима одь товара динарь, кто греде и у Дубровьникь, из Дубровника и одь добитка. . .» [60]. Рассмотрев жалобу дубровчан, Душан распорядился, что поскольку этого торга и раньше не было в Требинье, то Дабижив не должен брать царину ни с дубровчан, ни с влахов, ни с сербов. «И всаци властели, кои те стоıати по Дабиживѣ, да не оузима царине тези. . .» [61].

Рассмотренные свидетельства не раскрывают всех функций слуги Дабижива и не позволяют установить его место в системе местного управления. Однако они показывают, что Дабижив принадлежал к местной знати, за какие-то заслуги получил титул слуги и выполнял функции сборщика налогов с продававшихся на торгах товаров. Какое отношение он имел к управлению, по данным источников судить трудно.

В 1347 г. районами Требинье и Конавли управлял некий Страхиня, которого дубровчане называли господином. 6 августа 1347 г. они послали ему подарок, адресуя его «Strahine domino Trebigne et Canalis» [62]. Других сведений о Страхине не сохранилось. После него этими районами управлял его сын Ненад Страхинич. В период с 19 сентября 1347 г. по февраль 1348 г. он в дубровницких книгах упоминался четыре раза как воевода: «Nenada Strachinich vojvoda» [63], а с ноября 1348 г. — дважды упоминался как «zuppanus Nenado Strachinich» [64]. Дальнейший материал относится только к 1358 г., когда в этих районах появился князь Воислав Войнович.

Под управлением князя Воислава находились не только районы Требинье и Конавли. В его «державу», кроме этих областей, входили район Гацко, города на Дрине, Сеница и другие области [65]. Более того, судя по дубровницким документам, князь Воислав в 1359 г. считал себя господи-

[59] *К. Јиречек.* Властела хумска. . ., стр. 428.
[60] «Законски споменици . . .», стр. 167.
[61] Там же, стр. 168.
[62] «Monumenta Ragusina. . .», 1, str. 271.
[63] Там же, стр. 5, 12—14.
[64] Там же, стр. 50, 55.
[65] *К. Јиречек.* Српски цар Урош. «Зборник К. Јиречека», т. 1. Београд, 1959, стр. 353.

ном всей Холмской области. Районами Требинье и Конавли в этот период управлял какой-то севаст, который непосредственно подчинялся князю Воиславу. Одна запись от июля 1359 г. называет его «savaste de Chanal o de Tribigne» [66]. С 1359 по 1361 г. управители Требинье и Конавли назывались кефалиями. Кефалия Мильман постоянно жил в районе Конавли. Он вел непрерывные войны с Дубровником, нападал на окрестные владения дубровчан, грабил и захватывал дубровницких и венецианских купцов. В одном из таких набегов в 1361 г. он был убит [67]. На место Мильмана был назначен новый кефалия. Сам князь Воислав только изредка появлялся в этих районах. Известно, что 4 января 1359 г. он прибыл в Конавли и стал устанавливать новые порядки пользования дубровчанами землей на территории района [68]. После смерти Воислава, с лета 1363 по 1367 г. всей «державой» управляла его жена Гоислава, «domina comitissa», как называли ее дубровчане [69]. 29 марта 1367 г. Малое вече Дубровника приняло решение уплатить митровданский доход кефалии Конавли («cephalie de Canali») Павлу, посланнику вдовы князя Воислава [70].

Таким образом, материал, относящийся к 50—60-м годам XIV в., достаточно ясно показывает, что в этот период наблюдаются новые изменения в системе местного административного управления в районах Требинье и Конавли. Жупаны или воеводы были окончательно заменены кефалиями. Некоторые из этих кефалий имели особые титулы. Один из них назывался севастом. Есть некоторые основания предполагать, что кефалии назначались уже не из числа местной знати. Об этом до некоторой степени может свидетельствовать неславянское имя кефалии Мильмана.

Районы Требинье и Конавли были составной частью «державы», во главе которой стоял князь Воислав. Сохранившиеся источники не называют также ни казначеев, ни судий, поэтому о судьбе органов местного управления в тот период нельзя сказать ничего определенного.

[66] «Monumenta Ragusina...», II, str. 277.
[67] Там же, стр. 289; т. III, стр. 60, 122.
[68] *Р. Грујић.* Конавли. . ., стр. 11.
[69] *К. Јиречек.* Српски цар Урош, стр. 367.
[70] «Monumenta Ragusina. . .», IV, str. 86.

Осенью 1368 г. районы Требинье и Конавли, а возможно, и другие области «державы» Воислава, захватил жупан Никола Алтоманович, владения которого были где-то в районе Рудника и соседних с ним областях [71]. У него был свой особый аппарат управления. Например, грамоту от 1369 г. писал его «логопеть Нежнь», а в 1370 г. упомянут его воевода или знаменосец («vexilifer sive voyvoda») Радин Дубрович [72]. С начала 1372 г. районами Требинье и Конавли управлял кефалия Обрад Зорка («Obrad Sercha cephalia de Tribigna et de Chanali»), господином которого (patronus) был жупан Санко [73]. В начале 1373 г. Требинье, Конавли и Драчевица перешли под власть зетского правителя Юрия Балшича, который в папских письмах также назывался жупаном, а с 1377 г. эти районы отошли под власть боснийского бана Твртко [74].

В условиях боснийского господства в этих районах в первом десятилетии XV в. вновь начинают упоминаться жупаны, как представители местной администрации [75]. В данной связи обращает на себя внимание тот факт, что с этого же времени районы Конавли и Драчевица в актовых документах стали обозначаться термином «жупа». Однако эти свидетельства уже выходят за рамки избранного нами периода.

Приведенные здесь свидетельства показывают, что в период господства жупанов Николы Алтомановича и жупана Санко и правителя Зеты Юрия Балшича районами Требинье, Конавли и Драчевица по-прежнему управляли кефалии. Но они подчинялись не королю или царю, а перечисленным выше крупным феодальным собственникам. Следовательно, жупанские титулы Николы Алтомановича, Юрия Балшича и Санко, которые были господами обширных областей, ничего общего не имели с теми органами местного управления, которые были в этих районах в середине XIII в. Происхождение их жупанских титулов, по всей вероятности, имело иную основу, но подробнее этот вопрос будет освещен в другом месте.

[71] *К. Јиречек.* Српски цар Урош, стр. 369.
[72] «Monumenta Ragusina. . .», IV, str. 120, 121.
[73] Там же, стр. 130; «Писма и упутства Дубровачке републике». I. Изд. J. Taguħ. Београд, 1935, стр. 119.
[74] *М. Динић.* Дубровачки трибути. «Глас САН», CLXVIII (86). Београд, 1935, стр. 232.
[75] *Р. Грујић.* Конавли. . ., стр. 14.

Рассмотренный материал, относящийся к районам Требинье и Конавли, позволяет сделать следующие обобщения.

Уже первые сведения, относящиеся к середине IX в., показывают, что районы Требинье и Конавли составляли общую административную сферу, которой управлял архонт Требинье, находившийся в зависимости от сербских правителей. Но в районе Конавли был свой управитель (архонт), который подчинялся архонту Требинье. Таким образом, намеченная К. Багрянородным картина административного управления в этой области скорее напоминает структуру органов управления раннефеодального государства, чем структуру так называемой жупной организации, как это пыталась представить старая историография. Данные середины XII в. также совершенно отчетливо показывают, что власть жупанов в этих районах не ограничивалась пределами одного района, названного в Дуклянской летописи термином «жупа», а жупаны не были единственными представителями власти. В подчинении у жупанов до середины XII в. были сотники, казначеи и судья. В период вхождения области в состав государства Неманичей сохранившиеся источники, к сожалению, не позволяют проследить всех частностей в перестройке органов местного управления.

Однако материал середины XIV в., значительно полнее отражающий ход перестройки органов местного управления, дает некоторые основания восстановить их эволюцию в предшествовавший период. С учетом этого материала можно предполагать, что уже в начальный период вхождения области в состав государства Неманичей были упразднены сотники и казначеи. Институт жупанов, как орган местного управления, продолжал сохраняться до 40-х годов XIV в. Но, судя по всему, за это время характер власти жупанов существенно изменился. Жупаны, подчинявшиеся наместникам центральной власти, назначались из числа представителей местной знати и выполняли функции воевод. В 50-х годах XIV в. прослеживается более радикальная перестройка органов местного управления: институт жупанов, как орган местного управления, был ликвидирован, а места жупанов заняли государственные чиновники — кефалии, отдельные из которых имели особые титулы (например, севаст). Эти органы местного управления, введенные в период расцвета серб-

не говорит о том, насколько сильна была в это время центральная власть, чтобы практически осуществить это право. В первой главе мы уже отмечали ряд аналогичных фактов, относящихся к пожалованию некоторых владений холмской епископии, которые, судя по всему, были очень недолговечными. Об этом также свидетельствует и история самой холмской епископии. Приведенные факты позволяют предполагать, что авторитет и сила центральной власти в этих районах, а следовательно, и ее наместников, были очень слабыми, особенно в первый период. Сохранившийся, правда очень незначительный, материал дает основание думать, что в ряде районов Холма некоторое время продолжало существовать параллельное управление, оставшееся как «обломки» старой государственной организации.

Об управлении Холмом сохранились лишь самые общие и противоречивые сведения. Мавро Орбини сообщал, что Мирослав оставил одного сына Андрея, которому было 10 лет. Но К. Иречек, на основании одного из вариантов хроники Ансберта, установил, что у Мирослава был еще сын — Тольен. Другие источники не упоминают больше этого сына. М. Орбини пишет, что холмские властели прогнали Андрея из своей земли вместе с его матерью. Но позднее Ст. Первовенчанный вновь захватил южную часть Холма со Стоном и Поповым Полем, и эти земли вновь передал Андрею. У Андрея, по словам М. Орбини, был сын Влатко и другие сыновья. У Влатко, в свою очередь, был сын Никола Тольен. После того, как холмская знать прогнала малолетнего Андрея, вместо него князем Холма был провозглашен Петр, который постоянно воевал с королем Ст. Первовенчанным и удерживал за собой северные области Холма от Неретвы до Цетины. И. Лучич также говорит, что Андрей был сыном князя Мирослава, а сыном князя Андрея был Петр. Дубровницкий хронист Рести (или Рестич) отмечал, что после Андрея к власти пришел его сын Петр, который вновь вызвал к себе в Стон изгнанного ранее Мирославом стонского епископа Доната [79]. Насколько достоверны эти сведения, трудно судить, так как их нельзя проверить по документам. Од-

[79] *К. Јиречек.* Тољен син кнеза Мирослава Хумског. «Зборник К. Јиречека», т. I, стр. 439; *М. Динић.* Три повеље. . ., стр. 3—5.

нако сохранилась одна надпись, которая подтверждает существование холмского князя Петра [80]. К. Иречек и М. Динич не считают Петра сыном князя Андрея. По их мнению, у Андрея было только три сына (жупан Богдан, жупан Радослав и Георгий) и одна дочь Вукослава [81].

В одном из договоров с дубровницким князем Яковом Дельфином, который правил в 1247—1249 гг., видно, что Андрей в это время был холмским князем. В договоре Андрей писал: «...кнезь вели хльмски АндьрѢи с моими сынми жоупаномь Богданомь и сь жоупаномь Радославом и сь моими властели» [82].

Таким образом, в конце XII в. и в середине XIII в. в Холме наблюдалась довольно любопытная, но не до конца ясная картина. После Мирослава совершенно определенно упоминаются два великих князя в Холме: Андрей и Петр. Если учесть и сообщение М. Динича о том, что Неманя назначил управителем Холма Растко, а Ст. Первовенчанный — Радослава, то положение еще более осложняется. Ив. Божич, беря за основу точку зрения Динича, предлагал следующую последовательность правления: после Мирослава Холмом управлял Петр, которого Ст. Первовенчанный оттеснил в северные районы между Неретвой и Цетиной. Остальные части были переданы в управление сыну Ст. Первовенчанного Радославу. Позднее Петра наследовал сын Мирослава Тольен, а Ст. Первовенчанный часть Холма передал сыну Мирослава Андрею, и он, как «великий князь», управлял всем Холмом. После Андрея Холмом управляли, как обычные жупаны, сыновья Андрея Радослав и Богдан. Радослав держал области на западе, но под давлением венгров в 1253—1254 гг. вынужден был признать их верховную власть. Богдан управлял Поповым Полем.

Мы не будем подробно разбирать предложенную Ив. Божичем концепцию, но заметим, что она не всегда согласуется с политической линией поведения этих лиц.

Из свидетельства М. Орбини, И. Лучича и Рести достаточно ясно поведение Петра. Во-первых, его под-

[80] «Законь велпега кнЀза хьлмскога Петра». «Старинар», кнь. I. Београд, 1884, стр. 115; *К. Јиречек.* Тољен син. . ., стр. 439.
[81] Там же, стр. 439—440; *М. Динић.* Дубровачки трибути, стр. 214.
[82] «Monumenta Serbika. . .». Ed. F. Miklošič. Vien, 1858, стр. 34.

держивала местная знать, во-вторых, он вел постоянную борьбу со Ст. Первовенчанным, то есть с центральной властью. Такая же линия поведения прослеживается по документам, которые были составлены князем Андреем и его сыновьями. Упомянутые в договоре 1247—1249 гг. сыновья холмского князя Андрея — жупаны Радослав и Богдан в ряде документов рассматривают себя не только как наследники холмских князей, но и как хранители старых законов Холмского княжества. Более того, они совершенно открыто выступают врагами сербских королей. 22 мая 1254 г. жупан Радослав и дубровчане заключили два договора. В договоре, который составили дубровчане, они клялись жупану Радославу и его властелям, что будут хранить мир по старому закону, который был установлен между ними и холмским княжеством [83]. Жупан же Радослав и 14 его властелей клялись дубровчанам, что вместе с ними и болгарским царем они будут воевать против сербского короля Уроша. В этом договоре Радослав совершенно определенно называл себя вассалом венгерского короля: «а ѩ жоупань Радославь семь верни клетьвеник гдноу кралю оугорьскомоу». Весьма характерен другой факт этого договора. Среди 14 властелей, подписавших договор, упомянут сотник Воислав Радошевич из города Имот, который клялся за всех людей жупана Радослава [84] («Воиславь Радошевикь, Сьтникь имотьски»). Из оценки данных фактов, сделанной И. Божичем, можно понять, что жупан Радослав до мая 1254 г. был зависим от сербских королей, но под давлением венгерского короля он был вынужден признать верховную власть последнего [85]. Нам кажется, что такой вывод не может вытекать из рассмотренных данных.

Приведенный материал позволяет предположить, что в различных районах Холма до середины XIII в. не было единой системы управления, несмотря на то, что центральная власть рассматривала себя единственным верховным сувереном всех территорий Холмской области, о чем сви-

[83] «А градь Дубровникь да е отворень тебѣ и твоимь лудемь, ѣко по старомоу законоу мегу Дубровникомь и кнежьством Хльмьско. . .» («Одабрани споменице. . .», стр. 45).

[84] *Љ. Стојановић.* Старе т. I, ч. 1, стр. 26; «Monumenta Serbika. . .», str. 45.

[85] *Ив. Божић.* О положају Зете у државн Немањића «Историски гласник», књ. 1—2. Београд, 1950, стр. 111.

детельствует ряд выданных ей грамот. Более того, грамоты холмских правителей позволяют считать, что характер администрации в районах, подчинявшихся князю Андрею и его сыновьям, существенным образом отличался от администрации той части территории, которая была под непосредственным контролем центральной власти. Это подтверждается следующими фактами.

Во-первых, если присмотреться к дипломатике документов, которые были составлены князем Андреем и его сыновьями, то можно заметить, что эти документы скреплялись подписями большой группы представителей из числа местной феодальной знати. Договор князя Андрея с дубровчанами от 1247—1249 гг. был подписан 23 холмскими властелями [86], а договор жупана Радослава от 1254 г. — 14 властелями [87]. При этом следует напомнить, что рассматривавшиеся выше документы, относящиеся к районам Требинье и Конавли в период до конца XII в., также подписывались несколькими представителями местной феодальной знати. Интересно также отметить, что в аналогичной форме издано большинство документов боснийских правителей в период XIII—XIV вв. С другой стороны, документы сербских правителей в XIII—XIV вв. не имели таких подписей. Их подписывал лишь король или царь.

Таким образом, эта деталь не только свидетельствует о различии форм этих документов, но и подчеркивает различие в принципах управления.

Во-вторых, из договоров холмских правителей видно, что все взаимоотношения между князем Андреем и его сыновьями с Дубровником определялись «старыми законами» княжества Холмского («...по старому закону, кои есть мегу Дубровникомь градомь и мегу кнежьство Хльмско») [88].

В-третьих, упоминание сотника Воислава Радошевича, который был представителем жупана Радослава в Имоте [89], еще раз убеждает в том, что администрация владений холмских правителей была организована по старому принципу, который соблюдался на всей территории Дуклян-

[86] «Monumenta Serbika. . .», str. 34.
[87] Там же, стр. 45.
[88] Там же, стр. 45.
[89] «Законски споменици. . .», стр. 602.

ского государства до середины XII в. Интересно отметить, что это упоминание о сотнике является последним. Все последующие документы, относящиеся к территории Сербского государства, ни разу не упоминают сотников в числе органов местного управления.

Достаточных сведений о районах, которые были под контролем центральной власти, также не сохранилось. Однако некоторые косвенные данные, как, например, организация холмской епископии, ряд пожалований в юго-восточных районах, назначение наместников из числа родственников правящей династии, дают основание предполагать, что центральная власть до середины XIII в. настойчиво пыталась проводить соответствующие мероприятия по реорганизации местного административного управления [90].

Отсутствие материала о последующем периоде, к сожалению, не позволяет проследить дальнейшую судьбу наместников холмских князей.

Документы второй половины XIII в. также не освещают во всех деталях историю реорганизации органов местного управления. Однако отдельные фрагментарные свидетельства показывают, что ломка старой системы местного управления проходила в обстановке острой борьбы между представителями центральной власти и местной феодальной знати. Некоторые документы дают основание предполагать, что отдельные районы Холмской области еще в 60-х годах XIII в. оставались за пределами сферы власти сербских правителей. Например, в одном из документов от 4 февраля 1264 г. упоминается какой-то «жупан Холма» Стефан [91]. Комментируя это свидетельство, В. Чорович считает, что жупан Стефан управлял той частью Холма, которая тогда еще не принадлежала Сербии [92]. В данной связи еще более показательно свидетельство конца 1278 г.

[90] В частности, в грамоте 1253 г. холмской епископии указывалось, что межи пожалованных сел устанавливал князь Стефан с двумя попами и протовестиаром, т. е. казначеем. «Законски споменици. . .», стр. 601). Данный факт свидетельствует о том, что состав чиновников местного административного управления в данных районах в середине XIII в. был уже иным.

[91] «Stephanus iuppanus de Chelmo». (*В. Ћоровић*. Хисторија Босне. Београд, 1940, стр. 230).

[92] Там же.

В одном из протоколов дубровницкого суда записано, что холмский казначей (casnes in Chelmo), разбиравший дело по ограблению дубровницкого купца, откровенно признал, что он не может принять никакого решения, так как Холмская земля осталась без господина [93].

Источники XIII—XIV вв. позволяют восстановить более полную картину интересующего нас процесса, но они, к сожалению, неравномерно освещают состояние института жупанов в разных районах Холма. Сравнительно лучше эволюция института жупанов прослеживается в южных (Попово Поле и Стон) и западных (Загорье и Невесинье) районах области.

Жупаны в районах Попово Поле и Стон. Мы уже отмечали, что город Стон еще до вхождения Холмской области в состав государства Неманичей был столицей холмских князей. С оформлением государства Неманичей в Стоне в 1219 г. была учреждена холмская епископия, которая получила в феодальное владение ряд земель и угодий, принадлежавших ранее двору холмских князей («кнежина вса и врьть кнежь»). Эти факты свидетельствуют о том, что центральная власть в этих районах уже в начале XIII в. начала проводить необходимую ей внутреннюю политику, которая в определенной мере была связана и с перестройкой органов местного управления.

Свидетельства о жупанах в районах Попово Поле и Стон относятся к концу 70-х — началу 80-х годов XIII в. В период 1278—1280 гг. здесь упоминается жупан Доброслав Топлич. Подвластная ему территория не поддается точному определению [94]. Несколько лучше прослеживается территория, находившаяся под управлением жупана Трдко, в состав которой в 1282—1285 гг. входили районы Попово Поле [95] и Стон [96]. В эти годы жупаны данных районов подчинялись сербскому королю и выполняли его распоряжения [97].

[93] «. . .quia terra est sine domino» (*К. Јиречек.* Историја Срба, т. III. Београд, 1923, стр. 47).
[94] *К. Јиречек.* Историја Срба, т. II. Београд, 1952, стр. 16.
[95] *Г. Чремошник.* Канцеларски и нотарски списи, т. I. Београд, 1932, стр. 93, 123, 125, 138, 142.
[96] *К. Јиречек.* Тољен сип. . ., стр. 441.
[97] Об этом свидетельствует письмо Милутина от 1282 г. «любовьнаму жупану Тврьтку», в котором последнему предписывалось

В свою очередь, у жупана Тврдко в 1284 г. был подчиненный ему знаменосец Славомир [98]. Этот факт указывает, с одной стороны, на появление должностных лиц, зависевших от жупана, а с другой стороны, свидетельствует о том, что на жупана были возложены функции воеводы, которые, судя по всему, стали основными в условиях государства Неманичей. Это подтверждается и аналогичными свидетельствами, относящимися к районам Требиньской области.

С 1312 г. в районе Попово Поле упоминается жупан Богдан, а с 1319 г. — его сын жупан Тврдко [99]. Территория, которой они управляли, к сожалению, также не поддается точному определению. Вполне возможно, что она распространялась и на соседний район Стон. Выражение «patron de Popoa» в данном контексте не может быть определяющим для установления подвластной им территории, так как оно относится к условиям уплаты дубровчанами налога за пользование землями в районе Попово Поле господину или управляющему, которым был жупан Богдан, затем его сын Тврдко.

Дальнейшая судьба этих районов была неодинаковой и зависела от исхода борьбы между Сербией и Боснией, начавшейся еще где-то в начале XIV в.[100]

захватить дубровчан, ограбивших сербского купца Урсету (*Љ. Стојановић.* Старе. . ., т. I, ч. 1, стр. 35).

[98] «Slavomir confolanarius Tuerdici» (*К. Јиречек.* Историја Срба, т. II, стр. 16).

[99] «Turtecho, filio de jupan Bocdan, patrono de Popoa». (*М. Динић.* Дубровачки трибути, стр. 214). Принимая во внимание чередование имен Тврдко — Богдан — Тврдко, М. Динич высказывает предположение, что упомянутый в договоре 1247—1249 гг. сын холмского князя Андрея — жупан Богдан был отцом жупана Тврдко. упомянутого в документах 1282—1285 гг. В результате такого предположения восстанавливается неразрывная цепь наследников холмского князя Мирослава: Мирослав — князь Андрей — жупан Богдан (1247—1249 гг.) — жупан Тврдко (1282—1283 гг.) — жупан Богдан (1312 г.) — жупан Тврдко (1319 г.) Этой гипотезой М. Динич объясняет и факт получения в 1319 г. жупаном Тврдко от дубровчан денег за пользование землями, располагавшимися в районе Попово Поле.

[100] Подробнее см.: *В. Трпковић.* Кад је Степан II Котроманић први пут продро у Хум. «Историски гласник», 1—2. Београд, 1960, стр. 151—154; *он же.* Око «ustupanja» Stona i Pelješca Dubrovčanima (1326—1333). «Istorijski glasnik», I. Beograd, 1963, str. 39—60; *он же. Браниվојевићи.* «Историјски гласник», 3—4. Београд, 1960, стр. 55—84; *М. Динић.* Comes Constantinus. «Зборник радова Византолашког института», 7. Београд, 1961, стр. 1—11.

Начиная со второго десятилетия XIV в. в районе Стон упоминаются братья Бранивоевичи. Подвластная им территория не ограничивалась только этим районом. Их владения также находились в районе Сланого (село Майковы) и в устье реки Неретвы [101]. Однако следует иметь в виду, что ни один из Бранивоевичей не назывался жупаном. После их ликвидации район Стон и весь полуостров Пелешац в 1333 г. был окончательно передан Дубровнику. Незадолго до передачи Стона Дубровнику этим районом, по мнению К. Иречека, управлял жупан Юрий Приянович, а после передачи — жупан Григорий. К. Иречеку были известны факты, которые свидетельствуют о том, что в 1334 г. жупану Григорию и его сыновьям в районе Вручицы дубровчане выделили земельный надел (partes) [102]. После этого свидетельства о жупанах в районе Стона прекращаются.

С 20-х годов XIV в. район Попово Поле оказался под властью боснийского бана. С 40-х годов XIV в. он оказался во владении жупанов из рода Николичей, которые удерживали его до XV в. М. Диничу удалось установить, что в XV в. находившаяся под властью Николичей область охватывала значительную территорию, простиравшуюся от Дубровника и включавшую Попово Поле, села, располагавшиеся между Поповым Полем и так называемыми новыми землями Дубровника (Голубинац, Просек, Славогостичи, Щеница, Гребци, Сливница), и район Жапско. Выше Стона она выходила к морю у Сливна, а на северо-западе — до р. Неретвы. В пределах этой довольно обширной территории упоминается ряд более мелких феодальных собственников, которые зависели от Николичей. Среди них были Дедичи из Попова Поля, «человек» госпожи Станиславы жупан Божичко Брлич и «Paulouich Peter zupan de Nicoliche» (1416 г.) [103]. При этом сами Николичи находились в вассальной зависимости от крупнейшего феодального собственника жупана Санко. В мае 1398 г. воевода Радич, сын жупана Санко, отобрал у Николичей район Попово Поле. Одно время его управителем был жупан Божичко, который раньше подчинялся Нико-

[101] *К. Јиречек.* Историја Срба, I, стр. 200; *В. Трпковић.* Бранивојевићи, стр. 83.
[102] *К. Јиречек.* Историја Срба, т. II, стр. 16.
[103] *М. Динић.* Comes Constantinus, стр. 13—15.

личам. Во время господства воеводы Радича жупан Божичко Брлич управлял не только районом Попово Поле, но и другими южными районами (Рапти и Щеница), которые простирались в направлении Затона [104]. В районе Попово Поле жупаны упоминаются на протяжении всего XV в. Любопытно, что они продолжали удерживаться там даже после захвата района турками [105].

Таким образом, из этого обзора данных видно, что институт жупанов в районе Попово Поле, который в середине 20-х годов XIV в. отошел под власть боснийских правителей, продолжал сохраняться вплоть до XVI в. Его развитие в боснийском государстве не прекращалось, но шло своеобразным путем. В условиях Боснии продолжали сохраняться отдельные крупные семьи или роды местной знати, из которых выходили жупаны. С другой стороны, положение различных жупанов было не одинаковым: одни жупаны подчинялись другим, которые являлись вассалами боснийского бана. Таким образом, к концу XIV в. установилась иерархическая лестница феодальной зависимости. Это позволяет думать, что институт жупанов, развиваясь в условиях Боснии, постепенно переродился в своеобразный институт феодальных собственников со свойственной ему феодальной иерархией. Своеобразие этих феодальных отношений заключалось в том, что владельцем земель был не один феодал, а целая семья или род местной знати, которые присваивали себе право ставить во главе местного управления жупанов из числа своих представителей.

Жупаны Загорья и Невесинье. В области, которую дубровницкие документы называют Загорьем, первые упоминания о жупанах относятся к началу 20-х годов XIV в. Однако эти лица зафиксированы в более ранних источниках, хотя они и не названы жупанами. Одним из них был жупан Познан Пурчич.

В документе от 24 мая 1306 г., хранящемся в дубровницком архиве, сказано, что Познан Пурчич и Дражен Богопенец со своими братьями, родственниками и двад-

[101] *J. Мијушковић.* Хумска властеоска породица Санковићи. «Историски часопис», XI. Београд, 1961, стр. 52.

[105] Например, в 1412 г. в районе Попово Поле упоминается жупан Медулин, а в 1483 г. — жупан Радич Дулич (Radic Dulich Zupan de Popouo). (*М. Динић.* Comes Constantinus, стр. 72).

цатью другими своими людьми из района Невесинье ограбили одного дубровчанина [106]. Это свидетельство важно прежде всего тем, что оно наглядно позволяет представить ту специфическую организацию местной знати, которая была в тот период в районе Невесинье. В данном случае Познан Пурчич и Дражен Богопенец возглавляли своих братьев, родственников по крови и каких-то других людей, принадлежавших к этому роду. С 1322 г. Познан Пурчич в дубровницких документах фигурирует как жупан, подвластный сербскому королю [107]. Но с 13 июля 1327 г. Познан Пурчич упоминается уже как вельможа посольства боснийского бана [108]. В ноябре 1330 г. Познан Пурчич, его сыновья и жена названы пленниками сербского короля, который 13 мая 1331 г. потребовал от дубровчан передать ему все денежные сбережения (депозит) Познана, хранившиеся в Дубровнике [109]. Последний раз Познан Пурчич упомянут в 1344 г., когда в Дубровник прибыла его жена Нинослава, чтобы забрать свои деньги [110].

Упомянутый в документе 1306 года Дражен Богопенец, по мнению Й. Миюшкович, был родоначальником известной семьи Санковичей. Представители этого феодального рода как жупаны названы только в 1332 г., то есть после исчезновения жупана Познана Пурчича с политической арены. Й. Миюшкович, использовавшая новые архивные материалы, пришла к убеждению, что семейные владения Санковичей в начале XIV в. располагались в районах Загорья и Невесинье, которые упоминаются Дуклянином в составе старой области Подгоры [111].

В одном из договоров 1332 г. Степана Котроманича с дубровчанами впервые упоминается жупан Милтен Дра-

[106] «. . .cum fratribus suis et cum consanguineis et hominibus suis XX» (*C. Jirecek.* Das Gesetzbuch des serbischen Caren. St. Dušan. «Archiv für slavische philologie», Bd. 22. Berlin, 1900, S. 174—175).

[107] Дубровчане 9 июля 1322 г. требовали организовать встречу «cum juppanus Posnan». («Monumenta Ragusina...», II, str. 63—64); 14 августа 1325 г. «juppanus Posnan de Purchic» получил от дубровчан подарок стоимостью в 60 перпер. «Monumenta Ragusina. . .», II, str. 318).

[108] «In ambaxatam domini comitis Stepani de Bossina». (*P. Грујић.* Конавли. . ., стр. 9).

[109] «Monumenta Ragusina. . .», II, str. 334.

[110] «Monumenta Ragusina. . .», I, str. 164—165.

[111] *J. Мијушковић.* Хумска. . ., стр. 22.

по общему ходу событий, можно думать, что принципы государственного устройства Боснии больше устраивали холмских феодалов.

Владения жупанов в Загорье и Невесинье постепенно разрастались. К 60—70-м гг. XIV в. они составляли обширные территории, располагавшиеся в различных районах Холма и за его пределами. Феодальные владения носили семейный характер. В подчинении у Санковичей были жупаны, которые к этому времени окончательно превратились в феодальных собственников и владения которых, как правило, имели также семейный характер. Отдельные представители феодального класса в то же время получали от боснийских правителей особые титулы и придворные должности. Например, Санко, получив титул казнаца, стал влиятельным вельможей при дворе боснийского бана.

Подводя итог рассмотренному материалу, относящемуся к областям Холм и Загорье, можно сделать следующие выводы.

В период формирования государства Неманичей различные районы Холма еще не представляли органического единства с остальными районами. Центральная власть считала себя сувереном этих областей с первых же шагов своей деятельности, а области — составной частью образовавшегося государства. Эти области были переданы наместникам сербских великих жупанов из числа родственников правящей династии. Ст. Неманя поставил наместником Холма своего сына Растко, а Ст. Первовенчанный — своего сына Радослава.

Однако до первой половины XIII в. эти наместники еще не имели достаточных сил, чтобы практически осуществить это право во всех районах Холма. Им препятствовали наследники холмского князя Мирослава, которых поддерживала местная знать. В результате междоусобной борьбы Ст. Первовенчанному удалось вытеснить наследников холмского князя в северо-западные районы Холма и осуществлять контроль только в юго-восточных районах. Удерживавшиеся в северо-западных районах потомки князя Мирослава, отражая интересы местной знати, продолжали придерживаться старых порядков.

Это подтверждается формой издававшихся ими документов и сохранением в этих районах старых органов местного управления (сотников). Наследники холмских князей вели активную борьбу с представителями централь-

ной власти. С этой целью они заключали союзы с противниками сербских королей и с их помощью ликвидировали все земельные пожалования церкви, которые раздавала центральная власть в Холмской области, так как они подрывали экономические позиции местной знати. С помощью болгарских войск им удалось ликвидировать бо́льшую часть пожалований холмской епископии. Центральной власти приходилось вновь и вновь подтверждать эти пожалования.

Последние представители холмской династии были устранены только после 50-х годов XIII в. В юго-восточных районах, которые оказались под контролем центральной власти уже в начале XIII в., была проведена более существенная перестройка. Но эта перестройка в первую очередь коснулась старых органов центрального управления. Из Стона, столицы холмских князей, были изгнаны наследники холмского князя. Владения княжеского двора были переданы во владение холмской епископии, и в этих районах был поставлен наместник сербского правителя.

Однако и в этих районах деятельность центральной власти наталкивалась на сопротивление местной знати и, возможно, всего населения. На это указывает факт переноса холмской епископии из Стона на Лим. Кроме того, об ограниченных действиях центральной власти во всех районах Холма может свидетельствовать сохранение института жупанов в этих районах вплоть до 20-х годов XIV в. Институт жупанов, базировавшийся на своеобразной организации местной знати, которая своими корнями была связана с раннефеодальной системой общественных отношений, продолжал сохраняться во всех районах Холма вплоть до 20-х годов XIV в. В районах Стон, Попово Поле и Загорье институт жупанов был представлен членами из числа старых местных семей или родов знати, которые формально называли себя представителями всего населения района, но фактически выступали уже в период XIII в. как феодальные собственники этих территорий. Эта феодальная сущность местной знати прикрывалась наслоением традиционных форм родственных отношений, которые по традиции поддерживались всем населением района. Именно этот фактор и придавал особую силу местной знати и способствовал сохранению института жупанов в этих районах.

При таких отношениях бо́льшая часть доходов концентрировалась в руках местной знати, которая не желала уступать их представителям центральной власти.

Изменение форм местного управления, к которому стремилась центральная власть, подрывала экономические основы местной знати. Относительная сила местной знати и относительная слабость центральной власти способствовали тому, что институт жупанов в этих районах продолжал сохраняться дольше, чем в других областях.

Однако усиление центральной власти к 20-м годам XIV в. способствовало более решительному наступлению ее представителей на интересы местной знати. Но в ответ на эти мероприятия местная знать Холма ответила массовым переходом сначала на сторону хорватского князя Константина Нелипчича, а затем на сторону боснийского бана в 1326 г.

В этот период от Сербии отошли жупаны Попова Поля и Загорья. Управители Стона Бранивоевичи, надеясь на свои силы, также отошли от сербского короля, но не присоединились к боснийскому бану. В результате они были убиты, а жупан района Невесинье Познан Пурчич — захвачен в плен и лишен власти. Но и эти решительные меры не привели к окончательной ликвидации института жупанов. Жупаны Загорья из рода Санковичей путем политики лавирования между боснийским баном и сербским королем сумели не только сохранить, но и значительно расширить свои родовые владения. Жупаны Попова Поля окончательно перешли под власть Боснии, а Ст. Душан был вынужден отказаться от Стона и соседних с ним районов в пользу Дубровника. Только после этого в районе Стон в 1334 г. был окончательно ликвидирован институт жупанов. В остальных районах, которые окончательно перешли в состав Боснии, институт жупанов продолжал сохраняться вплоть до турецкого завоевания.

Зета

Вопрос о месте и роли Зеты в государстве Неманичей остается не до конца выясненным. По этому поводу в историографии был высказан ряд противоречивых мнений, которые подробно рассмотрены в специальной работе Ив. Божича [125].

[125] *Ив. Божић.* О положаjу Зете у држави Немањића. «Историски гласник», 1—2. Београд, 1950, стр. 108.

Автор, по нашему мнению, в основном правильно решил этот вопрос, но все же ряд высказанных им положений вызывает некоторые возражения. Об этом мы частично уже говорили при характеристике положения в Холмской области. Автор прав, утверждая, что «государство Неманичей было результатом государственного и общественного развития как Рашки, так и Зеты и остальных приморских областей».

Нельзя не согласиться и с другим наблюдением автора, что процессы, происходившие в Зете после ее включения в состав государства Неманичей до середины XIII в., были похожи на процессы, которые происходили в этот же период в Холмских землях, и что в период правления Вукана Зета была слабее связана с центральной властью, чем в более позднее время [126].

Однако, отмечая справедливость основной посылки, нужно признать, что автор в ходе анализа материала отступил от своих первоначальных позиций и перенес решение вопроса на взаимоотношения между отдельными представителями правившей династии Неманичей. Более того, он считает, что разрешение этих противоречий определило всю дальнейшую судьбу Зеты. Ив. Божич по этому поводу писал, что неважно, когда окончательно в Зете было устранено влияние Вукана и его потомков. Это не решает вопроса. Важно то, что, вытесняя потомков Вукана, центральная власть сломила всякую попытку создать в Зете побочную династию, которая бы в достаточной мере самостоятельно могла управлять в одной части Сербского государства. «Если бы потомки Вукана удержались в Зете как побочная правящая линия, мы должны были бы иначе смотреть на положение Зеты» [127]. Нам кажется, что оценка данного явления, сделанная Ив. Божичем, не только противоречит его основной предпосылке, но и исключает влияние тех общественных отношений, которые выступили определяющим фактором данного явления. Если бы общественные отношения в Зете оставались неизменными, то место потомков Вукана после их устранения немедленно заняли бы другие, которые в свою очередь могли дать начало новой династии. По-

[126] Там же, стр. 111, 113.
[127] Там же, стр. 119, 144.

этому в данном случае на первый план выступает вопрос: когда окончательно было устранено влияние Вукана и его потомков? Ответ на этот вопрос поможет установить время изменения общественных условий в Зете и выяснить причины, почему стало возможным устранение всякой побочной династии, деятельность которой шла вразрез с политикой центральной власти. Короче говоря, весь вопрос сводится к тому, какова была социальная основа в районах Зеты и почему в определенный период господствовавшая прослойка была враждебно настроена по отношению к центральной власти и искала себе таких представителей, которые бы безоговорочно отражали ее интересы.

Нужно признать, что свидетельства источников недостаточны для полного решения вопроса, но все же позволяют составить, как нам кажется, определенное представление об эволюции местного управления.

В этой связи возникает еще одно возражение по поводу другого положения, высказанного Ив. Божичем. Он считает, что «Зета жила той же жизнью, как и остальные части Сербского государства» [128]. Этот тезис без оговорки принять нельзя. Его отчасти можно принять только для периода после 50-х годов XIII в. До этого периода такое утверждение будет несправедливым, так как оно противоречит другим, на наш взгляд, верным положениям Ив. Божича.

Признавая факт слабой зависимости Зеты от центральной власти в период правления Вукана и его потомков, Божич указывает при этом, что ее внутренние условия были похожи на условия в Холмских землях. Следовательно, в данном случае как бы предполагается, что условия в Холмских землях и в Зете чем-то отличались от условий в других областях государства (Рашки и присоединенных к этому времени районов Македонии).

Как нам кажется, определенные различия между этими областями, по крайней мере до середины XIII в., действительно существовали. Эти различия заключались не только в том, что в некоторых районах Холма удерживались потомки холмского князя Мирослава, а в Зете — потомки Вукана, тогда как в Рашке и македонских районах без-

[128] *Ив. Божиħ.* О положаjу. . ., стр. 109.

раздельно господствовали сербские правители из династии Неманичей.

Эти факты являлись только внешним отражением более глубоких различий, которые выражались в своеобразной организации феодальной знати в различных областях государства. Но, к сожалению, источники не характеризуют своеобразие феодальных отношений в каждой области государства. Поэтому факт существования и время устранения побочных династий в Холме и Зете приобретает особо важное значение, так как он отражает более глубокие процессы. При этом показательно то, что устранение потомков холмского князя Мирослава и потомков Вукана относится к одному времени, то есть к 50-м годам XIII в. С другой стороны, возможность существования таких местных династий в районах Холма и Зеты до середины XIII в. свидетельствует о наличии в этих районах однородной базы, которая способствовала порождению таких явлений. Об этом говорит и весь сохранившийся материал данного периода.

По мнению М. Динича, области Зеты с городами Скадр, Бар, Ульцин и Котор были отобраны у последнего зетского правителя князя Михаила сразу же после смерти Эммануила Комнина (1185 г.), который, пользуясь междоусобицами в Зете, обеспечил господствующее влияние Византии в этих районах [129] и, по всей вероятности, поддерживал последнего зетского правителя. Однако есть некоторые основания думать, что не все эти районы были присоединены одновременно. С одной стороны, известен факт, что уже в 1186 г. Ст. Неманя послал в Котор сотника Юрия, который совместно с тремя судьями издал закон для города Котора [130].

Но, с другой стороны, как это уже отмечалось в разделе о Требинье, 20 августа 1189 г. в Дубровнике появилась Десислава, жена зетского князя Михаила, в сопровождении барского архиепископа Григория, двух жупанов, казнаца и других властелей. Следовательно, до этого времени княгиня Десислава и ее сторонники, по-видимому,

[129] «Historija naroda Jugoslavije», т. I. Zagreb, 1953, стр. 356.

[130] «Ego Jurha setnicus, directus in civitate Cataro a predicto magno iupano, una cum iuratis iudicibus ab ipso constitutis Junio Sergii, Jacobo Bocc, Petrolino Gregorii. . .» («Законски споменици. . .», стр. 22).

продолжали удерживать за собой какие-то районы. Присутствие барского епископа позволяет предполагать, что эти районы могли быть где-то в окрестностях Бара или недалеко от них.

Однако в данном случае нас интересует другая сторона вопроса. На основе рассмотренных свидетельств достаточно хорошо прослеживаются органы местного управления, представленные жупанами, сотниками, казначеями и судьями. Следовательно, в конце XII в. в Зете была такая же администрация, как и в районах Холм и Требинье.

После присоединения Зеты и Требинье к Рашке эти области сразу же были переданы в управление старшему сыну Ст. Немани Вукану. Прочно обосновавшись там, Вукан еще в период правления своего отца, имевшего титул великого жупана, стал называть себя королем Дукли, Далмации, Травунии и Топлицы. Под таким титулом он значится в одной записи от 1197 г. из Котора: «sub tempore domini nostri Velcani, Dioclie, Dalmacie, Tribunie atque Toplizze inclyti regis. . .» [131].

При данных обстоятельствах, когда наместник провозглашается королем, а его отец, глава государства, продолжает оставаться великим жупаном, трудно говорить о вассальной зависимости Вукана от центральной власти. По всей вероятности, после получения Вуканом в управление Зеты и Требинье, местная феодальная знать, основываясь на старых традициях Дуклянского государства, провозгласила Вукана королем, в надежде противопоставить его отцу. Иными словами, местная феодальная знать заставила Вукана занять место и вести нужную ей политику прежних зетских королей. Если бы Вукан не согласился на это, он был бы немедленно любыми средствами устранен от власти. Именно так поступила холмская знать, изгнав не отвечавшего ее интересам малолетнего Андрея.

Следовательно, интересы местной феодальной знати, имевшей реальную силу, были тем основным двигателем, который заставлял рвать всякие родственные и династические связи. О том, что Вукан вел самостоятельную и направленную против центральной власти политику, кроме самого факта принятия королевского титула, сви-

[131] «Codex diplomaticus. . .», Ed. Smičiklas, II. Zagreb, 1904, str. 287.

детельствует ряд сохранившихся писем, которыми обменивались римский папа и Вукан. При участии папских посланников и католических епископов, с согласия Вукана в 1199 г. был составлен документ, в котором заявлялось, что области, находящиеся под управлением Вукана, должны войти в сферу влияния католической церкви. При этом Вукан в документе также назывался королем Дукли и Далмации: «Wulcan Dei gratica Dioclie atque Dalmatie rex» [132].

Более того, после вступления на престол его младшего брата великого жупана Стефана Неманича (позднее — Первовенчанного), Вукан в 1202 г. сверг его с престола и пытался утвердить свою власть в Рашке. Однако у него не было для этого достаточных сил, и Стефан вновь вернул себе престол. Следовательно, в борьбе за власть в государстве основным двигателем были не родственные связи и титулы правителей, а реальное соотношение классовых и сословных сил внутри всего государства.

А соотношение этих сил было таково, что укреплявшаяся новая центральная власть, хоть она и рассматривала себя верховным сувереном всех этих областей, все же не имела в своем распоряжении достаточных сил, чтобы сломить сопротивление холмской, требиньской и зетской знати, интересы которой отражали другие представители из числа родственников правящей династии. Пытаясь осуществить свое право, центральная власть уже в самом начале пыталась раздавать земли в районе Зеты, как это указывалось в соответствующем разделе главы II. Уже Неманя раздавал в Зете пожалования. Так же поступал и его сын Стефан Неманич, передав около 1202 г. Хиландарю некоторые пожалования в Зете. Но эти пожалования часто утрачивались, и центральная власть была вынуждена позднее их вновь и вновь подтверждать.

Такое положение в Зете сохранялось и после смерти Вукана. Сын Вукана Георгий продолжал именоваться королем. В 1208 г. он со своими родственниками дал клятву верности венецианскому дожу, называя себя при этом «rex Georgius» [133]. В данном случае обращает на себя внимание то, что клятва давалась не только от имени одного Георгия, но и от имени всех его родственников. Это напо-

[132] «Законски споменици. . .», стр. 371.
[133] *Ив. Божић.* О положају. . ., стр. 112.

минает форму документов, которые выдавал холмский князь Андрей и его наследники. Данный факт дает основание думать, что Георгий придерживался тех же принципов в управлении своими областями, какие проводили потомки холмского князя Мирослава. А этот принцип, как мы уже видели выше, отличался от принципов, которых придерживались рашские правители. Однако Георгий в 1242 г. назывался уже не королем, а князем [134]. Каковы были взаимоотношения Георгия с представителями центральной власти в течение всего его господства — из-за отсутствия материала судить трудно. Сохранившееся одно известие от 1242 г. позволяет предполагать, что к этому времени Георгий был в какой-то степени уже зависим от сербского короля Уроша. В это время епископ Марко из города Ульцин, изъявляя готовность признать власть дубровницкого архиепископа, отмечал, что на это согласен «господин Георгий». Кроме того, он добавлял, что это решение понравилось и «нашему королю» [135].

В 1247 г., когда дубровницкий каноник Матвей сообщил в г. Баре решение папы о подчинении Бара дубровницкому архиепископу, горожане с возмущением закричали: «Кто такой папа, нашим папой является господин наш, король Урош» [136]. Вскоре после этого в Зете появляется, как наместник сербского короля, отстраненный от престола король Владислав. Затем, как наместники, последовательно сменяя друг друга, Зетой управляли королева Елена, Ст. Дечанский, Константин и Ст. Душан [137]. Эти данные дают основание думать, что к 50-м годам XIII в. потомки Вукана были окончательно отстранены от власти. Известно, что у Вукана, кроме сына Георгия, были еще сыновья — Стефан и Дмитрий.

Средний сын Вукана — Стефан известен как основатель монастыря Морачи в 1252 г.[138] А его младший сын Дмитрий, который известен как жупан, был вынужден под именем Давида постричься в монахи [139].

[134] «Historija naroda Jugoslavije», t. I, стр. 356.
[135] *Ив. Божић.* О положају. . ., стр. 114.
[136] «. . . quid est papa, dominus noster rex Urossius est nobis papa» (*Ив. Божић.* О положају. . ., стр. 115.
[137] «Historija naroda Jugoslavije», t. I, str. 356.
[138] *Ив. Божић.* О положају. . ., стр. 113.
[139] «Nouerint universi presentes et futuri, quod cum nos veteranus David, olim nominatus jubanus Dimitrius filius quondam preclare

Давая общую оценку приведенным фактам, можно предполагать, что процесс включения Зеты и Холма в состав единого государства нельзя рассматривать как механическое присоединение этих областей к Сербскому государству. Этот процесс был связан с длительной и болезненной перестройкой как общественных, так и политических отношений, сложившихся до этого в областях.

Решающим условием окончательного слияния этих областей с другими частями государства было не устранение побочных правящих династий, как это считает Ив. Божич, а постепенное изменение тех внутренних специфических общественных различий, которые явились основой для существования в указанных областях побочных династий. Как нам кажется, одной из своеобразных особенностей этих областей была специфическая организация феодальной знати, которая по своему характеру была очень сходна с организацией феодальной знати в Боснии. В свою очередь, такая организация знати служила основой для сохранения в областях института жупанов. Поэтому постепенная перестройка института жупанов и его окончательное исчезновение является своеобразным показателем, отражающим процесс перестройки организации самой феодальной знати в данных областях.

В этой связи, как нам кажется, не случаен тот факт, что с исчезновением с политической арены последнего сына Вукана — жупана Дмитрия в районах Зеты прекращаются всякие упоминания о жупанах вплоть до появления там Балшичей. Но сущность этих жупанов была уже иной.

Первые, наиболее достоверные сведения об организации местного управления в Зете относятся только ко второму десятилетию XIV в.

4 ноября 1318 г. сербский король Милутин послал за святодмитровским доходом в Дубровник скадрского епископа из Котора и зетского князя Илью [140]. 23 октября 1321 г. в связи с болезнью скадрского епископа Петра в Дубровник за деньгами поехал тот же «знатный и могу-

memorie magnifici comitis Vulchi. . .» («Споменици српски», Изд. К. Јиречек, стр. 26).

[140] «Venerabilis vir d. Stephanus, dei gratia cipiscopus Scutari et nobilis vir d. Elia, comes de Centa» («Monumenta Ragusina. . .», t. II, str. 316); *М. Динић.* Дубровачки трибути, стр. 227.

щественный муж кефалия Илья» и племянник епископа Петра — поп Стефан [141]. В данном случае Илья называется уже не князем, а просто кефалией, то есть королевским чиновником.

В 1320 г. Милутин послал в Дубровник «юепископа скьдрскаго и кнеза Дабижива да им дате доходкь на Дмитров днь. . .» [142]. 15 марта 1319 г. Милутин, находясь в городе Котор, подтвердил католическому монастырю Богородицы около Бара ряд владений, которые ему пожаловала его мать королева Елена. Из грамоты видно, что подтверждение сделано после смерти королевы (она умерла где-то около 1314 г.). При составлении документа присутствовали: «архиѣпискоупь Барьски Маринь, и казнаць Мирославь, и юпискоупь хльмьскье Иоань, и юпискоупь зетьскы Михоиль, и чельникь Бранко, Дѣдь Мирославь, жоупань Владиславь, юпискоупь которьскыы Доумоуна и два свѣдока Драго и Павель» [143]. В общей иммунитетной формуле переданные владения освобождались «одь вьсѣхь работь господьствоуюштихь, великыхь и малыхь, и оть сильныхь оу области кралевьства ми. . .» [144]. Такой пестрый и неоднородный перечень чиновников и смешанный состав духовенства, принадлежавшего к разным церквам (православной, католической и «боснийской»), который встречается в рассмотренных грамотах, дает основание предполагать о неустойчивости, а возможно, и о наличии переходной стадии в организации местного административного управления в Зете. К сожалению, ничего более определенного наши источники не позволяют установить.

Из грамот около 1326 и около 1336 гг. и из жития короля Стефана Дечанского, составленного Данилом, которые были подробнее рассмотрены в главе II, можно понять, что в Зете в начале 20-х годов наместником был Ст. Дечанский, а в районе Црмницы управлял казнац Дмитрий. Кроме того, в Црмнице, в которой насчитывалось не более 10—12 сел, к данному времени уже было пожаловано не менее 7 сел. Основным владельцем этих сел был монастырь св. Николая Вранинского. Одно из них. село

[141] «Nobilis et potens vir d. Jlia cefalia» («Споменици српски», Изд. К. Јиречек, стр. 24—25).
[142] *Љ. Стојановић*. Старе. . ., т. I, ч. 1, стр. 39.
[143] «Законски споменици. . .», стр. 605.
[144] Там же.

Брчелы, до передачи его монастырю принадлежало казнацу Дмитрию, как держание за его службу.

Весь рассмотренный материал показывает, что на территории Зеты с конца XII до середины XIII в. институт жупанов прослеживается очень слабо. В этот период встречается только одно очень неопределенное упоминание о жупане, которое относится к 1252 г. и связано с именем последнего сына Вукана — жупана Дмитрия, под именем Давида постригшегося в монахи. С середины XIII — до 30-х годов XIV в. также нет прямых упоминаний об институте жупанов. Весь последующий материал, начиная с 30-х годов XIV в. и вплоть до 60-х годов XIV в., не содержит даже намеков на наличие института жупанов в районах Зеты. Более того, наметившаяся в начале 20-х годов XIV в. в Зете тенденция замены сербских названий для обозначения органов местного управления византийскими, к концу 40-х годов XIV в. стала господствующей. Ст. Душан, подчиняя грамотой от 29 апреля 1348 г. церкви св. Архангелов в Иерусалиме монастырь св. Николая Вранинского со всеми его владениями (основные из них находились в Зете), повелевал: «...и тѣмь всѣмь никто да нѣсть областьнь, ни кепалиꙗ, ни властелинь, ни инь кто либо владоуштии оу земли краевства ми. . .» [145]. Следовательно, в этой общей формуле для обозначения чиновников употреблен только один термин «кефалия». В грамоте от 2 мая 1355 г. Ст. Душана Хиландарю этот факт выражен еще рельефнее. Хиландарские монахи пожаловались ему, что в ряде их владений в Зете бесчинствуют светские феодалы [146]. Ст. Душан распорядился послать туда судью, выбрать 12 «старьць добрихь чловекь» и вновь восстановить старые межи. Если же межи будут нарушены и кто-либо «се нагꙙе маль и великь и име пасти посилиемь, всакы настоѥштїи кефалиꙗ да оузметь на немь — Т — овновь за то, и да не ни соуда ни пре» [147]. Из этих строк ясно, что под малыми и великими властелями подразумевались феодальные собственники, а под кефалией — поставленный в этих районах чиновник, которому давалось право штрафовать всех нарушителей без всякого суда. Рассмотренные данные дают основание счи-

[145] Там же, стр. 707.
[146] Там же, стр. 429.
[147] Там же, стр. 430.

тать, что в районах Зеты в конце 40-х гг. кефалии прочно вошли в систему местного управления.

В 1356—1357 гг. в пределах Бояны, как управитель этих областей, упоминается некий властелин Жарко [148], а в 1360 г. там были уже братья Балшичи — Страцимир, Юрий и Балша [149]. Как господа Зеты, они впервые упомянуты в грамоте 1360 г., в которой царь Урош разрешал дубровчанам свободно торговать на территории всего государства [150]. В это время, по мнению К. Иречека, Балшичам подчинялись города Бар, Будва и, возможно, Скадар. О происхождении Балшичей известно очень мало. М. Орбини утверждал, что братья Балшичи были выскочками (скоројевићи), так как их отец, по имени Балша, был бедным властелином, который при царе Ст. Душане имел только одно село [151]. Известно, что Балшичи в 1361 г. стали гражданами Дубровника, а в 1362 г. — гражданами Венеции. С именем Балшичей связан новый период в истории Зеты.

Но из всей истории Балшичей нас больше всего интересует тот факт, что в некоторых документах они названы жупанами. Правда, под таким термином они значились в иностранных документах — папских письмах. Другие источники их никогда не называли жупанами. Папа Урбан V в 1368 г. направил послание, адресованное «Nobilibus viris Strazimiro et Georgio ac Balse fratribus Zupanis Zente» [152]. В 1370 г. им было направлено еще одно аналогичное письмо, где Балшичи также назывались жупанами Зеты [153].

Из истории Зеты хорошо известно, что Балшичи в 60—70-х годах XIV в. вели непрерывные войны с князем Воиславом, затем с жупаном Николой Алтомановичем. В начале 1373 г. они отобрали у Алтомановича районы Требинье, Конавли и Драчевица. В результате Балшичи завладели довольно обширной территорией, которой упра-

[148] «Sarchus, baro domini regis Raxie» («Споменици српски, Изд. К. Јуречек, стр. 13; *он же*. Историја Срба, т. I, стр. 243).
[149] Там же, стр. 243.
[150] «А гредоу или на Зетоу на Балшикь, а или на дрьжавоу кнеза Воислава и оу землю царьства ми» («Законски споменици. . .», стр. 132).
[151] *К. Јиречек*. Историја Срба, т. 1, стр. 243.
[152] *A. Theiner*. Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia, t. II. Romae, 1862, p. 86.
[153] Там же, стр. 103.

вляли с помощью подчиненных им чиновников, в большинстве случаев называвшихся кефалиями. Известно, что в 1361—1364 гг. в городе Будве управлял подчинявшийся Балшичам кастелян Површко (Pourescus) [154]. Из сообщения дубровницкого хрониста Рести известно, что в 1372—1373 гг. против Николы Алтомановича выступили люди Балши — кефалия Радич и Андрей Паштрович [155].

В 1376 г. Радич Юрьевич упоминается как кефалия в районе Конавли, который получил от своего господина Юрия Балшича письменное распоряжение с малой печатью из зеленого воска на право получения от дубровчан святодмитровского дохода [156].

Балша, подтверждая дубровчанам право свободной торговли, в 1379 г. писал: «...и на томь вѣроу мою и моихь властель» [157]. В грамоте 1386 г. он указывал «и да нѣ вашим трьговцамь посилнога дара ни од моега властелина ни од кіепалиіе ни од царинника ни од когаре» [158].

С 1385 г. Балша стал называть себя «дука Драчки», а Юрий с 1386 г. подписывался как «самодержавни гднь Гюргь всеи зетскои и поморскои земли» [159].

У Балшичей был свой большой придворный аппарат, чиновники которого носили византийские титулы. Их грамоты писали логофет Витко [160] или Бутко [161] и дьяк Раич [162]. Ризницей Юрия Балшича управлял протовистиар Филипп, а во главе войска стоял воевода Никола [163].

Таким образом, даже самые общие сведения о Балшичах достаточно наглядно показывают, что как жупаны они не имели ничего общего с тем институтом жупанов, который был в Зете до конца XII в. В данном случае Балшичи выступали как крупные феодальные правители. В их владении находились обширные области. Им подчинялись многие менее крупные феодалы. В распоряжении Балшичей был большой аппарат центрального и местного упра-

[154] *К. Јиречек.* Српски цар Урош, стр. 359, 363, 366.
[155] *Р. Грујић.* Конавли. . ., стр. 12.
[156] *К. Јиречек.* Историја Срба, т. 1, стр. 380.
[157] *Љ. Стојановић.* Старе. . ., т. I, ч. 1, стр. 109.
[158] Там же, стр. 111.
[159] Там же, стр. 109—110.
[160] Там же, стр. 107.
[161] Там же, стр. 111.
[162] Там же, стр. 108.
[163] Там же, стр. 111.

вления, чиновники которых сохраняли византийские титулы, введенные сербскими правителями. А сами Балшичи называли себя самодержавными господами и присваивали себе различные титулы.

Подводя общий итог анализа свидетельств об управлении в Зете, можно заключить, что они не позволяют всесторонне и последовательно рассмотреть организацию местного управления в каждом из ее районов. Но фрагментарные данные все же дают возможность отметить некоторые изменения самого общего характера.

В конце XII в. на территории Зеты продолжали сохраняться органы местного управления (жупаны, сотники, казнацы и судьи), которые были характерны для административной системы Дуклянского государства. В данный период эти органы местного управления признавались как представителями старой зетской династии, так и представителями формировавшейся центральной власти. В силу своеобразного характера общественных отношений и организации местной феодальной знати в Зете до середины XIII в. продолжала удерживаться побочная династия, основателем которой был Вукан — старший сын Ст. Немани. Ее представители называли себя королями и вели политику против центральной власти. Однако представители центральной власти ни при каких обстоятельствах не переставали считать себя верховными суверенами этой области и пытались всеми средствами проводить свою политику и раздавать земли светским и церковным феодалам.

В результате уже к 30-м годам XIII в. удалось парализовать активную деятельность потомков Вукана и подчинить их себе.

Документы дают основание предполагать, что до середины XIII в. в районах Зеты продолжал удерживаться институт жупанов. Но об этом свидетельствует лишь единственное упоминание о жупане Дмитрии, сыне Вукана.

Со второй половины XIII в. до 60-х годов XIV в. никаких прямых упоминаний о сохранении института жупанов в этой области нет. Начиная с 20-х годов XIV в. отсутствие института жупанов в районах Зеты становится более очевидным, так как с этого времени органы местного управления были заменены чиновниками — кефалиями, подчинявшимися наместникам и королю.

Появившиеся в этих районах в 60-х годах XIV в. Балшичи не имели ничего общего, кроме названия, с тем институтом жупанов, который был в районах Зеты, по крайней мере, до конца XII в.

Рашка

Область была тем основным ядром, вокруг которого формировалось новое государство. Этот процесс отражен в большинстве сохранившихся документов и не вызывает особых сомнений.

В соответствующем разделе гл. II мы уже отмечали, что процесс феодализации на территории Рашки проходил значительно активнее, чем в северо-западных областях — Требинье, Холм, Приморье и Зета. Основные пожалования на территории Рашки имели место с конца XII до середины XIII в. Но при этом следует иметь в виду, что политика феодальных пожалований не являлась начальным периодом генезиса феодализма в Сербии, а скорее отражала период его расцвета, когда центральная власть всеми имевшимися у нее средствами активно содействовала росту феодальных хозяйств. Это способствовало тому, что на территории Рашки значительно быстрее формировались хозяйства феодального типа, образование которых, в свою очередь, вносило изменение в формы местного административного управления. На территории большинства районов Рашки уже к середине XIII в. имелись владения многих светских и церковных феодалов, которые располагали разными экономическими и судебно-административными правами, что безусловно не могло не влиять на формы местного административного управления. Поэтому вполне естественно предполагать, что более быстрое развитие феодальных отношений должно было неизбежно вызывать и более быструю перестройку старой системы местного административного управления в данной области.

На наш взгляд, документы вполне подтверждают это общее положение. Однако в данном разделе мы не сможем рассмотреть этот сложный вопрос в полном его объеме и коснемся лишь тех его сторон, которые имеют прямое отношение к нашей теме. В предшествующих разделах мы видели, что в некоторых документах в первые годы правления Ст. Немани упомянуты не только жупаны, но и сотники, которые действовали по его распоряжениям. Это

дает основание предполагать, что в первые годы существования государства еще продолжали сохраняться какие-то остатки старой формы управления. На это указывает договор от 27 сентября 1186 г. великого жупана Немани и его брата Мирослава с Дубровником. Из договора видно, что в это время в Дубровник пришел жупан Неудал («Neudalus iupanus») из владений («ex parte») великого жупана Немани и его братьев — князя Страцимира и князя Мирослава, и заключил мирный договор [164]. Из текста договора трудно судить о должности, которую занимал жупан Неудал в управлении. Также невозможно назвать район, которым он управлял. Не исключено, что жупан Неудал мог быть из числа придворной свиты Ст. Немани, поскольку он был послом великого жупана, который мог поручить такое ответственное дело только одному из наиболее приближенных лиц. Весь последующий актовый материал не содержит никаких упоминаний об институте жупанов в Рашке. В связи с этим возникает вопрос: чем же следует объяснять это интересное явление?

Источники не позволяют дать прямого и исчерпывающего ответа на этот вопрос. Но, учитывая факты, которые были отмечены раньше, можно предположить, что в Рашке, где процесс перехода к развитой системе феодальных отношений протекал значительно интенсивнее, чем в других областях, уже к 20-м гг. XIII в. произошли значительные перемены в положении института жупанов. Не исключено, что к этому времени институт жупанов в Рашке был постепенно заменен другими органами местного управления. Поэтому документы, отражавшие точку зрения центральной власти на формировавшуюся систему управления в Рашке, среди органов власти не называют жупанов, поскольку этот институт противоречил новым условиям и был ликвидирован.

Чтобы проверить это предположение, мы попытаемся с помощью метода «экс силенцио» рассмотреть хотя бы часть имеющегося в нашем распоряжении материала, который характеризует эволюцию местного администра-

[164] «Законски споменици. . .», стр. 132. Следует отметить, что с сербской стороны договор был подписан только Ст. Неманей и Мирославом. Подписи князя Страцимира на договоре нет.

тивного управления на территории Рашки. В этом отношении особенно показательна грамота 1220 г. первой сербской архиепископии, располагавшейся в тот период в монастыре Жича. В грамоте отражено не только формирование феодального хозяйства архиепископии и ее епархии, но и зафиксированы общие нормы взаимоотношений основных классов и сословий с церковью и с центральной властью на первом этапе организации нового государства. Поэтому грамота по своему значению не только дарственный документ, но и общегосударственный акт, в котором впервые зафиксированы нормы взаимоотношений, какие установились к данному периоду. Та часть пожалований, которая предназначена «на крьму и на одѣѩние слоужештимь светомоу храмоу семоу», по своему характеру была монастырской вотчиной. Она состояла из 57 сел и заселков, разбросанных в разных областях государства. Но подавляющее большинство владений (46 сел) находилось в районах Рашки [165].

Наряду с верховной церковной властью, которую осуществляла архиепископия на территории всего государства, она имела свою особую епархию, состоявшую из 10 районов, которые назывались жупами [166]. С населения этих районов в пользу архиепископии собирали церковные поборы, а с попов — налоги.

В епархии епископий входили другие районы. Все церковные поборы с населения и попов шли в пользу епископа, который, в свою очередь, половину из этих доходов передавал не архиепископу, а придворному королевскому протопопу, за исключением «верховины» [167].

Однако не все епископы передавали половину доходов «протопопу дворскому». Например, епископ, в епархию которого входили жупы Ельшаница, Пнука и оба Ибра, с указанных районов не давал доходов «дворскому протопопу» [168]. В свою очередь, епископы, в епархии которых

[165] *Г. Шкриванић.* Жичко епархиско властелинство. «Историски часопис», књ. IV (1952—1953). Београд, 1954, стр. 148.
[166] «Законски споменици. . .», стр. 572.
[167] «А инѣмь пискоупиѩмь ке се дошли жоупе, да оузима протопопа дворски половиноу бири поповьске, а ѥре ѥ врьховина попомь да одь того не оуземле протопопа честы, нь вьсе то пискоупь да оуземле». («Законски споменици. . .», стр. 573).
[168] Там же.

были пожалованы владения крупным монастырям, не имели никакого отношения к этим владениям [169].

В грамоте 1220 г. отсутствуют свидетельства об организации административного управления на территории всего государства. Но изложенные там нормы церковного права все же позволяют составить некоторые представления о взаимоотношениях церковных и государственных властей с представителями разных классов и слоев сербского общества в тот период. В частности, об этом свидетельствует порядок взимания штрафа («ослухе») за нарушение брачных отношений. Штрафы с властелей и воинов, то есть с разных слоев феодального класса, уплачивались не епископу (или архиепископу), а «господствующему». Штрафы с простых людей, живших в пределах епархии архиепископа, шли в пользу архиепископа, а на территории епископии — делились между епископом и «господствующим» [170]. В одном случае можно определенно установить, что под «господствующим» подразумевался король [171]. Но, учитывая сложившуюся к этому времени систему феодальных отношений с наличием крупных феодальных владений, имевших достаточно полный иммунитет, можно предполагать, что обобщенное понятие «господствующий» было значительно шире понятия королевской власти и включало в себя понятие других органов государственного управления и феодальных собственников, имевших определенные иммунитетные привилегии. Например, сама архиепископия являлась «господствующим» по отношению к переданным ей в феодальное владение селам.

Об этом может отчасти свидетельствовать и схема получения штрафов, изложенная в грамоте. Во-первых, в гра-

[169] «Законски споменици. . .», стр. 573.

[170] «На властелѣхь же и на конницѣхь да оуземлють на нихь ослоухе господствоующти, а ѥже соуть оубози, на нихьже оуземаю по-В-воли, то гдѣ обрѣтають се оу жоупахь, ке соу подь областью архиѥпискоупиѥ, да оуземлеть архиѥпискоупиꙗ, а подь областью инѣхь ѥпискоупиѥ и аште обрѣштеть се такови, то да оузима ѥпискоупиꙗ ѥднь воль, а дроуги да оузима господьствоуюшти» («Законски споменици. . .», стр. 574).

[171] «Аште ликтори боудеть оть властель да оуземлеть се на немь кралю-S-конь, аще ли оть иныхь воиникь, да оузимаеть се на немь по-В-кона; аште ли оть оубогихь люди створитьсе, да оузимаеть се на них по-В-воли» («Законски споменици. . .», стр. 574).

моте особо подчеркивается, что за властелями сохранялось право уплачивать штрафы только королю. Этим как бы подчеркивалось, что церковные феодалы не могли иметь более широких прав, чем феодалы светские. С другой стороны, в отношении уплаты штрафов воинами и крестьянами не сделана такая особая оговорка. Это дает основание думать, что они могли уплачивать штрафы любому «господствующему», который был их сюзереном. Таким образом, король был «господствующим» по отношению к властелям, а властели, в свою очередь, были «господствующими» по отношению к воинам. Кроме того, разделение штрафов с крестьян между епископом и «господствующим» говорит о других принципах организации взаимоотношений между феодалами и крестьянством, в отличие от принципов зависимости между представителями феодального сословия.

Таким образом, отраженная в грамоте система классовых и сословных взаимоотношений вполне соответствовала системе развитых феодальных отношений в обществе. Но при этом обращает на себя внимание тот факт, что в этой системе не остается места для института жупанов, на который раньше возлагались обязанности сбора налогов и контроля за соблюдением всех норм существовавшего права. И если вспомнить то сопротивление, которое встречала церковная организация и всеми средствами поддерживавшая ее центральная власть в районах Холма, где наиболее прочно продолжал удерживаться институт жупанов, то этот факт еще нагляднее подчеркивает различие этих принципов в организации управления. Однако отсутствие в документах упоминаний об институте жупанов в Рашке вызывает вполне закономерный вопрос: какие же органы местного управления заняли его место? Ведь рассмотренный выше материал нас мало удовлетворяет, так как он скорее характеризует классовые и сословные взаимоотношения и организацию церковной власти и лишь отчасти органы государственного управления. В данном случае нужно прямо указать, что на поставленный вопрос невозможно дать исчерпывающего ответа, поскольку источники, несмотря на их относительную многочисленность, не позволяют проследить последовательности формирования и развития органов местного управления. Этот вопрос до сих пор остается неразработанным.

При ознакомлении с грамотами, относящимися к районам Рашки до 40-х годов XIV в., прежде всего бросается в глаза отсутствие упоминаний об органах местного управления в иммунитетных формулах, которые при пожаловании запрещают различным чиновникам входить на территорию владений монастыря. В то же время в документах, касающихся районов Македонии, такие упоминания встречаются почти во всех актах. Из общего числа грамот до середины 40-х годов XIV в. можно выделить те, в которых ясно прослеживаются довольно крупные пожалования на территории Рашки: грамота (около 1220 г.) жичской архиепископии [172], общий хрисовул (1302—1309 гг.) Хиландарю [173], святостефанский хрисовул (1313—1318 гг.) [174], грамота (1321 г.) монастырю Грачанице (липлянской епископии) [175], грамота (1327 г.) монастырю Хиландарю [176], дечанский хрисовул (1330 г.) [177] и т. д. В иммунитетных формулах этих грамот названия чиновников умалчиваются. Для того чтобы не нарушать установившейся традиции, в местах, где должно следовать перечисление чиновников, как правило, вставлено самое общее выражение или вообще ничего, хотя это и нарушало установившуюся структуру иммунитетной формулы.

Для большей убедительности отсутствия института жупанов на территории Рашки рассмотрим сохранившиеся фрагментарные свидетельства источников об органах управления в различных ее районах.

Одно из наиболее ранних, но, правда, не типичных для районов Рашки свидетельств об органах местной власти встречается в грамоте 1280 г. Из нее видно, что в районе города Брскова, который в 30-х годах XIV в. будет обозначен термином «жупа», управлял князь Фрейберг, глава немецких переселенцев, занимавшихся добычей и обработкой руды [178]. Кроме того, в гл. II данной работы мы уже отмечали, что в 1253—1254 гг. в пределах Брскова было пожаловано 5 сел; причем некоторые из них

[172] «Законски споменици. . .», стр. 571.
[173] Там же, стр. 393.
[174] Там же, стр. 622.
[175] Там же, стр. 633.
[176] Там же, стр. 397.
[177] Там же, стр. 646—655.
[178] *А. Соловјев.* Пребегар у Брскову. «Југословенски историски часопис», III, св. I—IV, 1937, стр. 274.

до этого находились во владении менее крупных феодалов. Позднее эти владения были переданы Хиландарю. В 1300 г. Дечанскому монастырю в этом же районе был подчинен небогатый феодал со своим селом. Таким образом, в районе Брскова прослеживаются не только феодальные владения с разными иммунитетными правами, но и самоуправлявшаяся организация немецких колонистов. И в то же время никаких упоминаний о жупанах в этом районе не встречается.

Следующее свидетельство в грамоте 1302—1309 гг. относится к району Хвостно. В этом районе среди других пожалований Хиландарю было передано и пастбище Лабичево, межи которому установил севаст Обрад Маньяк[179]. Следовательно, в районе Хвостно в начале XIV в. местные чиновники назывались уже византийскими терминами.

Из грамоты 1327 г. этому же монастырю известно, что в районе Хвостно располагалось село Косорочи, которое принадлежало тепчии Хардомилу и его сыновьям. Для определения границ этого села был послан пристав, который собрал 12 старых жителей («стариникь жоупліань») и с их помощью восстановил старые межи[180]. В данном случае вновь намечается обычная схема развитых феодальных отношений. Два феодальных собственника спорят между собой по поводу границ их соседних владений. Для разрешения спора они обращаются к королю, который посылает своего представителя — пристава. Пристав для установления границ собирает 12 старых жителей, которые живут на территории, находившейся под управлением государственной администрации. В схеме этих взаимоотношений также не остается места для института жупанов.

Позднее, в 1348 г., село Косоричи было передано Хиландарю. Оно освобождалось от всех налогов, и всем чиновникам, которые управляли в этих районах, запрещалось входить на территорию села: «И томоу да не забави ни кефалиꙗ, ни кнезь, ни сѣвасть, ни владоушти вь земли царства ми. . .»[181]. Таким образом, в районе Хвостно на протяжении всего XIV в. упоминаются севаст, тепчия,

[179] «Законски споменици. . .», стр. 394.
[180] Там же, стр. 398.
[181] Там же, стр. 471.

пристав и ряд других чиновников местного управления, носивших как византийское, так и сербское звания. Но среди них ни разу не упомянут жупан.

При передаче владений Дечанскому монастырю в районе Држковины в 1330 г. для установления границ селам были посланы судья Богдан и Порабко [182].

Число таких примеров можно было бы увеличить, но все свидетельства указывают на то, что на территориях Рашки и Хвостно вплоть до середины 40-х годов XIV в. никаких сведений о жупанах не зафиксировано.

Между тем, начиная с середины XIV в., упоминания о жупанах появляются вновь. И любопытно то, что упоминания относятся к южным районам Рашки и соседним с ними районам Македонии, которые до начала XIV в. входили в состав Византийской империи.

Из грамоты 1321 г. Милутина монастырю Грачанице известно, что в южных районах Рашки в начале XIV в. липлянская епископия снова получила села, которые ею были ранее утрачены. Среди возвращенных крестьян упоминаются лица, которые были отобраны по суду у Оливера и Стреза. Кроме того, липлянской епископии были определены границы епархии «по Липл᛭ну и по Мораве, по Топольнице, како было и от искони, и по Вранию и по Славишту и по Злетову и по Морозвиждоу» и все остальные районы, которые захватит король «оть области грьчьски. . .» [183]. Таким образом, в состав липлянской епархии входили часть районов южной Рашки и соседних с ними районов Македонии, которые с севера граничили с районом Врани. Из недатированной грамоты Ст. Душана Хиландарю узнаем, что в районе Врани располагались владения жупана Малюшата. Известно, что Малюшат был сыном князя Балдуина. Жупан Малюшат передавал монастырю села Верхние и Нижние Врани, Собину и катун влахов в 39 человек. Все эти владения располагались в районе Врани, недалеко от границы с Македонией. Передавая монастырю владения, жупан Малюшат и хиландарский игумен Арсений с монахами установили меропхам и влахам нормы работ и повинностей. В данном случае нас интересует отношение жупана Малюшата к передаваемым монастырю владениям. Уже сам факт пожало-

[182] «Законски споменици. . .», стр. 646—647.
[183] Там же, стр. 633—635.

вания сел монастырю заставляет думать, что они являлись баштинными владениями жупана. Более того, есть некоторые основания предполагать, что эти владения находились вне сферы той области, которой мог бы управлять Малюшат как государственный чиновник. Об этом свидетельствуют следующие факты. При определении границ села Собины было указано, что у этого села должны оставаться старые межи «што соу дрьжали при казньци Мирославє и на чемь ихь ѥ Коузма теп'чи засталь кьди ѥ Вране прѣѥль»[184]. Следовательно, еще раньше даты составления грамоты районом Врани управлял казнац Мирослав, потом его сменил тепчия Кузьма. Далее в грамоте сказано, что при освобождении указанных владений от налогов и повинностей ими не должны владеть «ни кефалиꙗ враниньски, ни севасть, ни кои властелинь оу земли кралевства ми»[185]. Кроме того, из святоархангельского хрисовула 1348—1353 гг. известно, что в районе Врани монастырю были переданы кузнецы Рудл и Смил с землей «на Трьстѣнои, што си ѥ дрьжаль оу родитель царства ми и што моу ѥ оутесаль теп'чи Градиславь и игоумынь царства ми»[186]. Из этой цитаты можно понять, что районом Врани до составления грамоты, в период ее составления и позднее управляли совершенно другие чиновники. Следовательно, располагавшиеся в данном районе владения жупана Малюшата могли быть только баштинными владениями, а сам жупан Малюшат не имел никакого отношения к административному управлению района.

В грамоте 1360 г. монастырю Хиландарю, выданной царем Урошем, встречается еще одно упоминание о жупане Вукославе, владения которого находились в Заструмье. В грамоте говорилось, что «вѣрни и многолюбими властелинь царьства ми жоупань Влькославь» передал монастырю свою баштинную церковь, которую построил с разрешения царя «на своѥѥ баштинѣ подь Петроусомь». Кроме церкви, Вукослав передал Хиландарскому монастырю «одь своѥ баштине» 5 сел с заселками, 20 лошадей и пастуха, 100 овец,

[184] «Законски споменици...», стр. 414. Ст. Новакович датирует грамоту 1334—1346 гг., то есть периодом, когда Ст. Душан был королем, А. Соловьев указывает 1343—1345 гг. («Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», књ. VII. Београд, 1927, стр. 109).
[185] Законски споменици...», стр. 415.
[186] Там же, стр. 694.

упряжку (зевгарь) волов и 30 свиней. Причем одно из этих сел жупан Вукослав еще раньше отдал монахине — матери Богдана, поэтому оно должно было оставаться у монахини до ее смерти и только после этого окончательно отойти к монастырю. В грамоте особо оговаривалось, что после смерти жупана Вукослава никто «одь синовь а или оть рода Влькослалѧ» не имел права владеть переданными владениями [187].

Из этой грамоты видно, что речь шла о баштинных владениях жупана Вукослава, которые он по своей воле раздавал как частным лицам, так и монастырям. Наряду с земельными владениями, жупан располагал, судя по числу жалуемого скота, большими стадами. Не может быть сомнений и в том, что баштинные владения и большие стада скота были приобретены жупаном только лишь после захвата этих территорий у Византии. Но, с другой стороны, на основании приведенных данных мы по-прежнему ничего не можем сказать о размерах области, которой мог бы управлять жупан Вукослав как чиновник административного аппарата.

Несколько определеннее намечается схема распределения «областей» и «держав» на территории Рашки в 50—60-х гг. XIV в. До 1363 г. городом Звечан и прилегавшей к нему жупой, образованной, по всей вероятности, после 1346 г., управлял челник Муса, а городом Брвеник и прилегавшей к нему жупой — князь Воислав. В 1363 г. был осуществлен обмен: челник Муса получил «на дрьжаву» город и жупу Брвеник, а князь Воислав — Звечан. Севернее жупы Брвеник располагались области, которыми управлял князь Лазарь, а западными областями управлял жупан Никола Алтоманович [188].

Заканчивая обзор материала, можно заключить, что его малочисленность и фрагментарность не позволяют последовательно проследить исчезновение института жупанов на территории Рашки. Однако источники периода после 1220 года до 60-х годов XIV в. в отдельных случаях позволили в какой-то степени составить представление о западных (Брсково), южных (Хвостно и Врани), центральных (Звечан и Брвеник) и отчасти о северных районах Рашки.

[187] «Законски споменици...», стр. 437—438.
[188] *К. Јиречек*. Историја Срба, т. I, стр. 250.

Во всех без исключения случаях до середины 40-х годов XIV в. среди упоминавшихся в Рашке органов местной администрации не встречается никаких упоминаний об институте жупанов. Более того, общая схема местного управления и организация феодальных хозяйств исключала возможность существования первоначальных форм института жупанов, которые господствовали в Рашке до конца XII в., а в отдельных областях (Холм и Требинье) удерживались значительно дольше.

После середины 40-х годов XIV в. в южных, пограничных с Македонией, районах Рашки в отдельных случаях вновь начинают встречаться упоминания о жупанах. Но эти жупаны, кроме терминологического сходства, не имеют ничего общего с институтом жупанов более раннего периода.

Македония и соседние области

Первое упоминание о жупанах в Македонии относится ко времени не ранее 30-х годов XIV в. На одной рукописной книге, написанной в 1330 г. неким Станиславом, сохранилась запись, из которой ясно, что эта книга была подарена «ѡбдрьжѧшу хорою злѣтовьсткою жоупаноу Драгославоу» [189]. Из этой записи видно, что Злетовская область, которой управлял жупан Драгослав, обозначена термином «хора», а не «жупа». Из надписи, к сожалению, невозможно точно установить время, когда она была сделана. Следовательно, и время правления жупана не поддается точной датировке. Во всяком случае, это могло быть не раньше 1330 г., то есть того времени, когда была написана книга. Также ничего конкретного нельзя сказать и о личности самого жупана Драгослава, ибо его имя не упоминают другие источники.

Более определенные сведения о жупанах относятся только к 1346 г. В грамоте от мая 1346 г. Ст. Душана монастырю Ватопеду на Афоне, которой подтверждалось право собственности на все его владения и жаловалось новое село Мамонт, принадлежавшее ранее стратиотам Варваринам, записано следующее любопытное запре-

[189] *Й. Иванов.* Сѣверна Македония. Исторически издирвания. София, 1906, стр. 99.

щение: «...жупаны, которые будут в разное время исполнять обязанности кефалий, подчиненные им воины и сборщики налогов, кадастровые чиновники» не имеют права входить во владения, которыми владеет монастырь в районах Стримона, Серра, Солуни, Бера, Каламарии, вблизи Святой Горы [то есть Афона. — *В. Г.*] и в других местах [190]. Из приведенной цитаты видно, что жупан мог выполнять обязанности чиновника — кефалии. Следовательно, термин «жупан» в данном случае отражал не должность чиновника, а что-то иное. В этой связи любопытно отметить, что в грамотах сербских правителей другим монастырям, в которых подтверждались их владения, находившиеся в этих районах, употреблялся, как правило, термин «кефалия», а не «жупан» [191]. В таком понятии термин «жупан» распространялся на самые отдаленные от Сербского государства районы, вплоть до Халкидонского полуострова. Грамота от апреля 1348 г. этому же монастырю, вновь подтверждавшая все прежние владения, в несколько измененной форме повторяла ту же самую запретительную формулу, в которой упоминаются «кефальствующие жупаны» [192].

В конце 40-х годов XIV в. начали появляться упоминания о жупанах в районе Македонии в грамотах на славянском языке. В грамоте 1348—1353 гг. монастырю св. Архангелов у Призрена записано: «И ѥште приложи царство ми црькви царства ми Архаггелу сь хотѣниѥмь любимаго властелина царствоу ми Радослава жоупана село Кльчевишта сь црьковию Светые Богородице и сь засел'комь Брод'цемь, сь винограды, сь овоштиѥмь и сь коупленицами и сь всеми правинами како пише оу христовоулѣ кльчевишт'комь што ѥ записаль родитель царства ми господинь краль» [193].

Указанное в грамоте село Клечевиште находилось в Скопльской области в верховьях р. Радишане. Это село в настоящее время называется Кучевиште и находится

[190] «...οὔτε γάρ κατά καιρούς κεφαλατικεύοντες ζουπάνοι, οὔτε οἱ ὑπ' αὐτούς στρατιῶται, οὔ τε οι τάτοῦ δημοσίου διενεργοῦντες, οὔτε μὴν οἱ ἀπογραφησόμενοι»... («Грчке повељесрпских владара», књ. 1. «Зборник за историји, језик и књижевност САН», књ. VII. Београд, 1936, Изд. А. Соловјев, В. Мошин стр. 80).

[191] Там же, стр. 74, 54, 180.

[192] κεφαλατικεύοντες ζουπάνοι (там же, стр. 144).

[193] «Законски споменици...», стр. 690.

в Скопском срезе, в Кучевиштской общине, насчитывает 210 домов и 1575 жителей[194].

По всей вероятности, указанное село было передано в баштину Радославу еще королем Ст. Дечанским, и по этому поводу была издана особая грамота, которая упоминается в грамоте 1348—1353 гг. Этот факт дает основание думать, что Радослав стал владельцем села и, по-видимому, других владений только в период правления Ст. Дечанского. До этого времени владения в этом районе принадлежали другим лицам. Из текста грамоты можно понять, что владение данным селом связано только с личностью одного Радослава, но оно не было родовым его владением.

Эта особенность феодального землевладения в захваченных у Византии районах существенным образом отличается от специфики феодальных владений холмских жупанов. Их владения, как правило, были родовыми: принадлежали не одному жупану и его семье, но и братьям и другим более отдаленным родственникам. В этой связи возникает вопрос: в каком соотношении находились баштинные владения жупана Радослава с той областью, которой он управлял? Другими словами, существовала ли разница между баштинными владениями Радослава и подвластной ему областью? К сожалению, источники на это не могут дать определенного ответа. Однако, если учесть, что при пожаловании села Клечевишта устанавливали его определенные границы, можно предположить, что такое различие между баштинными владениями Радослава и той областью, которой он мог бы управлять, существовало, так как в противном случае, при определении границ всей области, выделение одного села было бессмысленным.

Следующее свидетельство о жупанах в Македонии связано с именем Вукашина. На одном требнике сохранилась надпись, сделанная около 1350 г.[195]: «. . . при жоупанѣ Влькашинѣ. . . вь дьны благовѥрьнаго цара нашега Стефана и сына моу Оуроша и царице Елене, . . .кьга се отврьже Берь»[196]. Жупан Вукашин в этот период

[194] *Р. Ивановић*. Властелинство. . . «Историски часопис», VIII. Београд, 1959, стр. 236.

[195] Используя некоторые данные надписи и привлекая исследования Т. Флоринского, К. Иречек установил, что эта надпись была сделана в 1350 г. (*К. Јиречек*. Српски цар Урош. . ., стр. 360).

[196] *Љ. Стојановић*. Стари српски записи . . ., I, 1902, стр. 37.

наиболее определенно зафиксирована в двух других надписях 70-х годов XIV в., связанных с именем жупана Гропы, господина и управителя города Охрида.

Одна надпись, составленная на славянском языке и датируемая 1379 г., сохранилась на могиле Остои Раяковича около охридской церкви св. Богородицы. Она гласит, что в октябре 1379 г. умер раб божий Остоя Раякович «сродникь кралѧ Марка, зеть жупана Грѡпе» [204].

Вторая надпись, сделанная годом раньше (1378 г.) на греческом языке, выбита на воротах охридской церкви св. Климента. В ней сказано, что этот храм воздвигнут и расписан на средства и трудом священника Стефана в период правления Охридом «всеблагороднейшего самовластного правителя нашего, великого жупана кир Андрея Гропы. . .» [205] Из этих двух надписей видно, что речь идет об одном и том же лице, «самовластном» господине Охрида Гропе. Но в одном случае он назван просто жупаном, а в другом — великим жупаном. Хронологическая последовательность упоминания этих званий исключает всякие предположения о возможности возведения звания жупан в ранг великого жупана. Поэтому остается возможность только для единственного предположения, что в это время особой разницы между жупаном и великим жупаном не было. В более возвышенной и более торжественной надписи 1378 г., по всей вероятности, в соответствии со стилем было использовано выражение «великий», которое отражало не столько действительное содержание титула, сколько подчеркивалась значимость восхвалявшегося независимого правителя. Но если даже допустить, что Гропа на самом деле называл себя «великим жупаном», то его власть нисколько не меняется. Хорошо известно, что в этот период раздробленности Сербского государства независимые правители повсеместно присваивали себе громкие титулы самодержцев, деспотов, дук, королей и даже императоров. Вполне допустимо, что и Гропа присвоил себе титул великого жупана, но его ближайшие соседи и те, кто ставил памятник с надписью родственнику краля

[204] *Й. Иванов.* Български старини из Македония. София, 1931, стр. 39.

[205] «. . . πανευγενεστυ αυθεντυ ημῶν μεγάλυ ζουπάνυ κυρ Ανδρεα τυ τρωπα. . .» (там же, стр. 42).

Марко, по-прежнему называли Гропу просто жупаном. Следовательно, употребление термина «жупан» свидетельствует лишь о том, что он к концу XIV в. отошел от своего первоначального значения и им обозначали независимых «самовластных» феодальных правителей районов, которые раньше (XIII в.) не знали титула жупан. С другой стороны, этот факт показывает, что термин «жупан» в значении «самовластного» правителя перешагнул границы Сербии и распространился почти по всей территории Балканского полуострова.

Если внимательнее присмотреться к тем источникам, в которых встречается термин «жупан», то можно выделить три разновидности источников.

Во-первых, — надписи, сделанные в тех районах, в которых управляли жупаны. Другими словами, эти источники носят местный характер и составлены они людьми, непосредственно зависевшими от власти жупанов, а возможно, даже по указанию последних.

Во-вторых, — грамоты на греческом языке сербских правителей некоторым афонским монастырям.

В-третьих, — грамоты, написанные по-славянски, сербских правителей сербским монастырям: Хиландарю на Афоне и св. Архангелов у Призрена.

Две последние разновидности источников отражают точку зрения центральной власти и их придворной канцелярии.

Из источников местного значения — надписей — видно, что управители, а позднее и независимые феодальные господа отдельных македонских областей сами или через подчиненных им людей называли себя жупанами, подчеркивая этим, что они являются местными управителями или господами.

В грамотах на славянском языке, выданных сербским монастырям, также идет речь о владениях жупанов, которые находились в районах Скопле и Заструмы. В этих источниках, разных по своему происхождению, указаны конкретные имена жупанов: Драгослав, Вукашин, Радослав, Вукослав, Малюшат и Гропа. Четверо из них бесспорно являлись представителями сербского феодального класса, получившими в управление соответствующие территории после их присоединения к Сербии. Жупаны Малюшат и Гропа не были сербами. Как уже отмечалось выше,

Малюшат был сыном князя Балдуина. Не совсем ясен вопрос о происхождении жупана Гропы [206].

В грамотах на греческом языке свидетельства о жупанах встречаются лишь в общих иммунитетных формулах. Действие этих грамот распространялось лишь на области, захваченные у Византийской империи.

Подводя итог рассмотренному материалу о жупанах в Македонии и прилегавших к ней областях, ранее бывших в составе Византийского государства, можно сделать следующие выводы.

Первое упоминание о жупанах в указанных областях относится к концу 40-х годов XIV в.

Свидетельство 1346 г. связано с мероприятием, которое должно было быть проведено в жизнь. В 1348 г. источники называют конкретные имена жупанов. В 1348—1361 гг. жупаны встречались только в тех районах Македонии, которые были присоединены к Сербскому государству раньше других (районы Призрена, Скопле, Прилепа, Злетова и Заструмы). В конце 70-х годов XIV в. жупаны существовали в районе Охрида.

Уже первые свидетельства говорят о том, что, кроме частных феодальных владений, под управлением жупанов могли быть обширные территории. В отдельных случаях они состояли из нескольких областей. Например, в период правления Ст. Душана под властью жупана Вукашина находились области Прилепа, Призрена и какая-то часть Скопльской области. На основании рассмотренных данных можно предполагать, что кроме областей под управлением жупанов были довольно обширные баштинные владения, которыми они распоряжались как феодальные собственники. Как области, так и баштинные владения по своему происхождению не были исконными владениями их предков, а были получены ими на разных условиях только после присоединения этих областей

[206] К. Иречек пытался отождествить его с одним из албанских властелей, который упомянут в неапольских грамотах под именем «Сгора», но насколько справедливо это отождествление, сделанное на основе лишь общего сходства имен, судить трудно. Во всяком случае из текста надписи видно, что он являлся тестем Остои Раяковича, родственника короля Марко. Следовательно, он был тесно связан с наиболее крупными представителями сербской феодальной знати (*К. Јиречек.* Историја Срба, т. I, стр. 248).

к Сербскому государству. Позднее, в период распада Сербского государства, управители этих областей стали рассматривать себя независимыми феодальными правителями.

* *
*

Первые свидетельства об институте жупанов встречаются в самых ранних дошедших до нас источниках. Однако авторы этих источников уже не застали институт жупанов в его первоначальном виде: к середине IX в. он изменил форму. Если предположить, что в VII—VIII вв. жупаны были единственными представителями власти, то к середине IX в. они уже подчинялись архонтам или князьям, хотя власть жупанов и распространялась на большие области. К середине XII в. жупаны управляли областями или округами, в состав которых входило несколько территориально-географических районов, не всегда обоснованно отождествляемых в историографии с жупами. В этот период в подчинении у жупанов были другие органы местного управления: сотники, казначеи и судьи. Сами жупаны непосредственно подчинялись королю или великому жупану. Выполняя судебные, фискальные и другие функции с помощью подчиненного им аппарата, жупаны собирали с населения налоги, $^{2}/_{3}$ которых передавали представителям центральной власти, а $^{1}/_{3}$ оставляли для своих нужд.

В различных областях, вошедших в состав сложившегося государства Неманичей, институт жупанов эволюционировал неравномерно.

а) В Требинье институт жупанов сохранялся до середины XIII в., пока удерживались потомки Вукана. Со второй половины XIII в., когда там окончательно укрепились наместники сербских королей, местное административное управление области подверглось существенной перестройке. Из числа местных органов управления исчезли сотники, а власть казнацев и судий, насколько это можно предполагать, значительно изменилась. Эти чиновники, наряду с жупанами-воеводами, рассматривались как чиновники наместника центральной власти. Они всегда, как правило, назначались из местной знати, которая еще в 50-х годах XIII в. имела достаточно прочные родственные связи. Под управлением жупана-воеводы, каз-

вхождение этого района в 1326 г. в состав Боснии. Получив естественную возможность развиваться в условиях Боснии, институт жупанов в районе Попово Поле переродился в институт феодальных собственников со своеобразной организацией местной знати, которая сохраняла семейный или родовой принцип владения землей.

В районе Невесинье и соседних с ним районах Загорья институт жупанов был известен еще в XV в. и позднее. До 20-х годов XIV в. жупаны в этих районах подчинялись сербским правителям. С 20-х годов они лавировали между сербскими и боснийскими правителями, сохраняя, таким образом, свою самостоятельность. В 60-х годах, вступив в союз с другими крупными феодалами, они не признавали ничьей зависимости. Но после 70-х годов они постоянно придерживались боснийской ориентации.

В начале XIV в. в этих районах прослеживается две семьи или рода местной феодальной знати. Во главе одной большой группы родственников стоял жупан Познан Пурчич, который удерживался у власти до 20-х годов XIV в. После его перехода на сторону боснийского бана он был захвачен Ст. Душаном в плен, лишен власти и вместе со своей семьей надолго посажен в тюрьму.

Во главе второй семьи стоял Богопенец, родоначальник Санковичей, представители которой стали жупанами в этих районах с 30-х годов XIV в., после устранения от власти Познана Пурчича. К этому периоду жупаны из рода Санковичей владели уже обширными территориями как феодальные собственники. Их владения носили семейный характер. К 60-м годам в состав их входили районы Попово Поле, Невесинье, Дабарско Поле, Трусина, Курила, Слано Поле и другие. Господин этих владений Санко Милтенович продолжал называться жупаном. Но одновременно он имел титул казнаца, который получил от боснийского правителя, и имел большое влияние при дворе бана. В состав его владений входили районы с различной системой местного управления. В одних районах сохранялись жупаны, а в других были кефалии.

В тех районах, где влияние центральной власти было наиболее слабым, до середины XIII в. институт жупанов продолжал сохраняться без существенных изменений, а в районах, где ее влияние было более сильным, наметились определенные изменения. Однако более реши-

тельные действия центральной власти по реорганизации внутренних отношений в этих районах вызвали массовое недовольство местной феодальной знати и, возможно, всего народа и привели к тому, что большинство этих районов отошло от Сербского государства и вошло в состав Боснии, в условиях которой институт жупанов в результате беспрепятственного развития превратился в институт феодальных собственников. Но специфика организации знати продолжала сохраняться.

в) В районах Зеты институт жупанов прослеживается очень слабо. Однако есть некоторые основания предполагать, что в Зете он сохранялся до середины XIII в., пока там удерживались потомки Вукана—сыновья, которые последний раз упоминаются как жупаны, но уже лишенные всякой власти. Анализ сохранившегося материала, характеризующего органы местного управления в Зете после второй половины XIII в., окончательно убеждает, что институт жупанов в его прежних формах был окончательно ликвидирован и заменен другими органами местного управления.

О характере института жупанов в Зете до середины XIII в. из-за отсутствия источников ничего определенного сказать невозможно. В этой связи можно только предполагать, что по своей организации он был сходен с институтом жупанов в Холме и Требинье. Свидетельства о 60—70-х годах XIV в. дают основание утверждать, что появившиеся в это время в Зете жупаны братья Балшичи не имели ничего общего с жупанами раннего периода. Жупанами они названы только в иностранных источниках. По своему положению Балшичи ничем не отличались от жупанов Николы Алтомановича, Санко и жупанов из районов Македонии второй половины XIV в.

г) На территории Рашки очень неопределенные упоминания об институте жупанов встречаются только в 80-е годы XII в. После этого упоминания об институте жупанов на ее территории окончательно исчезают из всех источников. Источники дают вполне достаточное основание утверждать, что на территории Рашки институт жупанов как орган местного управления был исключен из общей системы управления и, по всей вероятности, окончательно ликвидирован уже к 20-м годам XIII в. Единственное упоминание о жупане Малюшате в южных районах Рашки относится к середине 40-х годов XIV в.

и связано с упоминаниями о жупанах соседних районов Македонии того же периода.

д) Жупаны, появившиеся в середине 40-х годов XIV в. в районах Македонии, ни по своему происхождению, ни по социальному положению не имели органической связи с институтом жупанов более раннего периода.

В данной связи можно говорить лишь о преемственности термина «жупан». С 40-х годов XIV в. этим термином чаще всего называли себя крупные феодалы, которые кроме вотчинных владений получали в управление обширные районы и области, захваченные у Византии. С ослаблением центральной власти жупаны стали рассматривать подвластную им территорию как свои вотчинные владения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЖУПА И ИНСТИТУТ ЖУПАНОВ В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА НЕМАНИЧЕЙ

1. Жупа как единица административного деления

Выше мы уже отмечали, что впервые в оригинальных источниках термин «жупа» зафиксирован в грамоте 1220 г. по поводу организации первой сербской архиепископии. Уже это общее положение дает основание предполагать, что здесь термином «жупа» обозначены единицы административного деления формировавшегося государства. Но остается неясным, насколько указанные в грамоте единицы административного деления совпадали с системой административного деления, существовавшей в Рашке до образования государства Неманичей. Другими словами, являлись ли эти единицы в государстве новыми или же представляли собой жупы, возникшие со времени заселения славянами Балканского полуострова, как это трактовалось до сих пор. Поскольку мы не располагаем конкретными фактами, то на время оставляем этот вопрос открытым.

В предшествующих разделах мы видели, что в пределах Македонии и в соседних с ней областях, ранее находившихся в составе Византийской империи, не было таких комплексов, какими обычно в югославской историографии представляли «жупы». Поэтому упоминание на этой территории термина «жупа» уже не вызывает никакого сомнения в том, что им обозначалась единица административного деления. К числу наиболее ранних свидетельств существования на этой территории термина «жупа» относится грамота 1276—1281 гг. короля Драгутина Хиландарскому монастырю, которому передавались села в районе Призрена. В иммунитетной формуле грамоты указано, что подчиненные монастырю люди «оброка

да не даю жюпомь»[1]. Это общее свидетельство само по себе еще не раскрывает всех сторон интересующего нас вопроса, но оно позволяет ориентировочно уточнить период. Сущность понятия, обозначаемого термином «жупа», наиболее отчетливо зафиксирована в грамоте Милутина от 1300 г. монастырю св. Георгия в Скопле. В ней большая область Полог, входившая ранее в состав Византийской империи[2], совершенно определенно называется жупой в смысле административной единицы[3]. Предполагаемый управитель этой области в грамоте определялся как «владальць дрьжещти жоупоу тоу»[4]. В иммунитетной формуле грамоты раскрывается и общая схема новой системы административного управления. Передавая монастырю села, Милутин указывал, что живущих там людей не имеет право судить «ни соудиꙗ градоу, ни соудиꙗ жоупски, ни кнезь жоупски»[5]. Всех этих чиновников король рассматривал как «работникь кралевства ми, посилаемыхь по все времена по жоупах и по градѣхь кралевства ми»[6]. Выражение «по все времена» дает основание предполагать, что изложенная выше система управления установилась уже давно. Из грамоты можно уяснить и еще одну особенность новой системы управления. Под жупой подразумевалась территория, располагавшаяся за пределами города. Судя по всему, «жупский князь» являлся управителем жупы и города, которыми он управлял на правах держания. А сфера власти судей разделялась следующим образом: один судья функционировал в городе, а другой — в жупе, то есть на территории, которая лежала за пределами данного города. Эта особенность системы управления подтверждается и другими фактами данной грамоты. Например, определяя возможные районы расселения переданных монастырю людей, Милутин указывал в грамоте, что эти люди могли жить «оу коѥи любо жоупѣ

[1] «Законски споменици. . .». Београд, 1912, стр. 388.
[2] Говоря о присоединении этой области к Сербскому государству, архиепископ Данило II характеризовал систему административного деления области следующим образом: «прьвѥѥ приѥть оба Полога сь градовы ихь и сь областию» (*Архиепископ Данило.* Животи српских краљева. Београд, 1866, стр. 108).
[3] «И комоу се дасть Жоупа Полож'ка на дрьжавоу милостию кралевства ми» («Законски споменици. . .», стр. 614).
[4] Там же, стр. 614.
[5] Там же, стр. 616.
[6] Там же, стр. 620.

или оу градоу Скопи, или оу коѥмь любо градоу или оу чиѥмь селѣ» [7]. В этой формулировке определены все компоненты общей административной системы: с одной стороны, город и прилегавшая к нему жупа, находившиеся под управлением государственной администрации, а с другой стороны — село феодального собственника.

Отмеченный в гл. II случай замены греческого слова «катепаникий» славянским словом «жупа» при переводе Хиландарского практика 1300 г. лишний раз убеждает в том, что термин «жупа» использован для обозначения административной единицы безотносительно к какому-то определенному территориально-географическому району с постоянным топонимом.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что термин «жупа» к началу XIV в. был более употребим для обозначения административной единицы, нежели территориально-географических районов.

На территории остальных сербских областей аналогичные факты прослеживаются только в документах 20—30-х годов XIV в. До этого периода мы не располагаем конкретными фактами. Однако сохранилось несколько свидетельств общего характера, которые до некоторой степени позволяют хотя бы ориентировочно проследить эволюцию системы территориально-административного деления. Несколько таких свидетельств сохранилось в житиях сербских королей и архиепископов, составленных архиепископом Данилой II.

Рассказывая об отречении Драгутина от престола (1281 г.), архиепископ Данило II в житии Драгутина, написанном около 1320 г., сообщал, что Драгутин просил брата Милутина прибыть «вь мѣсто глаголѣмо Дѣжево вь области жоупы рашькиѣ» [8]. В другом рассказе жития о борьбе Драгутина с феодалами из Браничева (вторая половина 80-х гг. XIII в.) Данило II упоминал, что Милутин и Драгутин встретились «вь дрьжавѣ жоупы расиньскиѥ . . .» [9] Продолжатель Данилы, автор жития Ст. Дечанского (середина 30-х годов XIV в.), писал, что король Милутин дал своему сыну «некоторую часть малоу оть дрьжавы жоупы Боудимьскиѥ идѣже ѥмоу хранити

[7] «Законски споменици. . .», стр. 616.
[8] *Архиепископ Данило.* Животи. . ., стр. 25.
[9] Там же, стр. 115—116.

се»[10]. И наконец, в житии архиепископа Евстафия (род. в 1279 г.) Данило указывал, что Евстафий «бѣ рождениюмь от страны жоупы Боудимльскию. . .»[11]

Здесь обращают на себя внимание следующие факты. Во-первых, в свидетельствах, которые относятся к 80-м гг. XIII в., районы Расины и Раса обозначены термином «жупа». Причем район Расины этим же термином назван и в грамоте 1220 г. Но из предшествующих разделов мы уже видели, что топонимы этих же районов встречаются и в более поздних источниках, но они уже никогда больше не определяются термином «жупа». Более того, в 60-х годах XIV в. район Раса частично или полностью входил в состав жупы Брвеник. С другой стороны, в описании событий 30-х годов XIV в. район города Будимле обозначен термином «жупа». В данной связи обращает на себя внимание то, что район города Будимле, неоднократно упоминающийся в источниках XII—XIII вв., до этого не назывался термином «жупа»[12]. В частности, территория этого района не обозначена термином «жупа» и в грамоте короля Милутина 1313—1314 гг., когда монастырю св. Стефана в Баньской было пожаловано «оу Боудимли село Горажде»[13].

Таким образом, если рассмотренные выше свидетельства житий, написанные современником этих событий, в какой-то мере отражают существо системы административного деления, то, учитывая данные актового материала, можно предполагать следующее.

Независимо от исторического происхождения единиц территориально-административного деления, которые упоминаются в грамоте 1220 г. и которые бесспорно создавались на базе территориально-географических районов, эти районы в качестве административных единиц использовались не позднее чем до 90-х годов XIII в. К началу XIV в. существовавшая ранее сетка территориально-административного деления была разрушена в процессе формирования феодальных хозяйств более развитого типа. Установившаяся к началу XIV в. система феодальных

[10] *Архиепископ Данило.* Животи. . ., стр. 170.
[11] Там же, стр. 293.
[12] *М. Љутовац.* Беране. «Гласник Српског географског друштва», 13. Београд, 1927, стр. 195—204; *К. Јиречек.* Историја Срба, књ. 2. Београд, 1952, стр. 6.
[13] «Законски споменици. . .», стр. 624.

отношений на территории основных областей государства Неманичей требовала иного принципа при выделении единиц административно-территориального деления. С этой точки зрения следует объяснять и тот факт, что первые упоминания о новых принципах административного деления встречаются на территории Македонии и в соседних с ней областях, которые ранее входили в состав Византийской империи. В этих областях, как это уже отмечалось в соответствующем разделе гл. II, прослеживается сравнительно более высокий уровень развития феодальных отношений. Что же касается существа упомянутых в житиях выражений «держава жупы» и «область жупы», то они вполне согласуются с актовым материалом и особенно с рассмотренными выше свидетельствами грамоты 1300 г. Факты пожалования сел на территории жупы Будимле, а также передача части этой жупы на кормление сыну короля говорят о том, что территорией жупы управляли на разных правах («державы» или «области») представители государственной администрации.

Общая структура административного деления на территории всего государства Неманичей начинает наиболее отчетливо прослеживаться только с 20—30-х годов XIV в.

В грамоте от 1326 г. короля Стефана Дечанского дубровчанам указывается, что дубровницкие торговцы могут свободно ходить по всем областям государства. Если же им будет причинен какой-либо ущерб «или оу трьгоу или оу жоупѣ, да имь сплати вьсе жоупа». Если же жупа не уплатит, то ущерб возместит сам король из своих доходов [14]. Но наиболее определенно интересующий нас факт прослеживается в Дечанской грамоте 1330 г. В данной связи важно подчеркнуть, что если в 50—80-х годах XIII в. район Брскова еще не назывался термином «жупа», то в грамоте 1330 г. он обозначен как жупа. Районы Средска, Затрнава и Кострец, которые в XIII в. находились под властью Византии и поэтому не могли функционировать в качестве жуп, в этой же грамоте 1330 г. также определены термином «жупа».

Как известно из грамоты 1348—1353 гг. монастырю св. Архангелов, монастырские люди, жившие в районе Призрена, были расселены «оу градоу или оу жоупѣ», а их личные владения (купленицы или земли, получен-

[14] Там же, стр. 163.

ные в приданое) также могли находиться «оу жоупѣ». При этом монастырские люди освобождались от налогов «оу жоупоу» [15]. Из грамоты 1353 г. тому же монастырю видно, что «люди жоупьсци», виноградники которых располагались на территории монастырских владений, были обязаны уплачивать монастырю определенную плату, а монастырские люди вновь освобождались «от приплате жоупьске» [16].

В этом отношении любопытно свидетельство общей грамоты (около 1348 г.), выданной, по всей вероятности, Ст. Душаном 20 афонским монастырям. Данный пример показывает, что термин «жупа» в значении административной единицы распространился далеко за пределы сербских областей. И, наконец, пример жуп Брвеника и Звечана, которые располагались на территориях прежних жуп, подтверждает, что термин «жупа» использовали в значении административной единицы безотносительно к какому-то одному постоянному географическому району не только в присоединенных областях, но и во внутренних областях Сербского государства.

Особенность этой административной единицы состояла в том, что она подразделялась на две составные части: город и прилегавшую к нему территорию. Право верховной феодальной собственности на эту территорию принадлежало центральной власти, которая сохраняла за собой право передавать всю территорию жупы или по частям в феодальную собственность. Но до такой передачи жупой управляли самые различные чиновники и на разных правах: «державы» или «области». Феодальная сущность этих прав до конца еще не выяснена и исследователями определена по-разному. В условиях развитых феодальных отношений «державы» и «области» а, следовательно, и жупы вряд ли имели постоянные и точно установленные границы. Эти границы, в отличие от географических районов, определялись не правом жившего там населения на определенную территорию, а сферой власти феодального собственника или королевского чиновника. Население в подавляющем большинстве случаев утратило свою прежнюю организацию и находилось в самых различных степенях феодальной зависимости. Поэтому, пере-

[15] «Законски споменици. . .», стр. 683, 690, 698.
[16] Там же, стр. 703—704.

ходя к анализу материала «Законника» Ст. Душана, нужно иметь в виду, что термин «жупа» в этом общем законодательном памятнике употреблен в значении административной единицы, а не географического района, как это интерпретируют многие исследователи.

В «Законнике» 18 статей, в которых упоминается термин «жупа», но часть из них очень специфична и не отвечает на поставленный нами вопрос. Поэтому мы рассмотрим лишь наиболее важные из статей.

Самое общее представление о системе административно-территориального деления государства Неманичей дает ст. 145 «Законника». Из нее видно, что единицами такого деления были земли, города, жупы и края (краишта) [17]. Однако жупа и город являлись основными единицами административного деления, что видно из статьи 60 [18]. Но жупа и город, как правило, были самым тесным образом связаны между собой и представляли одну административную единицу [19].

Однако при характеристике административной системы управления следует учитывать, что сфера административного управления не всегда совпадала со сферой феодального землевладения. К середине XIV в. существовали жупы, на территориях которых располагались владения светских феодалов, царского двора и монастырей. Такие жупы назывались «совместными» — «жоупе смесне» [20]. Над ними не было единого господина. Каждый феодальный собственник являлся господином на своей территории. Он контролировал хозяйственную деятельность зависимых крестьян, взимал причитавшуюся ему часть налогов,

[17] «Повелева царьство ми по всех землѣхь и по градовехь и по жоупах и по краиштах. . .» («Законник царя Ст. Душана 1349 и 1354». Изд. Н. Радојчић. Београд, 1960, стр. 71).

[18] «Царѥ вьсаки да диже коуде камо греде. Градь до жоупе и жоупа до жоупе, и паки жоупа до града» (там же, стр. 54).

[19] «Где се град ѡбори или коула, да га направе граждане тогаси града и жоупа що ѥст тогаси (града)» (там же, стр. 67).

[20] «Где се обретаю жоупе смесне села црьковна и царева и властельска и боудоу смесна села. И не боудоѥ над тѥмзи жоупом еднога господара нь ако боудоу кѣпалїе и соудие цареви коихѣ ѥ поставиль царь да поставе страже по всехь поутехь и кепалиѧмь да предадоу поутеве и да их блюдоу сь стражами да ако се кто гоуси, или оукраде, или се коѥ зло оучини ть час да гредоу кь кѥфалиѧмь. Да имь плакаю ѡт своїѥ коуке, а кефалие страже да ищоу и гоусаре и тати» (там же, стр. 73—74).

выполнял административные и большую часть судебных функций. Права и функции феодалов были не одинаковы. Они определялись формой феодального владения и степенью иммунитетных привилегий. Однако часть судебных функций даже при наличии самого полного иммунитета не входила в компетенцию феодальных собственников и выполнялась судьями, которых назначала центральная власть. Эти судьи упоминаются в ст. 157 «Законника». Из этой же статьи видно, что государственные чиновники-кефалии ведали охраной дорог и выполняли полицейские функции. Наряду с совместными жупами могли быть жупы, на территории которых располагалось только одно село, находившееся в частном феодальном владении [21]. Судя по данной статье, можно предполагать, что существовали также жупы, на территории которых не было ни одного села в частном феодальном владении. Но это не значит, что жившее в этих жупах население было свободным от феодальной зависимости.

В таких условиях могло быть несколько вариантов управления. Во-первых, управление передавалось чиновникам, не имевшим никакого отношения к земельной собственности района. Во-вторых, административные права феодального собственника определялись формой землевладения (держанием или вотчинным правом). Права держателя определялись ст. 142 и ст. 190 «Законника», из которых видно, что жупа передавалась в «державу» как властелям, так и властеличичам: «Властеломь и властеличикем коимь ѥст дало царство ми землю и градове» не следует захватывать села и людей. Если кто из них превысит свои права, данные ему по закону, «да моу се оузме дрьжава» [22]. Следовательно, «держава» в данном случае не могла быть полной вотчинной (баштинной) собственностью. Но этот факт не исключает, что управитель такой «державы» мог иметь в других районах самые обширные феодальные владения. Он получал с населения подчиненной ему территории определенную долю доходов. Например, ст. 190 предоставляла держателю право брать в свою пользу половину собранных по всей жупе желу-

[21] «Ако ли се ѡбрете Едно село оу ѡнози жоупе оу кога любо властелина или ѥст царьства ми или црьковно село или властеличика. . .» («Законник. . .», стр. 57).
[22] Там же, стр. 70, 142.

дей для откорма свиней [23]. Но жупа могла быть передана и в полную феодальную собственность. Это предусматривала ст. 134: если в баштину записывалось село, то логафету за хрисовул следовало уплатить 30 перперов, а если в баштину записывалась жупа, то ему же уплачивалось по 30 перперов с каждого села, а дьяку за писание — 6 перпер [24]. Но на территории «державы» или «области» могло также быть одно или несколько сел, находившихся во владении или держании других менее крупных феодалов. Отношения между крупными и мелкими феодалами, собственниками или управителями определялись правами сюзерена и обязанностями вассала.

Рассмотренный материал показывает, что система административного управления по «Законнику» Ст. Душана строилась, в основном, по двум принципам. В первом случае она базировалась на правах феодальной собственности, когда сфера власти феодального собственника независимо от его феодальных прав (был ли он вотчинником или временным держателем) совпадала со сферой административного управления. Во втором случае административное управление определялось правами чиновника (например, судьи и кефалия), который не имел никакого отношения к феодальной собственности данной жупы; при этом права феодальной собственности и ряд административных и судебных прав распределялись между несколькими феодальными собственниками, имевшими владения на этой территории. Чиновникам передавались лишь те административные права и судебные функции, которые не входили в компетенцию феодальных собственников [25].

Такая особенность административного управления определялась, на наш взгляд, своеобразием организации феодальных хозяйств в средневековой Сербии. На примере монастырских владений мы уже видели, что села и земельные владения монастырей, как правило, были разбросаны

[23] «И ако се оу жоупи жирь роди тога жира цароу половина; а томоу властелиноу чиа е дрьжава половина» (там же, стр. 81, ст. 190).
[24] Там же, стр. 68.
[25] К сожалению, мы не можем рассмотреть всей системы феодального землевладения и базировавшейся на ней системы административного управления, так как эта сложная проблема требует самостоятельной разработки.

по территории всего государства. Отсутствие постоянной столицы, постоянные переезды царского двора и отчасти материал грамоты 1363 г., в которой сохранился список сел жупы Брвеник, позволяют предполагать, что в подобном положении находились владения королевского, а затем царского двора и некоторых крупных феодальных владельцев. Такая разбросанность феодальных владений, по всей вероятности, и вынуждала создавать особые административные единицы, которые передавались в управление или, скорее, под контроль государственным чиновникам — кефалиям.

В связи с этим встает вопрос: что же следует считать критерием для определения границ тех жуп, которые упоминаются в «Законнике»: сферу административной власти или территорию географического района? Нужно признать, что «Законник», несмотря на наличие в нем относительно большого числа статей, в которых отражено состояние жуп, не дает прямого ответа на этот вопрос. Содержание соответствующих статей настолько обще и неопределенно, что позволяет трактовать их как в одном, так и в другом направлении. Именно это обстоятельство и явилось основанием для самых различных суждений и концепций в историографии.

Однако, учитывая рассмотренный в гл. II и III материал различных источников, мы склоняемся к тому мнению, что граница жупы определялась не столько территорией географического района, сколько сферой административной власти.

В ст. 94 говорится, что если властелин убьет себра «оу градоу или оу жоупе или оу катоуноу», то он должен уплатить за это тысячу перперов [26]. Применительно к интересующему нас вопросу трудно судить об отношении властелина к жупе. Однако можно предполагать, что в данном случае речь идет не только о месте, где произошло убийство (в городе, жупе или катуне), но и в какой-то степени указана сфера владения или управления властелина. Эта сторона отношений яснее выступает в ст. 145 и 149. В ст. 145 царь повелевал по всем землям, городам, жупам и краям, чтобы воров и разбойников не было «ни оу

[26] «Законник. . .», стр. 61.

чиѥмь прѣдѣлѣ»[27]. В данном случае речь шла не о географических пределах перечисленных выше единиц, а о сфере административного управления различных чиновников, власть которых распространялась на эти единицы. Следовательно, жупа также являлась «пределом» «чьей-то» власти. Эта сторона вопроса яснее сформулирована в ст. 149 о наказании воров и разбойников. Если вор или разбойник будет пойман с поличным, то «жоупа или села или господари, или властела кои соу над ними» должны передать его царским судьям[28].

Таким образом, из этих статей видно, что жупа являлась «пределом власти» господарей или властелей. Следовательно, ее границы определялись сферой власти указанных выше лиц. Этот факт отчасти подтверждается и ст. 155 «О приселицах», где сказано, что приселица с данного момента отменяется за исключением тех случаев, когда через жупу проезжает великий властелин «стягоноша» или властелин «кои дрьжи дрьжавоу на сє»[29].

Из ст. 75 («О жупе и пастбищах») следует, что скот, независимо от его принадлежности, должен пастись только в пределах данной жупы. Если даже на территории жупы окажется одно село, принадлежащее любому феодальному собственнику, то никто не имеет права запретить пасти скот данного села на территории всей жупы»[30].

Было бы неправильным предполагать, что эта статья регулирует взаимоотношения только между крестьянским населением различных районов или жителями сел внутри одного района. Нам представляется, что в ней регулируются не столько взаимоотношения между крестьянским населением (хотя не следует сбрасывать со счета и эту

[27] «Повелѣва царьство ми по всех землах и по градовѣхь и по жоупах и по крапщах тата и гоусара да нѣсть ни оу чиѥмь прѣдѣлѣ. . .» (там же, стр. 71).

[28] Там же, стр. 72. Право суда и наказания разбойников не входило в компетенцию феодальных собственников и местных властей. Наряду с некоторыми другими делами (о государственной измене и судебным разбирательствам по земельным вопросам) оно передавалось в ведение царских судей. Это положение изложено в ст. 148 «Законника».

[29] Там же, стр. 73.

[30] «Жоупа жоупе да не пасе добитком нища. Аколи се обрьте ѥдно село оу онози жоупе оу кога любо властелина или ѥст царьства ми или црьковно село или властеличика ономьзи селоу никто да не забрани пасти да пасе коуде и жоупа» (там же, стр. 57).

сторону отношений), сколько между феодальными собственниками и управителями соответствующих административных территорий. Если допустить, что граница между жупами определялась только границами территориальных районов, то вряд ли есть основание предполагать, что они могли быть достаточным препятствием (не считая естественных) для выпаса скота тех сел, которые принадлежали феодалам и тем более царскому двору.

Судя по всему, в ст. 75 идет речь о границах сфер власти между управителями жуп и о правах феодальных собственников, у которых на данной территории было только одно село. Как мы видели выше, такие случаи не были единичными. Видимо, эта группа статей определяет следующий порядок пользования пастбищами. В пределах территории, находившейся под управлением чиновника или феодального собственника, получившего жупу на правах «державы» или «области», могли пасти скот не только крестьяне, подчиненные этому лицу, но и крестьяне тех сел, которые были во власти других феодальных собственников, у которых там были относительно небольшие владения. Однако все жившие на территории одной жупы крестьяне и феодалы не имели права пасти свой скот в пределах соседней жупы.

Принимая во внимание ст. 190, в которой предусматривалась передача управителю или держателю жупы половины собранных для откорма свиней желудей, можно думать, что такой управитель или держатель жупы имел право на взимание определенного налога со всех пастбищ. В подобных условиях разграничение пастбищ между жупами было вполне естественным, поскольку оно вызывалось экономическими причинами.

Таким образом, рассмотренный материал «Законника» Ст. Душана нисколько не противоречит рассмотренному ранее материалу других источников. Он вполне согласуется со свидетельствами грамоты 1300 г. монастырю св. Георгия в Скопле. Сопоставляя данные этих двух источников, нетрудно заметить, что в них отражена одинаковая административная структура жупы. Но если учесть, что в районах Македонии до их включения в состав Сербского государства не было деления на жупы, а границы катепаникиев не зависели от права жившего там населения, то можно с достаточной уверенностью

утверждать, что и в «Законнике» Ст. Душана зафиксирована административная структура жупы, границы которой представляли собой сферу власти держателя или чиновника. Границы жупы в этот период определялись, по всей вероятности, экономической структурой располагавшихся там феодальных хозяйств. Сохранившиеся свидетельства, к сожалению, не позволили в полной мере выяснить административную и экономическую структуру жуп в начале XIII в. Но если принять во внимание общую специфику географических районов, где располагались жупы, и крайне слабую роль городов как экономических и административных центров, то можно предположить, что принципы формирования единиц административного деления в начале XIII в. отличались от принципов первой половины XIV в. В какой-то мере это подтверждается и разным числом сел, включавшихся в состав жуп XIII и XIV вв.

Например, если в состав жуп, сформированных в начале XIII в., входило около 20 сел, то жупа Брвеник, созданная в 60-х годах XIV в., насчитывала уже 57 сел, находившихся во владении нескольких феодальных собственников.

В первой половине XIV в. термин «жупа» распространился на ту часть территории, которая простиралась за пределами городской черты. Феодальный собственник или управитель жупы не был единственным административным лицом. Наряду с ним судебную власть вершили царские судьи, которых центральная власть назначала отдельно в город и в жупу. Они рассматривали те дела, которые не входили в компетенцию местного управления, то есть о земле, государственной измене, грабежах и убийствах. Другими словами, в первой половине XIV в. система органов административного управления была значительно сложнее и совершеннее. В целом она соответствовала экономической структуре феодальных хозяйств.

Вполне естественно предположить, что с распадом государства Неманичей в 70-х годах XIV в. была ликвидирована и система административного деления. Об этом свидетельствует и тот факт, что начиная с конца XIV в. термин «жупа» уже не встречается в сербских источниках. Соответствующие районы в отдельных случаях стали называть термином «власть». Однако те районы, которые

вошли в состав Боснийского государства или были владениями далматинских городов, по-прежнему продолжали называться термином «жупа».

2. Основные этапы эволюции института жупанов

Прежде чем приступить к выяснению общей тенденции в эволюции института жупанов и ее характеристике на каждом отдельном этапе, следует подчеркнуть, что источники не позволяют ответить на все возникающие вопросы. Прежде всего мы не можем ответить на вопрос о происхождении данного института и его внутренней организации на самых ранних этапах развития общества (до IX в.).

Недостаточно четко прослеживается его внутренняя организация и в последующие периоды. Как показали рассмотренные в гл. III свидетельства источников, институт жупанов у южных славян зафиксирован в самых ранних источниках VIII—X вв. Однако их слишком общий характер далеко не достаточен, чтобы строить какие-либо предположения о происхождении этого института и о его внутренней организации до IX в. Но из них видно, что к середине IX в. институт жупанов уже утратил племенной характер и превратился в один из органов административного управления раннефеодального государства. Подобный переход, по определению Ф. Энгельса, явился результатом развития классовых отношений, когда органы военной демократии «из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы государства и угнетения, направленные против собственного народа»[31]. Однако было бы неправильно думать, что в IX—XI вв. институт жупанов был свободен от пережитков родо-племенных отношений, которые продолжали сохраняться и в условиях раннефеодального государства. Если учесть, с одной стороны, свидетельство К. Багрянородного о том, что архонты у сербов выбирались из знатных родов и, с другой стороны, сообщение Дуклянской летописи, что баны «были поставлены» из числа своих братьев по крови, а сотники — из родовитых людей, то можно думать, что

[31] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 165).

и жупаны также назначались из числа представителей наиболее видных родов. Выражение Дуклянской летописи «были поставлены» дает основание думать, что эти органы власти получали полномочия не без участия центральной власти. Этот факт подтверждается и сообщением Дуклянской летописи о том, что король Предимир «поставил. . . жупаном в Оногосте» сына рашского жупана.

В раннефеодальном государстве институт жупанов уже не был единственным институтом административного управления.

Судя по данным Дуклянской летописи, в IX—XI вв. жупаны еще не являлись полными феодальными собственниками территорий, которыми они управляли, хотя и получали в свою пользу определенную ($^1/_3$) часть доходов, так как $^2/_3$ собранных с населения доходов передавали в пользу центральной власти.

О распределении доходов по частям свидетельствуют и другие источники: ст. 3 «Закона судного людем» и материал болгарских надписей. Наряду с этим, в раннефеодальном государстве жупанами называли не только управителей административной единицы, но и представителей придворных служб при дворе хорватских правителей (жупан конюший, жупан щитоноша и т. д.). Насколько можно судить по общим свидетельствам источников, институт жупанов был наиболее устойчивым и занимал прочное место в системе административного управления до конца XI—начала XII в.[32]

Свидетельство Анны Комниной (конец XI—начало XII в.) о наличии «главных» жупанов у сербов позволяет предполагать, что к данному периоду термином «жупан» определялись различные чиновники, стоявшие на разных ступенях административной иерархии.

В процессе формирования и развития нового сербского государства Неманичей (конец XII—вторая половина XIV в.), управление которого строилось уже на основе

[32] Возможно, что в Дуклянском государстве первые попытки нарушить существовавшую систему управления относились еще к середине XI в., когда, по свидетельству Дуклянина, сыновья короля Воислава поделили между собой по меньшей мере на 5 частей Диоклю и Травунию, что вызвало недовольство и восстание против них. Однако у исследователей нет достаточной уверенности в полной достоверности данного факта («Historija naroda Jugoslavije», t. I. Zagreb, 1953, str. 256).

развитых феодальных отношений, институт жупанов как основной орган административного управления утратил свое прежнее значение и, судя по всему, стал последовательно вытесняться из общей системы административного управления. Однако этот процесс проходил не во всех областях одновременно. В тех областях (Холм, Требинье, Зета), где относительно дольше удерживалась система раннефеодальных отношений, при которых местная знать сохраняла старые порядки и систему местного управления, институт жупанов без особых изменений продолжал существовать до конца XII—начала XIII в.

В начальный период формирования государства Неманичей (конец XII в.) институт жупанов и институт сотников прослеживается и в районах Рашки. Но к 20-м годам XIII в. ни один из сохранившихся документов уже не упоминает об этих институтах на территории Рашки. Более того, эти институты не упоминаются и в тех источниках, которые характеризуют общую систему административного управления оформлявшегося государства Неманичей.

Наиболее ранними источниками, в которых отражены события первых лет государства Неманичей, являются жития, написанные Ст. Первовенчанным, Саввой, Доментианом и Феодосием [33].

При описании собора против богомильской ереси Ст. Первовенчанный среди участников собора в первую очередь называет представителей духовенства: архиерея, монахов, игумнов и других служителей церкви. О светских властях он говорит кратко. По его словам, Неманя призвал к себе «старьце же и вельмоуже своѥ от мала и до велика. . .» [34]

Доментиан в житии Немани сообщает по этому поводу следующее: «. . . сьбра, и кнезе своѥ оумоудри прѣмоудростию вышьнѣго благодетеля, и старьце своѥ наоучи подо-

[33] Нужно еще раз напомнить, что при описании этих событий Доментиан и Феодосий во многом следовали за Ст. Первовенчанным, поэтому данные Ст. Первовенчанного можно считать определяющими. В описании более позднего периода Феодосий сообщал значительно больше фактического материала и высказывал ряд оригинальных мыслей. У Саввы содержится очень мало конкретных сведений относительно организации управления.

[34] «Pamatky. . .», 1873, str. 6; «Светосавски зборник», књ. 2. Београд, 1939, стр. 28.

бьны ѥмоу быти» [35]. Из этих свидетельств можно понять, что положение вельмож было не одинаковым, так как они подразделялись на малых и великих. Несколько полнее охарактеризована общая схема административного управления в рассказе об отречении Ст. Немани от престола. Ст. Первовенчанный писал: «. . . призвавь к себѣ подроужиѥ своѥ и сыны своѥ и арьхиѥреꙗ своего Калиника рекомаго и приставники дѣломь и кнезе земльли своїе иже надь властьми, воѥводи же и воины» [36].

Савва писал, что Ст. Неманя послал собрать своих благородных детей «и вьсе избраные си болꙗре, малые и великые. . .» [37]

Доментиан, следуя за той мыслью, которая передана у Ст. Первовенчанного, старался развернуть и детализировать схему управления: «. . . онь же сьбравь вьсе власти царьства своего, вельможе великы и малые, десетьникы и петидесетьникы и сьтьникы и тысоуштьникы» [38].

Феодосий еще дальше отступил от первоначальной схемы Ст. Первовенчанного, введя в список чиновников новые должности. «И абиѥ написоуют се оть нѥго повеленїа, и исходеть по вьсеи власти дрьжавы его сьзывающте ипати и воеводы, тысоуштьникы и сьтникы и прочїихь благородныихь в коупѣ же и малыихь сь великыми» [39].

Нетрудно заметить, что Доментиан и Феодосий, писавшие свои труды во второй половине XIII в., для характеристики военных начальников пытались привлечь наиболее распространенную десятичную систему организации войска. Поскольку Ст. Первовенчанный и Савва указывали вельмож и бояр, малых и великих, то Доментиан решил представить их начиная от десятника и кончая тысячником. Феодосий, по всей вероятности, решил, что на соборе могли быть начальники не ниже сотника. Кроме того, Феодосий почему-то наряду с воеводами ввел и звание ипата, которое в переводе с греческого также должно

[35] «Живот св. Симеона и св. Савы, написао Доментиjан». Изд. Ђ. Даничић. Београд, 1865, стр. 22.
[36] «Pamatky. . .», стр. 11; «Светосавски зборник», кн, 2, стр. 39.
[37] *В. Ћоровић*. Списи св. Саве. Београд, 1928, стр. 155.
[38] «Живот св. Симеона. . .», стр. 152.
[39] *Н. Радојчић*. Теодосиjеви погледи на друштвено и државно уређене Србиjе. «Razprave znanstvenoga društva za humanističke vede». N. 9, hist. ods. 2. Ljubljana, 1931, str. 36.

обозначать воеводу [40]. Стремления Доментиана и Феодосия изобразить органы управления в конце XII в. в виде военных начальников, разделявшихся по принципу десятичной системы, как нам кажется, свидетельствуют о том, что в середине XIII в. эти авторы имели довольно слабое представление об организации управления, которая существовала в период правления Немани. Это обстоятельство еще раз наводит на мысль, что в организации управления уже в период правления Немани произошли какие-то перемены, так как Доментиан и Феодосий старались восстановить какую-то иную систему управления по сравнению с той, которая существовала в тот период, когда они писали свои труды. В свою очередь, слишком общая и не совсем определенная схема административного управления, изображенная Ст. Первовенчанным и Саввой, заставляет думать, что к периоду создания их трудов управление государством еще не сложилось окончательно и, по всей вероятности, находилось в процессе формирования. В данном случае нас интересует другой факт, что при перечислении представителей всех властей, которые присутствовали на указанных соборах, не упоминаются жупаны, хотя в предыдущих разделах мы видели, что в некоторых областях государства (Холм, Требинье и Загорье) институт жупанов сохранялся значительно позднее. Поэтому бесспорно, что все эти авторы должны были знать о его существовании. Более того, в описании последующих событий Феодосий совершенно определенно называл жупанов, но при этом он, автор жития Саввы, нисколько не изменял своих взглядов и последовательно придерживался изложенных им выше принципов управления. Феодосий рассказывал, что после того как была учреждена архиепископия в Жиче, архиепископ Савва попросил своего самодержавного брата Стефана прийти в Жичу со своими вельможами и благородными. Ст. Первовенчанный немедленно послал распоряжение всем властям его державы, в котором предписывалось явиться ипатам, воеводам, тысячникам, сотникам и всем малым и великим [41]. Но среди этих «великих и малых» властей в данном случае Феодосий опять не назвал жупанов. Однако не-

[40] «Старе српске биографије». (Пер. М. Башича). Београд, 1924, стр. 106.
[41] Там же, стр. 191.

сколько ниже, где Феодосий приводил произнесенную Саввой на соборе речь, в которой обосновывалась необходимость принятия королевского титула, он писал: «Вот наш Господь Бог молитвами своего святого угодника и честного отца Симеона вас утвердил, умножил и распространил, многие среди вас являются начальниками и властями, ипатами и воеводами, многие являются жупанами малыми и великими» [42]. Поэтому, заключает Савва, не подобает тому, кто управляет вами по изволению бога, называться одним именем. Нетрудно понять, почему в этом случае Феодосий был вынужден среди других властей назвать жупанов. Это ему понадобилось для того, чтобы сопоставить титул великого жупана Ст. Первовенчанного с жупанскими званиями, которые продолжали сохраняться в некоторых областях. При этом нужно указать, что в изложении данных событий Феодосий отступал от исторической действительности, так как Ст. Первовенчанный получил королевский титул через посла папы двумя годами раньше. Возникает вопрос: почему Феодосий и прочие авторы житий при перечислении властей, которые приглашались на собор, последовательно игнорируют институт жупанов, в то время как из других источников хорошо видно, что в некоторых областях институт жупанов продолжал существовать? Только в одном случае, когда это потребовалось для сравнительных целей, Феодосий решился упомянуть жупанов в конце общего списка властей, называя их при этом «великими и малыми».

И, наконец, в житиях архиепископа Данилы и его продолжателей, отражающих события более позднего периода (70-е годы XIII — середина XIV в.), мы также не встречаем упоминаний об институте жупанов как об одном из основных органов административного управления. Но в то же время при описании одного частного факта архиепископ Данило назвал крупного феодала Драгоша жупаном, дочь которого по настоянию короля Милутина была выдана замуж за болгарского царя Шишмана. По свидетельству Данилы, жупан Драгош был одним из наиболее крупных и влиятельных феодалов в начале 90-х годов XIII в.

В источниках середины XIV в. наблюдается аналогичная тенденция: при характеристике общей системы управ-

[42] Там же.

ления институт жупанов не упоминается, но при рассмотрении некоторых конкретных фактов отдельные жупаны упоминаются довольно часто. Но к этому вопросу мы вернемся несколько ниже. В данном случае следует подчеркнуть, что в житийной литературе, несомненно отражающей общую (единую для всего государства) систему административного управления, вполне отчетливо прослеживается последовательная тенденция игнорирования института жупанов как органа административного управления. Это обстоятельство можно было бы поставить под сомнение, учитывая определенную тенденциозность данного вида источников.

Но из рассмотренного материала гл. III видно, что ни в одном другом источнике, в котором как-то отражена система управления в основной области государства Рашке или общегосударственная система управления (грамота 1220 г. и др.), институт жупанов не упомянут. Более того, в общей системе управления для него даже не остается места. В грамотах начала XIII—середины XIV в. (на этот период приходится почти все основное число грамот) упомянуты самые различные органы административного управления, но только не институт жупанов [43].

Тенденция игнорирования института жупанов как органа административного управления нашла свое отражение даже в поздних переработках ранних памятников. Мы уже обращали внимание на наблюдение М. Н. Тихомирова о замене термина «жупан» термином «князь» в гл. 22 «Закона судного людем», в рукописях XIV в. Такое же явление наблюдается и при переработке Дуклянской летописи. В хорватском варианте летописи, который возник в XIV в., слово «жупан» также было заменено словом «князь». Этот факт подтвержден и наблюдениями Н. Радойчича, который занимался сравнением греческого текста «Закона градского» (60—70 годы IX в.) с текстом сербского перевода (сделан около середины XIII в.). Сравнивая тексты, Н. Радойчич обратил внимание, что гре-

[43] В этой связи интересно обратить внимание на тот факт, что сохранилось несравненно меньшее число источников периода X—середины XII в., но даже в этих, порой единичных источниках институт жупанов нашел вполне отчетливое отражение как один из основных органов административного управления.

ческое слово «архонт» сербские переводчики перевели как «властел», «болярин» и «князь». Но они ни в одном случае не заменяли его словом жупан, хотя в ряде случаев термин «жупан» был бы более подходящим [44].

Наконец, отсутствие всяких упоминаний о жупанах в «Законнике» Ст. Душана, на наш взгляд, не оставляет никакого сомнения в том, что рассматриваемый институт в условиях Сербского государства XIII—XIV вв. был постепенно ликвидирован как орган административного управления, поскольку он не мог соответствовать системе развитых феодальных отношений. Прежде всего он исчез в Рашке где-то в самом начале XIII в. В Холме, Требинье и Зете институт жупанов удерживался несколько дольше — до 50—70-х годов XIII в., но с 80-х годов он постепенно начал перестраиваться.

Факт более длительного сохранения института жупанов в этих областях, по всей вероятности, следует объяснять своеобразием организации местной феодальной знати. Но в то же время необходимо учитывать и то обстоятельство, что в условиях Сербского государства институт жупанов в этих областях не получил признания как орган местного управления со стороны центральной власти и последовательно игнорировался во всех частных постановлениях и общих законодательных памятниках.

Этот факт дает основание думать, что со второй половины XIII в. жупаны в Зете, Холме и Требинье утратили свою ведущую роль в местном административном управлении, постепенно превращаясь в феодальных собственников. И лишь только некоторые из них назначались чиновниками (чаще всего воеводами), подчинявшимися наместникам областей или непосредственно центральной власти.

По источникам невозможно проследить конкретные формы организации феодальной знати указанных областей. Однако ее своеобразие подтверждается рядом косвенных фактов: отсутствием прочных пожалований на данной территории до 20-х годов XIV в., сохранением территориальной общности старых районов, наличием относительно устойчивых кровнородственных связей внутри отдельных групп местной знати, которые сообща владели

[44] *Н. Радојчић.* Властел у Закону градском Номоканона св. Саве. «Глас САН», CXCIII. Београд, 1949, стр. 10.

относительно большими территориями, и, наконец, отходом части знати от Сербского государства в 20-х годах XIV в., при попытке центральной власти более энергично вмешаться во внутренние дела этих областей.

Постепенная перестройка и ликвидация института жупанов, как органа административного управления способствовали тому, что термин «жупан» стал постепенно распространяться на крупных феодальных собственников, которые, по всей вероятности, обладали значительными иммунитетными привилегиями и, следовательно, имели определенную автономию управления. Очень незначительная часть этих крупных феодальных собственников (род Санковичей), бесспорно, была органически связана со старым институтом жупанов. Однако большинство упомянутых в источниках второй половины XIV в. жупанов, особенно в районах Македонии, не имело никакой связи с этим институтом. Более того, некоторые жупаны (особенно жупан Малюшат, сын князя Балдуина, и жупан Гропа) даже не были сербами.

Эти факты не оставляют никакого сомнения в том, что в данном случае мы имеем дело не с институтом жупанов как повсеместным органом административного управления, базировавшимся на организации местной феодальной знати (как это было в Хорватии в XIII—XIV вв.), а с отдельными феодальными собственниками. Причем почти все жупаны, упомянутые в источниках второй половины XIV в., представляли собой наиболее крупных феодалов, обладавших определенной автономией управления в своих владениях. Например, жупан Малюшат, передавая монастырю часть своих владений, сам устанавливал нормы крестьянских налогов и отработок. Жупан Доброслав владел Злетовской областью. Причем интересно отметить, что автор надписи называл пределы его владений не жупой, а хорой — землей. Жупан Радослав бесспорно был крупным вотчинником, так как он по своему желанию передавал часть своих владений монастырю. Жупан Вукослав из Заструмья также располагал большими баштинными владениями и распоряжался ими по своему усмотрению. Жупан Гропа, господин г. Охрида, в 70-х годах XIV в. назывался «самовластным правителем». Жупаны Вукашин, Никола Алтоманович и Санковичи, имевшие крупные владения в разных областях, бесспорно, имели самую полную автономию внутреннего

управления, осуществлявшегося посредством хорошо развитого подчиненного им административного аппарата. Эти жупаны еще в период Сербского государства рассматривали себя полными собственниками своих владений. После его распада они стали самостоятельными и неограниченными правителями. Вукашин даже провозгласил себя королем. Эти факты не оставляют никакого сомнения в том, что после окончательной ликвидации института жупанов как органа административного управления термин «жупан» был перенесен на крупных феодальных собственников, обладавших полным иммунитетом. В связи с этим возникает вопрос: в какой период термином «жупан» стали называть крупных феодалов?

Впервые этот факт зафиксирован где-то в 80—90-е годы XIII или в начале XIV в. Это в какой-то степени подтверждается сообщением Данилы II о жупане Драгоше, дочь которого в 90-х годах XIII в. по требованию короля Милутина была выдана замуж за болгарского царя Ив. Шишмана. То обстоятельство, что Данило называет Драгоша «великим жупаном» и что его дочь вышла замуж за болгарского царя, дает основание видеть в Драгоше одного из наиболее крупных и влиятельных феодалов [45]. Вполне возможно, что в конце XIII—начале XIV в. в отдельных случаях «владальць дрьжешти жоупу. . .» мог по традиции называться жупаном. Однако нужно признать, что в источниках данного периода не зафиксировано ни одного подобного случая. Поэтому, если рассматривать соотношение между жупой как административной единицей и сферой власти жупанов второй половины XIV в., то можно сказать, что между ними не прослеживается прямой связи и взаимообусловленности. Жупа как административная единица, лежавшая за пределами города, могла находиться под управлением самых различных чиновников: князей, чельников, кефалий и т. д. И лишь в отдельных случаях ею могли управлять жупаны, когда на них возлагались административные функции. К сожалению, источники не сохранили ни одного

[45] К сожалению, источники не позволяют определить района владений данного жупана. Однако факт выдачи его дочери за болгарского царя наводит на мысль, что владения Драгоша могли находиться где-то по соседству с владениями Ив. Шишмана.

Отдельные отрывочные свидетельства X—XIII вв. с учетом материала более поздних источников XIV в. позволяют наметить лишь самые общие контуры интересующих нас процессов.

Если согласиться с тезисом, предложенным историками середины XIX в., и предположить, что в районах первоначального поселения славянских племен на Балканах в VI—VII вв. действительно сформировались первичные ячейки, представлявшие собой единство географического, этнического, экономического и административного компонентов [46], то, с нашей точки зрения, они не могли оставаться неизменными длительное время. Их быстрому распаду должен был способствовать ряд факторов: этническая пестрота балканских областей, экономическое, политическое, религиозное и культурное влияние развитых для своего периода европейских государств и, наконец, сам процесс поступательного развития славянских народов, выразившийся в формировании феодальных отношений и разделении общества на классы.

Во всяком случае, рассмотренные в работе свидетельства IX—X вв. не содержат прямых указаний на то, что в этот период территория расселения племени совпадала с границами района, который в XIII—XIV вв. назывался термином «жупа».

В областях Хорватского государства в этот период жупания представляла собой единицы административного деления. Этот факт дает некоторые основания предполагать, что в сербских областях X в. жупа функционировала в таком же качестве, но прямых подтверждений этому нет. Сохранившиеся в редакции XVII в. свидетельства Дуклянской летописи из-за их противоречивых показаний, к сожалению, мало помогают в выяснении роли жуп в этот период.

На территории сербского государства Неманичей жупа в качестве административной единицы фиксируется только в 20-х годах XIII в., когда для административных единиц выбирались прежде всего удобные для ведения сельского хозяйства районы, располагавшиеся в речных и горных долинах. Это объясняется прежде всего слабым развитием сербских городов, которые тогда еще не могли пр-

[46] Имеется в виду, что территория расселения племени совпадала с границами географического района.

тендовать на роль экономических и административных центров молодого и экономически слаборазвитого государства. Отсутствие городов как экономических и административных центров, специфический выбор географических районов в качестве административных единиц и структура формировавшихся в их пределах феодальных хозяйств свидетельствуют о феодальных отношениях и об относительной слабости их развития на первых этапах существования государства Неманичей. Подобная структура единиц административного деления уже не могла быть связанной с племенной организацией. Анализ более поздних источников позволяет предполагать, что зафиксированная в 20-х годах XIII в. система административного деления в государстве Неманичей со временем уже не могла соответствовать быстро развивавшимся феодальным отношениям и территориальному расширению государства за счет соседних областей с иной административной структурой и более развитыми городами. Кроме того, этому способствовали изменения в экономической структуре феодальных владений и постепенное возрастание экономической роли сербского города в условиях централизованного государства.

Новая перестройка единиц административного деления, по всей вероятности, началась где-то в конце XIII или начале XIV в., так как зафиксированные в «Законнике» Ст. Душана принципы выделения административных единиц прослеживаются в грамотах начала XIV в. Следующую, наиболее значительную перестройку единиц административного деления, как нам кажется, следует связывать уже с распадом государства Неманичей во второй половине XIV в. В условиях феодальной раздробленности уже не было единых принципов при выделении единиц административного деления. Те районы, которые отошли к Боснии или к далматинским городам, продолжали называться жупами. В пределах владений крупных независимых феодалов, с нашей точки зрения, не было особой необходимости вводить более мелкие единицы административного деления, так как их могли заменить владения мелких феодалов. Поэтому из источников второй половины XIV в. исчезает термин «жупа» и появляется термин «власть». Однако нужно признать, что выделенные нами периоды являются условными и не могут отразить всех случаев и причин перестройки единиц административного деления. С на-

шей точки зрения, перестройки административного управления в разных областях происходили чаще в зависимости от разных потребностей. Но в конечном итоге они были обусловлены изменением экономической структуры феодальных хозяйств на территории ряда районов или всей области в целом. Другими словами, административная система деления рано или поздно приводилась в соответствие с уровнем и спецификой экономического развития страны или отдельной области.

При сравнении основных этапов формирования единиц территориально-административного деления и эволюции института жупанов обращает на себя внимание тот факт, что пути их развития не совпадают между собой.

Уже самые ранние источники IX—X вв. показывают, что в условиях раннефеодальной государственности у южных славян институт жупанов был одним из основных органов местного административного управления, но к IX в. он не был единственным. В источниках данного периода зафиксированы и другие представители власти: князья, воеводы, сотники, казначеи, судьи и т. д. А это говорит о том, что институт жупанов был лишь одним из звеньев в цепи уже развившейся системы раннефеодальной государственности. С другой стороны, эти же источники показывают, что сфера власти известных нам жупанов была значительно шире границ тех районов, которые в XIV в. назывались жупами. Например, в IX в. травунский жупан Белое управлял территорией, на которой размещалось по меньшей мере 9 таких жуп. В данный период жупаны имели право оставлять себе $^1/_3$ собранных с этих территорий доходов с тем условием, если $^2/_3$ будет передано в распоряжение центральной власти. Наряду с этим, в IX—XI вв. термином «жупан» называли и других лиц, которые чаще всего являлись придворными из свиты правителя.

В процессе формирования органов местного управления в сербском государстве Неманичей (конец XII—70-е годы XIV в.), институт жупанов как орган местного управления в основном был упразднен уже где-то в начале XIII в. Но при этом следует учитывать и то обстоятельство, что ликвидация института жупанов протекала неравномерно и не во всех областях одновременно. Например, в Холме, Требинье и Зете некоторые жупаны удержи-

вались до 80-х годов XIII в., а в отдельных районах этих областей, которые вышли из состава государства Неманичей, институт жупанов продолжал удерживаться вплоть до XV в.

Что же касается жупанов конца 40—70-х годов XIV в., то их, с нашей точки зрения, было бы неправильным причислять к институту жупанов в том смысле, как он понимался до конца XII в.

Таким образом, если принять во внимание специфику эволюции органов местного управления на территории Холмской и Требиньской областей, которые до 20-х годов XIV в. были сравнительно слабо связаны с общей системой органов местного управления, функционировавшей на территории всего государства Неманичей, а с 20-х годов XIV в. оказались под воздействием боснийской государственной системы, то следует считать, что институт жупанов как орган местного управления в областях, входивших в состав Сербского государства, существовал и эволюционировал с момента поселения славян на Балканском полуострове и вплоть до оформления административной системы государства Неманичей. В данной связи важно подчеркнуть, что жупаны как орган местного управления не упоминаются ни в одном из памятников общегосударственного значения, в том числе и в «Законнике» Ст. Душана.

Весь рассмотренный материал показывает, что вопреки представлениям историографии XIX—начала XX в. в период с конца XII до 70-х годов XIV в. ни один из сохранившихся источников не зафиксировал случая совпадения границ жупы и управлявшейся жупаном территории. Наряду с этим источники зафиксировали ряд фактов, когда жупами на разных условиях управляли различные представители феодальной знати: князья, чельники, севасты, простые чиновники (кефалии) и т. д.

С другой стороны, источники показывают, что жупаны второй половины XIV в. в государстве Неманичей являлись крупными феодальными собственниками, владения которых были разбросаны в разных областях государства. Наряду с этим, в отдельных случаях, особенно на территории, захваченной у Византии, жупаны одновременно управляли и государственными территориями. Но пределы подвластной ему территории источники никогда не называли термином «жупа».

Таким образом, проделанный анализ показал, что у нас нет никаких оснований говорить о существовании в период XIII—XIV вв. какой-то особой «жупной организации», которая была отделена от государства и противостояла центральной власти. Следовательно, мы вправе констатировать факт, что основные положения теории «жупной организации», высказанные историками XIX—начала XX в., не соответствуют свидетельствам источников и поэтому происхождение данной теории следует искать в общих теоретических представлениях того периода, когда она разрабатывалась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный в работе материал поставил нас перед необходимостью ответить еще на один вопрос: о теоретических истоках модели политической организации южных и западных славян, основные положения которой были разработаны историографией середины XIX в.

Не имея возможности специально рассмотреть эту сложную тему, автор вынужден ограничиться изложением лишь наиболее важных результатов своих наблюдений по данному вопросу [1]. Эту часть исследования мы решили изложить в заключении, полагая, что суммарные выводы по всей работе были сделаны в гл. IV.

Как мы уже отмечали, начало систематической разработки теории «жупной организации» с привлечением материала источников относится ко второй половине 30-х — началу 40-х годов XIX в.

К этому времени исторические концепции основных направлений и школ как в западноевропейской, так и в русской историографии базировались на философской системе представлений Г. В. Ф. Гегеля [2].

[1] Подробнее см.: *В. П. Грачев.* К вопросу о жупах и жупанах. «Вопросы истории славян», вып. II. Воронеж, 1966.

[2] Современник Гегеля И. Ф. Г. Эверс, одним из первых применивший его схему к истории Руси, замечал по этому поводу в 20-х годах XIX в., что к этому времени такие представления уже не были чем-то новым, а «истина их признана почти всеми» (*И. Ф. Г. Эверс.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835, стр. 12).

Как известно, по схеме Гегеля развитие человеческого общества шло в направлении от семьи через период так называемого «гражданского общества». Однако его «историческое» развитие, согласно понятиям Гегеля, начиналось лишь с момента оформления государственности, которая возникала и развивалась независимо от внутренних процессов, происходивших в самом «гражданском обществе». Поэтому многие народы мира, как полагал Гегель, вообще могли не иметь государства. Та часть периода «гражданского общества», которая находилась «между семьей и государством»[3], в политическом отношении соответствовала периоду «патриархальных отношений», который уже вышел «за пределы связи, существующей благодаря кровному родству»[4], и представлял собой «переходное состояние, в котором семья уже размножилась до такой степени, что образовалось племя или возник народ, и поэтому взаимная связь уже перестала основываться только на любви и доверии и обратилась в связь, основанную на услугах»[5].

Процесс перехода от семьи к «гражданскому обществу», согласно схеме Гегеля, развивался по двум направлениям: с одной стороны, он представлял собой «спокойное расширение» семьи в народ, а с другой стороны — «собирание рассеянных семейных общин либо посредством принуждения властной руки, либо посредством добровольного объединения»[6]. Между тем, данный процесс механического расширения общества не имел прямой и органической связи с процессом образования и развития государственности, поскольку само государство и его строй, согласно представлениям Гегеля, были «выше того, что создается» самим обществом. Другими словами: «природа государства и его конструкции таковы же, как и природа религии»[7].

К истории славян, в частности к истории Руси, эта общая схема Гегеля, по-видимому, впервые была применена И. Эверсом уже в конце первого десятилетия XIX в.

[3] *Гегель.* Философия права. Соч., т. VII. М.—Л., 1934, стр. 211.
[4] *Гегель.* Философия истории. Соч., т. VIII. М.—Л., 1935, стр. 40—41.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же, стр. 49, 330.

Но поскольку Гегель, как философ, отказался от рассмотрения догосударственного (или, по его формулировке, «доисторического») периода, считая это делом историков, то И. Эверсу, как историку, пришлось более детально характеризовать этот период с учетом ряда положений господствовавших в то время других исторических концепций. В частности, Эверс, по всей вероятности, под влиянием концепции представителей романтического направления немецкой историографии использовал для своих целей, как основную часть, разработанную еще Мезером схему маркового устройства, связав ее с племенной организацией славян [8]. Он ввел также и понятие о «примитивных государствах» племенного типа, созданных на основе «патриархального» устройства общества. Следуя за схемой Гегеля, Эверс также считал, что развитие общества шло в направлении от семьи через период «гражданского общества» к государству [9]. В начальный период «каждый народ слагался из многих племен, племена из родов и семейств, или, иначе говоря, из небольших общественных союзов» [10]. Отдельные большие семейства или роды поселялись «*на одном известном пространстве земли*» [11] и объединялись между собой «. . .*потомком одного общего начальника племени для взаимной защиты против иноплеменников*» [12]. Но в отличие от Гегеля И. Эверс считал, что такие союзы со временем могли явиться основой для примитивных государств, которые «*суть не что иное, как соединения отдельных, бывших дотоле совершенно свободными, родов или больших семейств, под владычеством одного общественного главы*». Но в то же время он настойчиво подчеркивал, что такие государства, хоть и были «вторым шагом в постепенном образовании человеческого рода» [13], совсем не походили на государства современного типа [14]. Первые, по определению Эверса, создавались «рукою воинов» [15] и базировались на основе «патри-

[8] *Е. А. Косминский*. Историография средних веков. М., 1963, стр. 269, 316.
[9] *И. Ф. Г. Эверс*. Указ. соч., стр. 14.
[10] Там же, стр. 1.
[11] Там же, стр. 351.
[12] Там же, стр. 2.
[13] Там же, стр. 8.
[14] Там же.
[15] Там же, стр. 340.

архального устройства общества» [16], а вторые представлялись ему как «божественные учреждения» [17]. В данном случае важно подчеркнуть, что первые примитивные государства также не являлись результатом внутреннего развития общества, а были только «делом необходимости», чтобы защитить себя от нападения [18].

После образования такого государства место племенного вождя занимал глава государства — князь. Но «княжеская власть утверждалась на том же естественном основании, на каком и власть главы семейства» [19]. Между тем главы племен еще долгое время удерживали за собой часть своих прежних прав, а семейства и роды «все еще продолжали представлять в себе одно независимое целое» [20]. «Таким образом, — заключает И. Эверс, — общие правила, которые сами собой развиваются из существа общежития, и первоначальные учреждения первого общества (может быть, с некоторыми только отменами) в течение долгого времени удерживаются в своей силе» [21]. Эти старые порядки постепенно начинают отменяться законодательной властью только тогда, когда начинает «образовываться тесно соединенное во всех частях своих целое государство в собственном смысле этого слова» [22], то есть государство «современного» типа. Согласно представлениям И. Эверса, «все государства идут по этому направлению. Во всех юных державах законодательство прежде всего стремится к этой цели, и тем сильнее, чем обширнее государство» [23]. В данной связи важно подчеркнуть, что предложенная И. Эверсом схема была высказана раньше, чем началась систематическая разработка данных проблем на материале истории южных и западных славян.

Как уже отмечалось выше, большая часть русских и зарубежных (из славянских стран) историков также выделяла в развитии южных и западных славян так называемую «первичную форму политического быта», которую они видели в «жупной организации», и государственный пе-

[16] *И. Ф. Г. Эверс.* Указ. соч., стр. 10.
[17] «Очерки истории исторической науки в СССР». М., 1955, стр. 287.
[18] *И. Ф. Г. Эверс.* Указ. соч., стр. 8.
[19] Там же, стр. 355.
[20] Там же, стр. 2.
[21] Там же, стр. 11—12.
[22] Там же, 339.
[23] Там же, стр. 339—340.

риод, под которым они подразумевали государство «в собственном смысле этого слова». Так называемые «примитивные» государства, созданные на основе «патриархального устройства общества», к разряду последних не относились.

Но в то же время историки-слависты 30—40-х годов XIX в. в противовес немецкой историографии пытались доказать, что часть славянских народов (в частности, сербы, хорваты и частично чехи) создали свои «примитивные» государства без всякой посторонней помощи уже в процессе поселения славян. Более того, отдельные историки пытались даже установить определенную закономерность в развитии этих ранних государств, выделяя несколько последовательных этапов: жупанийский, княжеский, или королевский, и, в отдельных случаях, царский периоды. Однако тезис о создании таких «примитивных» государств уже в период поселения славян на территории Юго-Восточной Европы удерживался в историографии сравнительно недолго. Уже в конце 60—начале 70-х годов XIX в. стало господствующим мнение, что в первое время все славяне разделились на племена, а племенные государства у них возникли позднее, в разное время и самым различным путем.

При разработке вопросов внутренней организации славян подавляющая часть историков из разных славянских стран исходила из того, что «жупная организация» у славян по своей внешней форме мало чем отличалась от германской марковой организации, а германская марка была тождественна славянской жупе [24]. Но, с другой стороны, подавляющее большинство историков из славянских стран сосредоточило свои усилия на доказательстве того положения, что внутренняя организация славянских племен была совершенно одинаковой у всех славянских народов, поскольку в ее основе лежала единая система так называемой «жупной организации». Наличие такой организации доказывалось с помощью соответствующей методики анализа источников, которую предложили в 30—40-х годах XIX в. П. Й Шафарик и Ф. Палацкий. Основу ее составляло отождествление понятий, обозначавшихся разными терминами. Например, такие термины из источников на латинском языке, как provincia, regio, pagus,

[24] В частности, К. Иречек немецкую марку называл «немецкой жупой» (*К. Јиречек.* Историја Срба, т. II. Београд, 1952, стр. 4).

comitat и другие они переводили словом «жупа», а их значение отождествляли. Точно такой же прием использовали они и при толковании терминов castellanus, prefectus, comes и других, которые приравнивали к славянскому термину «жупан». Поскольку все перечисленные выше термины наиболее ранних источников на латинском языке встречались, как правило, у всех южных и западных славян, то из этого делался вывод, что «жупная организация» была известна всем этим народам и что она якобы зафиксирована в самых различных источниках. Не располагая более конкретным материалом для выяснения внутренней организации жуп, исследователи обычно для этих целей привлекали более поздние источники XIV—XVII вв., часто относившиеся к истории других народов, а полученные результаты распространяли на характеристику жуп в условиях VIII—X вв. Такой чисто лингвистический и формально-юридический подход к интерпретации материала источников позволял высказывать самые невероятные гипотезы. В частности, по убеждению А. Ф. Гильфердинга, наличие «жупной организации» у прибалтийских славян «несомненно утверждается производным жупан, которое сохранила нам одна поморская грамота (около 1189 г.)» [25].

Таким образом, вся система организации жуп и института жупанов у прибалтийских славян была воссоздана А. Ф. Гильфердингом на основании лишь единственного, к тому же очень неопределенного упоминания термина «жупан» в источниках.

«Жупная организация», как уже отмечалось выше, по мнению большинства исследователей середины XIX — начала XX в., не могла органически развиваться в государственную систему. В лучшем случае она была пригодна лишь для «примитивных» государств. Ликвидация этой исконной и самобытной формы политической организации происходила не под влиянием внутреннего органического процесса развития общества, а путем постоянного ее приспособления или вытеснения более совершенными государственными учреждениями, проникавшими извне вместе с немецким или византийским правом и соответствующими церковными догмами.

[25] *А. Ф. Гильфердинг.* Собр. соч., т. 4. СПб, 1874, стр. 101.

Как известно, марксистская историография при решении данных проблем руководствуется диаметрально противоположной философской системой. Историки-марксисты уже давно отвергли старые взгляды на пути возникновения и развития государственности. Но отсутствие специальных критических исследований и неразработанность вопроса о жупах и жупанах в марксистской историографии способствовали тому, что интерпретация фактического материала, изложенная в работах домарксистской историографии, стала переноситься и в работы некоторых историков-марксистов. Стремясь объяснить происхождение государственности на основе законов внутреннего развития общества, некоторые авторы по логике теоретического мышления пытались найти корни государственности в «жупной организации», а затем вывести из нее всю государственную систему. Например, еще в 1932 г. М. О. Косвен, автор статьи «Жупа», опубликованной в Большой Советской Энциклопедии, пытаясь наметить основные этапы эволюции «жупной организации», без особых отклонений воспроизвел уже знакомую нам схему старой историографии [26].

По такому же пути пошел и В. Т. Дитякин, который в 1944 г. одним из первых в советском славяноведении выступил с критикой буржуазных концепций происхождения государственности у хорватов [27]. Но наиболее наглядно противоречивость такого подхода проявилась в работе «Славяне в древности» акад. Н. С. Державина, который, отчетливо сознавая оторванность старой концепции от материала источников, в конечном итоге при-

[26] М. О. Косвен писал: «В начальном состоянии жупа представляла собой союз нескольких родов или племя, занимавшее отдельную территорию, центром которой было укрепленное городище». Затем с распадом родового строя «и расселением родовых групп по территории жупы последняя обращается в организацию, основанную лишь на территориальном единстве и состоящую из отдельных хозяйств и задруг» (БСЭ, т. 25. М., 1932, стр. 608).

[27] Признавая недостаточность разработки рассматриваемого вопроса, В. Т. Дитякин тем не менее говорил о достоверности старой схемы, считая, что «жупы были основными ячейками политической организации хорватов, которые по крайней мере до конца VIII в. управлялись родовыми старейшинами-жупанами» (*В. Дитякин*. Образование государства у хорватов. — «Исторический журнал», 1944, № 10—11, стр. 77).

знал правильность схемы К. Кадлеца [28]. Стремясь теоретически обосновать процесс эволюции «жупной организации», Н. С. Державин ссылался на положение Ф. Энгельса о возможности продолжительного существования у германцев родового строя в измененной, трансформированной форме — в виде маркового строя и считал вполне допустимым применение этого положения и к истории славян. Но, следуя по пути рассуждений Ф. Энгельса, Н. С. Державин в то же время механически заменил марковый строй «жупной организацией», полностью сохранив при этом для характеристики последней схему старой буржуазной историографии. Он писал: «Территориальная соседская община или община-марка у южных славян носила в древности название жупа, а старейшина ее — жупан» [29]. Таким образом, с помощью произвольного и искусственного приема Н. С. Державин связал две диаметрально противоположные концепции о путях общественного и государственного развития, поскольку принятая им схема «жупной организации» бесспорно представляла собой лишь одну часть общей концепции буржуазной историографии. Следовательно, в данном случае мы совершенно очевидно сталкивались с примером теоретической непоследовательности. Наряду с этим обращает на себя внимание и другая сторона вопроса. Те исследователи, которые так или иначе признали исторически достоверной охарактеризованную выше схему догосударственной политической организации славян, логикой рассуждения были поставлены перед необходимостью определять периодизацию процесса генезиса и развития государственности у каждого народа в отдельности рамками заимствованной ими схемы.

В этом мы можем наиболее наглядно убедиться на примере освещения этапов развития государственности у сербов в ряде наших учебников по истории государства и права зарубежных стран. Начиная с 1949 г. и вплоть

[28] *Н. С. Державин* писал по этому поводу: «Схема Кадлеца не вызывает в общем возражений. Но, если мы пойдем несколько дальше, если посмотрим, каким содержанием автор заполняет свою схему, мы окажемся на пустом месте», так как «картина древнеславянского общества, как она рисуется Кадлецом, имеет очень мало сходства с подлинной исторической действительностью». (*Н. С. Державин*. Славяне в древности. М., 1945, стр. 55—56).

[29] Там же, стр. 65

до настоящего времени в них утверждается, что государственность у сербов оформилась только в конце XII в., в то время как в югославской литературе эта устаревшая точка зрения была отвергнута еще в конце 40—начале 50-х годов нашего века. Более того, признав справедливой старую схему «жупной организации», З. М. Черниловский, неизменный автор соответствующих глав всех упомянутых учебников по истории государства и права, попытался найти ей обоснование с позиций исторического материализма. Он считает, что одной из причин позднего возникновения государственности у сербов явилось господство натурального хозяйства, которое «делало излишними экономические слияния одной жупы с другой» [30]. Но, встав на такой путь, З. М. Черниловский был вынужден повторить и другое положение старой концепции о сохранении «жупной организации» в условиях уже сформировавшегося государства. В частности, он признал, что новое административное деление в Сербии было введено реформой только в середине XIV в.[31]

Попытка югославского ученого Д. Янковича, автора двух учебных пособий по истории государства и права народов Югославии, отказаться от старой периодизации процесса возникновения и развития государственности у сербов, при сохранении исходных положений старой схемы «жупной организации», на наш взгляд, также оказалась неудачной, поскольку предложенное им объяснение путей эволюции «жупной организации» содержит в себе ряд внутренних противоречий и явно не соответствует материалу имеющихся в нашем распоряжении источников [32].

[30] «История государства и права», т. I. М., 1949, стр. 511.

[31] З. М. Черниловский полагает, что новое административное деление «не совпадало со старыми родо-племенными жупами» и было «реакцией против старых жуп, в которых царская власть видела угрозу единству страны» («История феодального государства и и права». М., 1959, стр. 207; «История государства и права зарубежных стран», т. I. М., 1963, стр. 542).

[32] Процесс эволюции «жупной организации» у сербов Д. Янкович представляет следующим образом: «При раннефеодальном порядке жупы остаются, но их характер полностью меняется, они больше не являются самоуправляющейся территорией отдельных племен, а становятся лишь частями государства, административно-территориальными единицами (состоящими из нескольких сел), во главе которых стоят отдельные феодалы как административно-

Основываясь на материале ранних болгарских надписей и на свидетельствах ст. 3 и 22 «Закона судного людем», где встречаются упоминания о жупанах, Д. Ангелов и М. Андреев нашли возможным утверждать, что в Болгарии в начале X в. также существовало деление на жупства, или жупы [33]. Однако следует признать, что сохранившиеся свидетельства позволяют говорить только о наличии жупанов, но вряд ли могут быть достаточными для категоричного вывода о существовании жупного деления в Болгарии, тем более что этот факт не нашел отражения ни в народной традиции, ни в болгарских топонимических материалах. В свете старой концепции трактуется этими авторами и вопрос о жупанах, за что их справедливо упрекает Ст. Лишев [34].

Все изложенное выше позволяет заключить, что предложенная буржуазой историографией середины XIX—начала XX в. схема политической организации южных и западных славян и объяснение соотношения процессов эволюции этой организации и генезиса, а также развития государственности у этих народов представляют собой логическую конструкцию, которая в лучшем случае создавалась с учетом возможной перспективы эволюции интересующих нас институтов. При этом ретроспектива воссоздавалась не столько на основе сохранившихся источников, сколько на основе и с позиций господствовавших в тот период философских и исторических теорий, которые в корне противоречат основным положениям исторического материализма. Поэтому попытки отдельных историков-марксистов, в первую очередь историков государства и права, характеризовать политическую организацию южных и западных славян в догосударственный период с привлечением старой схемы и на ее основе устанавливать периодизацию процесса возникновения и развития государственности не имеют ни теоретической, ни докумен-

судебные органы правителя. И в период развитого феодализма (после XII в.) жупы сохраняют точно такой же характер. Их самоуправляющийся характер все более исчезает» (*Д. Јанковић.* Историја државе и права феудалне Србије. Изд. 2-е. Београд, 1957, стр. 74).

[33] *Д. Ангелов, М. Андреев.* История на българската държава и право. София, 1959, стр. 90.

[34] *Ст. Лишев.* За генезиса на феодализма в България. София, 1963, стр. 167.

тальной базы. Судя по общей перспективе развития интересующих нас институтов, которая может быть построена с позиций исторического материализма, и по специфике употребления в источниках терминов «жупа» и «жупан», которыми в разных условиях и в разные хронологические периоды обозначали самые различные категории и институты, можно с достаточной уверенностью предполагать, что если «жупная организация» в какой бы то ни было форме и была раньше связана с племенной организацией славян, то хронологически эту связь следует отнести за пределы дошедшего до нас материала (то есть за пределы VIII—IX вв.). Этот факт важен в том отношении, что он в новом аспекте подтверждает выводы тех современных исследователей, которые совершенно справедливо ищут корни государственной организации у западных и южных славян (в том числе и у сербов) по крайней мере ранее IX в.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Актовый материал

Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П. И. Севастьянова. Изд. Т. Флоринский. СПб., 1880.
Български старини из Македония. Изд. Й. Иванов. София, 1931.
Грачаничка повеља. М. Павловић. «Гласник Скопског научног друштва» (далее — «ГСНД»), књ. III. Скопље, 1928.
Грчке повеље српских владара, књ. I. Изд. А. Соловјев, В. Мошин. «Зборник за историју, језик и књижевност Српске Академије наука» (далее — «Зборник ИЈК САН), књ. VII. Београд, 1936.
Дечанске хрисовуље. Изд. М. Милојевић. Гласник српског ученог друштва» (далее — «Гласник СУД»), т. II, књ. XII. Београд, 1880.
Дубровачка акта и повеље. «Зборник ИЈК САН», т. I—X. Београд, 1934—1951.
Дубровачки закони и уредбе. Изд. А. Соловјев, М. Петерковић. «Зборник ИЈК САН», т. III. Београд, 1936.
Законник Стефана Душана. Изд. Ф. Ф. Зигель. СПб., 1872; Изд. Ст. Новаковић. Београд, 1870, 1892; Изд. Н. Радојчић. Београд, 1950.
Законски споменици српских држава средњега века. Изд. Ст. Новаковић. Београд, 1912.
Закон судный людем. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961.
Канцеларски и нотарски списи 1278—1301 гг. Изд. Г. Чремошник. Београд, 1932.
Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века). Изд. А. В. Соловјев. Београд, 1926.
Писма и упутства Дубровачке републике. Изд. Ј. Тадић. Београд, 1935.
Първобългарски надписи. Изд. В. Бешевлиев. София, 1934.
Светостефански хрисовул краља Ст. Уроша II Милутина. Изд. Љ. Ковачевић. «Споменик САН», 4, 1890.
Сборник памятников по истории церковного права. Изд. В. В. Бенешевич. Пг., 1915.
Споменици српски. Изд. К. Јиречек. «Споменик САН», XI. Београд, 1892.
Споменици сръбски. Књ. I—II Изд. М. Пуцић. Београд, 1858—1862.

Стари српски записи и натписи. Изд. Љ. Стојановић. «Зборник ИЈК САН». Сремски Карловци, т. I (1902), II (1903), III (1905), IV (1923), V (1925), VI (1926).
Старе српске повеље и писма. Изд. Љ. Стојановић. «Зборник ИЈК САН», т. 1/1, 1929, 1/2, 1934.
Стари српски споменици у Јужној Србији. Изд. Р. Петковић. Београд — Земун, 1924.
Хиландарска повеља великог жупана Стефана (Првовенчаног) из године 1200—1202 гг. «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор» (далее — «Прилози КЈИФ»), књ. V, 1925.
Actes de Kutlumus. vol. I. Ed. P. Lemerle. Paris. 1946—1947.
Actes Serbes de Vatopedi. «Byzantinoslavica», 6. Praha, 1935.
Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Ed. I. Kukuljević. Zagrabiae, 1874.
Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Ed. T. Smičiklas. t. II. Zagrabiae, 1904.
Documenta histoirae chroaticae periodum antiquam illustrantia. Ed. F. Rački, «Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium» (MSHSM»), vol. VII. Zagrabiae, 1877.
Dodatki k grčkim listinam Hilandarja. Izd. V. Mošin, A. Sovre. Beograd, 1948.
Dvije naše vladarske isprave. Izd. M. Barada. Zagreb, 1938.
Gradivo za zodovino Slovencev v srednjem veku, t. I. Ljubljana, 1902.
Kotorski spomenici. Izd. A. Mayer. Dubrovnik, 1951.
Liber omnium reformationum. Izd. A. Solovjev, M. Peterković, Beograd, 1936.
Listine o odnošajih između južnoga slavenstva i mletačke republike. vol. I—III, V. Ed. S. Ljubić. Zagreb, 1868—1875.
Monumenta Ragusina. Libri reformationum, t. I—V. Edit. MSHSM, vol. XI, XIII, XXVII, XXVIII. Zagrabiae, 1879—1897.
Monumenta Serbika spectancia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. Ed. F. Miklošić. Vien, 1858.
Památky dřevního pismenictvi Jihoslovanův. Izd. P. Šafarik, Praha, 1851.
Trois inscriptions protobulgares. Ed. J. Vénédikov («Разкопки и проучавания», IV. София, 1950).
Trois chartes des souverains serbes conservées au monastère de Kutlumus (Mont Athos). Ed. A. Solovjev, P. Lemerle. Annales de l'Institut Kandakov. т. XI, 1939.
Ugovor Dubrovnika sa srpskim velikim županom Stefanom Nemanjom. Izd. V. Foretić. «Rad Jugoslovenske Akademije znanosti i umjetnosti». («Rad JAZU»), kn. 283. Zagreb, 1951.
Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia. vol. I—II. Ed. A. Theiner. Romae, 1859—1862.

Нарративные источники

Животи краљева и архиепископа српских од архиепископа Данило и други. Изд. Ђ. Даничић. Загреб, 1866.
Живот св. Симеона и св. Савы, написао Доментијан. Изд. Ђ. Даничић. Београд, 1865.

Житије Симеона Немање от Ст. Првовенчаног. Изд. В. Ћоровић. «Светосавски зборник», т. II. Београд, 1939.
Летопис попа Дукљанина. Изд. Ф. Шишић. Београд—Загреб, 1928; Изд. V. Mošin. Zagreb, 1950; изд. С. Мијушковић. Титоград, 1967.
Списи светог Саве и Стевана Првовенчанога. Превео Л. Мирковић. Београд, 1939.
Старе српске биографије. Превео М. Башић. Београд, 1924—1936.
Теодора Метохита посланице. Превео М. Апостоловић. «Летопис Матице Српске», књ. 216. Београд, 1902.
Типик, или Устав од св. Саве првог архиепископа, написан за манастир Хиландар. Београд, 1866.
Anonymi discripto Europae orientalis, imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonis, Bohemia anno MCCCVIII. Ed. O. Gorka, 1916. «Prilozi za KJIF», 4, 1924.
Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949. «Византиски извори за историју народа Југославије», т. II. Београд, 1959.
Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaiser Fridrichs I. Ed. Chroust. «Monumenta Germaniae historica». SS, Berlin, 1928.
Toma Arhidakon. Kronika. Split, 1960.

Литература

Маркс К. Капитал, т. 3. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 25, ч. II (2-е изд.). М., 1962.
Маркс К. Капитал, т. 1. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 23 (2-е изд.). М., 1960.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 21. М., 1961.
Энгельс Ф. Феодальный период. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 19. М., 1961.
Ангелов Д., Андреев М. История на българската държава и право. София, 1955.
Андреев М. Является ли «Закон судный людем» древнеболгарским юридическим памятником? «Славянский архив», вып. I. М., 1959.
Алимпић Д. Управне власти у старој српској царевини. Београд, 1921.
Алексић Јов. Жупе у сливу реке Ибра у средњовековној српској државн. «Историски часопис», књ. VII, 1957.
Алексић Јов. Жупе у поречју и сливу реке Ибра у средњовековној српској држави. «Гласник САН», књ. VIII, св. I. Београд, 1956.
Банашевић. Летописци о пореклу Немањића. «Прилози КИЈФ». књ. XXI, св. 1—2. Београд, 1955.
Божић Иван. О положају Зете у држави Немањића. «Историски гласник», № 1—2. Београд, 1950.
Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964.
Бромлей Ю. В. К вопросу о сохранении семейных общин в Далматинской Хорватии XI в. «Проблемы общественно-политической

истории России и славянских стран (Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова)». М., 1963.
Венелин Ю. И. Историко-критические изыскания, т. 1—2. М., 1841.
Весовик-Вангелиħ. Самостојните феудални владетели во Македонија. (Добромир Хрис и Добромир Стрез). Скопје, 1963.
Гегель. Философия права. Соч., т. VII. М.—Л., 1934.
Гегель. Философия истории. Соч., т. VIII. М.—Л., 1935.
Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. Собр. соч., т. 4. СПб., 1874.
Гильфердинг А. Ф. История сербов и болгар. Собр. соч., т. I. М., 1868.
Готье. Образование Сербского государства. «Славянский сборник». М., 1947.
Грачев В. П. Из истории изучения славянских средневековых институтов. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. 29. М., 1965.
Грачев В. П. К вопросу о жупах и жупанах. «Вопросы истории славян», вып. II. Воронеж, 1966.
Грачев В. П. Термины «жупа» и «жупан» в сербских источниках XII—XIV вв. и трактовка их в историографии. Сб. «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967.
Грачев В. П. «Жупная организация» у славян и ее роль в развитии государственности. Сб. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации». М., 1968, стр. 149—167.
Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.
Грот К. «Падение земского строя в Чешском государстве (X—XIII)» А. Н. Ясинского. Критический отзыв. СПб., 1899.
Грујић Р. Лична властелинства српских црквених претставника у XIV и XV веку. ГСНД, 13. Скопље, 1934.
Грујић Р. Епархиска властелинства у средњовековној Србији. «Богословље», 7. 1930.
Грујић Р. Властелинство у Светога Ђорђа код Скопља, ГСНД, 1. 1925.
Грујић Р. Конавли под разним господарима од XII до XV в. «Споменик Српске Академије Наука», LXVI (52). Земун, 1926.
Грујић Р. Протосеваст Прибо, властелин у скопској области прве половине XIII в. ГСНД, 12. Скопље, 1933.
Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских, т. I—III. Београд, 1863—1864.
Державин Н. С. Славяне в древности. М., 1945.
Дероко А. Средњовековни градове у Србији, Црној Гори и Македонији. Београд, 1950.
Динић Михајло. Област краља Драгутина после Дежева. «Глас САН», књ. CCIII (1). Београд, 1952.
Динић Мих. Однос краља Милутина и Драгутина. «Гласник САН», књ. VI, св. 1. Београд, 1954.
Динић Мих. Однос између краља Милутина и Драгутина. «Зборник Радова Византинолошког института», књ. 3. Београд, 1955.
Динић Мих. Српска владарска титула за време Царства. «Зборник радова Византинолошког института», књ. 5. Београд, 1958.

Динић Мих. Растислалићи. «Зборник Радова Византинолошког института», књ. 2. Београд, 1953.
Динић Мих. Дубровачки трибути. «Глас САН», CLXVIII (86). Београд, 1935.
Динић Мих. Област централне Србије у средњем веку. «Археолошки споменици и налазишта у Србије», т. II. Београд, 1954.
Динић Мих. Област Бранковића. «Прилози КИЈФ», књ. XXVI, св. 1—2. Београд, 1960.
Динић Мих. Доментијан и Теодосије. «Прилози КИЈФ», књ. XXV, св. 1—2. Београд, 1959.
Динић Мих. О Николи Алтомановићу. Београд, 1932.
Динић Мих. Један прилог за историју Грбља. «Прилози КИЈФ», 17. Београд, 1937.
Динић Мих. Земље херцога светог Саве. «Глас САН», CLXXXII (92), књ. 7. Београд, 1940.
Динић Мих. Comes Constantinus. «Зборник радова Византолошког института», 7. Београд, 1961.
Динић Мих. Хумско — требињска властела. Београд, 1967.
Динић М. Три повеље из исписа Ивана Лучића. «Зборник филозофског факултета», књ. III. Београд, 1955.
Дитякин В. Т. Образование государства у хорватов. «Исторический журнал», 1944, № 10—11.
Дучић Н. Врањина у Зети и хрисовуље на Цетињу. «Гласник СУД», 27. Београд, 1870.
Ердељановић. Стара Црна Гора. Етничка прошлост и формирање црногорских племена. «Српски етнички зборник», XXXIX. Београд, 1936.
Ефремов Е. А. Патронимия у хорватов в XI — первой четверти XII в. «Уч. зап. Великолукского гос. пед. ин-та», вып. 22. (Славянский сборник), 1968.
Зигель Ф. Ф. Исторический очерк местного земского самоуправления в Чехии и Польше. СПб., 1883.
Златарски В. Анебертовият «жупан» или «сатрап на България» не е бил Добромир Хриз. «Годишник на Софийския Университет» (ист.-фил. фак.), 28, 1933.
Иванов Й. Сѣверна Македония. Исторически издирваня. София, 1906.
Ивић А. Грађа за српску историјску географију. Српске области и жупе од XII до XIV в. «Гласник географског друштва», 7/8. Београд, 1922.
Ивановић Р. Дечанско властелинство. «Историски часопис», књ. IV. Београд, 1953—1954.
Ивановић Р. Средњовековни баштински поседи хумског епархиског властелинства. «Историски часопис», књ. IX—X. Београд, 1960.
Ивановић Р. О насељима Хумског властелинства. «Гласник САН», књ. VIII, св. 2. Београд, 1957.
Ивановић Р. Земљишни поседи грачаничког властелинства. «Историски часопис», књ. XI (1960). Београд, 1961.
Ивановић Р. Властелинство манастира св. Арханђела код Призрена.

«Историски часопис», књ. VII. Београд, 1957; књ. VIII. Београд, 1959.
Именик места ФНРЈ. Београд, 1951.
История государства и права зарубежных стран, т. I. М., 1968.
История государства и права, т. I. М., 1949.
История феодального государства и права. М., 1959.
История Югославии, т. I. М., 1963.
История Црне Горе, т. I. Титоград, 1967.
Јанковић Д. Историја државе и права феудалне Србије (XII—XIV в.). Београд, 1953, 1957.
Јанковић Д. Значај Душановог Законика. «Историски гласник». 3, 1949.
Јастребов Ив. Препис хрисовуља на Цетињу о монастиру св. Николе на Врањини. «Гласник СУД», књ. 47. Београд, 1880.
Јиречек К. Историја Срба, т. I—II. Београд, 1952.
Јиречек К. Тољен син кнеза Мирослава Хумског. «Гласник САН», 35. Београд, 1892; «Зборник К. Јиречека», т. I, 1959.
Јиречек К. Српски цар Урош. «Зборник К. Јиречека», т. I. Београд, 1959.
Јиречек К. Трговачки путеви и рудници Србије и Босне у средњем вијеку. «Зборник К. Јиречека», т. I. Београд, 1959.
Јовићевић А. Плавско-Гусињска област. «Насеље», X. Београд, 1921.
Каджан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958.
Ковачевић Љ. Трг Брсково и жупе Брсковска и Љубовиђска. «Глас СКА», XXX. Београд, 1891.
Ковачевић Љ. Неколико питања о Стефану Немањe. «Глас САН», LVIII. Београд, 1900.
Кос М. Историја Словенаца. Београд, 1960.
Косминский Е. А. Историография средних веков. М., 1963.
Качановский В. Сербские жития и летописи как источник для истории южных славян в XIV и XV веках. «Славянский сборник». кн. III, 1876.
Крстић Н. Историја србског народа. Београд, 1863—1864, 1866, (2-е изд.).
Крстић Н. Разматрања о старим србским правама. «Гласник Друштва Србске словесности», св. IX. Београд, 1857.
Лапчевић Д. Четири жупе. Прилози за испитивање. «Гласник географског друштва», књ. 7/8. Београд, 1922.
Левченко М. В. История Византии. М.—Л., 1940.
Лишев Ст. За генезиса на феодализма в България. София, 1963.
Лутовац М. Беране. «Гласник српског географског друштва», № 13. Београд, 1927.
Марковић В. Православно монаштво и манастири у средњовековној Србији. Београд, 1920.
Мијушковић Ј. Хумска властеоска породица Санковићи. «Историски часопис», књ. XI (1960). Београд, 1961.
Милюков Н. П. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898.
Мошин В. Акти из светогорских архива. «Споменик СКА», 91. Београд, 1939.

Мошин В. Византиски утицај у Србији у XIV в. «Југословенски историски часопис», 3. Београд, 1937.
Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964.
Нидерле Л. Славянские древности. (Пер. с чешского Т. Ковалевой и М. Хазанова), М., 1956.
Новаковић Р. Кад се родио и кад је почео да влада Ст. Немања. «Историски гласник», књ. 3—4. Београд, 1958.
Новаковић Ст. Прилеп у првој поли XIV в. «Глас САН», LXXX. Београд, 1909.
Новаковић Ст. Ново Брдо и врањско Поморавље у историји српској XIV—XV вв. Београд, 1879.
Новаковић Ст. Земљиште радње Немањине. Београд, 1877.
Новаковић Ст. Српске области X и XII вв. Београд, 1880.
Новаковић Ст. Град Вишесав и видинска област. Београд, 1883.
Новаковић Ст. Струмска област у XIV в. и цар Душан. Београд. 1893.
Новаковић Ст. Неколико тежа питања српске историје. «Годишњица Николе Чупића», кн. 32. Београд, 1913.
Новаковић Ст. Средњовековна Србија и римско право. «Архив за правне и друштвене науке», књ. 1—3. Београд, 1906.
Новаковић Ст. Византијски чинови и титуле у српским земљама XI—XV вв. «Глас САН», LXXVIII (47). Београд, 1908.
О суждение вопроса о генезисе феодализма в России и о возникновении древнерусского государства. «Вопросы истории», 1956, № 3.
Острогорски Г. Византиске катастарске књиге. «Историско-правни зборник», књ. 2. Сарајево, 1949.
Острогорски Г. Порфирогенитова хроника српских владара њени хронолошки подаци. «Историски часопис», г. I, бр. 1—2 (1948). Београд, 1949.
Острогорски Г. Автократор и самодржац. Прилог за историју владалачке титулатуре у Византији и у јужних словена. «Глас САН», CLXIV (84). Београд, 1935.
Острогорски Г. Историја Византије. Београд, 1959.
Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955.
Пашуто В. Т. Очерки Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
Поповић В. Историја Југославена. Сарајево, 1920.
Поповић П. Доментиан. «Прилози КИЈФ», св. XXV, књ. 3—4. Београд, 1959.
Пурковић М. Попис села у средњовековној Србији. «Гласник скопског филозофског факултета», т. IV, књ. 2. Скопље, 1940.
Пурковић М. Авињенске папе и српске земље. Авлона, 1934.
Радојичић Ђорђе. Сп. О старом српском књижевнику Теодосију. «Историски часопис», № 4. Београд, 1952.
Радојичић Ђ. Сп. Грдеша (Грд), требињски жупан XII в. «Прилози за КИЈФ», кн. XI. Београд, 1931.
Радојичић Ђ. Сп. Данилов ученик и Данило млађи. «Прилози за КИЈФ», књ. XXV, св. 1—2. Београд, 1959.
Радојичић Ђ. Сп. Доба постанка и развоја старих српских родослова «Историски гласник», № 2, 1958.
Радојичић Ђ. Сп. Завида, отац хумског кнеза Мирослава. «Гласник САН», књ. VII, св. 1. Београд, 1956.

Радојчић Н. Ст. Новаковић као научњак. «Просветни гласник», VIII, 1942.
Радојчић Н. Друштвено и државно уређење код Срба у раном средњем веку. ГСНД, XV. Скопље, 1935.
Радојчић Н. Друштвено и државно уређење Србије у доба Немањића. «Летопис Матице Српске», књ. 341. Нови Сад, 1934.
Радојчић Н. Српски државни сабори у средњем веку. Београд, 1940.
Радојчић Н. Кроника попа Дукљанина. (Поводом расправе Н. Ровинского и Ст. Станојевића о овом извору). «Прилози КЈИФ», VII, 1927.
Радојчић Н. Два Теодосија Хиландарца. «Глас САН», CCXVIII (4). Београд, 1956.
Радојчић Н. Судије и закон у средњевековној Србији и у Угарској. Прилог проучавању државног типа средњевековне Србије. «Летопис Матице Српске», 305. Нови Сад, 1925.
Радојчић Н. Властел у Закону градском Помоканона св. Саве. «Глас САН», CXCIII, 96. Београд, 1949.
Радојчић Н. Развитак српске државе у средњем веку. «Просветни гласник», књ. VIII. Београд, 1942.
Радојчић Н. Дух и смисао српске историје. «Службени лист Српске православне цркве», књ. XXXV. Београд, 1954.
Радојчић Н. Српска историја Мавра Орбинија. Београд, 1956.
Радојчић Н. Око Душанова Законика. Душанов Законик по студеничком рукопису. «Историски часопис», II. Београд, 1949—1950, 1951.
Радојчић Н. Око Душанова Законика. Препис Закона цара Константина и Јустинијана и Душанов Законик, у библиотеци Ватрослава Јагића. «Историски часопис», III (1931—1952). Београд, 1952.
Радојчић Н. Српски историчар Јован Рајић. Београд, 1952.
Радојчић Н. Теодисиеви погледи на друштвено и државно уређење Србије. «Razprave znanstvenoga društva za humanističke vede», 9, hist. odsek, 2. Ljubljana, 1931.
Радојчић Н. О српским државним саборима за првих Немањића. «Шишићев зборник». Београд, 1929.
Радонић Ј. О деспоту Јовану Оливеру и његовој жени Ани Марији. «Глас САН», XCIV. Београд, 1914.
Радонић Ј. Биографија и аутобиографија краља Милутина. «Летопис Матице Српске», 183. Нови Сад, 1895.
Радонић Ј. Наши деспоти током векова. «Глас САН», LCXIX (5). Београд, 1956.
Раич Ив. История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов, т. 1—2. Вена, 1794.
Речник места краљевства СХС, т. II. Београд, 1925.
Розанов С. П. Источники, время составления и личность составителя феодосиевой редакции жития Саввы сербского. «Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», т. XVI, 1, 1911.
Руварац Ил. Вукан најстарији син Ст. Немање и Вукановићи. «Годишњица Николе Чупића», 10. Београд, 1888.
Синдинк И. Комунално уређење Котора од друге половине XII до почетка XV стољећа. Београд, 1950.
Синдик И. Дубровник и околина. «Насеља», књ. 23. Београд, 1926.

Dümler E. Über das älteste Geschichte der Slaven im Dalmatien. Wien, 1856.
Đurđev B. Iz istorije Crne Gore, brdskih malisorskih plemena. «Radovi naučkog društva NR Bosne i Hercegovine», kn. II. Sarajevo, 1954.
Grafenauer B. Hrvati u Karantaniji. «Historijski Zbornik», kn. XI—XII. Zagreb, 1958—1959.
Engel J. Geschichte Ungarns. Halle, 1789.
Hauptmann L. Staroslovenska družba in obred na knežjem kamenu. «Dela Slovenske Akademije Znanosti i Imetnosti», 10. Ljubljana, 1954.
Historija naroda Jugoslavije, t. I. Zagreb, 1953.
Ivković Milka. Ustanova «mladog kralja» u srednjovekovnoj Srbiji. «Историски гласник», књ, 3-4. Београд, 1957.
Janko J. O stycihc starých slavanů s turkotatary a Germany. «Wěstnik Česke Akademie», f. 100. Praha, 1908.
Janković D. Istorija države i prava naroda FNRJ. Beograd, 1947, 1952 (izd. 3e).
Jireček C. Ceschichte der Serben. Gotha, 1911.
Jireček C. Die Handelsstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien während des Mittelaters. Praha, 1879; «Зборник К. Јиречека», т. I. Београд, 1959.
Jireček K. Scutari und sein Gebiet im Mittelalter. «Illirisch albanische Forschungen», 1. München—Leipzig, 1916.
Jireeek C. Die Edelleute von Hum auf der Inschrift in Velicani. Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und Hercegovina. III. Wien, 1895. «Зборник К. Јиречека», т. I. Београд, 1959.
Jireček H. Slovanské pravo v Čechach a na Moravě. Praha, 1863.
Kadlec K. Introduction à l'étude comparative de l'histoire du droit public de peuples Slaves. Paris, 1933.
Kadlec K. O politycznym ustroju słowian. «Początki kultury słowiańskiej», t. IV, z. 2. Krakow, 1912.
Klaić N. Postanak plemstva «dvanadesetero plemena kraljevine hrvatske». «Historijski Zbornik», XI—XII. Zagreb, 1958—1959.
Klaić V. Slavonija od X до XIII vjeka. Zagreb, 1882.
Klaić V. Povjest Hrvata, t. II, z. 2. Zagreb, 1904.
Klaić V. Hrvati i Hrvatska. Zagreb, 1890.
Klaić V. Poviest Bosne. Zagreb, 1882.
Klaić V. Crtice iz hrvatske prošlosti. Zagreb, 1928.
Kostrenčić M. Nacrt historije hrvatske države i hrvatskog prava. Zagreb, 1956.
Krček Fr. Teorija Peiskera o niewoli prasłowiańskiej w świetle krytyki. Lemberg, 1909.
Lemerle P. Philippes et la Mécédoine. Orientale à l'époque chrétienne et byzantine «Recherches d'histoire d'archéologie», f. 158, Paris. 1945.
Mandić O. Bratstvo u ranosrednjovekovnoj Hrvatskoj. «Historijski Zbornik», V, kn. 3—4. Zagreb, 1952.
Mandić O. «Pacta conventa» i «dvanaest» hrvatskih bratstava. «Historijski Zbornik», XI—XII. Zagreb, 1958—1959.
Medini M. Kako je postao Ljetopis popa Dukljanina. «Rad JAZU». kn. 273. Zagreb, 1942.
Mladenovitch M. Le Caractère de l'état Serbe au Moyen Age. Paris. 1930.

Mošin V. Filigranologija kao opomoćna historijska nauka. Beograd, 1954.
Niederle L. Nova Peiskerova hypothesa o socialním stavu starích slowanů. Narodopísný věstnik českoslovánski. t. I. Praha, 1906.
Niederle L. Peiskers neue Grundlagen der slawischen Altertumskunde. Archiv f. slawische Philologie, Bd. 31. H. 4. Berlin, 1910.
Novotny V. Česke dějiny, t. I, c. 1. Praha, 1912.
Palacky F. Dějiny naroda českého v Čechach a v Moravě, t. I. Praha, 1939.
Peisker J. Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. Berlin—Leipzig, 1905.
Vl. Procházka. Župa a župan. «Slavia Antiqua», t. XV. Warszawa—Poznań, 1968.
Rački F. Nacrt jugoslavenskih povjestij do IX vjeka. «Archiv za povjestnicu jugoslavensku», IV. Zagreb, 1857.
Rački F. Kada i kako se preobrazi hrvatska kneževina u kraljevinu. «Rad Jugoslavenske Akademije Znanosti u Umjetnosti», XVII, 1871.
Rački F. Borba jižnih slovena za državnu neodvisnost. Beograd, 1931. Работа впервые опубликована в журнале «Rad JAZU», 24. Zagreb, 1872.
Rački F. Hrvatska prije XII v. «Rad JAZU» 56—57. Zagreb, 1880—1881.
Rački F. Nutarnje stanije Hrvatske prije XII st. «Rad. JAZU», 70. Zagreb, 1884; 79. Zagreb, 1886; 91. Zagreb, 1889; 99. Zagreb, 1891; 105. Zagreb, 1893.
Radojičić Đ. Sp. La date de la conversion des Serbes. «Byzantion», 22. Bruxelles, 1952.
Radojčić N. Uređenje stare srpske države. Misel in delo, V. Ljubljana, 1939.
Solovjev A. Svedočanstva pravoslavnih izvora. Godišnjak Bosne i Hercegovine, g. V. Sarajevo, 1953.
Stjepčević Ivo. Kotor i Grbalj. Split, 1941.
Sabanović H. Bosanski pašaluk. Sarajevo, 1959.
Šišić F. Povjest Hrvata u doba narodnih vldara. Zagreb, 1925.
Šišić F. Povjest Hrvata za Kraljeva iz doma Arpadoviča (1102—1304), t. I. Zagreb, 1944.
Šembera A. O utoku Kunrata Znojunského na biskupa Jindřicha Zdika. Časopis Českeho muzeya. Praha, 1875.
Trpković V. Oko «ustupanja» Stona i Pelješca dubrovčanima (1326—1333). «Istorijski glasnik», kn. I. Beograd, 1963.
Vaněček V. Vnitřni organisace Čech a Moravy v době přemyslovske. «Vestnik Česke Academie Ved a uměni», r. LI, c. 1. Praha, 1942.
Vaněček V. Prvich tisič let. . . Praha, 1949.
Vrana J. Isprave zahumskih vladara iz XI i XIII st. O Babinom polju na otoku Mljetu. «Historijski zbornik», 1—4. Zagreb, 1960.
Vukmanović J. Geografski pregled Crmnice. Cetinje, 1951.
Vego M. Povjest humske zemlje (Hercegovine), kn. I. Samobor, 1937.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Виктор Петрович Грачев

Сербская государственность в X—XIV вв.
(критика теории «жупной организации»)

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР

Редактор *Г. А. Нечаев.* Редактор издательства *Г. В. Шелудько*

Художественный редактор *В. Н. Тикунов.* Художник *А. В. Коврижкин* и
Технический редактор *В. В. Волкова Л. В. Каскова*

Сдано в набор 3/IV 1972 г. Подписано к печати 29/VI 1972 г. Формат 84×10
Усл. печ. л. 17,43. Уч.-изд. л. 17.6. Тираж 1200. Бумага № 2. Тип. зак. 1
Т-09751. Цена *1 р. 29 коп.*

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, 199034, 9-я лин., д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Строка	*Напечатано*	*Должно быть*
5 сн.	А. И. Ясинский Župa a župan, str. 480.	*А. Н. Ясинский.* Падение земского строя. . ., стр. 180.
6 сн.	*Vl. Prochazka.* Typologicky . . .	*Vl. Prochazka.* Župa a župan
4 сн.	жупанами	жупаниями
3 сн.	Там же	*O. Mandić.* «Pacta conventa. . .»
2 сн.	Там же	*O. Mandić.* Bratstvo. . .
1 сн.	Там же	*N. Klaić.* Указ. соч.
19 сн.	(981)	(931)
5 сн.	Там же, стр. 192.	Там же, стр. 183.
1 сн.	Там же, стр. 189—190.	Там же, стр. 186.
3 сн.	стр. 129.	стр. 192—193.
2 сн.	стр. 358.	стр. 16.
10 сн.	1320 г.	1330 г.
8 сн.	Там же	«Законски споменици. . .»
7 сн.	*М. Динић.* Земље . . .	*М. Динић.* Дубровачки трибути. . .
12 св.	северо-западных	западных
3 сн.	54,180	61,
2 сн.	ему	им

. *Грачев.* Сербская государственность в X—XIV вв.

Виктор Петрович Грачев

Сербская государственность в X—XIV вв.
(критика теории «жупной организации»)

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР

Редактор *Г. А. Нечаев*. Редактор издательства *Г. В. Шелудько*

Художественный редактор *В. Н. Тикунов*. Художник *А. В. Коврижкин*
Технический редактор *В. В. Волкова Л. В. Каскова*

Сдано в набор 3/IV 1972 г. Подписано к печати 29/VI 1972 г. Формат 84×108[illegible]
Усл. печ. л. 17,43. Уч.-изд. л. 17.6. Тираж 1200. Бумага № 2. Тип. зак. [illegible]
Т-09751. Цена *1 р. 29 коп.*

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, 199034, 9-я лин., д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Строка	*Напечатано*	*Должно быть*
5 сн.	А. И. Ясинский Župa a župan, str. 480.	*А. И. Ясинский.* Падение земского строя. . ., стр. 180.
6 сн.	*Vl. Prochazka.* Typologicky . . .	*Vl. Prochazka.* Župa a župan
4 сн.	жупанами	жупаниями
3 сн.	Там же	*O. Mandić.* «Pacta conventa. . .»
2 сн.	Там же	*O. Mandić.* Bratstvo. . .
1 сн.	Там же	*N. Klaić.* Указ. соч.
19 сн.	(981)	(931)
5 сн.	Там же, стр. 192.	Там же, стр. 183.
1 сн.	Там же, стр. 189—190.	Там же, стр. 186.
3 сн.	стр. 129.	стр. 192—193.
2 сн.	стр. 358.	стр. 16.
10 сн.	1320 г.	1330 г.
8 сн.	Там же	«Законски споменици. . .»
7 сн.	*М. Динић.* Земље . . .	*М. Динић.* Дубровачки трибути. . .
12 св.	северо-западных	западных
3 сн.	54,180	61,
2 сн.	ему	им

Грачев. Сербская государственность в X—XIV вв.

Виктор Петрович Грачев

Сербская государственность в X—XIV вв.
(критика теории «жупной организации»)

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР

Редактор *Г. А. Нечаев*. Редактор издательства *Г. В. Шелудько*

Художественный редактор *В. Н. Тикунов*. Художник *А. В. Коврижк*
Технический редактор *В. В. Волкова Л. В. Каскова*

Сдано в набор 3/IV 1972 г. Подписано к печати 29/VI 1972 г. Формат 84×
Усл. печ. л. 17,43. Уч.-изд. л. 17.6. Тираж 1200. Бумага № 2. Тип. зак
Т-09751. Цена *1 р. 29 коп.*

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, 199034, 9-я лин., д.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
14	5 сн.	А. И. Ясинский Župa a župan, str. 480.	*А. Н. Ясинский.* Падение земского строя..., стр. 180.
24	6 сн.	*Vl. Prochazka.* Typologicky ...	*Vl. Prochazka.* Župa a župan
41	4 сн.	жупанами	жупаниями
46	3 сн.	Там же	*O. Mandić.* «Pacta conventa...»
46	2 сн.	Там же	*O. Mandić.* Bratstvo...
46	1 сн.	Там же	*N. Klaić.* Указ. соч.
57	19 сн.	(981)	(931)
59	5 сн.	Там же, стр. 192.	Там же, стр. 183.
59	1 сн.	Там же, стр. 189—190.	Там же, стр. 186.
60	3 сн.	стр. 129.	стр. 192—193.
62	2 сн.	стр. 358.	стр. 16.
97	10 сн.	1320 г.	1330 г.
105	8 сн.	Там же	«Законски споменици...»
105	7 сн.	*М. Динић.* Земље ...	*М. Динић.* Дубровачки трибути...
249	12 св.	северо-западных	западных
260	3 сн.	54,180	61,
301	2 сн.	ему	им

